СОЧИНЕНІЯ

ГЮИ ДЕ МОПАССАНА

ИЗБРАННЫЯ

ЛЬВОМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ ТОЛСТЫМЪ.

ПЕРЕВОДЪ М. А. ЛАЗАРЕВОЙ.

Съ портретомъ Мопассана и приложеніемъ краткой его біографіи.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвер. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,

Пименовская ул., собств. домъ.

1894.

СОЧИНЕНІЯ

ГЮИ ДЕ МОПАССАНА

ИЗБРАННЫЯ

ЛЬВОМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ ТОЛСТЫМЪ.

Переводъ М. А. Лазаревой.

МОСКВА.

Типо-лит. Высоч. утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко,

Пименовская улица, собств. домъ.

1894.

Изъ всѣхъ сочиненій Гюи де-Мопассана выбраны мною, для изданія ихъ въ русскомъ переводѣ, слѣдующіе лучшіе, по моему мнѣнію, романы, повѣсти и разсказы.

Левъ Толстой.

1893 г. 20 января.

Статья Льва Николаевича Толстого о произведеніяхъ Мопассана.

Кажется въ 1881 году Тургеневъ въ бытность свою у меня досталъ изъ своего чемодана французскую книжечку подъ заглавіемъ Maison Tellier и далъ мнѣ.

„Прочтите какъ-нибудь", сказалъ онъ, какъ будто небрежно, точно также, какъ онъ за годъ передъ этимъ далъ мнѣ книжку „Русскаго Богатства", въ которой была статья начинающаго Гаршина. Очевидно, какъ и по отношенію къ Гаршину, такъ и теперь онъ боялся въ ту или другую сторону повліять на меня и хотѣлъ знать ничѣмъ не подготовленное мое мнѣніе.

„Это молодой французскій писатель, сказалъ онъ, посмотрите — недурно; онъ васъ знаетъ и очень цѣнитъ, прибавилъ онъ, какъ бы желая задобрить меня. Онъ, какъ человѣкъ, напоминаетъ мнѣ Дружинина. Такой же, какъ и Дружининъ, прекрасный сынъ, прекрасный другъ, un homme d'un commerce sûr, и кромѣ того онъ имѣетъ сношенія съ рабочими, руководитъ ими, помогаетъ имъ. Даже и своимъ отношеніемъ къ женщинамъ онъ напоминаетъ Дружинина". И Тургеневъ разсказалъ мнѣ нѣчто удивительное и неимовѣрное о поступкахъ Мопассана въ этомъ отношеніи.

Время это, 1881 годъ, было для меня самымъ горячимъ временемъ внутренней перестройки всего моего міросозерцанія, и въ перестройкѣ этой та дѣятельность, которая называется художественной, и которой я прежде отдавалъ всѣ свои силы, не только потеряла для меня прежде приписываемую ей важность, но стала прямо непріятна мнѣ по тому несвойственному мѣсту, которое она занимала въ моей жизни и занимаетъ вообще въ понятіяхъ людей богатыхъ классовъ.

И потому, въ то время меня совершенно не интересовали такія произведенія какъ то, которое мнѣ рекомендовалъ Тургеневъ. Но, чтобы сдѣлать ему удовольствіе, я прочелъ переданную имъ мнѣ книжку.

По первому же разсказу: Maison Tellier, несмотря на неприличный и ничтожный сюжетъ разсказа, я не могъ не увидать въ авторѣ того, что называется талантомъ.

---

*) *Статья эта въ видѣ предисловія первоначально помѣщена при романѣ Мопассана Монтъ-Оріоль. Мы помѣстили ее здѣсь на основаніи разрѣшенія Л. Н. Толстого, даннаго имъ всѣмъ желающимъ перепечатывать его произведенія новѣйшаго происхожденія.*

Авторъ обладалъ тѣмъ особеннымъ, называемымъ талантомъ, даромъ, который состоитъ въ способности усиленнаго напряженнаго вниманія, смотря по вкусамъ автора, направляемаго на тотъ или другой предметъ, вслѣдствіе котораго человѣкъ, одаренный этой способностью, видитъ въ тѣхъ предметахъ, на которые онъ направляетъ свое вниманіе, нѣчто новое, такое, чего не видятъ другіе. Этимъ то даромъ, видѣть въ предметахъ то, чего не видятъ другіе, очевидно обладалъ Мопассанъ. Но судя по тому томику, который я прочелъ, онъ, къ сожалѣнію, былъ лишенъ главнаго изъ трехъ, кромѣ таланта, необходимыхъ условій для истиннаго художественнаго произведенія. Изъ этихъ трехъ условій: 1) правильнаго, т. е. нравственнаго отношенія автора къ предмету, 2) ясности изложенія или красоты формы, что одно и тоже, и 3) искренности, т. е. непритворнаго чувства любви или ненависти къ тому, что изображаетъ художникъ; изъ этихъ трехъ условій Мопассанъ обладалъ только двумя послѣдними и былъ совершенно лишенъ перваго. Онъ не имѣлъ правильнаго, т. е. нравственнаго отношенія къ описываемымъ предметамъ. Судя по тому, что я прочелъ, я убѣдился, что Мопассанъ обладалъ талантомъ, т. е. даромъ вниманія, открывающимъ ему въ предметахъ и явленіяхъ жизни тѣ свойства ихъ, которыя не видны другимъ людямъ; обладалъ тоже прекрасной формой, т. е. выражалъ ясно, просто и красиво то, что хотѣлъ сказать, обладалъ и тѣмъ условіемъ достоинства художественнаго произведенія, безъ котораго художественное произведеніе не производитъ дѣйствія — искренностью; т. е. не притворялся, что любитъ или ненавидѣтъ, а точно любилъ и ненавидѣлъ то, что описывалъ. Но, къ сожалѣнію, будучи лишенъ перваго, едва ли не главнаго условія достоинства художественнаго произведенія, правильнаго нравственнаго отношенія къ тому, что онъ изображалъ, т. е. знанія различія между добромъ и зломъ, онъ любилъ и изображалъ то, чего не надо было любить и изображать, и не любилъ, и не изображалъ того, что надо было любить и изображать. Такъ въ этомъ томикѣ авторъ описывалъ съ большою подробностью и любовью то, какъ женщины соблазняютъ мужчинъ и мужчины женщинъ, даже какія-то трудно понимаемыя пакости, которыя изображены въ La femme de Paul, и не только съ равнодушіемъ, но съ презрѣніемъ, какъ животныхъ, описывалъ рабочій деревенскій народъ.

Въ особенности поразителенъ былъ этимъ незнаніемъ различія между добромъ и зломъ разсказъ Une partie de campagne, въ которомъ представляется въ видѣ самой милой и забавной шутки подробное описаніе того, какъ два катавшіеся въ лодкѣ съ голыми руками господина одновременно соблазнили одинъ старую мать, а другой молодую дѣвушку, ея дочь.

Сочувствіе автора, очевидно, все время до такой степени на сторонѣ этихъ двухъ негодяевъ, что онъ не то что игнорируетъ, но прямо не видитъ того, что должны были перечувствовать соблазненныя мать, дѣвушка дочь, отецъ и молодой человѣкъ, очевидно женихъ дочери, и потому получается не только возмутительное описаніе отвратительнаго преступленія въ видѣ забавной шутки, но и самое событіе описано ложно, потому что описана только одна самая ничтожная сторона предмета: удовольствіе, полученное негодяями.

Въ этомъ же томикѣ есть разсказъ Histoire d'une fille de ferme, который Тургеневъ особенно рекомендовалъ мнѣ, и который особенно не понравился мнѣ также по неправильному отношенію автора къ предмету. Авторъ, очевидно, видитъ во всѣхъ тѣхъ рабочихъ людяхъ, которыхъ онъ описываетъ, только животныхъ, не поднимающихся выше половой и материнской любви, и потому отъ описанія его получается не полное, искусственное впечатлѣніе.

Непониманіе жизни и интересовъ рабочаго народа и представленіе людей изъ него въ видѣ полуживотныхъ, движимыхъ только чувственностью, злобой и корыстью, составляетъ одинъ изъ главныхъ и очень важныхъ недостатковъ большинства новѣйшихъ французскихъ авторовъ, въ томъ числѣ и Мопассана, не только въ этомъ, но и во всѣхъ другихъ его разсказахъ, гдѣ онъ касается народа, и всегда описываетъ его какъ грубыхъ, тупыхъ животныхъ, надъ которыми можно только смѣяться. Конечно, французскимъ авторамъ лучше знать свойства своего народа, чѣмъ мнѣ. Но несмотря на то, что я русскій и не жилъ съ французскимъ народомъ, я все-таки утверждаю, что, описывая такъ свой народъ, французскіе авторы не правы и что французскій народъ не можетъ быть такимъ, какимъ они его описываютъ. Если существуетъ Франція такая, какою мы ее знаемъ, съ ея истинно великими людьми и тѣми великими вкладами, которые сдѣлали эти великіе люди въ науку, искусство, гражданственность и нравственное совершенствованіе человѣчества, то и тотъ рабочій народъ, который держалъ и держитъ на своихъ плечахъ эту Францію съ ея великими людьми, состоитъ не изъ животныхъ, а изъ людей, съ великими душевными качествами, и потому я не вѣрю тому, что мнѣ пишутъ въ романахъ, какъ La Terre и въ разсказахъ Мопассана, также какъ не повѣрилъ бы тому, чтобы мнѣ разсказывали про существованіе прекраснаго дома, стоящаго безъ фундамента. Очень можетъ быть, что эти высокія качества народа не таковы, какими мнѣ ихъ описываютъ въ La petite Fadette и въ La Mare aux diables *), но качества эти есть, это я твердо знаю, и писатель, описывающій народъ только такъ, какъ описываетъ его Мопассанъ, описывая съ сочувствіемъ только hanches и gorges бретанскихъ служанокъ, и съ отвращеніемъ и насмѣшкой жизнь рабочихъ людей, дѣлаетъ большую ошибку, въ художественномъ отношеніи, потому что описываетъ предметъ только съ одной, самой неинтересной физической стороны и совершенно упускаетъ изъ вида другую—самую важную духовную сторону, составляющую сущность предмета.

Въ общемъ чтеніе переданной мнѣ Тургеневымъ книжечки оставило меня совершенно равнодушнымъ къ молодому сочинителю.

Такъ мнѣ тогда противны показались разсказы: Une partie de campagne и La femme de Paul и L'ihistoire d'une fille de ferme, что я тогда и не замѣтилъ прекрасный разсказъ Le papa de Simon и превосходный, по описанію ночи, разсказъ Sur l'eau.

Мало ли въ наше время, когда такъ много охотниковъ писать, людей съ талантомъ, не знающихъ къ чему приложить его, или смѣло прикладывающихъ его къ тому, что вовсе не должно и не нужно описы-

---

*) Разсказы Жоржъ Зандъ.

вать, думалъ я. И такъ и сказалъ Тургеневу. И такъ и забылъ про Мопассана.

Первое, что послѣ этого попалось мнѣ изъ писаній Мопасана, было: Une vie, которую мнѣ кто-то посовѣтовалъ прочесть. Эта книга сразу заставила меня перемѣнить мнѣніе о Мопассанѣ, и съ этихъ поръ я уже съ интересомъ читалъ все то, что было подписано этимъ именемъ. Une vie превосходный романъ, не только несравненно лучшій романъ Мопассана, но едва ли не лучшій французскій романъ послѣ Misérables Гюго. Въ романѣ этомъ кромѣ замѣчательной силы таланта, т. е. того особеннаго напряженнаго вниманія, направленнаго на предметъ, вслѣдствіе котораго авторъ видитъ совершенно новыя черты въ той жизни, которую онъ описываетъ,—въ романѣ этомъ почти въ равной степени соединяются всѣ три условія истиннаго художественнаго произведенія: 1) правильное, т. е. нравственное отношеніе автора къ предмету, 2) красота формы и 3) искренность, т. е. любовь къ тому, что описываетъ авторъ. Тутъ уже смыслъ жизни не представляется автору въ похожденіяхъ различныхъ распутниковъ и распутницъ,—тутъ содержаніе составляетъ, какъ и говоритъ заглавіе, описаніе жизни загубленной, невинной, готовой на все прекрасное, милой женщины, загубленной именно тою самою грубою, животною чувственностью, которая въ прежнихъ разсказахъ представлялась автору какъ бы центральнымъ, надо всѣмъ властвующимъ, явленіемъ жизни и все сочувствіе автора на сторонѣ добра.

Форма прекрасная и въ первыхъ разсказахъ здѣсь доведена до такой высокой степени совершенства, до которой не доходилъ, по моему мнѣнію, ни одинъ французскій писатель прозаикъ. И кромѣ того, и главное, здѣсь авторъ дѣйствительно любитъ и сильно любитъ ту добрую семью, которую онъ описываетъ и дѣйствительно ненавидитъ того грубаго самца, который разрушаетъ счастіе и спокойствіе этой милой семьи и въ особенности героини романа.

Отъ этого то такъ живы и памятны всѣ событія и лица этого романа: и слабая, добрая, опустившаяся мать, благородный, слабый, милый отецъ и еще болѣе милая въ своей простотѣ и непреувеличенности и готовности на все хорошее дочь, ихъ взаимныя отношенія, ихъ первое путешествіе, ихъ слуги, сосѣди, разсчетливый и грубо чувственный, скупой, мелочный, наглый женихъ, какъ всегда, обманывающій невинную дѣвушку обычною пошлою идеализаціей самаго грубаго чувства, женитьба, Корсика съ прелестными описаніями природы, потомъ деревенская жизнь, грубая измѣна мужа, его захватываніе власти надъ имѣніемъ, его столкновеніе съ тестемъ, уступчивость добрыхъ и побѣда наглости, отношеніе къ сосѣдямъ. Все это—сама жизнь со всею ея сложностью и разнообразіемъ. Но, мало того, что все это живо и прекрасно описано, во всемъ этомъ сердечный, патетическій тонъ, невольно заражающій читателя. Чувствуется, что авторъ любитъ эту женщину и любитъ ее не за ея внѣшнія формы, а за ея душу, за то, что въ ней есть хорошаго, сострадаетъ ей и мучится за нее и чувство это невольно передается читателю. И вопросы: зачѣмъ? за что погублено это прекрасное существо? Неужели такъ и должно быть? сами собой возникаютъ въ душѣ читателя и заставляютъ вдумываться въ значеніе и и смыслъ человѣческой жизни.

Несмотря на фальшивыя ноты, попадающіяся въ романѣ, какъ, напримѣръ, подробное описаніе кожи молодой дѣвушки, или невозможныя и ненужныя подробности о томъ, какъ, по совѣту аббата, оставленная жена стала вновь матерью, подробности, разрушающія все обаяніе чистоты героини; несмотря также на мелодраматическую и неестественную истрію мести оскорбленнаго мужа, несмотря на эти пятна, романъ не только показался мнѣ прекраснымъ, но я увидалъ изъ-за него уже не талантливаго болтуна и шутника, не знающаго и не хотящаго знать, что хорошо и что дурно, какимъ представлялся мнѣ Мопассанъ по первой книжечкѣ, а серьезнаго, глубоко-вглядывающагося въ жизнь человѣка и уже начинающаго разбираться въ ней.

Слѣдующій за этимъ романъ Мопассана, прочтенный мною, былъ Bel-Ami.

Bel-Ami очень грязная книга. Авторъ очевидно даетъ себѣ въ ней волю въ описаніи того, что привлекаетъ его, и иногда, какъ бы теряетъ основную, отрицательную точку зрѣнія на своего героя и переходитъ на его сторону, но въ общемъ, Bel-Ami какъ и Une vie имѣетъ въ основѣ своей серьезную мысль и чувство. Въ Une vie основная мысль это—недоумѣніе передъ жестокой безсмысленностью страдальческой жизни прекрасной женщины, загубленной грубою чувственностью мужчины; здѣсь это не только недоумѣніе, но негодованіе автора передъ благоденствіемъ и успѣхомъ грубаго чувственнаго животнаго, этой самой чувственностью дѣлающаго карьеру и достигающаго высокаго положенія въ свѣтѣ, негодованіе и передъ развращенностью всей той среды, въ которой его герой достигаетъ успѣха. Тамъ авторъ спрашиваетъ, какъ будто: за что, зачѣмъ загублено прекрасное существо? Отчего это случилось? Здѣсь онъ какъ будто отвѣчаетъ на это: погибло и погибаетъ все чистое и доброе въ нашемъ обществѣ, потому что общество это развратно, безумно и ужасно

Послѣдняя сцена романа: свадьба въ модной церкви торжествующаго, украшеннаго орденомъ почетнаго легіона, негодяя съ молодою чистою дѣвушкой, дочерью соблазненной имъ старой и прежде безупречной матери семейства,—свадьба, благословляемая епископомъ и признаваемая чѣмъ-то хорошимъ и должнымъ всѣми окружающими, выражаетъ эту мысль съ необыкновенною силой. Въ романѣ этомъ, несмотря на загроможденіе его грязными подробностями, въ которыхъ, къ сожалѣнію, какъ будто se plait авторъ, видны тѣ же серьезные запросы автора отъ жизни.

Прочтите разговоръ стараго поэта съ Duroy, когда они послѣ обѣта выходятъ, кажется, отъ Вальтеровъ. Старый поэтъ обнажаетъ жизнь передъ своимъ молодымъ собесѣдникомъ и показываетъ ее такою, какая она есть, съ вѣчнымъ неизбѣжнымъ спутникомъ и концомъ ея—смертью.

„Она ужъ держитъ меня, la gueuse, говоритъ онъ про смерть: она ужъ повышатала мнѣ зубы, повыдергала волосы, поискалѣчила члены, и ужъ вотъ-вотъ готова проглотить. Я уже въ ея власти. она только играетъ мною, какъ кошка мышью, зная, что мнѣ не уйти отъ нея. Слава, богатство, на что это нужно, когда нельзя купить на нихъ женской любви. Вѣдь только одна женская любовь стоитъ того, чтобы жить. И ее то отнимаетъ *она*. Отнимаетъ ее, а потомъ здоровье, силы и самую жизнь. И всѣмъ тоже. И больше ничего".

Таковъ смыслъ рѣчей старѣющаго поэта. Но Duroy, счастливый любовникъ всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыя нравятся ему, такъ полонъ похотливой энергіи и силы, что онъ и слышитъ и не слышитъ, и понимаетъ и не понимаетъ словъ стараго поэта. Онъ слышитъ и понимаетъ, но источникъ похотливой жизни бьетъ изъ него съ такою силой, что эта несомнѣнная истина, обѣщающая ему тотъ же конецъ, не смущаетъ его.

Это-то внутреннее противорѣчіе кромѣ сатирическаго значенія романа Bel-Ami составляетъ главный смыслъ его. Эта же мысль свѣтится въ прекрасныхъ сценахъ смерти чахоточнаго журналиста. Авторъ ставитъ себѣ вопросъ: что такое эта жизнь? Какъ разрѣшается это противорѣчіе между любовью къ жизни и знаніемъ неизбѣжной смерти? и не отвѣчаетъ на него. Онъ какъ будто ищетъ, ждетъ и не рѣшаетъ ни въ ту, ни въ другую сторону. И потому нравственное отношеніе къ жизни и въ этомъ романѣ продолжаетъ быть правильнымъ.

Но въ слѣдующихъ за этими романахъ это нравственное отношеніе къ жизни начинаетъ путаться, оцѣнка явленій жизни начинаетъ колебаться, затемняться и въ послѣднихъ романахъ уже совершенно извращается.

Въ Mont-Oriol Мопассанъ какъ будто соединяетъ мотивы двухъ предшествующихъ романовъ и повторяетъ себя по содержанію. Несмотря на прекрасныя, исполненныя тонкаго юмора описанія моднаго курорта и докторской въ немъ дѣятельности, здѣсь тотъ же самецъ Paul, такой же пошлый и безжалостный какъ и мужъ въ Une vie, и та же обманутая, загубленная, кроткая, слабая, одинокая, всегда одинокая, милая женщина, и то же равнодушное торжество ничтожества и пошлости, какъ и въ Bel-Ami.

Мысль та же, но нравственное отношеніе автора къ описываемому уже значительно ниже, въ особенности, перваго романа. Внутренняя оцѣнка автора того, что хорошо и что дурно, начинаетъ путаться. Несмотря на все разсудочное желаніе автора быть безпристрастно объективнымъ, негодяй Paul, очевидно, пользуется всѣмъ сочувствіемъ автора. И отъ этого исторія любви этого Paul'a, его старанія соблазнить и успѣхъ въ этомъ производятъ фальшивое впечатлѣніе. Читатель не знаетъ, чего хочетъ авторъ: показать ли всю пустоту и подлость Paul'a, равнодушно отвертывающагося отъ женщины и оскорбляющаго ее потому только, что талія ея испортилась отъ беременности его ребенкомъ, или, напротивъ, показать, какъ пріятно и легко жить такъ, какъ живетъ этотъ Paul.

Въ слѣдующихъ за этимъ романахъ—Pierre et Jean, Fort comme la mort и Notre coeur нравственное отношеніе автора къ своимъ лицамъ еще болѣе путается и въ послѣднемъ уже совсѣмъ теряется. На всѣхъ этихъ романахъ уже лежитъ печать равнодушія, поспѣшности, выдуманности и, главное, опять того отсутствія правильнаго нравственнаго отношенія къ жизни, которое было бы въ первыхъ его писаніяхъ. Начинается это съ того самаго времени, съ котораго устанавливается и репутація Мопассана, какъ моднаго автора, и онъ повергается тому ужасному въ наше время соблазну, которому подвергается всякій извѣстный писатель, тѣмъ болѣе такой привлекательный, какъ Мопассанъ. Съ одной стороны, успѣхъ первыхъ романовъ, похвалы газетныя, лесть

общества, въ особенности женщинъ, съ другой — все болѣе и болѣе увеличивающіеся размѣры вознагражденій, никогда все-таки не поспѣвающіе за постоянно увеличивающимися потребностями, съ третьей— назойливость редакторовъ, перебивающихъ другъ друга, льстящихъ, упрашивающихъ и не судящихъ ужъ о достоинствѣ предлагаемыхъ произведеній автора, а съ восторгомъ принимающихъ все, что подписано разъ установившимся въ публикѣ именемъ. Всѣ эти соблазны такъ велики, что, очевидно, одурманиваютъ автора: онъ поддается имъ и, хотя продолжаетъ по формѣ также, иногда еще лучше, отдѣлывать свои романы и даже любитъ то, что онъ описываетъ, но любитъ то, что онъ описываетъ, уже не потому, что оно добро и нравственно, т. е. любимо всѣми, и ненавидитъ то, что описываетъ не потому, что оно зло и ненавидимо всѣми, а только потому, что одно нравится, а другое случайно не нравится ему.

На всѣхъ романахъ Мопассана, начиная съ Bel-Ami, уже лежитъ эта печать поспѣшности и, главное, выдуманности. Съ этого времени Мопассанъ уже не дѣлаетъ того, что онъ дѣлалъ въ своихъ первыхъ двухъ романахъ: не беретъ въ основу своихъ романовъ извѣстныя требованія, и на основаніи ихъ описываетъ дѣятельность своихъ лицъ, а пишетъ свои романы такъ, какъ пишутъ всѣ романисты-ремесленники, т. е. придумываетъ наиинтереснѣйшія наипатетичнѣйшія или наисовременнѣйшія лица и положенія и составляетъ изъ нихъ романъ, украшая его всѣми тѣми наблюденіями, которыя ему удалось сдѣлать и которыя подходятъ къ канвѣ романа, нисколько не заботясь о томъ, какъ относятся къ требованіямъ нравственности описываемыя событія. Таковы и Pierre et Jean и Fort comme la mort и Notre Coeur.

Какъ мы ни привыкли читать во французскихъ романахъ о томъ, какъ семьи живутъ втроемъ и всегда есть любовникъ, про котораго всѣ знаютъ, кромѣ мужа, для насъ остается все-таки совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ всѣ мужья всегда дураки, cocus и ridicules, а всѣ любовники, которые въ концѣ концовъ женятся и дѣлаются мужьями, не только не ridicules и не cocus, но героичны? И еще менѣе понятно то, какимъ образомъ всѣ женщины распутныя, а всѣ матери святыя?

А на этихъ самыхъ неестественныхъ и невѣроятныхъ и, главное, глубокобезнравственныхъ положеніяхъ построены Pierre et Jean и Fort comme la mort. И потому страданія лицъ, находящихся въ этихъ положеніяхъ, мало трогаютъ насъ. Мать Pierre'а и Jean'а, могшая провесть всю жизнь, обманывая мужа, возбуждаетъ къ себѣ мало сочувствія, когда она должна признаться сыну въ своемъ грѣхѣ, и еще меньше, когда она сама себя оправдываетъ, утверждая, что она не могла не воспользоваться представлявшимся ей случаемъ счастья. Еще менѣе можемъ мы сочувствовать господину, который въ Fort comme la mort всю жизнь обманывалъ своего друга, развращалъ его жену и теперь сокрушается о томъ, что онъ, состарѣвшись, не можетъ развратить и дочь своей любовницы. Послѣдній же романъ—Notre coeur—не имѣетъ въ себѣ даже и никакой внутренней задачи, кромѣ описанія различныхъ оттѣнковъ половой любви. Описывается пресыщенный, праздный развратникъ, который не знаетъ, чего ему нужно, и который то сходится съ такой же еще болѣе развратной, даже безъ оправданія чув-

ственности, умственно развратною женщиной и то расходится съ ней и сходится съ служанкой, то опять сходится и, какъ кажется, живетъ съ обѣими. Если въ Pierre et Jean и Fort comme la mort есть еще трогательныя сцены, то этотъ послѣдній романъ возбуждаетъ уже только отвращеніе.

Вопросъ въ первомъ романѣ Мопасана, въ Une vie, стоитъ такъ: Вотъ человѣческое существо доброе, умное, милое, готовое на все хорошее и существо это для чего-то приносится въ жертву: сначала грубому, молочному, глупому животному мужу, а потомъ такому же сыну, и безцѣльно гибнетъ, ничего не давъ міру. Зачѣмъ это? Авторъ ставитъ такъ вопросъ, и какъ будто не даетъ отвѣта. Но весь романъ его, всѣ чувства состраданія къ ней и отрицанія къ тому, что погубило ее, уже служатъ отвѣтомъ на его вопросъ. Если есть одинъ человѣкъ, который понялъ ея страданія и высказалъ это, то уже оно искуплено, какъ говоритъ Іовъ своимъ друзьямъ, когда они говорили, что никто не узнаетъ объ его страданіи. Узналъ, понялъ страданіе и оно искуплено. А здѣсь авторъ узналъ, понялъ и показалъ людямъ его страданіе. И страданіе искуплено тѣмъ, что какъ скоро оно понято людьми, оно, рано или поздно, но будетъ уничтожено.

Въ слѣдующемъ романѣ Bel-Ami стоитъ уже не вопросъ за что страданіе достойному, а вопросъ: за что богатство и слава недостойному? И что такое эти богатства и слава и какъ они пріобрѣтаются? И точно также вопросъ этотъ уже включаетъ въ себѣ отвѣтъ, состоящій въ отрицаніи всего того, что такъ высоко цѣнится толпою. Содержаніе второго романа этого еще серьезно, но нравственное отношеніе автора къ описываемому предмету уже значительно ослабѣваетъ, и тогда какъ въ первомъ романѣ только кое-гдѣ попадаются пятна чувственности, портящія романъ, въ Bel-Ami пятна эти разростаются и многія главы написаны одною грязью, которая какъ будто нравится автору.

Въ слѣдующемъ, въ Mont-Oriol, вопросы: Зачѣмъ? За что страданія милой женщины и успѣхъ и радость дикаго самца? уже не ставятся, а какъ будто признается, что такъ это и должно быть, и нравственныя требованія уже почти не чувствуются, а являются безъ всякой надобности и не вызванныя никакимъ художественнымъ требованіемъ грязныя, чувственныя описанія. Поразительнымъ примѣромъ этого нарушенія художественности, вслѣдствіе неправильности отношеній автора къ предмету, можетъ съ особенною яркостью служить подробное въ этомъ романѣ описаніе вида героини въ ваннѣ. Описаніе это ни на что не нужно, ничѣмъ не связано, ни съ внѣшнимъ, ни съ внутреннимъ смысломъ романа: на розовомъ тѣлѣ выскакиваютъ пузырьки.

Ну и что-жъ? спрашиваетъ читатель.

Больше ничего, отвѣчаетъ авторъ. Я описываю, потому что мнѣ нравятся такія описанія.

Въ слѣдующихъ двухъ романахъ: Pierre et Jean и Fort comme la mort уже не видно никакого нравственнаго требованія. А оба романа построены на развратѣ, обманѣ и лжи, которые приводятъ дѣйствующихъ лицъ къ трагическимъ положеніямъ.

Въ послѣднемъ романѣ Notre Coeur положеніе дѣйствующихъ лицъ самое уродливое, дикое и безнравственное и лица эти ни съ чѣмъ

уже не борются, а только ищутъ наслажденій — тщеславныхъ и чувственныхъ, половыхъ, и авторъ какъ будто вполнѣ сочувствуетъ ихъ стремленіямъ. — Единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ этого послѣдняго романа, тотъ, что самое большое счастіе въ жизни это половое общеніе и что поэтому надо наипріятнѣйшимъ образомъ пользоваться этимъ счастьемъ.

Еще болѣе поразительно это безнравственное отношеніе къ жизни въ полуроманѣ Yvette. Содержаніе этого ужаснаго по своей безнравственности произведенія слѣдующее: прелестная дѣвочка, невинная по душѣ, но развращенная только по формамъ, усвоеннымъ ею въ развратной средѣ матери, вводитъ въ заблужденіе развратника. Онъ влюбляется въ нее, но, воображая себѣ, что дѣвушка эта сознательно болтаетъ тотъ скабрёзный вздоръ, которому она научилась въ обществѣ матери, и повторяетъ его, какъ попугай, не понимая его, воображая себѣ, что дѣвушка эта развратна, грубо предлагаетъ ей связь. Это предложеніе ужасаетъ, оскорбляетъ ее (она любитъ его), открываетъ ей глаза на положеніе свое и своей матери, и она глубоко страдаетъ. Прекрасно описано глубоко трогательное положеніе: столкновеніе красоты невинной души съ развратомъ міра и на этомъ можно бы и кончить, но авторъ безъ всякой, ни внѣшней, ни внутренней надобности, продолжая повѣствованіе, заставляетъ этого господина проникнуть ночью къ дѣвушкѣ и развратить ее. Очевидно, авторъ въ первой части романа былъ на сторонѣ дѣвочки, а во второй вдругъ перешелъ на сторону развратника. И одно впечатлѣніе разрушаетъ другое. И весь романъ распадается, разсыпается, какъ непромѣшанный хлѣбъ.

Во всѣхъ романахъ своихъ послѣ Bel-Ami (я не говорю теперь о его мелкихъ разсказахъ, которые составляютъ его главную заслугу и славу, о нихъ послѣ) Мопассанъ очевидно поддался царствовавшей не только въ его кругѣ въ Парижѣ, но царствующей вездѣ и теперь между художниками теоріи о томъ, что для художественнаго произведенія не только не нужно имѣть никакого яснаго представленія о томъ, что хорошо и что дурно, но, что, напротивъ, художникъ долженъ совершенно игнорировать всякіе нравственные вопросы, что въ этомъ даже нѣкоторая заслуга художника. По этой теоріи художникъ можетъ или долженъ изображать то, что истинно, то, что есть, или то, что красиво, что̀ слѣдовательно ему нравится, или даже то, что можетъ быть полезно какъ матеріалъ для „науки“, но что заботиться о томъ, что̀ нравственно или безнравственно, хорошо или дурно—не есть дѣло художника.

Помню знаменитый художникъ живописи показывалъ мнѣ свою картину, изображавшую религіозную процессію. Все было превосходно написано, но не было видно никакого отношенія художника къ своему предмету.

— Что же вы считаете, что эти обряды хороши и ихъ нужно совершать или ненужно?—спросилъ я художника.

Художникъ, съ нѣкоторой снисходительностью къ моей наивности, сказалъ мнѣ, что не знаетъ этого и не считаетъ нужнымъ знать: его дѣло изображать *жизнь*.

— Но вы любите по крайней мѣрѣ это?

— На могу сказать.

— Что же, вы ненавидите эти обряды?

— Ни то, ни другое, съ улыбкой состраданія къ моей глупости отвѣчалъ современный высоко-культурный художникъ, изображающій жизнь, не понимая ея смысла и не любя, и не ненавидя ея явленія. Также, къ сожалѣнію, думалъ и Мопасанъ.

Въ предисловіи своемъ къ Pierpe et Jean, онъ говоритъ: Писателю говорятъ: „consolez moi, amusez moi, attristez moi, attendrissez moi, faites moi rêver, faites moi rire, faites moi frémire, faites moi pleurer, faites moi penser. Seuls quelques esprits d'élites demanden à l'artiste: faites moi quelque chose de beau dans la forme qui vous conviendra le mieux d'après votre tempérament“ *).

Удовлетворяя этому-то требованію избранныхъ умовъ, и писалъ Мопассанъ свои романы, наивно воображая, что то, что считается прекраснымъ въ его кругу, и есть то прекрасное, которому должно служить искусство.

Въ томъ же кругу, въ которомъ вращался Мопассанъ, этимъ прекраснымъ, которому должно служить искусство, считалось и считается преимущественно женщина, молодая, красивая, большею частью обнаженная женщина и половое общеніе съ ней. Такъ это считалось нетолько всѣми сотоварищами Мопассана по „искусству“ и живописцами, и скульпторами, и романистами, и поэтами, но и философами - учителями молодыхъ поколѣній. Такъ, знаменитый Ренанъ, въ сочиненіи своемъ Marc Aurèle, прямо говоритъ слѣдующее:

Осуждая христіанство за его непониманіе женской красоты, онъ говоритъ (Marc Aurèle стр. 555) „Le défaut du christianisme apparait bien ici, il est trop uniquement moral; la beauté chez lui est tout-à-fait sacrifiée. Or, aux yeux d'une philosophie complète la beauté, loin d'être au avantage superficiel, un danger, un inconvénient est un don de Dieu comme la vertu. Elle vaut la vertu; la femme belle exprime aussi bien une face du but divin, une des fins de Dieu, que l'homme de génie ou la femme vertueuse. Elle le sait et de là sa fierté. Elle sent instinctivement le trésor infini qu'elle porte en son corps; elle sait bien, que sans esprit, sans talent, sans grave vertu, elle compte entre les premières manifestations de Dieu: Et pourquoi lui interdire de mettre en valeur le don, qui lui a été fait, de sertir le diamant qui lui est échu?

La femme en se parant, accomplit un devoir; elle pratique un art, art exquis, en un sens le plus charmant des arts. Ne nous laissons pas égarer par le sourire que certains mots provoquent chez LES GENS FRIVOLES. On décerne la palme du génie à l'artiste grec qui a su résoudre le plus délicat des problèmes, orner le corps humain, c'est

---

*) „Утѣшайте меня, забавляйте меня, опечальте меня, растрогайте меня, заставьте меня мечтать, заставьте меня смѣяться, заставьте меня содрогнуться, заставьте меня плакать, заставьте меня думать. Только нѣкоторые избранные умы говорятъ художнику: сдѣлайте мнѣ что-нибудь прекрасное въ той формѣ, которая наиболѣе свойственна вамъ, соотвѣтственно вашему темпераменту“.

à dire orner la perfection même, et l'on ne veut voir qu' une affaire de chiffons dans l'essai de collaborer à la plus belle oeuvre de Dieu, à la beauté de la femme! La toilette de la femme avec tous ses raffinements, est du grand art à sa manière.

Les siècles et les pays, qui savent y réussir,—sont les grands siècles, les grands pays et le christianisme montra par l'exclusion dont il frappa ce genre de recherches que l'idéal social qu'il concevait ne deviendrait le cadre d'une societé complète que bien plus tard, quand la révolte des gens du monde aurait brisé le joug étroit imposé primitivement à la secte par un piétisme exalté *).

(Такъ что, по мнѣнію этого руководителя молодыхъ поколѣній, только теперь парижскіе портные и парикмахеры исправили ошибку, сдѣланную христіанствомъ, и возстановили красоту въ ея настоящемъ и высокомъ значеніи).

Для того же, чтобы не было сомнѣнія о томъ, въ какомъ смыслѣ должна разумѣться красота, тотъ же самый знаменитый писатель, историкъ и ученый, написалъ драму L'Abesse de Jouarre, въ которой показалъ, что половое общеніе съ женщиной есть служеніе этой красотѣ, т. е. высокое и хорошее дѣло. Въ драмѣ этой, поразительной своей

*) Здѣсь ясно виденъ недостатокъ христіанства.—Оно слишкомъ исключительно нравственно; красота имъ совершенно упущена изъ вида. А между тѣмъ, для совершенной философіи, красота не только не есть внѣшнее преимущество, опасность, неудобство,—красота есть даръ Божій, также какъ и добродѣтель. Она стоитъ добродѣтели; красивая женщина точно также выражаетъ одну изъ сторонъ божественной цѣли, одно изъ намѣреній Бога, какъ геніальный мужчина или добродѣтельная женщина. Она знаетъ это и потому гордится этимъ. Она инстинктивно чувствуетъ то безконечное сокровище, которое она несетъ въ своемъ тѣлѣ; она хорошо знаетъ, что и безъ ума, безъ талантовъ, безъ серьезныхъ добродѣтелей, она составляетъ одно изъ лучшихъ проявленій божества: какъ же запретить ей выставить въ лучшемъ свѣтѣ полученный ею даръ, запретить оправить тотъ брилліантъ, который ей достался?

Женщина, наряжаясь, исполняетъ обязанность; она совершаетъ дѣло искусства, утонченнаго искусства, въ извѣстномъ смыслѣ прелестнѣйшаго изъ искусствъ. И пусть не смущаютъ насъ тѣ улыбки, которыя возбуждаются у легкомысленныхъ людей нѣкоторыми выраженіями. Мы считаемъ геніальнымъ того греческаго художника, который сумѣлъ разрѣшить труднѣйшую изъ задачъ, украсить человѣческое тѣло, т. е. украсить само совершенство, и хотимъ видѣть только дѣло тряпокъ въ попыткѣ сотрудничества прекраснѣйшему творенію Божью, — красотѣ женщины! Нарядъ женщины, со всѣми ея утонченностями, есть въ своемъ родѣ великое искусство.

Вѣка и народы, которые достигаютъ этого,—суть великіе вѣка и великіе народы, и христіанство показало своимъ исключеніемъ этого рода стремленій, что соціальный идеалъ, который оно себѣ ставило, сдѣлается руководителемъ совершеннаго общества только гораздо позднѣе, когда возмущеніе людей міра разобьетъ то узкое иго, которое было первоначально наложено на секту восторженнымъ піэтизмомъ.

бездарностью и въ особенности грубостью въ разговорахъ Дарси съ Абессою, изъ которыхъ съ первыхъ словъ видно о какой любви говоритъ этотъ господинъ съ будто бы невинною и высоконравственною дѣвушкой, нисколько не оскорбляющейся этимъ, въ драмѣ этой показывается, что самые высоконравственные люди въ виду смерти, къ которой они приговорены, за нѣсколько часовъ до нея, не могутъ ничего сдѣлать болѣе прекраснаго, какъ предаться своей животной страсти.

Такъ что въ томъ кругу, въ которомъ выросъ и воспитался Мопассанъ, изображеніе женской красоты и любви совершенно серьезно и, какъ давно рѣшенное и признанное самыми умными и учеными людьми, считалось и считается истинною задачей самаго высокаго искусства—Le grand art.

Вотъ этой-то ужасающей по своей нелѣпости теоріи и подчинился Мопассанъ, когда онъ сталъ моднымъ писателемъ. И, какъ и должно было ожидать, въ романахъ ложный идеалъ этотъ привелъ Мопассана къ ряду ошибокъ и къ все болѣе и болѣе слабымъ произведеніямъ.

Въ этомъ сказалось коренное различіе, которое существуетъ между требованіями романа и разсказа. Романъ имѣетъ задачей, даже внѣшней задачей, описаніе цѣлой человѣческой жизни или многихъ человѣческихъ жизней, и потому пишущій романъ долженъ имѣть ясное и твердое представленіе о томъ, что хорошо и что дурно въ жизни, а этого не было у Мопассана; напротивъ, по теоріи, которой онъ держался, считалось, что этого то и не должно быть. Если бы онъ былъ романистъ, какъ нѣкоторые бездарные писатели чувственныхъ романовъ, онъ безъ таланта спокойно описывалъ бы дурное за хорошее и романы его были бы цѣльны и интересны для людей такихъ же взглядовъ, какъ и авторъ. Но Мопассанъ былъ талантъ, т. е. видѣлъ вещи въ ихъ сущности, и потому невольно открывалъ истину: видѣлъ невольно дурное въ томъ, что хотѣлъ считать хорошимъ. Отъ этого-то во всѣхъ романахъ его, за исключеніемъ перваго, сочувствіе его постоянно колеблется: то выставляя дурное за хорошее, то признавая дурное дурнымъ, а хорошее хорошимъ, то безпрестанно перескакивая съ одного на другое. А это разрушаетъ единство впечатлѣнія, разрушаетъ иллюзію.

Если и было у него въ его первыхъ двухъ романахъ, въ особенности въ первомъ, явное и твердое сочувствіе къ тому, что хорошо, и несочувствіе къ тому, что дурно, то это было, во-первыхъ, потому, что онъ, очевидно, сердечно любилъ и уважалъ то лицо, которое служило ему первообразомъ его героини въ Une vie, и сердечно ненавидѣлъ того живого или собирательнаго человѣка, который служилъ ему образцомъ Duroy, которымъ отчасти былъ онъ самъ; во-вторыхъ же, потому, что въ первыхъ своихъ романахъ онъ еще не сдѣлался моднымъ писателемъ, не подпалъ всѣмъ соблазнамъ этого положенія, и потому не держался еще той царствующей въ его мірѣ теоріи, что задача искусства состоитъ только въ томъ, чтобы faire quelque chose de beau. Когда же онъ началъ по этой теоріи писать свои романы, то въ нихъ невольно выходило то, что было въ Yvette или въ Notre Coeur,—выходило противорѣчивое отношеніе автора къ оцѣнкѣ поступковъ своихъ лицъ. Авторъ не знаетъ кого надо любить, кого ненавидѣть; не знаетъ этого и читатель. А не зная этого, читатель и не интересуется описывае-

мыми событіями. И потому за исключеніемъ первыхъ, даже строго говоря, одного перваго романа, всѣ романы Мопассана, какъ романы— слабы; и если бы Мопассанъ оставилъ намъ только свои романы, то онъ былъ бы только поразительнымъ образцомъ того, какъ можетъ погибнуть блестящее дарованіе вслѣдствіе той ложной среды, въ которой оно развивалось, и тѣхъ ложныхъ теорій объ искусствѣ, которыя придумываются людьми не любящими и потому не понимающими его. Но, къ счастію, Мопассанъ писалъ мелкіе разсказы, въ которыхъ онъ не подчинялся ложной, принятой имъ теоріи, и писалъ не quelque chose de beau, а то, что умиляло или возмущало его нравственное чувство. И по этимъ разсказамъ, не по всѣмъ, но по лучшимъ изъ нихъ видно, какъ росло это нравственное чувство въ авторѣ и какъ понемногу и безсознательно развѣнчивалось для него и получало настоящее значеніе то, что прежде составляло главный смыслъ и счастье его жизни.

И въ томъ то и удивительное свойство всякаго истиннаго таланта, если онъ только подъ вліяніемъ ложной теоріи не насилуетъ себя, что талантъ учитъ обладателя его, ведетъ его впередъ по пути нравственнаго развитія, заставляетъ его любить то, что достойно любви и ненавидѣть то, что достойно ненависти. Художникъ только потому и художникъ, что онъ видитъ предметы не такъ, какъ онъ хочетъ ихъ видѣть, а такъ, какъ они есть. Носитель таланта—человѣкъ—можетъ ошибаться, но талантъ, если ему только будетъ данъ ходъ, какъ давалъ ему ходъ Мопассанъ въ своихъ разсказахъ, откроетъ, обнажитъ предметъ и заставитъ полюбить его, если онъ достоинъ любви, и возненавидѣть его, если онъ достоинъ ненависти. Съ каждымъ истиннымъ художникомъ, когда онъ подъ вліяніемъ среды начинаетъ описывать не то, что должно, случается то, что случилось съ Валаамомъ, который, желая благословить, сталъ проклинать то, что должно было проклинать, и, желая проклинать, сталъ благословлять то, что должно было благословлять; невольно сдѣлаетъ не то, что хочетъ, а то, что должно. И это случилось съ Мопассаномъ.

Едва ли былъ другой такой писатель, столь искренно считавшій, что все благо, весь смыслъ жизни въ женщинѣ, въ любви и съ такой силой страсти описывавшій со всѣхъ сторонъ женщину и ея любовь, и едва ли былъ когда-нибудь писатель, который до такой ясности и точности показалъ всѣ ужасныя стороны того самаго явленія, которое казалось ему самымъ высокимъ и дающимъ наибольшее благо жизни. Чѣмъ больше онъ вникалъ въ это явленіе, тѣмъ больше разоблачалось это явленіе, соскакивали съ него его покровы и оставались только ужасныя послѣдствія и еще болѣе ужасная его сущность.

Прочтите его сына—идіота, ночь съ дочерью (L'ermite), морякъ съ сестрой (Le port), Оливковое поле, La petite Roque, англичанку Miss Harriet, Monsieur Parent l'Armoire (дѣвочка, заснувшая въ шкапѣ), свадьбу въ Sur l'eau и послѣднее выраженіе всего: Un cas de divorce. То самое, что говорилъ Маркъ Аврелій, придумывая средство разрушить въ представленіи привлекательность этого грѣха, это самое яркими художественными образами, переворачивающими душу, дѣлаетъ Мопассанъ. Онъ хотѣлъ восхвалять любовь, но чѣмъ больше узнавалъ, тѣмъ больше проклиналъ ее. Онъ проклинаетъ ее и за тѣ бѣдствія и

страданія, которыя она несетъ съ собою, и за тѣ разочарованія, и главное, за ту поддѣлку настоящей любви, за тотъ обманъ, который есть въ ней и отъ котораго тѣмъ сильнѣе страдаетъ человѣкъ, чѣмъ довѣрчивѣе онъ предается этому обману.

Могучій нравственный ростъ автора, въ продолженіе его литературной дѣятельности, написанъ неизгладимыми чертами въ этихъ прелестныхъ мелкихъ разсказахъ и въ лучшей книгѣ его Sur l'eau.

И не въ одномъ этомъ развѣнчиваніи, невольномъ, и потому тѣмъ болѣе сильномъ, развѣнчиваніи половой любви виденъ этотъ нравственный ростъ автора; онъ виденъ во всѣхъ тѣхъ все болѣе и болѣе высокихъ нравственныхъ требованіяхъ, которыя онъ предъявляетъ къ жизни.

Не въ одной половой любви онъ видитъ внутреннее противорѣчіе между требованіями животнаго и разумнаго человѣка, онъ видитъ его во всемъ устройствѣ міра.

Онъ видитъ, что міръ, матеріальный міръ, такой, какой онъ есть, не только не лучшій изъ міровъ, но, напротивъ, могъ бы быть совершенно другимъ — эта мысль поразительно выражена въ Horla — и не удовлетворяетъ требованіямъ разума и любви, видитъ, что есть какой-то другой міръ или хотя требованія такого другого міра въ душѣ человѣка.

Онъ мучается не только неразумностью матеріальнаго міра и некрасивостью его, онъ мучается нелюбовностью, разъединенностью его. Я не знаю болѣе хватающаго за сердце крика отчаянія, сознающаго свое одиночество заблудившагося человѣка, какъ выраженіе этой мысли въ прелестнѣйшемъ разсказѣ Solitude.

Явленіе, болѣе всего мучившее Мопассана, къ которому онъ возвращается много разъ, есть мучительное состояніе одиночества, духовнаго одиночества человѣка, той преграды, которая стоитъ между человѣкомъ и другими,—преграды, какъ онъ говоритъ, тѣмъ мучительнѣе чувствуемой, чѣмъ тѣснѣе сближеніе тѣлесное.

Что же мучаетъ его? И чего онъ хотѣлъ бы? Что разрушаетъ эту преграду, что прекращаетъ это одиночество? Любовь, не женская, опостылѣвшая ему любовь, но любовь чистая, духовная, божеская. И ея то ищетъ Мопассанъ, къ ней то, къ этой давно явно открытой для всѣхъ спасительницѣ жизни, мучительно рвется онъ изъ тѣхъ путъ, которыми онъ чувствуетъ себя связаннымъ.

Онъ не умѣетъ еще назвать то, чего онъ ищетъ, не хочетъ назвать этого одними устами, чтобы не осквернить своей святыни. Но его неназываемое стремленіе, выражающееся ужасомъ передъ одиночествомъ, за то такъ искренно, что заражаетъ и влечетъ къ себѣ сильнѣе чѣмъ многія и многія только устами произносимыя проповѣди любви.

Трагизмъ жизни Мопассана въ томъ, что, находясь въ самой ужасной по своей уродливости и безнравственности средѣ, онъ силою своего таланта, того необыкновеннаго свѣта, который былъ въ немъ, выбивался изъ міровоззрѣній этой среды, былъ уже близокъ къ освобожденію, дышалъ уже воздухомъ свободы, но, истративъ на эту борьбу послѣднія силы, не будучи въ силахъ сдѣлать одного послѣдняго усилія, погибъ, не освободившись.

Трагизмъ этой погибели въ томъ, въ чемъ онъ и теперь продолжаетъ быть для большинства такъ называемыхъ культурныхъ людей нашего времени.

Люди вообще никогда не жили безъ объясненія смысла проживаемой ими жизни. Всегда и вездѣ являлись передовые, высоко одаренные люди, пророки, какъ ихъ называютъ, которые объясняли людямъ этотъ смыслъ и значеніе ихъ жизни, и всегда люди рядовые, средніе люди, не имѣющіе силъ для того, чтобы самимъ уяснить себѣ этотъ смыслъ, слѣдовали тому объясненію жизни, которое открывали имъ ихъ пророки.

Смыслъ этотъ 1800 лѣтъ тому назадъ объясненъ христіанствомъ просто, ясно, несомнѣнно и радостно, какъ то доказываетъ жизнь всѣхъ тѣхъ, которые признали этотъ смыслъ и слѣдуютъ тому руководству жизни, которое вытекаетъ изъ этого смысла.

Но вотъ явились люди, перетолковавшіе этотъ смыслъ такъ, что онъ сталъ безсмыслицей. И люди поставлены въ дилемму: или признать христіанство, какъ его толкуетъ католицизмъ, Lourdes, папа, догматъ безсѣменнаго зачатія и т. п., или оставаться жить, руководясь поученіями Ренана и ему подобныхъ, т. е. жить безъ всякаго руководства и пониманія жизни, предаваясь только своимъ похотямъ, покуда они сильны, и привычкамъ, когда ослабли похоти.

И люди, рядовые люди, избираютъ то или другое, иногда и то и другое,—сначала распущенность, потомъ католицизмъ. И люди живутъ такъ поколѣніями, прикрываясь различными теоріями, сочиненными не для того, чтобы узнать истину, а для того, чтобы скрыть ее. И рядовымъ, въ особенности тупымъ людямъ,—хорошо.

Но есть другіе люди — ихъ мало, они рѣдки — такіе, какимъ былъ Мопассанъ, которые сами своими глазами видятъ вещи, какъ они есть, видятъ ихъ значеніе, видятъ скрытыя для другихъ противорѣчія жизни и живо представляютъ себѣ то, къ чему неизбѣжно должны привести ихъ эти противорѣчія, и впередъ уже ищутъ разрѣшеній ихъ. Ищутъ ихъ вездѣ, но только не тамъ, гдѣ они есть—въ христіанствѣ, потому что христіанство представляется имъ пережитою, отжитою нелѣпостью, отталкивающею ихъ своимъ безобразіемъ. И, тщетно стараясь сами одни найти эти разрѣшенія, приходятъ къ убѣжденію, что разрѣшеній этихъ нѣтъ, что свойство жизни заключается въ томъ, чтобы нести всегда въ себѣ эти неразрѣшимыя противорѣчія. И придя къ такому рѣшенію, если люди эти—слабыя, не энергическія натуры, они мирятся съ такою безсмысленною жизнью, даже гордятся этимъ положеніемъ, считая свое незнаніе достоинствомъ, культурностью, если же это такія энергическія, правдивыя и даровитыя натуры, каковъ былъ Мопассанъ,—не выдерживаютъ этого и такъ или иначе уходятъ изъ этой нелѣпой жизни.

Въ родѣ того, какъ если бы жаждущіе въ пустынѣ люди искали воды вездѣ, но только не около тѣхъ людей, которые, стоя надъ ключемъ, оскверняли бы его и предлагали бы вонючую грязь вмѣсто воды, которая не переставая течетъ тамъ, позади этой грязи. Въ этомъ положеніи былъ Мопассанъ; онъ не могъ повѣрить; даже ему, очевидно, никогда и въ голову не приходило, чтобы истина, которую онъ искалъ, была уже давно открыта и такъ близка отъ него; не могъ и вѣрить

тому, чтобы могъ человѣкъ жить въ такомъ противорѣчіи, въ которомъ онъ чувствовалъ себя живущимъ.

Жизнь, по тѣмъ теоріямъ, въ которыхъ онъ воспитался, которыя окружали его, которыя подтверждались всѣми похотями его молодого и духовно и физически сильнаго существа, состоитъ въ наслажденіи, изъ которыхъ главное женщина и ея любовь, и въ двойномъ еще отраженномъ наслажденіи, въ изображеніи этой любви и возбужденіи ея въ другихъ. Все это было бы хорошо, но вотъ, вглядываясь въ эти наслажденія, выступаютъ среди нихъ совсѣмъ чуждыя, враждебныя этой любви и этой красотѣ явленія: женщина зачѣмъ-то уродуется, безобразно беременѣетъ, грязно рожаетъ, потомъ дѣти, невольныя дѣти, потомъ обманы, жестокости, потомъ нравственныя страданія, потомъ просто старость и потомъ смерть.

И потомъ точно ли красота эта—красота? А потомъ, зачѣмъ все это? Вѣдь это хорошо бы было, если бы можно было остановить жизнь. А она идетъ. А что такое значитъ: идетъ жизнь? Идетъ жизнь, значитъ: волосы падаютъ, сѣдѣютъ, зубы портятся, морщины, запахъ изо рта. Даже прежде чѣмъ все кончится, все становится ужаснымъ, отвратительнымъ, видны размазанныя румяна, бѣлила, потъ, вонь, безобразіе. Гдѣ же то, чему я служилъ? Гдѣ же красота? А она—все. А нѣтъ ея,—ничего нѣтъ. Нѣтъ жизни.

Но мало того, что нѣтъ жизни въ томъ, въ чемъ казалась жизнь, самъ начинаешь уходить изъ нея, самъ слабѣешь, дурѣешь, разлагаешься, другіе на твоихъ глазахъ выхватываютъ у тебя тѣ наслажденія, въ которыхъ было все благо жизни. Мало и этого: начинаетъ брезжиться какая-то другая возможность жизни, что-то другое, какое-то другое единеніе съ людьми, со всѣмъ міромъ, такое, при которомъ не можетъ быть всѣхъ этихъ обмановъ, что-то другое такое, которое не можетъ ничѣмъ нарушиться, которое истинно и всегда прекрасно. Но этого не можетъ быть. Это только дразнящій видъ оазиса, когда мы знаемъ, что его нѣтъ и что все песокъ.

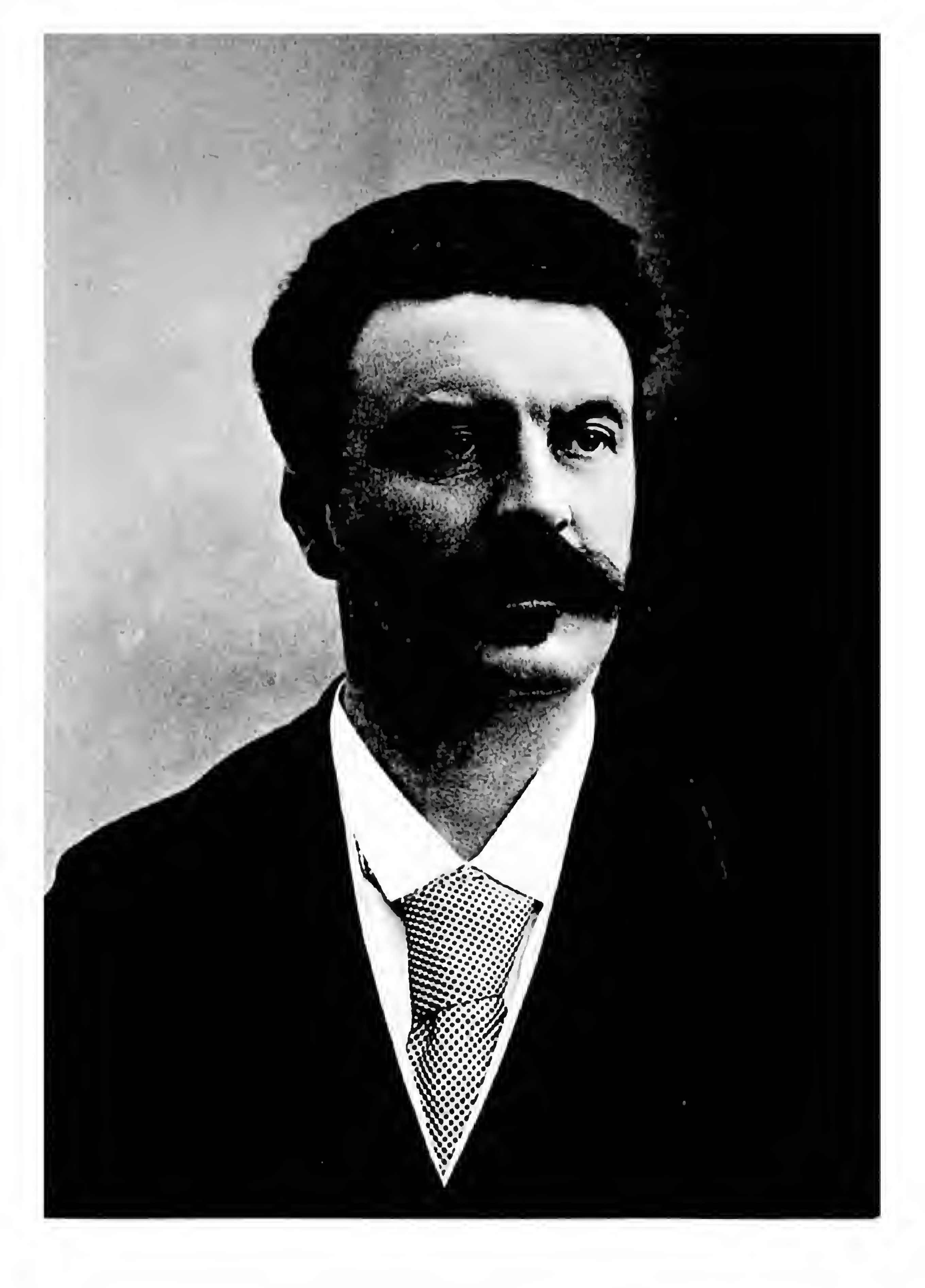
Мопассанъ дожилъ до того трагическаго момента жизни, когда начиналась борьба между ложью той жизни, которая окружала его, и истиною, которую онъ начиналъ сознавать. Начинались уже въ немъ приступы духовнаго рожденія.

И вотъ эти-то муки рожденія и выражены въ тѣхъ лучшихъ произведеніяхъ его, въ особенности въ тѣхъ мелкихъ разсказахъ, которые мы и печатаемъ въ этомъ изданіи.

Если бы ему суждено было не умереть въ мукахъ рожденія, а родиться, онъ бы далъ великія поучительныя произведенія, но и то, что онъ далъ намъ въ своемъ процессѣ рожденія, уже многое. Будемъ же благодарны этому сильному, правдивому человѣку и за то, что онъ далъ намъ.

Левъ Толстой.

2-го апрѣля. Воронежъ.

Гюи де-Мопассанъ.

1850—1893 г.

Біографическія свѣдѣнія о Мопассанѣ.

Французскій писатель Гюи де-Мопассанъ родился 24 іюля 1850 г. въ помѣстьи Миромениль Нижней Сены. Умеръ въ Парижѣ 24 іюня 1893 г. Отецъ его былъ прежде биржевымъ маклеромъ, а крестнымъ отцомъ былъ Густавъ Флоберъ, который съ дѣтства былъ въ дружбѣ съ его матерью. Мопассанъ кончилъ курсъ въ руанскомъ лицеѣ. Въ ту пору это былъ высокій, здоровенный, коренастый малый веселаго нрава и страстный охотникъ до всякихъ физическихъ упражненій. Флоберъ взялъ на себя его литературное воспитаніе. Когда молодой человѣкъ бывалъ у него въ Круассэ, Флоберъ часто говаривалъ ему: „Поди-ка, прогуляйся въ Руанъ; потомъ, по возвращеніи, напишешь мнѣ сто строчекъ и въ нихъ разскажешь все, что видѣлъ". Такимъ образомъ Флоберъ пріучалъ Мопассана давать сжатые разсказы на нѣсколькихъ страницахъ и помогалъ ему вырабатывать ясность, опредѣленность и точность слога. Въ 1872 г. Флоберъ пишетъ матери Мопассана: „Твой сынъ не даромъ любитъ меня; я питаю къ нему дѣйствительно настоящую дружбу. Онъ уменъ, образованъ, очарователенъ и потомъ онъ твой сынъ". Не имѣя лично никакого состоянія, Мопассанъ поступилъ на службу чиновникомъ въ морское министерство и прослужилъ тамъ лѣтъ десять. Въ свободное время онъ писалъ

стихи. Флоберъ, которому онъ ихъ показывалъ, поощрялъ его продолжать дальше. „Мнѣ кажется, что юноша нашъ не прочь таки поболтаться и довольно умѣренно рвется къ труду", пишетъ Флоберъ г-жѣ Мопассанъ. „Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ началъ какую-нибудь большую работу, еслибъ даже она и вышла у него очень плохая. То, что онъ мнѣ показывалъ, ничуть не хуже всякихъ другихъ произведеній парнасцевъ. Со временемъ онъ выработаетъ въ себѣ оригинальность, будетъ наблюдать и чувствовать по своему; въ этомъ, вѣдь, все".

Мопассанъ мало писалъ. Онъ ограничивался посѣщеніями нѣкоторыхъ литературныхъ кружковъ, дружески сблизился съ Гонкуромъ, Золя и нѣкоторыми молодыми писателями натуралистической школы. Время отъ времени Мопассанъ помѣщалъ стихотворенія въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Мопассану было двадцать восемь лѣтъ слишкомъ, когда онъ 7-го февраля 1879 г. поставилъ въ театрѣ свою одноактную комедію въ стихахъ *Histoire du Vieux Temps*. Эта хорошенькая вещица прошла почти незамѣченной.

Въ 1880 г., въ сборникѣ *Меданскіе Вечера*, гдѣ сотрудничали Золя, Гюисмансъ, Генникъ, Сеаръ и Алексисъ, Мопассанъ помѣстилъ свою повѣсть *Boule de suif*; этимъ собственно и открывается его литературная дѣятельность. Эта интересная повѣсть изъ временъ занятія пруссаками Нормандіи сразу выдвинула молодого писателя. Вотъ мнѣніе Флобера объ этой первой работѣ Мопассана: „Я перечиталъ твою повѣсть", пишетъ онъ ему; „повторяю, что это образецъ искусства. Постарайся написать дюжину такихъ произведеній, и твое дѣло сдѣлано".

Въ 1880 г. Мопассанъ издалъ сборникъ своихъ стихотвореній; нѣкоторыя изъ нихъ замѣчательно хороши, на-

писаны крупными, сильными штрихами: *Le mur, Vénus rustique, Au bord de l'eau.* Но съ этого времени онъ почти совсѣмъ бросаетъ стихи и начинаетъ писать коротенькіе разсказы, повѣсти и романы. Не даромъ французскіе критики говорятъ, что въ Мопассанѣ воскресъ національный типъ французскаго разсказчика. Въ его короткихъ, живыхъ разсказахъ звучитъ особенная, личная нотка; въ нихъ много веселости и французскаго остроумія. Подъ шутливой формой Мопассанъ старался дать изображеніе всего, что есть эгоистичнаго, животнаго и низкаго въ буржуа, въ крестьянахъ, въ женщинахъ. Въ его веселости, тогда еще здоровой и могучей, проглядываетъ уже пессимизмъ, которому въ послѣдніе годы его кратковременной жизни суждено было принять мрачный характеръ.

Начиная съ 1880 г., Мопассанъ, тотъ самый Мопассанъ, котораго Флоберъ обвинялъ въ лѣни и безпечности, въ полномъ разгарѣ молодости и силъ, проявляетъ замѣчательную по своей энергіи дѣятельность ума. Онъ сотрудничаетъ въ *Gil Blas'ѣ,* въ *Figaro,* въ *Gaulois*, въ *Nouvelle Revue*, въ *Echo de Paris*, въ *Bevue Bleue* и выпускаетъ быстро одинъ за другимъ цѣлый рядъ романовъ и сборниковъ повѣстей, такъ что за 12 лѣтъ появилось 23 тома его произведеній.

Для отдыха отъ такой сильной умственной работы Мопассанъ прибѣгалъ къ усиленнымъ физическимъ упражненіямъ, главнымъ образомъ онъ любилъ самъ грести на лодкѣ. Онъ ѣздилъ въ Алжиръ, имѣлъ собственную яхту, которую назвалъ *Bel-Ami*, и одинъ по цѣлымъ мѣсяцамъ плавалъ вдоль береговъ Средиземнаго моря. Но съ этого времени его могучее здоровье сильно пошатнулось. Онъ схватилъ какую-то упорную болѣзнь желудка, которая не поддавалась никакому лѣченію, не смотря на его ежегодныя поѣздки

на воды. Характеръ его измѣнился, настроеніе сдѣлалось мрачнымъ и работать ему стало трудно. Для возбужденія воображенія онъ сталъ прибѣгать къ искусственному опьяненію, принималъ эѳиръ и кофеинъ. Скоро и отъ этихъ возбуждающихъ средствъ онъ принужденъ былъ отказаться. Мопассанъ впадалъ все въ большую и большую ипохондрію. Сумасшествіе и смерть его брата только усилили болѣзнь. Такія физическія разстройства налагали отпечатокъ на его талантъ и въ концѣ концовъ совсѣмъ погубили его.

Въ декабрѣ 1891 г. Мопассанъ находился на югѣ Франціи, когда съ нимъ сдѣлались вдругъ страшные нервные припадки; онъ пытался лишить себя жизни. Всякія попытки возстановить его здоровье оставались безуспѣшны; болѣзнь была неизлѣчима: у него обнаружился прогрессивный параличъ. 26 декабря 1891 г. его перевезли въ Парижъ, гдѣ онъ и умеръ.

Нищій.

Несмотря на свою нищету и убожество, и ему были знакомы лучшія времена.

Когда ему было пятнадцать лѣтъ, карета, проѣзжавшая по большой Варвильской дорогѣ, отдавила ему обѣ ноги. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ побираться, ковыляя по дорогамъ и заходя на фермы. Отъ костылей плечи его поднялись до самыхъ ушей, а голова точно сидѣла между двухъ утесовъ.

Подкидышемъ нашелъ его въ канавѣ бильетскій священникъ, подъ праздникъ Всѣхъ Святыхъ, поэтому его и назвали Николаемъ Туссенъ. Мальчика вскормили изъ жалости и оставили безъ всякаго образованія. Булочникъ для смѣха вкатилъ ему нѣсколько стакановъ водки, и вотъ онъ, искалѣченный, съ тѣхъ поръ бродяга и ничего больше не можетъ дѣлать, какъ только протягивать руку.

Въ прежнія времена баронесса д'Авари пожертвовала ему для ночлега что-то вродѣ конурки, набитой соломой, рядомъ съ курятникомъ, на фермѣ, около съ барскаго дома. Въ голодные дни онъ смѣло могъ разсчитывать, что для него найдется въ кухнѣ и кусокъ хлѣба, и стаканъ сидра.

Нерѣдко старуха бросала ему съ высокаго крыльца или изъ оконъ своей комнаты нѣсколько грошей. Теперь и ее не осталось въ живыхъ.

По деревнямъ ему перестали подавать,—слишкомъ хорошо его знали. Всѣмъ надоѣло смотрѣть на него: ужь сорокъ лѣтъ таскалъ онъ свое убогое, въ лохмотьяхъ тѣло на двухъ деревянныхъ подпоркахъ отъ одной лачужки къ другой. Но бросить эту мѣстность онъ не желалъ: кромѣ этого уголка, кромѣ этихъ трехъ, четырехъ деревушекъ, гдѣ протекла его жалкая жизнь, онъ ничего другого не зналъ. Онъ опредѣлилъ себѣ границы, гдѣ будетъ собирать милостыню, и такъ привыкъ къ этимъ границамъ, что никогда не рѣшился бы ихъ переступить.

Онъ не зналъ, есть ли что-нибудь тамъ, дальше, за деревьями, которые ограничивали его поле зрѣнія. Онъ даже не задавалъ себѣ такого вопроса.

— Чего не идешь въ другія деревни? Чего тутъ ковыляешь все?—говорили крестьяне, когда имъ надоѣдало наконецъ видѣть его постоянно около своихъ полей и канавъ.

Онъ молча отходилъ прочь. На него нападалъ какой-то страхъ передъ неизвѣстнымъ, страхъ бѣдняка, котораго смутно пугаетъ тысяча предметовъ: новыя лица, ругань, подозрительные взгляды незнакомыхъ людей, жандармы, расхаживающіе по парно по дорогамъ, при видѣ которыхъ онъ инстинктивно нырялъ въ кусты или прятался за кучу камней.

Чуть только заблеститъ бывало на солнцѣ вдали мундиръ жандарма, какъ онъ дѣлался необыкновенно проворнымъ—такъ проворнымъ, какъ животное, спасающееся въ свою нору. Бросивъ костыли, онъ падалъ на землю, какъ мѣшокъ, свертывался въ комокъ, дѣлался маленькимъ, невидимымъ, прижимался къ землѣ, какъ заяцъ, и его грязныхъ лохмотьевъ нельзя было отличить отъ земли.

А между тѣмъ ему ни разу не приходилось имѣть дѣла съ жандармами; но это было уже въ его крови—и этотъ

страхъ, и эти хитрости, точно онъ унаслѣдовалъ ихъ отъ родителей, которыхъ вовсе не зналъ.

У него не было убѣжища, крова, жилища, никакого пристанища. Лѣтомъ онъ спалъ, гдѣ попало, а зимой съ необыкновенною ловкостью пробирался въ овины или хлѣва. Оттуда онъ исчезалъ, никѣмъ не замѣченный. Онъ зналъ всѣ лазейки. Отъ постояннаго обращенія съ костылями руки его пріобрѣли такую силу въ кистяхъ, что онъ взбирался съ помощью ихъ на самый сѣновалъ и тамъ проводилъ, не двигаясь съ мѣста, по четыре, по пяти дней, въ особенности когда ему удавалось собрать достаточное количество провіанта.

И онъ жилъ среди людей, какъ лѣсной звѣрь, никого не зная, никого не любя. Въ крестьянахъ онъ возбуждалъ равнодушное презрѣніе и глухую ненависть. Его звали *колоколомъ* за то, что онъ раскачивался на своихъ деревяшкахъ, какъ раскачивается колоколъ между двухъ стоекъ.

Два дня уже онъ ничего не ѣлъ. Никто не подавалъ ему. Отъ него хотѣли отдѣлаться.

Бабы, завидѣвъ его еще издали, кричали, стоя въ дверяхъ:

— Чего лѣзешь, сиволапый? Третьяго дня только подала тебѣ кусокъ!

Онъ повертывался на своихъ подпоркахъ и шелъ къ сосѣднему дому, гдѣ принимали его точно такимъ же манеромъ.

И изъ каждой двери раздавался бабій крикъ:

— Не круглый же годъ кормить этого бездѣльника!

Однако бездѣльнику хотѣлось ѣсть каждый день.

Онъ обошелъ Сентъ-Илеръ, Варвиль и Бильеты, не получивъ ни одного гроша, ни одной черствой корки. Оставалась только одна надежда на Турноли; но туда было добрыхъ

семь верстъ по большой дорогѣ. Онъ усталъ и еле тащился: въ желудкѣ у него было такъ же пусто, какъ и въ карманѣ.

Все-таки онъ пошелъ.

Былъ декабрь. Холодный вѣтеръ несся по полямъ, свистѣлъ въ обнаженныхъ сучьяхъ. Низкія, темныя тучи мчались по небу, торопясь, неизвѣстно куда. Калѣка шелъ медленно, съ трудомъ перестанавливая одну подпорку за другой и опираясь на единственную кривую ногу въ какихъ-то лохмотьяхъ.

Иногда онъ садился на краю канавы и нѣсколько минутъ отдыхалъ. Голодъ повергалъ въ отчаяніе его смущенный, отяжелѣвшій духъ. Одна была мысль у него: „ѣсть", но онъ не зналъ, какъ это сдѣлать.

Три часа, измученный, тащился онъ по дорогѣ. Наконецъ, завидѣвъ деревья селенія, ускорилъ движенія.

Первый встрѣчный крестьянинъ, у котораго онъ попросилъ милостыню, сказалъ:

— А, старый знакомый, опять здѣсь! Видно отъ тебя никогда не отдѣлаешься.

Онъ отошелъ. Отъ каждой двери его грубо гнали прочь и ничего не давали. Онъ терпѣливо, упорно продолжалъ свой обходъ. Но не собралъ ни гроша.

Тогда онъ обошелъ фермы, шагая по размокшей отъ дождя землѣ, и такъ измучился, что не въ состояніи былъ вытаскивать изъ грязи свои костыли. Отовсюду его гнали. Это былъ одинъ изъ тѣхъ холодныхъ, пасмурныхъ дней, когда сердца замкнуты, умъ ожесточенъ, душа мрачна, а рука не разжимается ни для подаянія, ни для помощи.

Обойдя знакомые дома, онъ забрался въ канаву на дворѣ у дяди Шикэ и забился тамъ въ уголокъ. Прижавъ подмышками высокіе костыли, онъ скользнулъ по нимъ на

землю, „снялся съ костылей“, какъ говорили. Долго оставался онъ безъ движенія, мучимый голодомъ. Онъ слишкомъ отупѣлъ, чтобы измѣрить всю глубину своей нищеты.

Онъ ждалъ чего-то. Это смутное ожиданіе есть у всякаго изъ насъ. Забившись въ уголъ двора, онъ ждалъ подъ ледянымъ вѣтромъ какой-то таинственной помощи, которую ждутъ отъ неба или отъ людей, не спрашивая себѣ, какъ, почему, отъ кого она придетъ къ нему. Мимо него проходило стадо черныхъ куръ; онѣ искали пропитанія въ землѣ — кормилицѣ всѣхъ существъ. Поминутно онѣ выхватывали клювомъ то зернышко, то невидимое насѣкомое и шли дальше, продолжая свои медленные, но вѣрные поиски.

Калѣка смотрѣлъ на нихъ, не думая ни о чемъ. Потомъ у него явилась не мысль, а ощущеніе,—и даже не въ головѣ, а скорѣй въ желудкѣ,—что не дурно было бы взять одну курицу и зажарить на сухомъ хворостѣ.

У него не было даже и тѣни мысли, что онъ совершаетъ воровство. Онъ взялъ первый попавшійся камень и, такъ какъ былъ ловокъ, то сразу положилъ на мѣстѣ курицу, которая была ближе къ нему. Курица упала на бокъ и трепетала крыльями. Остальныя убѣжали, раскачиваясь на своихъ тоненькихъ лапкахъ. Калѣка взобрался на костыли и бросился поднимать добычу, раскачиваясь на ходу, какъ убѣгавшія куры.

Онъ подошелъ къ маленькому черному тѣлу съ кровавыми пятнами на головѣ. Въ эту минуту онъ почувствовалъ жестокій толчокъ въ спину. Костыли его разлетѣлись, и самъ онъ отлетѣлъ на десять шаговъ впередъ. Разъяренный дядя Шикэ налетѣлъ на мародёра, осыпая его ударами, какъ изступленный; онъ билъ такъ, какъ бьетъ обворованный мужикъ: кулаками, колѣномъ, по всѣму тѣлу безсильнаго, беззащитнаго калѣки.

Подбѣжали работники и въ свою очередь стали помотать хозяину колотить нищаго. Наконецъ устали, подняли его отнесли въ дровяной сарай и заперли тамъ до прихода жандармовъ.

Полумертвый калѣка, весь въ крови, лежалъ на землѣ, издыхая отъ голода. Наступилъ вечеръ, ночь, наконецъ разсвѣло. Онъ все еще не ѣлъ.

Часамъ къ двѣнадцати явились жандармы и осторожно, ожидая сопротивленія, отворили дверь: Шикэ наговорилъ имъ, что нищій напалъ на него и что онъ едва могъ отъ него защититься.

— Ну, вставай! — крикнулъ ему унтеръ-офицеръ.

Калѣка не могъ двинуться. Онъ попробовалъ было взобраться на костыли, но не могъ. Воображая, что все это притворство, хитрости, умыселъ злодѣя, два вооруженныхъ человѣка грубо подхватили его и силой поставили на костыли.

На нищаго напалъ страхъ, врожденный страхъ передъ желтой портупеей, страхъ дичи передъ охотникомъ, страхъ мыши передъ кошкой. Съ помощью нечеловѣческихъ усилій ему удалось наконецъ удержаться на ногахъ.

— Маршъ! Въ дорогу! — скомандовалъ унтеръ-офицеръ.

Нищій пошелъ. Весь персоналъ фермы провожалъ его глазами. Женщины показывали ему кулаки; мужчины издѣвались, ругали. Забрали молодца! Туда ему и дорога!

Онъ шелъ въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ. Въ немъ нашлась еще энергія отчаянія, и онъ протащился до вечера, отупѣвъ совершенно, ошалѣвъ, ничего не понимая и не давая себѣ отчета въ томъ, что̀ происходитъ.

Попадавшіеся на встрѣчу крестьяне останавливались и, провожая его глазами, говорили:

— Должно-быть, воръ какой-нибудь!

Къ ночи пришли въ главное мѣстечко кантона. Онъ никогда еще здѣсь не былъ. Онъ не представлялъ себѣ даже, чтò такое съ нимъ происходитъ, чтò его ожидаетъ. Все это новое, неожиданное, новыя лица, новыя зданія наводили на него ужасъ.

Онъ молчалъ. Да и что сказать ему, когда онъ ничего не понималъ? Къ тому же онъ столько лѣтъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ, что почти уже разучился говорить. Мысли его слишкомъ перепутались и не могли вылиться въ слова̀.

Его посадили въ городскую тюрьму. Жандармамъ и въ голову не пришло, что ему, можетъ-быть, хочется ѣсть. Такъ его продержали до слѣдующаго дня.

Когда же рано утромъ пришли къ нему для допроса, онъ лежалъ мертвый на полу. Вотъ такъ сюрпризъ!

Дюшу.

Спускаясь по большой лѣстницѣ клуба, гдѣ было натоплено, какъ въ теплицѣ, баронъ Мордіанъ нарочно распахнулъ шубу. Когда большая наружная дверь затворилась за нимъ, онъ почувствовалъ сильный ознобъ,—одинъ изъ тѣхъ быстро наступающихъ, болѣзненныхъ ознобовъ, которые нагоняютъ тоску, подобно какому-нибудь горю. Онъ немножко проигрался, да къ тому же съ нѣкоторыхъ поръ страдалъ желудкомъ и не могъ ѣсть въ свое удовольствіе.

Онъ шелъ домой. Ему представилась его огромная пустая квартира, лакей, спящій въ прихожей, кабинетъ его, гдѣ на газовой канфоркѣ тихонько шумѣла вода для вечерняго туалета; широкая, античная кровать, торжественная, какъ смертное ложе, и вдругъ холодъ другого рода, больнѣе самаго ледяного воздуха пронизалъ его до глубины сердца, до самаго мозга костей.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ онъ тяготился одиночествомъ, которое угнетаетъ иногда старыхъ холостяковъ, и эта тяжесть годъ отъ году давала себя чувствовать сильнѣе. Прежде онъ отличался весельемъ, силой, ловкостью; день посвящалъ спорту, ночи—пирамъ. Теперь онъ отяжелѣлъ, и рѣдко что доставляло ему удовольствіе. Занятія спорта утомляли его; отъ ужиновъ и даже отъ обѣдовъ онъ

хворалъ. Насколько прежде женщины доставляли ему развлеченіе, настолько теперь нагоняли на него скуку.

Монотонное однообразіе вечеровъ, неизмѣнныя встрѣчи съ пріятелями въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, въ клубѣ, неизмѣнная карточная игра съ выигрышами и проигрышами, одни и тѣ же разговоры объ однихъ и тѣхъ же предметохъ, однѣ и тѣ же остроты изъ однихъ и тѣхъ же устъ, однѣ и тѣ же шутки на одну и ту же тему, одни и тѣ же злословія по поводу тѣхъ же женщинъ—опротивѣли ему до того, что вызывали минутами искреннее желаніе покончить жизнь самоубійствомъ. Ему не подъ силу становилась эта правильная, пустая жизнь, банальная, легкая и въ то же время очень тяжелая. Онъ и самъ не зналъ, что̀ ему нужно. Ему хотѣлось чего-то успокоивающаго, мирнаго, комфортабельнаго.

Ужь конечно онъ не думалъ жениться. У него не хватило бы мужества обречь себя на меланхолическое рабство брачной жизни. Что можетъ быть ужаснѣй этой жизни? Два существа всегда вмѣстѣ, изучили другъ друга до того, что одинъ не можетъ сказать слова безъ того, чтобы другой не угадалъ уже, что онъ хочетъ сказать. Малѣйшій жестъ и тотъ предугаданъ. Всякая мысль, всякое желаніе, всякое сужденіе извѣстны заранѣе. Онъ думалъ, что женщина можетъ быть пріятна только тогда, когда ее мало знаешь, когда въ ней остается что-то таинственное, неизвѣданное, скрытое, что̀ всегда васъ неможно безпокоитъ. Ему нужна была семья, но не своя собственная, а такая, гдѣ бы онъ могъ проводить только часть своей жизни. И вотъ опять воспоминаніе о сынѣ встало передъ нимъ.

Уже годъ, какъ онъ думалъ о немъ постоянно. Желаніе видѣть, узнать его не давало ему покоя. Онъ родился у него еще въ молодости, при драматической, нѣжной обста-

новкѣ. Ребенка отправили на югъ, и онъ выросъ гдѣ-то около Марселя, не зная даже имени своего отца.

Отецъ каждый мѣсяцъ платилъ за него сначала кормилицѣ, потомъ въ гимназію, давалъ на праздники, наконецъ на женитьбу; бракъ былъ заключенъ по разсчету. Посредникомъ служилъ одинъ нотаріусъ, который былъ настолько скроменъ, что ни разу ничѣмъ не выдалъ тайны.

Баронъ Мордіанъ зналъ только, что тамъ гдѣ-то, въ окрестностяхъ Марселя существуетъ его родной сынъ, зналъ, что его считали умнымъ, хорошо образованнымъ, что онъ женился на дочери подрядчика-архитектора и продолжаетъ дѣло своего тестя. Говорили также, что онъ много зарабатываетъ денегъ.

Почему бы ему не посмотрѣть на сына, не узнать, что онъ за человѣкъ, не называя себя сначала? Почему бы не обезпечить себѣ въ этой семьѣ уголокъ, гдѣ бы можно было въ случаѣ надобности найти пріютъ?

Онъ сдѣлалъ все на широкую ногу, далъ хорошее приданое, которое приняли съ благодарностью. Онъ увѣренъ былъ, значитъ, что не встрѣтитъ съ той стороны непомѣрной гордости. И эта мысль, это желаніе съ каждымъ днемъ обострялись все больше и больше и положительно не давали покоя, словно какой-нибудь зудъ. Его подстрекала къ тому же какая-то необыкновенная эгоистическая нѣжность. Онъ представлялъ себѣ веселый домикъ на берегу моря, залитый солнцемъ, гдѣ его встрѣтитъ молодая, красивая невѣстка, бросятся на шею внучата, а сынъ напомнитъ ему очаровательное, мимолетное приключеніе изъ далекаго прошлаго. Онъ сожалѣлъ только о томъ, что потратилъ зря столько денегъ и не могъ теперь явиться туда благодѣтелемъ. Эти деньги были бы теперь въ хорошихъ рукахъ.

Съ этою мыслью онъ и шелъ теперь, спрятавъ голову въ

воротникъ своей шубы, и вдругъ рѣшилъ. Проѣзжалъ извощикъ. Онъ подозвалъ его и приказалъ везти себя домой.

— Луи, — сказалъ онъ, когда проснувшійся лакей отворилъ ему дверь, — завтра вечеромъ мы ѣдемъ въ Марсель. Пробудемъ тамъ, можетъ-быть, недѣли двѣ. Приготовьте все необходимое.

Поѣздъ катился вдоль песчаныхъ береговъ Роны; затѣмъ пошли желтыя равнины, разбросанныя деревни, широкій просторъ и голыя горы вдали.

Проведя ночь въ спальномъ вагонѣ, баронъ Мордіанъ проснулся и съ грустью посмотрѣлъ на себя въ небольшое зеркальце дорожнаго ящика. Яркій южный свѣтъ указалъ ему морщины, которыхъ онъ прежде не замѣчалъ: полумракъ парижскихъ квартиръ скрывалъ эти признаки дряхлости.

Разсматривая углы глазъ, измятыя вѣки, обнажившійся лобъ, виски, онъ подумалъ:

— Чортъ возьми! Я не только поистрепался, но и порядкомъ таки постарѣлъ.

И желаніе покоя вдругъ выросло и достигло полнаго напряженія, а вмѣстѣ съ нимъ, въ первый разъ, явилась смутная потребность видѣть у себя на колѣняхъ внучатъ.

Онъ нанялъ въ Марсели ландо и около часу пополудни очутился передъ деревенскимъ бѣлымъ домикомъ, до такой степени бѣлымъ, что даже больно было смотрѣть на него, приходилось зажмуриваться. Домикъ стоялъ въ глубинѣ аллеи изъ платановъ.

— Очень мило, чортъ возьми! — думалъ баронъ, идя по аллеѣ.

Вдругъ изъ-за куста выбѣжалъ какой-то мальчуганъ лѣтъ пяти или шести и, остановившись на краю дороги, смотрѣлъ на него круглыми глазами. Мордіанъ подошелъ къ нему.

— Здравствуй, мальчикъ.

Мальчуганъ ничего не отвѣтилъ.

Баронъ нагнулся и взялъ его на руки, желая поцѣловать; но, задохнувшись чеснокомъ, которымъ мальчикъ точно насквозь былъ пропитанъ, быстро опустилъ его на землю, пробормотавъ:

— Охъ, это мальчикъ садовника.

И пошелъ къ дому.

Передъ дверью сушилось на веревкѣ бѣлье: рубашки, полотенца, тряпки, фартуки, простыни. Цѣлое окно было занято носками, развѣшанными въ нѣсколько рядовъ на веревочкахъ: точно выставка сосисокъ передъ колбасной.

Баронъ крикнулъ, и на его зовъ вышла служанка, настоящая южная служанка: грязная, растрепанная; волосы прядями падали на лицо; юбка, засаленная, въ пятнахъ, и эти пятна на прежнемъ фонѣ юбки имѣли видъ чего-то ярмарочнаго, балаганнаго, какъ одежда арлекина.

— Дома г-нъ Дюшу?—спросилъ баронъ.

Онъ, жизнерадостный скептикъ, далъ когда-то такую фамилію ребенку, намекая на то, что его нашли подъ капустой. Дюшу собственно и значитъ *капустникъ*.

— Вы спрашиваете г-на Дюшукса?—переспросила служанка.

— Да.

— Вонъ онъ, въ залѣ, чертитъ планы.

— Скажите, что съ нимъ желаетъ переговорить г-нъ Мерленъ.

— Да ступайте же, если вамъ надо его видѣть,—сказала она съ удивленіемъ.

— Господинъ Дюшуксъ, къ вамъ гость!—крикнула она.

Баронъ вошелъ въ большую залу, гдѣ были притворены наполовину ставни. Въ полумракѣ смутно можно было различить предметы и людей. Все имѣло какой-то неряшливый видъ.

Передъ столомъ, заваленнымъ всевозможными предметами,

маленькій, плѣшивый человѣчекъ что-то чертилъ на большомъ листѣ бумаги.

Онъ бросилъ работу и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу посѣтителю.

Все указывало, что ему было очень жарко: жилетъ на распашку, растегнутые штаны, завернутые обшлага рубашки. Грязные башмаки указывали на то, что нѣсколько дней тому назадъ шелъ дождь.

— Съ кѣмъ имѣю честь?.. — спросилъ онъ съ сильнымъ южнымъ акцентомъ.

— Мерленъ... Я пріѣхалъ посовѣтоваться съ вами насчетъ покупки земли подъ постройку.

— А, а! Очень хорошо... Опростай стулъ, Жозефина,—сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ, которая что-то вязала въ тѣни.

Мордіанъ увидалъ женщину молодую еще, но уже старую на видъ, какъ старятся въ провинціи въ двадцать пять лѣтъ,— старятся отъ недостатка ухода, отъ недостатка опрятности,— тѣхъ мелочей женскаго туалета, которыя упрочиваютъ свѣжесть, сохраняя прелесть и красоту чуть не до пятидесяти лѣтъ. Плечи прикрывала какая-то косынка; волосы завернуты чортъ знаетъ какъ, — прекрасные, густые, черные волосы, но рѣдко видавшіе, очевидно, щетку. Она протянула руки—простыя, какъ у служанки,—приняла со стула дѣтское платье, ножикъ, какую-то веревку, пустой цвѣточный горшокъ, грязную тарелку и подала стулъ посѣтителю.

Мордіанъ сѣлъ. Кромѣ книгъ и бумагъ, онъ увидалъ на рабочемъ столѣ Дюшу два только-что срѣзанныхъ кочна салата, тазъ, головную щетку, полотенце, револьверъ и нѣсколько немытыхъ чашекъ.

Архитекторъ замѣтилъ его взглядъ.

— Извините,—съ улыбкой проговорилъ онъ,—въ комнатѣ маленькій безпорядокъ. Все дѣти.

И онъ подвинулъ свой стулъ, чтобъ удобнѣе разговаривать съ кліэнтомъ.

— Вы ищете, стало-быть, землю въ окрестностяхъ Марселя.

На барона, хотя и издалека, пахнуло чеснокомъ. Южане благоухаютъ чеснокомъ, какъ цвѣты ароматомъ.

— Это вашего сына встрѣтилъ я тамъ, подъ платанами?— спросилъ Мордіанъ.

— Да. Это мой второй сынъ.

— У васъ ихъ два?

— Три. Каждый годъ по сыну.

Дюшу говорилъ, очевидно, съ гордостью.

„Если они всѣ такъ благоухаютъ, то ихъ комната должна быть настоящей теплицей“,—подумалъ баронъ.

— Да,—снова началъ онъ,—мнѣ хотѣлось бы имѣть хорошій клочокъ у самаго моря, маленькій, уединенный кусочекъ берега...

Дюшу сказалъ, что у него такихъ участковъ десять, двадцать, пятьдесятъ, сто и даже больше и все съ подходящими условіями; есть на всякія цѣны, на всякіе вкусы. Рѣчь его лилась фонтатномъ. Онъ говорилъ съ улыбкой, довольный собой, и при этомъ вертѣлъ своей круглой, плѣшивой головой.

Мордіану припомнилась маленькая, тоненькая блондинка, немножко меланхоличная, такъ нѣжно произносившая: „мой милый“. Только одно это воспоминаніе и способно было оживлять кровь въ его жилахъ. Три мѣсяца она любила его безумно, страстно, потомъ забеременѣла въ отсутствіе мужа,— ея мужъ былъ губернаторомъ въ колоніи. Растерявшись отъ ужаса и отчаянія, она убѣжала, спряталась и не показывалась вплоть до рожденія ребенка. Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ Мордіанъ унесъ ребенка, и съ тѣхъ поръ они его больше не видали.

Три года спустя, она умерла отъ чахотки, тамъ, у себя

въ колоніи: она тогда же уѣхала къ мужу. И вотъ теперь передъ нимъ *ихъ* сынъ. Онъ говоритъ, отчеканивая послѣдніе слоги, которые звучатъ у него металлически:

— Этотъ участокъ, господинъ Мерленъ, просто находка...

И Мордіану припомнился другой голосъ, нѣжный, какъ дуновеніе вѣтерка, лепетавшій:

— Милый мой, мы не разстанемся никогда...

Ему припомнились при взглядѣ на этого смѣшного человѣка, походившаго, между прочимъ, на мать, голубые глаза, нѣжные, глубокіе, преданные. У него тоже голубые глаза, но круглые и безжизненные, пустые.

Да, сходство увеличивалось съ минуты на минуту. Онъ напоминалъ ее интонаціей голоса, жестами, манерами. Онъ похожъ былъ на нее, какъ походитъ обезьяна на человѣка; видно было, что это ея сынъ; онъ унаслѣдовалъ отъ нея множество чертъ въ искаженномъ, возмутительномъ, отталкивающемъ видѣ. Пораженный этимъ ужаснымъ сходствомъ, увеличивающимся съ каждою минутой, этимъ страшнымъ сходствомъ, мучительнымъ, какъ кошмаръ, какъ угрызеніе совѣсти, баронъ страдалъ невыносимо.

— Когда же намъ можно будетъ вмѣстѣ осмотрѣть эту землю?—пробормоталъ Мордіанъ.

— Да завтра, если хотите.

— Хорошо, завтра. Въ которомъ часу?

— Въ часъ.

— Отлично.

— Пайрэ *),—закричалъ въ эту минуту мальчуганъ, появляясь въ дверяхъ,—тотъ самый, который встрѣтился барону въ аллеѣ.

Ему не отвѣчали.

Мордіанъ всталъ. Ему хотѣлось поскорѣй уйти, бѣжать.

*) Пайрэ,—вмѣсто *père*,—отецъ.

Ноги его дрожали. Это *пайрэ* поразило его точно пуля. Это пайрэ съ чеснокомъ, это южное пайрэ относилось къ нему, касалось его.

Ахъ, какъ хорошо пахло отъ нея, его подруги!

Дюшу провожалъ его.

— Это вашъ собственный домъ?—спросилъ баронъ.

— Да, я недавно купилъ его и горжусь этимъ. Я незаконнорожденный сынъ и не скрываю этого, напротивъ горжусь. Я никому ничѣмъ не обязанъ. Я дѣтище своихъ собственныхъ трудовъ; всѣмъ обязанъ только самому себѣ.

— Пайрэ!—опять послышался голосъ мальчугана, теперь издали: онъ стоялъ на порогѣ.

Мордіанъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и, охваченный паникой, бѣжалъ, какъ бѣгутъ отъ какой-нибудь большой опасности.

„Онъ узнаетъ меня, догадается, кто я", думалъ онъ. „Онъ заключитъ меня въ свои объятія, закричитъ также: Пайрэ! и вмѣстѣ съ поцѣлуемъ обдастъ мое лицо чеснокомъ."

— Итакъ, до завтра.

— До завтра. Въ часъ.

Ландо катилось по бѣлой дорогѣ.

— Извощикъ, на станцію!

И ему послышались два голоса: одинъ нѣжный, слабый, какъ бы далекій, печальный, какъ голосъ мертвецовъ, говорившій: „мой милый". И другой—звонкій, пѣвучій, страшный, кричавшій: „Пайрэ", какъ кричатъ: „держи", когда по улицамъ бѣжитъ воръ.

На слѣдующій день вечеромъ графъ д'Этрейлисъ, придя въ клубъ, сказалъ Мордіану:

— Васъ не видать было три дня. Вы были больны?

— Да, нездоровилось. У меня бываютъ по временамъ мигрени.

Сынъ.

Они гуляли—два старыхъ пріятеля—въ саду, гдѣ весело трепетала жизнью весна и все цвѣло.

Одинъ—сенаторъ, другой—академикъ. Оба—важные, разсудительные, торжественные; оба—извѣстные, съ прочною репутаціей.

Сначала говорили о политикѣ. Главную роль тутъ играли, конечно, не идеи, а люди. Въ такихъ вопросахъ люди всегда заслоняютъ собой *идеи*. Потомъ пошли разныя воспоминанія. Наконецъ, пріятели умолкли и, окончательно разнѣженные теплотой воздуха, шли молча рядомъ.

Большая корзина желтофіолей изливала сладкое и нѣжное благоуханіе. Цѣлая груда цвѣтовъ всякихъ породъ и оттѣнковъ бросала вѣтерку свои ароматы, а желтый цитизъ, весь увѣшанный кистями цвѣтовъ, пускалъ по вѣтру свою душистую, какъ медъ, пыльцу, и эти струи золотистаго дыма несли въ пространство пахучіе зародыши, нѣжные и ласкающіе, какъ пудра парфюмера.

Сенаторъ остановился, потянулъ въ себя плывшее въ воздухѣ плодотворное облочко и, взглянувъ на влюбленное дерево, сіявшее, какъ солнце, и разсылавшее по воздуху зародыши, сказалъ:

— Подумать только, что эти чуть замѣтные, благоухающіе

атомы создадутъ новыя жизни за цѣлыя версты отсюда, потрясутъ фибры и соки дерева-самки и произведутъ на свѣтъ существъ, какъ и мы, изъ зародыша и такихъ же смертныхъ, какъ мы! И этихъ созданій, опять-таки какъ у насъ, замѣнятъ другія, одинаковыя съ ними по существу.

И ставъ передъ лучезарнымъ цитизомъ, при каждомъ вздрагиваніи вѣтерка посылавшимъ свои живительные ароматы, сенаторъ прибавилъ:

— Ага, крѣпышъ! Ловко ты сталъ бы въ тупикъ, еслибы тебѣ пришлось подсчитать твоихъ дѣтей! Вотъ кому ничего не стóитъ производить ихъ на свѣтъ и бросать потомъ безъ всякаго сожалѣнія.

— А мы развѣ не такъ поступаемъ?—сказалъ академикъ.

— Да, мы бросаемъ иногда дѣтей; я этого не отрицаю,—сказалъ сенаторъ,—но мы по крайней мѣрѣ это знаемъ. Въ этомъ и заключается наше превосходство.

Академикъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, я не то хочу сказать... Видишь ли, другъ любезный, у всякаго почти человѣка есть дѣти, о которыхъ онъ ничего не знаетъ,—такъ называемые дѣти *неизвѣстныхъ отцовъ*. Этихъ дѣтей онъ производитъ на свѣтъ почти такъ же безсознательно, какъ это дерево.

Еслибы понадобилось сосчитать всѣхъ женщинъ, съ которыми каждый изъ насъ имѣлъ дѣло, то мы очутились бы въ такомъ же затрудненіи, какъ этотъ цитизъ, которому ты предлагаешь сосчитать свое потомство.

Перечисливъ подъ рядъ всѣ мимолетныя встрѣчи, всѣ минутныя связи, мы можемъ легко предположить, что за все время, отъ восемнадцати до сорока лѣтъ, у насъ было двѣсти, триста интимныхъ отношеній съ женщинами.

И можно ли поручиться, что изъ этого числа ты не оплодотворилъ хоть одну, что у тебя нѣтъ гдѣ-нибудь на

улицѣ или въ каторгѣ шелопая сынка, которойворуетъ и убиваетъ честныхъ людей, т.-е. насъ же, что дочь твоя не въ дурномъ домѣ или не въ кухаркахъ гдѣ-нибудь, если къ счастью мать бросила ее на произволъ судьбы.

Подумай только, что всякая такъ называемая *публичная* женщина имѣетъ по одному или по два ребенка, заполучая ихъ среди объятій въ десять, двадцать франковъ, неизвѣстно отъ какого отца. Барыши и убытки выпадаютъ на долю каждаго ремесла. Вотъ эти-то отпрыски и составляютъ убытокъ ея профессіи. Кто же производители? Ты, я, мы всѣ,— мы, такъ называемые *порядочные* люди. Все это результаты нашихъ пріятельскихъ обѣдовъ, веселыхъ вечеровъ, результаты тѣхъ минутъ, когда наша довольная плоть толкаетъ насъ на случайныя связи.

Воры, бродяги, всякіе негодяи—вотъ кто наши дѣти. И это еще лучше для насъ. Что, еслибъ они были нашими отцами? Вѣдь эти негодяи тоже производятъ дѣтей.

Вотъ у меня, напримѣръ, лежитъ на совѣсти прескверная исторія. Я разскажу ее. Для меня это вѣчныя угрызенія совѣсти, вѣчныя сомнѣнія, мучительная неувѣренность, которую никакъ нельзя разрѣшить. По временамъ я страдаю ужасно.

Когда мнѣ было двадцать пять лѣтъ, мы съ однимъ пріятелемъ—теперь онъ государственный совѣтникъ—предприняли путешествіе по Бретани пѣшкомъ.

Послѣ двухъ, трехъ недѣль отчаянной маршировки мы прибыли въ Дуарненэ, исходивъ Котъ-дю-Норъ и часть Финистерре. Оттуда, черезъ заливъ Трепассэ, мы очутились сразу на дикомъ пикѣ Ра и расположились ночевать въ одной деревушкѣ. Названіе этой деревушки оканчивалось на *офъ*. На утро какая-то особенная усталость удержала моего товарища въ постели; говорю „въ постели“ по привычкѣ,—

наше ложе состояло просто-напросто изъ двухъ охапокъ соломы.

Ну, какъ можно хворать въ такомъ мѣстѣ! Я принудилъ товарища встать, и мы часамъ къ четыремъ, пяти вечера добрались до Одьерна.

На другой день товарищу стало получше. Мы отправились дальше. Но дорогой его опять такъ схватило, что мы еле-еле дотащились до Понъ-Лабе.

Тутъ по крайней мѣрѣ была гостиница.

Товарищъ слегъ. Вызвали доктора изъ Кемпера. Докторъ нашелъ сильное лихорадочное состояніе, но болѣзни пока не опредѣлилъ.

Ты знаешь Понъ-Лабе? Нѣтъ. Ну, такъ это самый бретанскій городъ изъ всей заядлой Бретани, — той самой Бретани, отъ мыса Ра до Морбигана, которая хранитъ въ себѣ эссенцію бретонскихъ нравовъ, легендъ и обычаевъ. До сихъ поръ даже этотъ уголокъ почти совсѣмъ не измѣнился. Говорю *до сихъ поръ,* потому что—увы!—я ѣзжу туда почти каждый годъ.

Большой прудъ омываетъ подножіе башенъ стариннаго замка. Прудъ печальный, меланхолическій, съ дикими птицами. Изъ пруда вытекаетъ рѣчка. Каботажныя суда ходятъ по ней до самаго города. Улицы узкія. Дома старинныя. Мужчины ходятъ въ широкихъ шляпахъ, шитыхъ жилетахъ и въ четырехъ курткахъ: первая — крошечная, съ ладонь, еле прикрываетъ лопатки; послѣдняя закрываетъ всѣ штаны.

Дѣвушки высокія, красивыя, свѣженькія. Суконный корсажъ, какъ кирасса, держитъ въ плѣну ихъ могучій станъ, скрывая всякіе признаки груди. На головѣ что-то особенное. Двѣ шитыя цвѣтныя полосы обрамляютъ съ боковъ лицо и поддерживаютъ падающіе назадъ волосы, заплетен-

ные въ косу. Съ висковъ полосы идутъ кверху и сходятся на макушкѣ, подъ чепчикомъ, зачастую вытканнымъ изъ золота или серебра.

У насъ въ гостиницѣ горничной было лѣтъ восемнадцать самое большее. Глаза у нея были совсѣмъ голубые, такіе блѣдно-голубые, и на этомъ фонѣ чернѣли крошечные, какъ булавочки, зрачки. Она безпрестанно смѣялась, показывая короткіе, плотные зубы, созданные, казалось, для того, чтобы дробить гранитъ.

По-французски она не знала ни одного слова и, какъ большинство своихъ соотечественниковъ, говорила только по-бретонски.

Пріятель мой все еще не поправлялся, и хотя никакой особенной болѣзни у него не нашли, все-таки докторъ запретилъ ему двигаться и прописалъ полнѣйшій покой. Я проводилъ около него цѣлые дни. Горничная входила то и дѣло къ намъ: то приносила мнѣ обѣдъ, то больному питье.

Я съ ней заигрывалъ. Это повидимому забавляло ее. Говорить мы не говорили, такъ какъ совсѣмъ не понимали другъ друга.

Какъ-то разъ я засидѣлся до поздней ночи у больного. Проходя къ себѣ въ комнату, я наткнулся на горничную,— она шла къ себѣ; ея комната была какъ разъ напротивъ моей отворенной двери. Не думая о томъ, что я дѣлаю, скорѣе въ шутку, чѣмъ съ серьезною цѣлью, я быстро обхватилъ ее за талію и прежде, чѣмъ она успѣла придти въ себя, толкнулъ къ себѣ въ комнату и заперъ дверь. Испуганная, обезумѣвъ отъ страха, она съ ужасомъ смотрѣла на меня, не смѣя крикнуть. Она боялась скандала, боялась, разумѣется, какъ бы ее не прогнали хозяева, а потомъ, быть-можетъ, и отецъ.

Все это я сдѣлалъ шутя. Но какъ только она очутилась

въ моей комнатѣ, меня охватило желаніе обладать ею. Долго продолжалась борьба, безмолвная борьба одинъ на одинъ,—борьба атлетовъ. Упирались руками, сжимали, ломали другъ другу руки, задыхались, обливались пóтомъ. Охъ, какъ храбро она защищалась! Случалось, что мы наталкивались на мебель, на перегородку, на стулъ. Тогда останавливались и, не выпуская другъ друга, замирали на мѣстѣ, боясь разбудить кого-нибудь своимъ шумомъ. Затѣмъ снова начиналась ожесточенная битва: нападеніе съ моей стороны, сопротивленіе — съ ея.

Обезсилѣвъ, она, наконецъ, упала, и я тутъ же, на каменномъ полу, грубо, воспользовался ею.

Поднявшись, она бросилась вонъ и, отодвинувъ задвижку, скрылась за дверью.

Слѣдующіе дни я почти не видалъ ее. Она совсѣмъ не подпускала къ себѣ.

Товарищъ выздоровѣлъ. Намъ слѣдовало идти дальше. Наканунѣ нашего выхода, часовъ въ двѣнадцать ночи, только что я успѣлъ войти къ себѣ въ комнату, она явилась, босикомъ, въ одной рубашкѣ. Она бросилась мнѣ на шею, прижалась со всей страстью къ моей груди, цѣловала меня, плакала, рыдала, выражала всевозможные знаки нѣжности и отчаянія, какіе только можетъ выразить женщина, ни слова не знающая по-нашему.

Черезъ недѣлю я уже забылъ объ этомъ приключеніи, очень обыкновенномъ между прочимъ. Подобныя приключенія въ дорогѣ совсѣмъ не рѣдкость. Такова судьба ужь номерныхъ горничныхъ: онѣ существуютъ для развлеченія господъ проѣзжихъ.

Тридцать лѣтъ не вспоминалъ я объ этомъ приключеніи и не былъ въ Понъ-Лабе

Но въ 1876 году я случайно очутился въ этомъ горо-

дишкѣ. Собирался тогда писать книгу и, чтобы лучше запечатлѣть пейзажи, предпринялъ путешествіе по Бретани.

На мой взглядъ, не произошло никакой перемѣны. У въѣзда въ городъ тотъ же прудъ по-прежнему омывалъ сѣроватыя стѣны замка. Гостиница все та же, только передѣлана на болѣе современный ладъ. При входѣ встрѣтили меня двѣ бретонки, молоденькія, лѣтъ восемнадцати, свѣженькія, хорошенькія, затянутыя въ суконныя кирассы, съ серебряною каской на головѣ и широкими шитыми полосами на ушахъ.

Было около шести часовъ вечера. Я сѣлъ обѣдать. Хозяинъ самъ прислуживалъ за столомъ.

— А прежнихъ хозяевъ вы знали?— спросилъ я у него, точно какая-то роковая сила толкнула меня спросить.

— Какъ же, это мои родители,—отвѣтилъ онъ.

Я разсказалъ, при какихъ обстоятельствахъ я очутился тогда здѣсь и какъ болѣзнь товарища задержала меня надолго.

Онъ не далъ мнѣ кончить.

— О, я отлично помню,—сказалъ онъ;—мнѣ было тогда лѣтъ пятнадцать или шестнадцать. Вы занимали самую заднюю комнату, а вашъ товарищъ лежалъ въ той, которую я теперь занимаю самъ,—на улицу.

Только теперь воспоминаніе о молоденькой горничной живо встало передо мной.

— У вашего отца была тогда молоденькая горничная? Вы не помните ее?—спросилъ я.— Если память не измѣняетъ мнѣ, у нея были красивые голубые глаза и хорошіе зубы.

— Да, да. Она умерла отъ родовъ вскорѣ послѣ того,— сказалъ онъ.— Вотъ ея сынъ,— прибавилъ хозяинъ, указывая на дворъ, гдѣ хромой, исхудалый человѣкъ перебивалъ навозъ.

Я разсмѣялся.

— Ну, красотой не отличается. На мать свою нисколько не похожъ. Вѣроятно, похожъ на отца.

— Очень можетъ быть,—сказалъ хозяинъ,— хотя неизвѣстно, чей онъ сынъ. Умирая, она ничего не сказала. Не видать было, чтобы за ней кто-нибудь ухаживалъ. Тогда не мало всѣ надивились, узнавъ, что она беременна. Никто и вѣрить не хотѣлъ.

Меня какъ-то непріятно передернуло. Что-то болѣзненное, точно предчувствіе тяжелаго горя, подступило мнѣ къ сердцу. Я взглянулъ на того человѣка. Онъ зачерпнулъ воду для лошадей и теперь съ усиліемъ тащилъ оба ведра, какъ-то болѣзненво ковыляя короткой ногой. Онъ былъ отвратительный, грязный, въ лохмотьяхъ. Длинные рыжеватые волосы спутались и, какъ веревки, болтались по щекамъ.

— Онъ ни на что не способенъ. Его держатъ изъ жалости. Можетъ быть что-нибудь и вышло бы изъ него, еслибъ его воспитывали, какъ слѣдуетъ. Но что же вы хотите? Ни отца, ни матери. Родители мои сжалились надъ ребенкомъ; но, вы понимаете, все-таки онъ былъ имъ чужой.

Я ничего не сказалъ.

Я занялъ прежнюю комнату и всю ночь думалъ объ этомъ ужасномъ конюхѣ.

— Что, если это мой сынъ?—говорилъ я себѣ не разъ.— Неужели это я убилъ дѣвушку и произвелъ на свѣтъ такое существо? Конечно, могло случиться. Я рѣшилъ переговорить съ этимъ человѣкомъ и разузнать въ точности, когда онъ родился. Разница въ двухъ мѣсяцахъ могла положить конецъ моимъ сомнѣніямъ.

На другой день я подозвалъ его къ себѣ. Онъ тоже не говорилъ по-французски и вообще ничего повидимому не понималъ. Я спросилъ черезъ горничную, сколько ему лѣтъ.

Онъ не зналъ и, съ идіотскимъ видомъ стоя передо мной, вертѣлъ въ своихъ противныхъ, жилистыхъ рукахъ шляпу и безсмысленно смѣялся. Смѣхъ его напоминалъ отчасти смѣхъ матери: что-то общее было въ уголкахъ рта и глазъ.

Хозяинъ, подошедшій къ тому времени, принесъ метрическое свидѣтельство. Несчастный появился на свѣтъ черезъ восемь мѣсяцевъ и двадцать шесть дней послѣ нашего ухода изъ Понъ-Лабе. Я помню отлично, что мы были въ Лоріанѣ 15-го августа. Въ свидѣтельствѣ значилось: *Отецъ неизвѣстенъ*. Мать звали Жанной Керрадекъ.

Сердце мое забилось вдругъ часто, часто. Я не могъ говорить; я задыхался и смотрѣлъ на этого звѣря. Длинные рыживатые волосы его были мерзѣе всякаго навоза. Оборванецъ, почувствовавъ неловкость отъ моего взгляда, пересталъ смѣяться, отвернулся и наровилъ поскорѣй улизнуть.

Цѣлый день я проходилъ по берегу рѣки и все думалъ. Тяжелыя мысли! Но къ чему онѣ? Ничто не могло меня развлечь. По цѣлымъ часамъ я взвѣшивалъ всѣ шансы за и противъ этого родства. Самыя запутанныя предположенія не давали мнѣ покоя. Страшная неувѣренность снова возвращалась ко мнѣ. Въ концѣ концовъ я пришелъ къ еще болѣе ужасающему заключенію, что этотъ человѣкъ мой сынъ.

Я не въ состояніи былъ обѣдать и ушелъ къ себѣ въ комнату. Долго я не могъ уснуть. Наконецъ, пришелъ сонъ съ невыносимыми, тревожными сновидѣніями. Мнѣ снилось, что этотъ оборванецъ смѣется мнѣ прямо въ глаза и называетъ „папой“. Потомъ онъ превратился въ собаку и укусилъ меня за икры. Напрасно я бѣжалъ отъ него; онъ гнался за мной, но не лаялъ, а говорилъ и ругался. Потомъ онъ очутился въ академіи, среди моихъ товарищей по службѣ, которые собрались для того, чтобы рѣшить, отецъ я ему или нѣтъ.

— Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Посмотрите, какъ онъ похожъ на него!—сказалъ одинъ изъ нихъ.

И въ самомъ дѣлѣ я убѣдился, что это чучело похоже на меня.

Съ этою мыслью я и проснулся. Меня охватило безумное желаніе снова посмотрѣть на этого человѣка и рѣшить, есть у насъ съ нимъ общія черты или нѣтъ.

Я нагналъ его по дорогѣ въ церковь (было воскресенье). Сунувъ ему въ руки пятифранковую монету, я со страхомъ заглянулъ ему въ лицо. Онъ опять засмѣялся своимъ гнуснымъ смѣхомъ, опять почувствовалъ неловкость отъ моего взгляда и, пробормотавъ какое-то непонятное слово: „благодарю“, по всей вѣроятности, убѣжалъ.

День я провелъ въ такомъ же безпокойствѣ, какъ и наканунѣ. Подъ вечеръ я позвалъ къ себѣ хозяина и съ большой осторожностью, тонко и ловко повелъ рѣчь о томъ, что судьба этого несчастнаго, обездоленнаго, заброшеннаго существа интересуетъ меня и что я желалъ бы сдѣлать что-нибудь для него.

— Полноте, онъ ничего не стоитъ,— возразилъ мнѣ хозяинъ.—Кромѣ непріятностей, ничего изъ этого не выйдетъ. Онъ у меня чиститъ конюшню. Это все, что онъ можетъ дѣлать. За это я его кормлю, а спитъ онъ вмѣстѣ съ лошадьми. Больше ему ничего не нужно. Если у васъ есть старые штаны, дайте ему, пожалуй; черезъ недѣлю отъ нихъ останутся одни клочки.

Я не настаивалъ и рѣшилъ обдумать все это.

Несчастный къ вечеру только явился и то мертвецки пьяный, чуть было не спалилъ домъ, убилъ заступомъ лошадь и въ концѣ концовъ свалился въ грязь и заснулъ подъ дождемъ. И все это надѣлала моя щедрость.

На другой день меня попросили не давать ему денегъ.

Водка доводила его до бѣшенства, и какъ только попадали къ нему въ карманъ два су, онъ ихъ тотчасъ же пропивалъ.

— Давать ему денегъ—это значитъ хотѣть его смерти,—сказалъ хозяинъ.—У него никогда и не было ихъ, положительно никогда, за исключеніемъ нѣсколькихъ сантимовъ, которые перепадали ему отъ проѣзжихъ; но и то онъ не находилъ для нихъ никакого другаго мѣста, кромѣ кабака.

Я по цѣлымъ часамъ просиживалъ теперь у себя въ комнатѣ съ раскрытою книгой въ рукахъ, дѣлая видъ, что читаю, а самъ все время смотрѣлъ на этого звѣря, моего сына, сына! Я старался подмѣтить, нѣтъ ли у него чего-нибудь моего. Послѣ долгихъ стараній мнѣ показалось, что я, наконецъ, нашелъ общія черты: лобъ и переносица. Теперь я убѣдился, что сходство есть; его скрывали костюмъ и отвратительная грива этого человѣка.

Я не могъ оставаться здѣсь дольше, не рискуя вызвать подозрѣнія. Съ растерзаннымъ сердцемъ я уѣхалъ наконецъ, оставивъ хозяину денегъ для облегченія участи конюха.

И вотъ шесть лѣтъ уже, какъ эта страшная неувѣренность, это ужасное сомнѣніе не покидаетъ меня. Я живу съ этой мыслью. Каждый годъ непреодолимая сила влечетъ меня въ Понъ-Лабс. Каждый годъ я обрекаю себя на пытку: смотрю, какъ это животное ковыряется въ навозѣ, отыскиваю въ немъ общія со мной черты и стараюсь быть ему полезнымъ. И каждый годъ возвращаюсь назадъ все съ большею неувѣренностью, большею мукой и безпокойствомъ. Я пробовалъ было учить его,—онъ идіотъ безповоротно. Пробовалъ облегчить ему жизнь. Онъ неисправимый пьяница и пропиваетъ всѣ деньги, которыя ему даютъ. Всякое новое платье онъ искусно сбываетъ съ рукъ и на это достаетъ себѣ водки. Я пробовалъ было смягчить въ его пользу хо-

зяина, постоянно предлагалъ ему денегъ, чтобы тотъ лучше относился къ нему.

— Все, что вы для него ни сдѣлаете, послужитъ только къ его гибели,— очень резонно замѣтилъ, наконецъ, удивленный хозяинъ.—Его необходимо держать, какъ арестанта. Какъ только у него является свободное время и достатокъ во всемъ, онъ становится вреднымъ. Будьте увѣренны, брошенныхъ дѣтей не мало, если хотите сдѣлать доброе дѣло. Выбирайте же, по крайней мѣрѣ, такого, который стоилъ бы труда.

Что сказать на это?

Еслибъ я только обнаружилъ хоть тѣнь терзавшихъ меня сомнѣній, этотъ кретинъ не замедлилъ бы, разумѣется, мною воспользоваться. Онъ скомпрометировалъ бы меня окончательно и погубилъ. Онъ сталъ бы ходить за мной и кричать вездѣ „папа!“, какъ тогда, во снѣ. Я убилъ мать, говорилъ я себѣ, и погубилъ это отвратительное существо, эту конюшенную личинку, которая вылупилась и выросла въ навозѣ. Будь онъ воспитанъ, какъ всѣ,—кто знаетъ, онъ вышелъ бы, можетъ быть, такой же, какъ всѣ.

И ты не можешь себѣ представить, что за странное, невыносимое ощущеніе испытываю я передъ нимъ. Это, вѣдь, мое, думается мнѣ. Насъ связываютъ съ нимъ глубокія узы,—узы отца съ сыномъ. Онъ и я—одно и то же, тысячу разъ одно и то же, въ силу ужасныхъ законовъ наслѣдственности: одна и та же кровь, одна и та же плоть; мало того, одни и тѣ же зародыши болѣзней и вспышки страстей!

У меня постоянно неутомимая, болѣзненная жажда видѣть его. Его видъ причиняетъ мнѣ ужасныя страданія. По цѣлымъ часамъ я смотрю на него изъ окна, вижу, какъ онъ копается тамъ въ навозѣ и повторяю себѣ: „Мой сынъ!“

Иногда я испытываю непреодолимое желаніе поцѣловать

его. Я даже къ рукѣ его никогда не прикасался, этой грязной, отвратительной рукѣ!

Академикъ умолкъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, слѣдовало бы побольше заняться дѣтьми, у которыхъ нѣтъ отца, — пробормоталъ его спутникъ, политическій дѣятель.

Пронесся вѣтерокъ. Желтыя кисти большого дерева встрепенулись. Душистое облако мелкой пыли окутало стариковъ. Они глубоко вдыхали его въ себя.

— Да, хорошо въ двадцать пять лѣтъ, — прибавилъ сенаторъ. — Что же дѣлать, если бываютъ такія дѣти. Всетаки хорошо!

Отцеубійца.

Защитникъ доказывалъ на судѣ помѣшательство. Чѣмъ иначе объяснить это странное преступленіе?

Разъ утромъ, въ камышахъ около Шату, нашли два трупа, плотно прижавшіеся другъ къ другу,—мужчину и женщину. Оба были люди извѣстные, свѣтскіе, богатые, не первой уже молодости. Они поженились въ прошломъ году; жена овдовѣла только года три тому назадъ.

Враговъ у нихъ не было. Кражи не обнаружилось. Ихъ сбросили, повидимому, съ берега въ рѣку, предварительно убивъ какимъ-то длиннымъ, заостренным кускомъ желѣза.

Слѣдствіе ничего не открыло. Спрошенные судовщики ничего не знали. Дѣло хотѣли было уже прикончить, какъ вдругъ явился молодой столяръ изъ сосѣдней деревни, Жоржъ Луи, по прозванью „буржуа“, и объявилъ себя преступникомъ.

На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ только одно:

— Его я зналъ два года, ее—полгода. Они часто приходили ко мнѣ отдавать въ починку старую мебель, потому что я хорошо знаю свое дѣло.

И на вопросъ: „почему же вы убили ихъ?“ онъ упорно отвѣчалъ: „убилъ, потому что хотѣлъ ихъ убить“.

Больше ничего не могли отъ него добиться.

Человѣкъ этотъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, незаконнорожденнымъ; его отдали на воспитаніе въ эту мѣстность и потомъ бросили. Фамиліи у него не было. Его звали просто Жоржъ Луи; но такъ какъ, подростая, онъ проявилъ необыкновенный умъ, врожденную деликатность и такіе вкусы, какихъ не было у его товарищей, то его и прозвали „буржуа"; съ тѣхъ поръ у него не было другого имени. Онъ сдѣлался столяромъ и слылъ за необыкновенно искуснаго мастера. Онъ даже немного вырѣзывалъ по дереву. Говорили также, что онъ человѣкъ экзальтированный, сторонникъ коммунистическихъ и даже нигилистическихъ ученій, большой охотникъ до романовъ съ приключеніями, романовъ съ кровавыми драмами, вліятельный и ловкій ораторъ на выборахъ, на рабочихъ и крестьянскихъ сходкахъ.

Защитникъ доказывалъ на судѣ помѣшательство.

Какъ же въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы этотъ столяръ убилъ самыхъ лучшихъ заказчиковъ—богатыхъ, щедрыхъ (онъ самъ это говорилъ), доставившихъ ему въ два года работы на три тысячи франковъ (это подтверждали его книги). Оставалось единственное объясненіе: помѣшательство, *idée fixe* обездоленнаго, который въ лицѣ двухъ буржуа мститъ всей буржуазіи. И защитникъ очень ловко намекнулъ на прозвище, которое дали этому подкидышу.

— Не иронія ли это? — восклицалъ онъ, — иронія, способная взорвать несчастнаго, у котораго нѣтъ ни отца, ни матери. Передъ нами ярый республиканецъ. Что я говорю! Онъ принадлежитъ къ той партіи, которую прежде республика разстрѣливала и ссылала, а теперь принимаетъ съ распростертыми объятіями,—къ той партіи, у которой пожаръ — принципъ, а убійство — простое средство. Вотъ эти-то печальныя ученія, съ восторгомъ привѣтствуемыя

на публичныхъ собраніяхъ, и погубили несчастнаго. Онъ слышалъ, какъ республиканцы, даже женщины,—да, женщины!—требовали крови Гамбеты, крови Грэви. Его больной мозгъ пошатнулся. Онъ захотѣлъ крови, — крови буржуа! Не его надо судить, господа,—надо судить коммуну!—

Ропотъ одобренія пробѣжалъ по залѣ. Видно было, что защитникъ выигралъ дѣло. Прокуроръ молчалъ.

Тогда предсѣдатель задалъ подсудимому обычный вопросъ:

— Подсудимый, что вы имѣете прибавить въ свое оправданіе?

Подсудимый всталъ.

Это былъ небольшого роста блондинъ съ льняными волосами, съ пристальнымъ взглядомъ ясныхъ, сѣрыхъ глазъ. Изъ хрупкаго тѣла раздался сильный, рѣшительный, звонкій голосъ и съ первыхъ же словъ быстро измѣнилъ составленное о немъ мнѣніе. Онъ говорилъ громко, декламаторскимъ тономъ и такъ отчетливо, что малѣйшее слово его слышалось въ самой глубинѣ залы:

— Господинъ предсѣдатель! такъ какъ я вовсе не желаю отправиться въ сумасшедшій домъ и предпочитаю лучше гильотину, то я вамъ все разскажу.

Я убилъ этого мужчину и эту женщину потому, что они были моими родителями. Теперь выслушайте меня и судите.

Женщина родила мальчика и отправила его куда-то на воспитаніе. Она не знала даже, куда сообщникъ ея отвезъ невинное маленькое существо, обреченное на вѣчное несчастіе, на позоръ незаконнорожденнаго, мало того, на смерть, потому что кормилица, не получая мѣсячной платы, могла уморить его голодомъ, бросить, загубить, какъ онѣ часто это дѣлаютъ.

Моя кормилица была честная женщина,—честнѣе и выше родной моей матери. Въ ней больше было женственнаго, ма-

теринскаго. Она воспитала меня. Она исполнила свой долгъ и совершенно напрасно.

Лучше погибнуть этимъ несчастнымъ, выброщеннымъ въ деревню, какъ выбрасываютъ нечистоты,—за черту города.

Я выросъ съ смутнымъ сознаніемъ какого-то безчестья. Ребятишки какъ-то разъ назвали меня в.......ъ. Они не понимали значенія этого слова; кто-то изъ нихъ подхватилъ его у родителей. Я тоже не понималъ, но чувствовалъ его значеніе.

Смѣло могу сказать: я былъ самымъ способнымъ въ школѣ. Быть-можетъ, изъ меня вышло бы что-нибудь порядочное, выдающееся, г-нъ предсѣдатель, еслибъ мои родители не бросили меня такъ преступно. Это преступленіе они совершили противъ меня. Я былъ жертвой, они—преступниками. Я былъ беззащитенъ, они—безжалостны. Они должны были любить меня и оттолкнули меня.

Я былъ обязанъ имъ жизнью; но развѣ жизнь подарокъ? Моя во всякомъ случаѣ была однимъ несчастьемъ. Послѣ того, какъ они постыдно бросили меня, я ничѣмъ имъ не былъ обязанъ; я обязанъ былъ только мстить. Они совершили передо мной самый безчеловѣчный, самый подлый, чудовищный поступокъ, какой только можно совершить передъ живымъ существомъ. Оскорбленный человѣкъ бьетъ, ограбленный отбираетъ свое добро силой. Обманутый, одураченный, измученный убиваетъ. Получившій пощечину убиваетъ. Обезчещенный убиваетъ. Я былъ больше ограбленъ, обманутъ, измученъ,—я получилъ нравственную пощечину, я былъ больше обезчещенъ, чѣмъ всѣ, гнѣвъ которыхъ вы оправдываете.

Я отмстилъ за себя: убилъ. Это было мое законное право. Я отнялъ у нихъ счастливую жизнь, взамѣнъ той ужасной жизни, какую они наложили на меня.

Вы скажете, что это отцеубійство! Но можно ли считать моими родителями людей, для которыхъ я былъ ужаснымъ бременемъ, страшнымъ пятномъ безчестія, для которыхъ мое рожденіе было бѣдствіемъ, а жизнь—угрозой позора? Они искали эгоистическаго наслажденія. Не предвидѣли ребенка. Онъ явился, и они уничтожили его. Наступила моя очередь поступить съ ними точно такъ же.

Тѣмъ не менѣе, еще очень недавно, я былъ готовъ полюбить ихъ.

Я уже вамъ сказалъ, что, два года тому назадъ, этотъ человѣкъ, мой отецъ, въ первый разъ пришелъ ко мнѣ. Я ничего не подозрѣвалъ. Онъ заказалъ мнѣ двѣ вещи изъ мебели. Какъ я узналъ потомъ, онъ наводилъ обо мнѣ справки у священника, подъ секретомъ, разумѣется.

Онъ часто заходилъ послѣ того ко мнѣ. Давалъ мнѣ работу и хорошо платилъ. Иногда онъ разговаривалъ со мной немного о томъ, о другомъ. Я почувствовалъ къ нему расположеніе.

Въ началѣ этого года онъ привелъ съ собой жену,— мою мать. Она такъ дрожала, когда вошла, что я подумалъ, что у нея какая-нибудь нервная болѣзнь. Она попросила стулъ и стаканъ воды. Говорить она ничего не говорила. Безумными глазами осматривала мою комнату и на всѣ его вопросы отвѣчала только да и нѣтъ, и то невпопадъ. Когда она ушла, я подумалъ, что она немножко тронута. Черезъ мѣсяцъ она пришла опять. Она была спокойна, владѣла собой. Въ этотъ разъ они долго сидѣли у меня, разговаривали и сдѣлали большой заказъ. Я видѣлъ ее еще три раза и все ничего не догадывался. Но вотъ разъ она заговорила о моей жизни, о моемъ дѣтствѣ, о моихъ родителяхъ. „Мои родители, сударыня, негодяи: они бросили меня“. Тутъ она поднесла руку къ сердцу и упала безъ

чувствъ. „Моя мать!“ подумалъ я въ ту же минуту, однако не показалъ виду. Мнѣ хотѣлось, чтобы она приходила ко мнѣ.

Нечего и говорить, что я тоже навелъ справки. Я узналъ, что они женаты только съ іюля прошлаго года. Мать моя овдовѣла три года тому назадъ. Поговаривали, что они любили другъ друга еще при жизни перваго мужа, но доказательствъ никакихъ не было. Доказательствомъ служилъ я. Это доказательство сначала спрятали, а потомъ пытались уничтожить.

Я ждалъ. Разъ вечеромъ она пришла, какъ всегда, въ сопровожденіи моего отца. Не знаю, почему, но въ тотъ день она была, повидимому, очень взволнована. Потомъ, передъ тѣмъ, какъ уходитъ, она сказала мнѣ: „Желаю вамъ всего хорошаго; вы, кажется, честный человѣкъ и работящій. Когда-нибудь, разумѣется, вы вздумаете жениться. Я желаю вамъ помочь выбрать себѣ подходящую жену. Вотъ я вышла въ первый разъ противъ своего желанія и знаю, какое это мученіе. Теперь я богата, бездѣтна, свободна, могу распоряжаться своимъ состояніемъ. Вотъ вамъ на женитьбу. Она протянула мнѣ большой запечатанный конвертъ. Я пристально посмотрѣлъ на нее и сказалъ: „Вы моя мать?“ Она отступила на три шага и закрыла глаза руками, чтобы не видать меня. Мужъ, отецъ мой, подхватилъ ее и крикнулъ мнѣ: —„Вы съ ума сошли“.—„Нисколько,—отвѣтилъ я.—Я превосходно знаю, что вы мои родители. Меня не проведете. Признайтесь, и я сохраню вашу тайну. Я ничего не буду противъ васъ имѣть. Останусь тѣмъ же, чѣмъ я сейчасъ,—столяромъ“.

Поддерживая жену, онъ отступалъ все къ выходу. Жена начинала рыдать. Я бросился къ двери, заперъ ее и ключъ положилъ къ себѣ въ карманъ.

„Посмотрите на нее“, говорилъ я, „неужели вы станете еще отрицать, что она моя мать?“

Тогда онъ вышелъ изъ себя и страшно поблѣднѣлъ, въ ужасѣ отъ мысли, что скандалъ, котораго они до сихъ поръ избѣгали, можетъ разразиться, что ихъ положеніе, имя, честь—все сразу рухнетъ.

„Негодяй, вы хотите выманить у насъ денегъ“, еле могъ выговорить онъ. „Вотъ тутъ и дѣлай добро людямъ, помогай такому мужичью!“

„Уйдемъ скорѣе, уйдемъ!“ повторяла безпрестанно обезумѣвшая мать.

Дверь была заперта; онъ крикнулъ мнѣ: „Если вы не отопрете сію же минуту, я васъ упрячу въ тюрьму за шантажъ и насиліе!“

Я овладѣлъ собой, отперъ дверь, и они на моихъ глазахъ скрылись въ темнотѣ.

Тутъ мнѣ показалось вдругъ, что я осиротѣлъ, что меня бросили, столкнули въ ручей. На меня напала ужасная тоска и въ то же время гнѣвъ, злоба, отвращеніе. Я возмутился всѣмъ своимъ существомъ. Все поднялось во мнѣ: справедливость, правосудіе, честь, отвергнутая любовь. Я бросился за ними въ догонку по берегу Сены, зная, что они должны идти этой дорогой, чтобы попасть на станцію Шату.

Скоро я догналъ ихъ. Наступила ночь, совсѣмъ стемнѣло. Я крался по травѣ; они не слышали моихъ шаговъ. Мать все еще плакала. Отецъ говорилъ: „Ты сама виновата: зачѣмъ тебѣ непремѣнно нужно было видѣться съ нимъ? Въ нашемъ положеніи это — безуміе. Можно было помогать ему издали, не показываясь самимъ. Къ чему эти опасные визиты, если мы не можемъ его признать?“

Тогда я бросился къ нимъ и сталъ умолять. „Вотъ ви-

дите“, задыхаясь, говорилъ я, „вы мои родители. Вы разъ уже отвергли меня; неужели оттолкнете и теперь?“

Тогда, г-нъ предсѣдатель, онъ поднялъ на меня руку, клянусь въ томъ честью, закономъ, республикой! Онъ ударилъ меня и, когда я схватилъ его за воротникъ, онъ вынулъ изъ кармана револьверъ.

У меня покраснѣло въ глазахъ; я ничего не понималъ. Въ карманѣ у меня былъ циркуль. Я ударилъ имъ его и билъ, что есть мочи.

Тутъ мать моя стала кричать: „Помогите! Убьютъ!“ и вцѣпилась мнѣ въ бороду. Должно-быть, я и ее убилъ. Развѣ я знаю, что̀ дѣлалось въ ту минуту?

Потомъ, увидѣвъ, что они оба лежатъ на землѣ, я бросилъ ихъ, не долго думая, въ Сену.

Ну, вотъ. Теперь судите меня.

Подсудимый сѣлъ. Въ виду такого разоблаченія дѣло отложили до слѣдующей сессіи. Оно скоро пойдетъ. Что̀ бы мы сдѣлали съ этимъ отцеубійцей, еслибы были присяжными?

Исповѣдь.

Маргарита де-Терель лежала при смерти. На видъ ей казалось, по крайней мѣрѣ, лѣтъ семьдесятъ пять, хотя на самомъ дѣлѣ ей было всего пятьдесятъ шесть лѣтъ. Блѣдная, какъ полотно, съ искаженнымъ лицомъ, съ блуждающими глазами, она порывисто дышала, сильно дрожа всѣмъ тѣломъ, точно что-то страшное происходило у нея передъ глазами.

Сестра ея Сусанна, на шесть лѣтъ старше, рыдала, стоя на колѣняхъ у кровати умирающей. Тутъ же около кровати, на маленькомъ столикѣ, покрытомъ салфеткой, горѣли двѣ свѣчи, въ ожиданіи священника: онъ долженъ былъ соборовать больную и причастить ее въ послѣдній разъ. Вся обстановка имѣла зловѣщій видъ, комнаты умирающаго въ послѣднюю минуту безнадежнаго прощанія. На столѣ стояли стклянки, на полу валялось бѣлье, откинутое въ уголъ ногой или щеткой. Даже стулья имѣли какой-то растерянный видъ и точно собирались въ безпорядкѣ разбѣжаться въ разныя стороны. Страшная смерть спряталась тутъ гдѣ-то и поджидала,

Исторія двухъ сестеръ трогательная. Ее знали далеко въ окружности, и не мало слезъ было пролито надъ ней.

Въ старшую сестру, Сусанну, до безумія былъ влюбленъ когда-то одинъ молодой человѣкъ; она его тоже любила.

Ихъ уже обручили и ждали только дня, назначеннаго для заключенія брачнаго контракта. Вдругъ Анри де-Самньеръ неожиданно умеръ.

Отчаяніе молодой дѣвушки было ужасно; она дала клятву никогда не выходить замужъ и сдержала свое слово. Надѣла вдовье платье и ужь больше не снимала его.

И вотъ однажды утромъ приходитъ къ ней маленькая сестра ея, Маргарита,—тогда ей было всего двѣнадцать лѣтъ,—бросается къ ней на шею и говоритъ: „сестра, я не хочу, чтобы ты была несчастна. Не хочу, чтобы ты плакала всю жизнь. Я тебя никогда, никогда не оставлю. Я тоже не пойду замужъ. Я всегда, всегда, всегда буду съ тобой!“ Тронутая этой дѣтскою преданностью, Сусанна поцѣловала сестру, но не повѣрила ея словамъ.

Дѣвочка тоже сдержала слово и, несмотря на просьбы родителей, несмотря на мольбы старшей сестры, не пошла замужъ. Она была красива, очень красива. Она отказала многимъ молодымъ людямъ, которые, повидимому, любили ее, но все-таки не оставила сестру.

Онѣ прожили вмѣстѣ всю жизнь, изо дня въ день, ни разу не разлучаясь. Онѣ шли рядомъ, соединенныя неразрывными узами. Но Маргарита имѣла какой-то грустный, удрученный видъ; она была мрачнѣе сестры. Великая жертва точно сломила ее. Она состарѣлась раньше сестры, посѣдѣла въ тридцать лѣтъ, часто прихварывала, точно какой-то невѣдомый недугъ подтачивалъ ея силы.

И вотъ теперь она умирала первая.

Цѣлыя сутки она уже не произносила ни слова. Чуть только стала заниматься заря, она сказала:

— Сходите за священникомъ. Пришелъ мой часъ.

Она лежала на спинѣ, судорожно вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Губы шевелились, точно какія-то страшныя слова рвались изъ души ея наружу и никакъ не могли сойти съ языка. Взглядъ обезумѣлъ отъ ужаса. На нее было страшно смотрѣть.

Сестра ея, истерзанная горемъ, плакала навзрыдъ, припавши лбомъ къ постели.

— Марго, бѣдная Марго, крошка моя!—то и дѣло говорила она.

Она всегда звала ее „крошкой" точно такъ же, какъ младшая сестра называла ее „сестрой".

Послышались шаги на лѣстницѣ. Дверь отворилась. Вошелъ пѣвчій; за нимъ шелъ старикъ священникъ въ облаченіи. Завидѣвъ священника, умирающая поднялась на постели, точно кто толкнуль ее, раскрыла ротъ, пробормотала два-три слова и начала царапать себѣ ногти, какъ будто хотѣла проскрести въ нихъ дыру.

Аббатъ Симонъ подошелъ, взялъ ее за руку, поцѣловалъ въ лобъ и тихо произнесъ:

— Да проститъ васъ Господь, дитя мое. Мужайтесь, часъ насталъ, говорите!

Маргарита дрожала всѣмъ тѣломъ; даже кровать тряслясь отъ ея нервныхъ движеній.

— Сядь, сестра, слушай,—невнятно произнесла она.

Священникъ наклонился къ Сусаннѣ, которая все еще лежала у ногъ умирающей, поднялъ ее, посадилъ на кресло, взялъ за руку каждую изъ сестеръ и сказалъ:

— Господи, Боже! подкрѣпи ихъ, пошли имъ свое милосердіе.

Тутъ Маргарита начала. Она говорила хриплымъ, какъ бы угасшимъ голосомъ, съ разстановкой, съ удареніемъ на каждомъ словѣ.

— Прости, сестра, прости, прости меня! О, еслибъ ты знала, какъ я всю жизнь боялась этой минуты!

— Что же прощать тебѣ, крошка? — сквозь слезы еле могла произнести Сусанна.—Ты мнѣ все отдала, всѣмъ пожертвовала. Ты ангелъ...

— Молчи, молчи,—прервала ее Маргарита.—Дай мнѣ сказать... Не перебивай... Какой ужасъ!.. Дай все сказать... до конца... сиди смирно... Слушай... Ты помнишь... помнишь... Анри...

Сусанна вздрогнула и посмотрѣла на младшую сестру. Та продолжала:

— ...Ты должна слышать, чтобы понять. Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, только двѣнадцать, ты помнишь, не правда ли? Но я была уже испорчена, дѣлала все, что хотѣла!.. Помнишь, какъ меня баловали?.. Слушай... Когда онъ пришелъ къ намъ въ первый разъ, на немъ были лакированные сапоги; онъ слѣзъ съ лошади передъ нашимъ крыльцомъ и извинился за свой костюмъ. Онъ привезъ отцу какое-то извѣстіе. Ты помнишь, вѣдь, такъ?.. Постой... Слушай. Когда я его увидала, я была поражена,—такъ онъ показался мнѣ красивъ. Пока онъ разговаривалъ, я все время простояла въ углу, въ залѣ. Дѣти вѣдь странны и... ужасны... О, да... Я мечтала о немъ!.. Онъ пріѣхалъ опять... пріѣзжалъ нѣсколько разъ... Я впивалась въ него глазами, всей душой... Я была старше своихъ лѣтъ и... хитрѣй, чѣмъ обо мнѣ думали. Онъ пріѣзжалъ часто... Я только о немъ и думала. „Анри... Анри де-Сампьеръ!“ шепотомъ произносила я.

Тутъ стали говорить, что онъ твой женихъ. Вотъ было горе!.. Охъ, сестрица, горе... горе!.. Я проплакала цѣлыхъ три ночи, не смыкая глазъ. Онъ пріѣзжалъ каждый день, въ полдень, послѣ своего завтрака... Ты помнишь, вѣдь, не такъ ли? Молчи же... Слушай!.. Ты приготовляла для него

пирожки, которые онъ очень любилъ... изъ муки на маслѣ и молокѣ... О, я знаю отлично, я бы могла ихъ приготовить теперь, еслибъ понадобилось. Онъ ихъ глоталъ сразу, запивалъ стаканомъ вина... и говорилъ: „Прелестно". Помнишь, какъ онъ это говорилъ?

Охъ, какъ я ревновала!.. Время твоей свадьбы приближалось. Оставалось всего двѣ недѣли. Я съ ума сходила. „Онъ не женится на Сусаннѣ,—говорила я сама себѣ.—Нѣтъ, я не хочу этого!.. Онъ женится на мнѣ, когда я выросту. Никогда я не встрѣчу человѣка, котораго могла бы такъ полюбить... Но вотъ разъ вечеромъ, за десять дней до твоего контракта, ты гуляла съ нимъ передъ домомъ, при лунѣ... и тамъ... подъ елью, подъ большой елью... онъ поцѣловалъ тебя... поцѣловалъ... держа въ объятіяхъ... долгій такой поцѣлуй... Ты помнишь вѣдь, не правда ли? Вѣроятно, это было въ первый разъ... да... Ты такъ была блѣдна, когда вернулась въ гостиную!

Я видѣла васъ,—я была тамъ, въ чащѣ, за деревьями. Я пришла въ бѣшенство. Я бы убила васъ, еслибъ только могла.

„Онъ не женится на Сусаннѣ, никогда!" сказала я себѣ. Онъ не женится ни на комъ. Это было бы слишкомъ большимъ несчастьемъ для меня... И вдругъ, я страшно возненавидѣла его.

Тогда, знаешь, что я сдѣлала?.. Слушай. Я видѣла, какъ садовникъ приготовляетъ шарики и моритъ ими бродячихъ собакъ. Онъ камнемъ разбивалъ бутылку и закатывалъ толченое стекло въ говяжьи шарики.

Я взяла у мамы аптекарскую стклянку, растолкла ее молоткомъ и спрятала стекло въ карманъ. Блестящій такой порошокъ... На другой день, когда ты сдѣлала пирожки, я разрѣзала ихъ ножомъ и всыпала туда стекло... Онъ съѣлъ

три... Я тоже съѣла одинъ... Остальные шесть я бросила въ прудъ... Два лебедя умерли черезъ три дня... Помнишь?.. Охъ, молчи!... Слушай, слушай!... Только я не умерла... Но все-таки я хворала... Слушай... Онъ умеръ... ты знаешь... слушай... все это ничего... Но потомъ, потомъ... все время... самое ужасное... слушай...

Всю жизнь, всю жизнь... какая пытка! Я сказала себѣ: не брошу сестры. Я все разскажу ей, когда буду умирать... Такъ вотъ. Съ тѣхъ поръ я все время думала объ этой минутѣ, о той минутѣ, когда я тебѣ все разскажу... И вотъ она настала... Ужасно.. О, сестра!...

Все время, утромъ и вечеромъ, днемъ и ночью, я думала: рано или поздно, придется разсказать... Я ждала... Какая мука!... Теперь кончено... Молчи... Теперь мнѣ страшно... страшно... Охъ, какъ страшно... Что, если я увижу его сейчасъ, когда умру... Увижу... Понимаешь ли?... Первая... Я не осмѣлюсь... Такъ надо... Умираю... Я хочу, чтобъ ты меня простила. Хочу... Безъ этого я не могу явиться передъ нимъ. О, скажите ей, святой отецъ, чтобъ она простила меня, скажите... Пожалуйста. Я не могу умереть безъ этого...

Она умолкла, тяжело дыша и не переставая судорожно царапать ногтями простыню.

Сусанна, закрывъ лицо руками, замерла на мѣстѣ. Она думала о томъ, кого бы могла такъ долго любить! И какъ хорошо они могли бы жить! Она снова видѣла его передъ собой въ томъ исчезнувшемъ прошломъ, которое угасло навсегда. Дорогіе покойники! Какъ терзаютъ они наше сердце! О, этотъ поцѣлуй, этотъ единственный поцѣлуй! Она хранила его въ душѣ. И больше ничего, рѣшительно ничего за все время ея существованія!

Вдругъ священникъ выпрямился и сильнымъ, дрожащимъ голосомъ вскричалъ:

— Сусанна, ваша сестра умираетъ!

Тогда Сусанна отняла руки отъ заплаканнаго лица и, бросившись къ сестрѣ, поцѣловала ее крѣпко, крѣпко.

— Прощаю тебѣ, прощаю, моя крошка!—сквозь слезы съ трудомъ произнесла она.

Прощай.

Обѣдъ двухъ пріятелей подходилъ къ концу. Изъ окна кафе виднѣлся бульваръ, усѣянный прохожими. Къ нимъ доносились теплыя струи воздуха. Это бываетъ въ Парижѣ въ тихія, лѣтнія ночи. Прохожій, почуявъ эти струи, поднимаетъ голову; является желаніе куданибудь поѣхать,—куда, и самъ не знаешь,—туда, подъ тѣнь зеленыхъ листьевъ; хочется мечтать о рѣкѣ при лунномъ свѣтѣ, о свѣтлякахъ, о соловьяхъ.

— Эхъ, старость пришла!—съ глубокимъ вздохомъ промолвилъ одинъ изъ пріятелей, Анри Симонъ. — Грустно. Прежде въ такіе вечера я просто на стѣну готовъ былъ лѣзть. Теперь же являются одни сожалѣнія. Быстро, быстро идетъ дѣло впередъ!

Ему было, можетъ быть, лѣтъ сорокъ пять. Онъ начиналъ уже толстѣть и сильно облысѣлъ.

— Вотъ я, любезный другъ, состарился такъ, что и не замѣтилъ даже,— сказалъ другой пріятель, Пьеръ Карнье, чуть-чуть постарше, похудѣй и поживѣй.—Я всегда отличался веселостью, силой, былъ молодцомъ и все такое. И такъ какъ каждый день смотришься въ зеркало, то и не видно, какъ время дѣлаетъ свое дѣло; его работа медленная, правильная; она такъ медленно измѣняетъ лицо, что переходы

нечувствительны. Вотъ поэтому-то мы и не умираемъ съ горя послѣ двухъ-трехъ лѣтъ разрушительной работы времени. Мы не можемъ этого взвѣсить. Чтобы дать себѣ въ этомъ отчетъ, надо полгода не смотрѣться въ зеркало, и тогда... о, какой ударъ!

А женщинъ какъ я жалѣю, милый другъ. Бѣдныя! Все ихъ счастье, могущество, вся жизнь—въ красотѣ, и ея хватаетъ на десять лѣтъ.

Такъ вотъ я состарился, не подозрѣвая даже этого. Я воображалъ себя чуть не юношей, когда мнѣ было уже подъ пятьдесятъ. Не чувствуя никакихъ недуговъ, я жилъ себѣ счастливо и спокойно.

Мое разрушеніе обнаружилось самымъ обыкновеннымъ ужаснымъ образомъ и повергло меня въ отчаяніе почти на полгода... Потомъ я покорился своей участи.

Я часто влюблялся, какъ всѣ мужчины, но главнымъ образомъ только одинъ разъ.

Я встрѣтилъ ее на морскомъ берегу, въ Этретà. Этому будетъ скоро двѣнадцать лѣтъ. Тутъ же, вскорѣ послѣ войны. Что можетъ быть прелестнѣй этого берега, утромъ, въ часы купаній! Маленькая бухта загибается въ формѣ подковы. Высокіе, бѣлые утесы обрамляютъ берегъ. Утесы пробиты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ насквозь и образуютъ странные проходы, такъ называемыя ворота. Одни ворота огромныя; гигантской ногой они прямо шагнули въ море. Другія—съ противоположной стороны—приземистыя, круглыя. Цѣлая толпа женщинъ тѣснится тутъ на узенькой полоскѣ берега изъ мелкой гальки. Цѣлый цвѣтникъ яркихъ туалетовъ,—цвѣтникъ въ рамкѣ изъ высокихъ скалъ. Солнце заливаетъ свѣтомъ берега, зонтики всевозможныхъ оттѣнковъ, море зеленовато-голубаго цвѣта. Все весело, все дышетъ прелестью и улыбкой. Всѣ садятся

у моря и смотрятъ на купающихся женщинъ. Закутавшись въ пенюаръ изъ фланели, онѣ идутъ къ морю и, дойдя до пѣнистой бахромки малыхъ волнъ, красивымъ движеніемъ сбрасываютъ пенюаръ съ плечъ. Тутъ быстрыми, мелкими шажками входятъ онѣ въ море и вдругъ останавливаются иногда, восхитительно вздрагивая отъ холода всѣмъ тѣломъ и на мигъ задыхаясь.

Очень не многіе выдерживаютъ это испытаніе во время купанья. Тутъ ихъ разбираютъ по косточкамъ, начиная отъ икоръ до шеи. Особенно выходъ изъ воды предательски выдаетъ слабости, хотя морская вода и служитъ могущественнымъ средствомъ противъ дряблости тѣла.

Когда я въ первый разъ увидалъ такъ эту женщину, я пришелъ въ восторгъ, очаровался. Она хорошо выдержала испытаніе. И потомъ есть такія лица, которыя очаровываютъ сразу, захватываютъ въ одну минуту. Тогда кажется, что встрѣтилъ женщину, которую суждено было отъ рожденія полюбить. У меня было такое чувство; это потрясеніе я испыталъ.

Я познакомился и такъ попался, какъ никогда. Она растерзала мое сердце. И страшно, и восхитительно подпасть такому владычеству женщины. Это почти пытка и въ то же время невѣроятное счастье. Взглядъ ея, улыбка, волосы на затылкѣ, приподнимаемые легкимъ вѣтеркомъ, малѣйшія черточки лица, малѣйшее движеніе ея приводили меня въ восторгъ, потрясали, одуряли. Она господствовала надъ всѣмъ моимъ существомъ, господствовала жестами, манерами; даже то, что на ней было надѣто, пріобрѣтало для меня волшебныя чары. Я не могъ видѣть ея вуали на столѣ, перчатокъ, брошенныхъ на стулъ, чтобы не придти въ умиленіе. Туалеты ея казались мнѣ неподражаемыми. Ни у кого не было такихъ шляпъ, какъ у нея.

Она была замужемъ; мужъ пріѣзжалъ каждую субботу и уѣзжалъ въ понедѣльникъ. Впрочемъ я былъ къ нему равнодушенъ. Не знаю почему, но я совсѣмъ не ревновалъ къ нему. Мнѣ казалось, что нѣтъ никого, кто имѣлъ бы такое ничтожное значеніе въ жизни, кто такъ мало возбуждалъ бы мое вниманіе, какъ этотъ человѣкъ.

Какъ я ее любилъ! Какъ она была красива, граціозна, молода! Просто сама молодость, изящество, сама свѣжесть. Только тогда я почувствалъ, что за прелестное существо женщина,—тонкое, изящное, нѣжное, сколько въ ней очарованія, прелести. До того времени я не понималъ, какая соблазнительная прелесть можетъ заключаться въ изгибѣ щечки, въ движеніи губъ, въ закругленныхъ складкахъ маленькаго уха, въ формѣ носа.

Это тянулось три мѣсяца; затѣмъ я уѣхалъ въ Америку, съ отчаяніемъ въ растерзанномъ сердцѣ. Но мысль о ней не покидала меня, упорно жила во мнѣ и торжествовала. Эта женщина господствовала надо мной издали, какъ господствовала вблизи. Прошли годы. Я все не забывалъ ея. Ея прелестный образъ носился передъ моими глазами и не покидалъ моего сердца. Нѣжность моя не измѣнила ей, нѣжность теперь спокойная, какъ бы дорогое воспоминаніе о томъ, что встрѣтилось мнѣ въ жизни прекраснаго и очаровательнаго.

Двѣнадцать лѣтъ такое ничтожество въ жизни человѣка! И не увидишь, какъ пройдутъ. Годы проходятъ одинъ за другимъ тихо и въ то же время быстро, медленно и поспѣшно; каждый годъ тянется долго и въ то же время такъ скоро кончается! И они такъ быстро прибавляются, такъ мало оставляютъ позади себя слѣда, такъ безсѣлдно исчезаютъ, что, обернувшисьназадъи разбирая прожитое время,не видишь ничего и никакъ не можешь понять, какимъ это образомъ старѣешь.

Мнѣ въ самомъ дѣлѣ казалось, что всего нѣсколько мѣсяцевъ отдѣляютъ меня отъ прелестнаго лѣта на морскомъ берегу въ Этретà.

Весной прошлаго года я ѣхалъ обѣдать къ знакомымъ въ Мезонъ-Лафитъ.

Когда поѣздъ готовъ былъ уже тронуться съ мѣста, ко мнѣ въ вагонъ вошла толстая дама въ сопровожденіи четырехъ дѣвочекъ. Я вскользь посмотрѣлъ на эту объемистую, пухлую насѣдку, съ круглымъ, какъ полная луна, лицомъ, обрамленнымъ шляпой съ лентами. Она громко дышала, задохнувшись отъ быстрой ходьбы. Дѣти болтали. Я развернулъ газету и сталъ читать.

Мы проѣхали Аньеръ. Сосѣдка моя вдругъ обратилась ко мнѣ:

— Извините, вы г. Карнье?

— Да.

Она разсмѣялась довольнымъ смѣхомъ, но въ этомъ смѣхѣ чувствовалась грустная нотка.

— Вы не узнаете моня?

Я колебался. Мнѣ казалось, что я дѣйствительно видѣлъ это лицо, но гдѣ? когда?

— И да, и нѣтъ,—отвѣтилъ я.—Конечно, я васъ знаю, но не могу припомнить вашего имени.

Она слегка покраснѣла.

— Жюли Лефевръ.

Никогда я не получалъ такого удара. Въ одну секунду мнѣ показалось, что все для меня кончено! Мнѣ казалось, что передо мной разорвалась завѣса, и я сейчасъ увижу нѣчто ужасное, раздирающее душу.

Она! Эта вульгарная толстуха—она! Съ тѣхъ поръ, какъ я ее не видалъ, она вывела четырехъ дочерей. Эти маленькія сущѐства удивляли меня такъ же, какъ удивляла ихъ

мать. Онѣ произошли отъ нея; онѣ большія уже; заняли мѣсто въ жизни. А она-то, это чудо изящной, кокетливой граціи, она не шла уже больше въ счетъ. Мнѣ казалось, что я видѣлъ ее не дальше, какъ вчера, и вдругъ встрѣчаю такой! Возможно ли? Сердце мое сжалось отъ сильной боли, и возмутилось противъ самой природы, безразсудно вознегодовало противъ этой грубой, подлой работы разрушенія.

Я растерянно смотрѣлъ на нее. Потомъ взялъ ея руку; слезы навернулись у меня на глазахъ. Я оплакивалъ ея молодость, оплакивалъ ея смерть. Этой толстухи я вовсе не зналъ.

Она тоже взволнованно лепетала:

— Я очень измѣнилась, не правда ли? Что же дѣлать? Все проходитъ. Вы видите, я сдѣлалась матерью, только матерью, хорошей матерью. Все остальное прощай! Конецъ. О, я такъ и думала, что вы меня не узнаете, еслибъ мы встрѣтились. Вы тоже однако измѣнились. Я не скоро все-таки убѣдилась, что не ошибаюсь. Вы совсѣмъ посѣдѣли. Подумайте! Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ! Двѣнадцать лѣтъ! Моей старшей дочери уже десять лѣтъ.

Я посмотрѣлъ на дѣвочку. Я отыскалъ въ ней что-то напоминавшее прежнюю прелесть ея матери, но что-то неопредѣленное еще, не сформировавшееся, что-то будущее. И мнѣ показалось, что жизнь мчится быстро, какъ поѣздъ.

Мы пріѣхали въ Мезонъ-Лафиттъ. Я поцѣловалъ руку моей старой знакомой. Я ничего не нашелся сказать, кромѣ ужасныхъ банальностей. Я былъ слишкомъ потрясенъ, чтобы говорить.

Вечеромъ, у себя дома, когда я остался одинъ, я долго, очень долго смотрѣлся въ зеркало. Въ концѣ концовъ я вспомнилъ, какимъ былъ прежде. Я мысленно видѣлъ свои черные усы, черные волосы, молодую физіономію. Теперь я старикъ. Прощай.

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ.

На дворѣ дулъ сильный осенній вѣтеръ; съ ревомъ проносился онъ надъ деревьями, срывалъ послѣдніе листья и уносилъ ихъ чуть не подъ самыя облака.

Охотники, какъ были, въ охотничьихъ сапогахъ, красные, оживленные, разгоряченные, кончали обѣдать. Это были нормандскіе полупомѣщики, полу-крестьяне,богатые, здоровенные, такого сложенія, что могли переломать рога любому быку на ярмаркѣ.

Они цѣлый день охотились на землѣ Блонделя, эпарвильскаго мера, и теперь ѣли за большимъ столомъ владѣльца,— въ его домѣ, который представлялъ что-то среднее между фермой и барскимъ домомъ.

Они не говорили, а рычали, не смѣялись, а завывали, какъ дикіе звѣри, пили, какъ изъ бочки, вытянувъ ноги, разложивъ локти по столу; глаза ихъ блестѣли при свѣтѣ лампъ; огромное пламя камина грѣло ихъ, бросая кровавые отблески на потолокъ. Разговоръ шелъ объ охотѣ, о сабакахъ. Къ тому времени, когда мужчинамъ приходятъ обыкновенно въ голову мысли иного свойства, они были уже наполовину пьяны, и всѣ безъ исключенія не сводили глазъ съ здоровенной, круглощекой дѣвки, которая носила имъ огром-

ныя блюда съ кушаньями на концахъ пальцевъ своихъ красныхъ рукъ.

Вдругъ здоровенный малый, нѣкто Сэжуръ, ветеринаръ, прежде готовившійся въ священники, а теперь лѣчившій всѣхъ мѣстныхъ животныхъ, вскричалъ:

— Ахъ, чортъ возьми! Какая у васъ славная пышка. Ужь про эту нельзя сказать, что ее обгладали черви!

Раздался оглушительный хохотъ. Тутъ старый разорившійся, спившійся съ кругу помѣщикъ, де-Варнетò, возвысилъ голосъ:

— Вотъ у меня такъ была прелюбопытная исторія съ одной такой дѣвочкой.Постойте, я разскажу ее. Всякій разъ, когда я думаю о ней, мнѣ припоминается моя сука, Мирза, которую я продалъ графу д'Оссонэль: бывало каждый день, какъ только выпустятъ ее, такъ прямо и бѣжитъ ко мнѣ. Не могла жить безъ меня. Наконецъ, я разсердился и попросилъ графа держать ее на цѣпи. Такъ что вы думаете, она сдѣлала? Издохла съ горя. Но возвратимся къ моей горничной. Вотъ въ чемъ дѣло:

Мнѣ было тогда двадцать пять лѣтъ. Я жилъ холостякомъ въ своемъ Вильбонскомъ домѣ. Вы знаете, когда молодъ, когда получаешь доходы и вдобавокъ скучаешь послѣ обѣда по вечерамъ, глаза такъ и пялишь въ разныя стороны.

Въ скоромъ времени я откопалъ красотку. Она жила въ услуженіи у Дебульто въ Ковилѣ. Вы хорошо знали Дебульто, Блондель? Словомъ, она такъ меня обольстила, негодяйка, что я разъ отправился къ ея барину и предложилъ ему сдѣлочку. Онъ уступаетъ мнѣ служанку, а я ему продаю *Милашку*, вороную кобылу, на которую онъ уже давно, года два, точилъ зубы. Дебульто протянулъ мнѣ руку. „По рукамъ, г. Варнето". Торгъ заключили. Дѣвушка

пришла ко мнѣ, а я отвелъ самъ въ Ковиль кобылу и получилъ за нее триста экю.

Въ первое время все шло, какъ по маслу. Никто ничего не подозрѣвалъ. Только одно мнѣ не нравилось: любовь Розы была ужу черезчуръ какъ то сильна. Дѣвочка, видите ли, была не первая попавшаяся. У нея въ жилахъ было что-то не совсѣмъ обыкновенное. Должно быть, родилась тоже отъ дѣвушки, согрѣшившей съ бариномъ. Ну, словомъ, она меня обожала. Тутъ и ласки такія, и цѣлованья, и милованья, и всякія нѣжныя имена. Все это заставляло меня задумываться.

„Надо положить конецъ,—говорилъ я себѣ,—а то влопаюсь“. Но меня не такъ легко поддѣть. Я не таковскій, чтобы растаять отъ пары поцѣлуевъ. Ну, словомъ, держалъ ухо востро. Вдругъ она объявляетъ, что беременна.

Пифъ—пафъ! Точно два выстрѣла изъ ружья прямо мнѣ въ грудь. А она-то цѣлуетъ меня, обнимаетъ, смѣется, пляшетъ, точно съ ума сошла! Въ первый день я ничего не сказалъ. Ночью же однако призадумался. „Не угодно ли!“ думалось мнѣ. „Необходимо отразить ударъ и порвать всякую связь. Теперь какъ разъ время. Вы понимаете: у меня въ Барневилѣ отецъ съ матерью, въРолльбекѣ, въ двухъ лье отъ Вильбона, сестра замужемъ за маркизомъ д'Испари. Шутки плохія

Какъ тутъ быть? Если она уйдетъ отъ меня, начнутся подозрѣнія, пойдутъ болтать всякій вздоръ. Если же ее оставить, сейчасъ же увидятъ, въ чемъ штука. И потомъ не могъ же я ее отпустить такъ.

Я разсказалъ обо всемъ дядѣ, барону Крэтѣйль, травленому волку, что называется, у котораго такихъ, какъ она, перебывало не мало, и спросилъ его совѣта.

— Надо отдать ее замужъ, голубчикъ,—спокойно отвѣтилъ онъ.

Я даже подпрыгнулъ.

— Замужъ! Что вы, дядя! Но за кого же?

Онъ слегка пожалъ плечами.

— За кого хочешь. Это ужь твое дѣло. Я-то тутъ при чемъ? Умный человѣкъ всегда найдетъ.

Цѣлую недѣлю я продумалъ надъ его словами. Въ концѣ концовъ я сказалъ самому себѣ: „Дядя правъ“.

Я сталъ ломать голову, гдѣ бы найти жениха. Однажды вечеромъ мировой судья, съ которымъ мы только-что пообѣдали, сказалъ мнѣ:

— А сынокъ-то старухи Помель опять надѣлалъ глупостей. Плохо кончитъ этотъ малый. Правда говорится, что яблоко отъ яблоньки не далеко падаетъ.

Эта старуха Помель была ловкая бестія. Молодость свою она провела не безупречно. За экю готова была продать свою душу, а въ придачу и повѣсу сынка.

Я отправился къ ней и осторожно намекнулъ, въ чемъ дѣло.

Видя, что я затрудняюсь въ выраженіяхъ,она прямо спросила:

— А сколько вы дадите этой дѣвчонкѣ?

Она была себѣ на умѣ, старая хрычовка, да и я тоже не дуракъ. Обдумалъ все заранѣе.

Около Сассевиля у меня какъ разъ было три никуда негодныхъ клочка земли; они принадлежали къ тремъ моимъ фермамъ въ Вильбонѣ. Фермеры всегда жаловались на ихъ отдаленность. Словомъ, я отобралъ эти три поля, всего на всего шесть акровъ, и такъ какъ крестьяне завопили, то я сложилъ съ нихъ, до конца контракта, условленную доставку живности. Такимъ образомъ дѣло уладилось. Тогда я прикупилъ у сосѣда, г. д'Омонтъ, кусочекъ пригорка и выстроилъ на немъ домишко. Все это обошлось мнѣ въ ты-

сячу пятьсотъ франковъ. Такимъ образомъ у меня вышло маленькое имѣньице, стоившее мнѣ, не Богъ вѣсть что. Его-то я и давалъ въ приданое дѣвушкѣ.

— Мало!—вскричала старуха.

Но я твердо стоялъ на своемъ, и мы разстались, ни на чемъ не порѣшивъ.

На другой день, чуть только разсвѣло, малый самъ явился ко мнѣ. Я не помнилъ, какой онъ изъ себя. Теперь, увидѣвъ его, я успокоился. Для крестьянина онъ былъ недуренъ. Но видъ у него былъ отчаянно плутовской. Онъ повелъ дѣло издалека, точно пришелъ торговать корову. Когда мы сладили дѣло, онъ пожелалъ видѣть имѣнье, и мы отправились туда пѣшкомъ. Негодяй битыхъ три часа продержалъ меня тамъ; ужь онъ и мѣрилъ-то, и межевалъ-то, и бралъ въ руки глыбы земли, раздавливая ихъ между пальцами, точно боялся обмануться въ товарѣ. Домъ не былъ еще покрытъ крышей. Онъ потребовалъ, чтобы крыша была изъ шифера, а не соломенная, такъ какъ шиферъ требуетъ меньше ремонта!

Потомъ спросилъ меня:

— Ну, а всю обстановку вы дадите?

— Ну, нѣтъ,—протестовалъ я. — Хорошо, что ферму - то даю.

— Что и говорить!—ухмыльнулся онъ.—Ферму и въ придачу ребенка.

Я невольно покраснѣлъ.

Онъ продолжалъ:

— Въ такомъ случаѣ вы дадите, по крайней мѣрѣ, кровать, столъ, шкапъ, три стула и потомъ всю посуду, слышите? А то дѣло не пойдетъ.

Я согласился.

Мы отправились обратно. О дѣвушкѣ онъ до сихъ поръ

не сказалъ ни слова. Вдругъ какъ-то изъ подлобья, неловко, онъ произнесъ:

— Ну, а если она умретъ, кому же пойдетъ имѣніе?

— Разумѣется, вамъ,—отвѣтилъ я.

Это тольно и интересовало его съ самаго утра. Онъ тутъ же съ довольнымъ видомъ протянулъ мнѣ руку. Сладили.

Но какого труда стоило мнѣ уговорить Розу. Она валялась у меня въ ногахъ, рыдала и все говорила: „Неужели вы предлагаете мнѣ это, вы?“ Почти больше недѣли противилась она, несмотря на всѣ мои доводы и просьбы. Бабы вѣдь глупы. Если втемяшется имъ въ голову любовь, ничего ужь не понимаютъ. Ни благоразумія, ничего. Любовь—прежде всего. Все—для любви!

Наконецъ я разсердился и пригрозилъ вышвырнуть ее вонъ. Мало-по-малу она сдалась съ тѣмъ лишь условіемъ, что я позволю ей приходить иногда ко мнѣ.

Я самъ привелъ ее къ алтарю, заплатилъ за церемонію и пригласилъ всѣхъ къ себѣ на свадебный обѣдъ. Я все сдѣлалъ, какъ слѣдуетъ. Затѣмъ раскланялся и на цѣлыхъ полгода закатился къ брату въ Турэнь.

Когда я возвратился домой, я узналъ, что она каждую недѣлю приходила на барскій дворъ и все спрашивала меня. И теперь не прошло и часу, какъ она уже пожаловала ко мнѣ съ мальчишкой на рукахъ. Повѣрите ли, я почувствовалъ что-то особенное при видѣ этого мальчугана. Кажется, что я даже поцѣловалъ его.

Что же касается матери, то это была какая-то развалина, скелетъ, какая-то тѣнь. Похудѣла, постарѣла. Чортъ возьми! Не въ пользу однако пошло ей замужство!

— Счастлива ты?—машинально спросилъ я.

Она залилась ручьемъ, всхлипывала, рыдала и все только кричала:

— Не могу, не могу совсѣмъ жить безъ васъ.Лучше умереть. Не могу!

Надѣлала, чортъ знаетъ, какого шуму. Я утѣшилъ ее, какъ могъ, и проводилъ до заставы.

Я узналъ, что мужъ бьетъ ее, а свекровь, старая сычовка, просто не даетъ житья.

Черезъ два дня Роза опять пришла, обхватила меня руками и бухнулась въ ноги.

— Убейте меня; я не могу туда больше идти.

То же самое сказала бы и Мирза, еслибъ умѣла говорить.

Всѣ эти исторіи стали мнѣ однако сильно надоѣдать, и я опять на полгода улизнулъ изъ дома. Когда я вернулся... когда я вернулся, я узналъ, что Роза умерла, за три недѣли до моего пріѣзда. До самой смерти она каждое воскресенье приходила на барскій дворъ... совершенная Мирза. Ребенокъ тоже умеръ черезъ недѣлю послѣ матери.

А плутъ-муженекъ, онъ получилъ, конечно, наслѣдство. Съ тѣхъ поръ онъ пошелъ въ гору и теперь муниципальнымъ совѣтникомъ.

Какъ бы то ни было, а я устроилъ его судьбу!—прибавилъ, смѣясь, Варнето.

Все, что хотите, но только такія женщины... покорно благодарю! — важно сказалъ въ заключеніе ветеринаръ Сэжуръ и поднесъ стаканъ вина къ губамъ.

ФАБРИКАЦІЯ УРОДОВЪ.

Мнѣ припомнилась эта ужасная исторія и эта отвратительная женщина на-дняхъ, когда я, на излюбленномъ богачами прибрежьѣ, встрѣтилъ извѣстную парижанку, элегантную, молодую, восхитительную, обожаемую и уважаемую всѣми.

Исторія моя давнишняя, но такія вещи никогда не забываются.

Однажды пріятель пригласилъ меня провести нѣсколько дней у него въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ.

Для моего увеселенія онъ таскалъ меня всюду, показывалъ замѣчательные виды, зáмки, фабрики, развалины, заставлялъ любоваться монументами, церквами, старинными рѣзными дверями, деревьями, отличающимися необыкновенною высотой или причудливою формой, цѣпью Св. Андрея и тисомъ Рокбуаза.

Когда я съ восклицаніями благосклоннаго восторга осмотрѣлъ всѣ эти достопримѣчательности, мой пріятель съ сокрушеннымъ видомъ объявилъ мнѣ, что больше не осталось ничего достойнаго вниманія. Я вздохнулъ свободнѣе. Теперь я могъ, наконецъ, отдохнуть подъ тѣнью деревьевъ. Но вдругъ онъ воскликнулъ:—Ахъ, да! У насъ есть еще мать,

фабрикующая уродовъ. Ты непремѣнно долженъ съ ней познакомиться.

— Что такое? Мать, фабрикующая уродовъ?

— Да, отвратительная женщина, настоящій демонъ, существо, которое ежегодно, по собственному желанію, производитъ на свѣтъ безобразныхъ, отвратительнымъ, ужасныхъ дѣтей,—словомъ, уродовъ,—и продаетъ ихъ содержателямъ рѣдкостей.

Эти ужасные промышленники наѣзжаютъ сюда по временамъ, чтобъ освѣдомиться, не произвела ли она еще на свѣтъ какого-набудь выродка, и, если экземпляръ оказывается подходящимъ, берутъ его и выдаютъ матери извѣстную плату.

У нея уже одинадцать такихъ выродковъ, и она богата.

Ты думаешь, я шучу, выдумываю, преувеличиваю? Нѣтъ, мой другъ, все, что я говорю тебѣ, истинная правда.

Пойдемъ, взглянемъ на эту женщину и я тебѣ потомъ разскажу, какъ она дошла до фабрикаціи уродовъ.

Онъ повелъ меня въ предмѣстье города.

Она жила въ хорошенькомъ домикѣ, на краю дороги. Все хозяйство ея было очень мило и въ большомъ порядкѣ. Садъ, полный цвѣтовъ, благоухалъ. Можно было подумать, что здѣсь живетъ нотаріусъ, удалившійся отъ дѣлъ.

Нянюшка ввела насъ въ маленькое деревенское зало, и, наконецъ, появилась и сама эта несчастная.

Ей было лѣтъ сорокъ. Видная, съ грубыми чертами лица, но хорошо сложенная, сильная и бодрая — настоящій типъ дюжей крестьянки, полуживотнаго, полуженщины.

Она знала, что пользовалась дурною славой, и встрѣчала людей съ приниженною злобой.

— Что угодно господамъ?—спросила она.

— Мнѣ говорили,—отвѣчалъ пріятель,—что вашъ послѣд-

ній ребенокъ самый обыкновенный, совсѣмъ не похожъ на своихъ братьевъ и я хотѣлъ убѣдиться, насколько это вѣрно.

Она бросила на насъ злобный, подозрительный взглядъ и сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, мой милый господинъ. Онъ даже, кажется, уродливѣе своихъ братьевъ. Нѣтъ и нѣтъ мнѣ удачи. Все то же и то же, истинное просто несчастіе! Неужели же Господь Богъ такъ немилостивъ къ бѣдной, одинокой женщинѣ? Вѣдь это ужасно.

Говорила она быстро, лицемѣрно, опустивъ глаза, и сильно напоминала испуганное дикое животное. Она смягчала грубый свой голосъ и странно было слышать, какъ эти вытягиваемые фистулой слезливые звуки выходили изъ ея массивнаго, сильнаго, костляваго, угловатаго тѣла, созданнаго для сильныхъ жестовъ и для звуковъ, вродѣ волчьяго воя.

— Намъ бы хотѣлось взглянуть на вашего малютку, — сказалъ мой пріятель.

Мнѣ показалось, что она покраснѣла. Но я, можетъ, ошибся. Помолчавъ нѣсколько секундъ, она сказала, возвысивъ голосъ:

— Зачѣмъ вамъ смотрѣть на него?

Она приподняла голову, грубо взглянула на насъ и глаза ея заблистали.

Пріятель мой возразилъ:

— Отчего вы не хотите намъ показать? Вѣдь многіе уже видѣли его. Вы знаете о комъ я говорю?

Она вскочила и, не сдерживая болѣе ни голоса, ни гнѣва, закричала:

— Такъ вы затѣмъ пришли, говорите, чтобъ оскорблять меня, да? За то, что дѣти мои болѣе похожи на животныхъ? За это? Такъ нѣтъ же, вы не увидите, не увидите

его. Идите вонъ, вонъ! Я знаю, что вы всѣ готовы мучить меня.

Она шла на насъ, упирая руки въ бедра. При грубомъ звукѣ ея голоса, стонъ или вѣрнѣе мяуканье, жалобный крикъ идіота раздался въ сосѣдней комнатѣ. Я весь задрожалъ. И мы отступили отъ нея.

Мой пріятель сказалъ строгимъ голосомъ:

— Ну, берегитесь же, чертовка (въ народѣ звали ее чертовка), берегитесь, рано или поздно это не доведетъ васъ до добра.

Она задрожала отъ бѣшенства и, махая кулаками, ревѣла:

— Убирайтесь вонъ! Что такое не доведетъ меня до добра? Убирайтесь вонъ, всѣ вы изъ одной шайки подозрѣвающихъ только дурное.

Она готова была вцѣпиться намъ въ лицо. И мы, скрѣпя сердце, удрали.

Когда мы очутились за дверью, пріятель мой спросилъ:

— Ну что, видѣлъ? Какова?

Я отвѣчалъ.

— Разскажи же мнѣ исторію этого чудовища.

И вотъ что онъ разсказалъ мнѣ, когда мы тихо возвращались по большей бѣлой дорогѣ, окаймленной уже созрѣвшею нивой, волновавшеюся, какъ море, подъ дуновеніемъ легкаго вѣтерка.

Эта женщина была прежде на фермѣ работницей, бодрой, исправной и бережливой. Не подозрѣвали у нея любовника, не подозрѣвали въ ней слабости.

Она пала, какъ и всѣ онѣ, вечеромъ во время уборки хлѣба, среди скошенныхъ сноповъ, передъ грозой, когда спертый воздухъ, пышущій жаромъ накаленной печи, разжигаетъ облитыя потомъ загорѣлыя тѣла этихъ молодицъ и парней.

Скоро она почувствовала себя беременной и стала терзаться стыдомъ и страхомъ. Желая, во что бы то ни стало, скрыть свое несчастіе, она немилосердно стягивала себѣ животъ приборомъ собственнаго изобрѣтенія, нѣчто вродѣ грубаго корсета, сдѣланнаго изъ дощечекъ и веревокъ. Чѣмъ больше съ развитіемъ ребенка увеличивался ея животъ, тѣмъ сильнѣе стягивала она это орудіе пытки, терпѣливо перенося страшныя мученія, всегда живая и улыбающаяся, не давая ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію.

Подъ давленіемъ ужаснаго прибора она калѣчила ребенка въ своей утробѣ; онъ былъ стиснутъ, обезображенъ, превращенъ въ урода. Сжатый черепъ удлинялся, заострялся, два большихъ глаза, какъ бы выдавленные, выступали изъ-подо лба. Члены, притиснутые къ тѣлу, росли искривленные, какъ виноградные лозы, неимовѣрно удлиняясь и заканчиваясь пальцами, похожими на лапы паука.

Туловище оставалось маленькимъ и круглымъ, какъ орѣхъ.

Въ одно весеннее утро она родила среди поля.

Когда полольщицы, прибѣжавшіе къ ней на помощь, увидѣли чудовище, появляющееся на свѣтъ, онѣ съ крикомъ бросились бѣжать. По окрестностямъ разнеслась молва, что она родила чорта. Съ тѣхъ поръ ее и прозвали „Чертовкой".

Съ мѣста ее прогнали. Она жила милостыней, а можетъ и тайною любовью, потому что была красивая дѣвушка, и не всѣ люди боятся ада.

Она ростила свое чудовище, къ которому, впрочемъ, питала дикую ненависть; она, можетъ, придушила бы его, еслибы священникъ, предвидя такое преступленіе, не пристращалъ ее карой закона.

Но вотъ, однажды, проѣзжавшіе мимо содержатели рѣдкостей услышали о страшномъ уродцѣ и пожелали его увидѣть, чтобы взять съ собой, если экземпляръ окажется под-

ходящимъ. Онъ имъ приглянулся и они предложили матери пятьсотъ франковъ чистаганомъ. Она вначалѣ конфузилась и отказывалась показать имъ это чудовище; но когда открыла, что онъ сто́итъ денегъ и что эти люди желаютъ его пріобрѣсти, она принялась выторговывать каждую копейку, разжигая ихъ безобразіемъ своего ребенка и возвышая цѣну съ упорствомъ крестьянина.

Чтобъ не обманули ее, она заключила письменное условіе. И они обязались выплачивать ей еще ежегодно по четыреста франковъ, какъ будто они нанимали этого урода себѣ къ услуженіе.

Такая неожиданная статья дохода свела мать съ ума и ее преслѣдовало теперь желаніе, во чтобы то ни стало, родить еще такое чудовище, чтобы, какъ буржуа, жить рентой.

Она была плодовита, ей это удавалось и она изловчилась по желанію мѣнять формы своихъ уродовъ, сообразно тому давленію, которому она подвергала ихъ во время утробной жизни.

Она выдѣлывала и длинныхъ и короткихъ, похожихъ и на крабовъ, и на ящерицъ. Нѣсколько человѣкъ умерло; она была въ отчаяніи.

Правосудіе пробовало вмѣшаться, но не было возможности уличить, и такимъ образомъ ее оставили въ покоѣ фабриковать своихъ чудовищъ.

Въ живыхъ у нея теперь одинадцать, которые ежегодно приносятъ ей отъ пяти до шести тысячъ франковъ. Не пристроенъ еще только одинъ, котораго она не хотѣла намъ показать. Но она не долго удержитъ его при себѣ, потому что она извѣстна теперь содержателямъ рѣдкостей всего свѣта, которые по временамъ навѣщаютъ ее, чтобъ узнать, нѣтъ ли у нея чего-нибудь новаго.

Она даже устраиваетъ между ними аукціоны, когда экземпляръ стоитъ то́го.

Пріятель умолкъ. Глубокое отвращеніе охватило меня и безумный гнѣвъ и сожалѣніе, что я не придушилъ эту гадину, когда она была у меня подъ рукой.

— Кто же ихъ отецъ?—спросилъ я.

— Это неизвѣстно,—отвѣчалъ пріятель.—Онъ или они имѣютъ своего рода стыдъ и скрываютъ это, хотя можетъ она и дѣлится съ ними доходами.

Я уже не думалъ объ этой давнишней исторіи, когда надняхъ на модномъ морскомъ берегу встрѣтилъ элегантную женщину, прелестную, кокетливую и окруженную мужчинами, которые любятъ и уважаютъ ее.

Я шелъ по берегу подъ руку съ моимъ другомъ, мѣстнымъ врачомъ. Минутъ черезъ десять я увидѣлъ нянъку, присматривавшую за тремя дѣтьми, копавшимися въ пескѣ.

На землѣ лежала пара маленькихъ костылей—это тронуло меня. И тогда я замѣтилъ, что всѣ три маленькихъ человѣка были безобразны, горбаты, кривобоки и уродливы.

Докторъ сказалъ мнѣ: это произведенія той прелестной женщины, которую ты только-что встрѣтилъ.

Подъ вліяніемъ глубокаго сожалѣнія къ ней и къ нимъ я воскликнулъ:

— Бѣдная мать! Какъ можетъ она еще смѣяться?

— Напрасно, мой милый, ты ее жалѣешь. Нужно пожалѣть этихъ бѣдныхъ дѣтей. Вотъ результаты тонкихъ талій до послѣднихъ дней. Эти уродцы фабрикуются корсетами. Она отлично знаетъ, что рискуетъ въ этой игрѣ жизнью, но готова на все, чтобы только оставаться красивой и любимой.

И мнѣ вспомнилась та, другая „чертовка“, которая торговала своими уродами.

Исповѣдь Сабо.

Когда Сабо заходилъ въ мартенвильскій кабачокъ, заранѣе поднимался хохотъ. И потѣшникъ же былъ этотъ Сабо! Вотъ ужъ кто не терпѣлъ поповъ. Да, онъ просто поѣдомъ ѣлъ ихъ! Забубенная головушка!

Теодюль Сабо, столярныхъ дѣлъ мастеръ, являлся въ Мартенвилѣ представителемъ передовой партіи. Это былъ высокій, тощій человѣкъ съ угрюмыми сѣрыми глазами, съ волосами, слипшимися на вискахъ, и съ тонкими губами. Когда онъ говорилъ „нашъ святѣйшій отецъ папа" какимъ-то особеннымъ тономъ, всѣ надрывались со смѣху. Сабо имѣлъ обыкновеніе работать по воскресеньямъ во время обѣдни, ежегодно въ чистый понедѣльникъ рѣзалъ свинью, чтобъ имѣть кровяную колбасу вплоть до Пасхи, а когда мимо него проходилъ священникъ, онъ всегда съ насмѣшливой ужимкой говорилъ: „вотъ кто пьетъ кровь своего Господа Бога".

Священникъ, толстякъ, тоже большого роста, побаивался Сабо за его острый языкъ. Этотъ языкъ доставлялъ ему многочисленныхъ приверженцевъ. Аббатъ Маритимъ былъ человѣкъ политичный и любилъ прибѣгать къ ловкимъ средствамъ. Борьба между нимъ и Сабо продолжалась уже де-

сять лѣтъ; борьба скрытая, ожесточенная, нескончаемая. Сабо былъ муниципальнымъ совѣтникомъ, и полагали, что его выберутъ въ мэры, а это, конечно, было бы полнѣйшимъ пораженіемъ церкви.

Выборы приближались, и въ Мартенвилѣ разгоралась религіозная борьба. Но вотъ однажды утромъ кюрэ отправился въ Руанъ, сказавъ свой служанкѣ, что ѣдетъ къ эпископу.

Черезъ два дня онъ вернулся веселый и торжествующій. На утро всѣ уже знали, что хоры въ церкви будутъ передѣлываться заново. Его преосвященство пожертвовалъ на это шестьсотъ франковъ изъ собственой своей шкатулки.

Предполагалось сломать старыя сосновыя сидѣнья на хорахъ и замѣнить ихъ новыми дубовыми.

Значительная столярная работа, о которой въ тотъ же вечеръ говорили во всѣхъ домахъ.

Сабо больше не смѣялся.

Когда на слѣдующій день онъ проходилъ по деревнѣ, сосѣди-друзья и враги съ лукавымъ видомъ спрашивали его:

— Вѣдь ты будешь передѣлывать церковные хоры?—Онъ не нашелся ничего отвѣтить, но злился, крѣпко злился.

— Славная работа,—добавляли насмѣшники,—тутъ перепадетъ по меньшей мѣрѣ сотни двѣ, три франковъ.

Черезъ два дня узнали, что работа поручена будетъ Селестину Шамберланъ, столяру изъ Першевилля. Потомъ извѣстіе это оказалось ложнымъ. Говорили, что и всѣ церковныя скамьи будутъ передѣлываться. Это стоило двѣ тысячи франковъ, которыя просились у министерства. Возбужденіе было сильное.

Теодюль Сабо лишился сна. Никогда еще, насколько помнили, такой заказъ не перепадалъ мѣстному столяру. Затѣмъ пробѣжалъ слухъ; говорили потихоньку, будто кюрэ

неохотно поручаетъ эту работу мастеру изъ чужого прихода, но не можетъ дать ее Сабо, зная его убѣжденія.

Слухъ этотъ дошелъ до ушей Сабо и, съ наступленіемъ ночи, онъ отправился на погостъ. Служанка сказала ему, что кюрэ въ церкви и, онъ прошелъ туда.

Двѣ старыя дѣвы подъ руководствомъ кюрэ украшали алтарь для предстоящаго праздника Богородицы. Самъ кюрэ, стоя посреди хоръ и отдуваясь громаднымъ животомъ, распоряжался работой женщинъ, которыя, взобравшись на стулья, размѣщали букеты вокругъ жертвенника.

Сабо чувствовалъ себя въ церкви крайне неловко, точно онъ вошелъ къ злѣйшему своему врагу, но жажда наживы щекотала его сердце. Онъ приблизился, держа фуражку въ рукахъ и не обращая даже вниманія на старыхъ дѣвъ, пораженныхъ удивленіемъ и неподвижно застывшихъ на своихъ стульяхъ.

— Здравствуйте, господинъ кюрэ,—пробормоталъ онъ.

— Здравствуйте, господинъ столяръ, — отвѣчалъ кюрэ; всецѣло занятый своимъ алтаремъ, онъ даже не взглянулъ на него.

Смущенный Сабо не находилъ, что сказать.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ спросилъ:

— Приготовляетесь?

— Да, скоро вѣдь настанетъ праздникъ Пресвятой Дѣвы.

— Да, да,—проговорилъ Сабо и снова замолчалъ.

Онъ чувствовалъ теперь непреодолимое желаніе удрать, не говоря ни слова, но взглядъ, брошенный на хоры, остановилъ его. Онъ замѣтилъ четырнадцать мѣстъ, требовавшихъ починки: шесть съ правой стороны и восемь съ лѣвой—два мѣста занимала дверь въ ризницу. Четырнадцать дубовыхъ мѣстъ—это обойдется не болѣе трехсотъ франковъ. Здѣсь

есть, чѣмъ поживиться, и легко выгадать сотни двѣ франковъ, если не быть разиней.

И онъ пробормоталъ:

— Я пришелъ на счетъ работы.

Кюрэ, какъ бы удивленнный, спросилъ:—Какой работы?

Сабо, растерявшись, сказалъ:

— На счетъ передѣлки.

Тогда кюрэ обернулся и посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Вы говорите о передѣлкѣ хоръ моей церкви?

Отъ тона аббата Маритима у Теодюля Сабо забѣгали по спинѣ мурашки, и онъ ощутилъ непреодолимое желаніе ударать. И... однако смиренно отвѣчалъ:

— Да, господинъ кюрэ.

Аббатъ скрестилъ руки на толстомъ животѣ и, какъ бы пораженный изумленіемъ, воскликнулъ:

— И это вы... вы... вы, Сабо, приходите меня просить объ этомъ! Вы... единственный невѣрующій моего прихода. Но вѣдь это будетъ скандалъ, публичный скандалъ. Эпископъ сдѣлаетъ мнѣ выговоръ и можетъ даже смѣстить меня.

Онъ нѣсколько секундъ переводилъ духъ и потомъ добавилъ болѣе спокойнымъ тономъ.

— Я понимаю, вамъ тяжело видѣть, что такой важный заказъ передается столяру сосѣдняго прихода. Но я не могу иначе... развѣ, если... если... но нѣтъ... это невозможно... Вы не согласитесь, а безъ этого нельзя.

Сабо глядѣлъ теперь на рядъ скамеекъ, тянувшихся вплоть до выходной двери... Неужели же все это будетъ передѣлываться?

И онъ спросилъ:

— А что вы потребуете? Говорите.

Кюрэ твердымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Мнѣ нужно явное доказательство вашей доброй воли.

Сабо борматалъ:

— Я не прочь... не прочь... можетъ, мы и столкуемся.

Кюрэ продолжалъ:

— Нужно, чтобъ въ ближайшее воскресенье вы публично пріобщились за поздней обѣдней.

Столяръ чувствовалъ, что блѣднѣетъ, но вмѣсто отвѣта спросилъ:

— А скамьи будутъ тоже передѣлываться?

Аббатъ съ увѣренностью сказалъ:

— Да, но нѣсколько позднѣе.

Сабо отвѣчалъ.

— Я не прочь; не прочь. Я не отступникъ, я сочувствую религіи, право; меня отвлекала работа, но въ данномъ случаѣ я не посмѣю ослушаться.

Старыя дѣвы, спустившись со стульевъ, спрятались позади алтаря и слушали, блѣдныя отъ волненія.

Кюрэ, видя себя побѣдителемъ, вдругъ добродушнымъ, фамильярномъ тономъ сказалъ:

— Въ добрый часъ, въ добрый часъ! Вотъ не глупая и даже довольно умная рѣчь. Вы увидите, увидите.

Сабо, сконфуженно улыбаясь, спросилъ.

— Нельзя ли малость отложить это пріобщеніе?

Но кюрэ принялъ снова строгій видъ.

— Прежде чѣмъ работы будутъ переданы вамъ, я долженъ убѣдиться въ вашемъ обращеніи.

И продолжалъ болѣе ласковымъ тономъ:

— Завтра же вы придите исповѣдоваться, потому что мнѣ придется проэкзаменовать васъ по крайней мѣрѣ два раза.

— Два раза?—спросилъ Сабо.

— Да.

Кюрэ улыбался.

— Вы понимаете, что вамъ придется основательно очистить вашу совѣсть. И такъ, я жду васъ завтра.

Столяръ, сильно взволнованный, спросилъ:

— Гдѣ же вы это продѣлываете?

— Гдѣ?... въ исповѣдальнѣ.

— Въ... этомъ вонъ ящикѣ, тамъ въ углу? Онъ, видите ли, не совсѣмъ мнѣ нравится, этотъ вашъ ящикъ.

— Почему?

— Потому... потому что я къ этому не привыкъ... и немного тугъ на ухо.

Кюрэ былъ на этотъ разъ любезенъ.

— Ну, хорошо, приходите ко мнѣ, въ мою залу. Мы будемъ тамъ одни. Согласны?

— Это ничего; только бы не въ вашемъ ящикѣ.

— И такъ, до завтра. Приходите послѣ работы, часовъ въ шесть.

— Дѣло рѣшенное; все, кажется, обсудили и во всемъ сговорились; до завтра, господинъ кюрэ, и чуръ, не пятиться.

Онъ протянулъ кюрэ свою большую, грубую руку, по которой тотъ хлопнулъ своею.

Звукъ этого удара пробѣжалъ по сводамъ и замеръ вдали, за трубами органа.

***

Сабо волновался весь слѣдующій день. Онъ испытывалъ нѣчто въ родѣ того чувства, какое переживаешь, собираясь вырвать себѣ зубъ. Въ головѣ его неотступно вертѣлась мысль, что сегодня вечеромъ ему нужно исповѣдываться, и въ его душѣ, плохо убѣжденнаго атеиста, зарождался неопредѣленный, но могущественный страхъ передъ божественнымъ таинствомъ.

Покончивъ работу, онъ немедленно отправился на погостъ.

Кюре, читая требникъ, ожидалъ его въ саду, въ глубинѣ маленькой алеи. Онъ казался веселымъ и встрѣтилъ его громкимъ смѣхомъ.

— Прекрасно! Ну, вотъ мы и готовы. Проходите, проходите, господинъ Сабо, въ домъ, васъ тамъ не съѣдятъ.

Сабо вошелъ первый и пробормоталъ:

— Если вы ничего не имѣете противъ, то мнѣ бы хотѣлось поскорѣе покончить наше маленькое дѣльце.

Кюрэ отвѣчалъ:

— Къ вашимъ услугамъ. Вотъ и мой стихарь. Еще минута, и я васъ слушаю.

Взволнованный столяръ не могъ уже теперь думать ни о чемъ другомъ, а только внимательно слѣдилъ, какъ кюрэ надѣвалъ на себя сборчатое бѣлое одѣяніе. Тотъ подалъ ему знакъ.

— Станьте на колѣни на эту подушку.

Сабо не двигался: онъ конфузился стать на колѣни и бормоталъ:

— Развѣ это такъ необходимо?

Но аббатъ величествено сказалъ:

— Къ мѣсту покаянія можно приближаться только на колѣняхъ.

Сабо опустился на колѣни.

— Читайте „confiteor“—сказалъ священникъ.

— Что такое?—спросилъ Сабо.

— Исповѣдальную молитву. Если вы ее не знаете, повторяйте за мною.

И кюрэ медленно, скандируя слова, прочелъ святую молитву, которую столяръ и повторялъ за нимъ.

— Теперь исповѣдуйте свои грѣхи.

Но Сабо молчалъ, не зная, съ чего начать.

Тогда аббатъ Маритимъ пришелъ ему на помощь.

— Дитя мое, такъ какъ вы, повидимому, несвѣдущи въ исповѣди, то я буду спрашивать васъ самъ. Мы будемъ перечислять одну за другой заповѣди Господни. Слушайте меня и не смущайтесь. Говорите все и не бойтесь, что будете слишкомъ откровенны. „Ты долженъ почитать единаго Бога и любить Его всѣмъ сердцемъ своимъ". Любили ли вы кого-нибудь или что нибудь такъ же, какъ Бога? Любили ли Его всей душей, всѣмъ сердцемъ, всей силой любви?

Сабо потѣлъ, напрягая мысли свои. Онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ кюрэ, я люблю Господа Бога, насколько могу. Да, люблю Его. Сказать, что я не люблю моихъ дѣтей, я не скажу. Сказать, что я рѣшился бы пожертвовать ими ради Господа Бога, я не могу. Сказать, что я согласился бы лишиться сотни франковъ изъ-за любви къ Богу, этого я тоже не скажу. Но я люблю, всетаки люблю Его.

Кюрэ сурово произнесъ:

— Нужно любить Его больше всего на свѣтѣ.

И Сабо, преисполненный благихъ намѣреній, объявилъ:

— Постараюсь, насколько возможно, господинъ кюрэ.

Аббатъ Маритимъ продолжалъ:

— „Не клянись всуе Богомъ или чѣмъ либо инымъ". Божитесь ли вы когда нибудь?

— О нѣтъ, нѣтъ. Я никогда не божусь. Правда, иной разъ, разсердившись, скажешь: разрази меня Господь! Но божиться, никогда не божусь.

Да вѣдь это и есть божба! — воскликнулъ кюрэ. Никогда не дѣлайте этого, — добавилъ онъ внушительно. — Я продолжаю:

— „Чти воскресный день и благоговѣйно посвящай его Богу". Что вы дѣлаете по воскресеньямъ?

На этотъ разъ Сабо принялся чесать у себя за ухомъ.

— Я вѣдь служу Господу, какъ умѣю, господинъ кюрэ. Служу ему... у себя дома. Работаю по воскресеньямъ.

Кюрэ великодушно прервалъ его:

— Я знаю, что впредь вы будете вести себя приличнѣе. Я пропускаю пятую заповѣдь, въ увѣренности, что вы не грѣшили противъ нея. Перейдемъ къ шестой. „Не бери чужого имущества и не присвоивай, что тебѣ не принадлежитъ". Не похищали ли вы какъ нибудь имущество, вамъ не принадлежащее?

Сабо вознегодовалъ:

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, никогда! Я честный человѣкъ, господинъ кюрэ. Клянусь вамъ въ этомъ. Сказать, чтобъ я богатымъ заказчикамъ никогда не приписывалъ нѣсколькихъ лишнихъ часовъ работы, этого я, точно, не скажу. Сказать, чтобъ я никогда въ счетахъ не приписывалъ по нѣскольку сантимовъ, по нѣскольку сантимовъ только, того я не скажу. Но воровать... нѣтъ, нѣтъ, я никогда не воровалъ.

Кюрэ строго замѣтилъ:

— Присвоить себѣ хотя бы одинъ чужой сантимъ, значитъ украсть. Не дѣлайте этого. „Не лги, не свидѣтельствуй ложно". Лгали ли вы?

— Нѣтъ, никогда. Я не лгунъ. Это мое достоинство. Нельзя, конечно, не прихвастнуть иногда... про это я не говорю. Случается также увѣрять въ томъ, чего не было, но и то, когда это въ моихъ личныхъ интересахъ. А лгать? Нѣтъ, я не лгунъ.

— Слѣдите построже за собой,—замѣтилъ кюрэ.

И продолжалъ:

— „Не удовлетворяй плотской похоти внѣ брака". Не пожелали ли вы и не сходились ли съ какой нибудь женщиной, кромѣ вашей жены?

Сабо искренно воскликнулъ:

— Это нѣтъ; ужь это никогда, господинъ кюрэ. Обманывать бѣдную жену! Нѣтъ, ни за что. Ни, ни на волосъ; ни дѣломъ, ни помышленіемъ. Это вѣрно.

Онъ помолчалъ нѣсколько минутъ и затѣмъ тихо, какъ бы въ сомнѣніи, сказалъ:

— Когда бываю въ городѣ, я точно иногда захожу въ дома... знаете, въ дома этакіе, пошутить, посмѣяться, побаловаться—ну и т. д. Но я плачу, господинъ кюрэ, всегда плачу аккуратно, а что разъ заплачено, то все шито, крыто, и нечего про это говорить.

Кюрэ не настаивалъ и далъ ему отпущеніе его грѣховъ.

Теодюль Сабо передѣлываетъ хоры и ежемѣсячно бываетъ у причастія.

Сильнѣе смерти.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Свѣтъ падалъ въ обширную мастерскую черезъ открытое окно на потолкѣ,—большой четыреугольникъ ярко-голубого цвѣта, черезъ свѣтлую вырѣзку въ безконечную лазурную даль, гдѣ быстро пролетали птицы.

Но чуть только веселый свѣтъ неба проникнетъ въ суровую, высокую комнату съ драпировками, какъ сейчасъ же начнетъ уменьшаться, слабѣетъ, засыпаетъ на матеріяхъ, замираетъ на портьерахъ, еле освѣщая темные углы, гдѣ только золоченыя рамы горятъ, какъ огонь. Миръ и сонъ, казалось, заключены тутъ, миръ тѣхъ домовъ, гдѣ живутъ художники, гдѣ работаетъ человѣческій духъ. Въ этихъ стѣнахъ, гдѣ обитаетъ мысль, гдѣ она трепещетъ, изнемогая въ страшныхъ усиліяхъ, казалось, все погружено въ истому, все въ изнеможеніи, чуть только мысль поуспокоится После жизненныхъ кризисовъ все словно замираетъ, все наслаждается отдыхомъ: и мебель, и матерія, и великія лица, недоконченныя на полотнѣ, точно весь домъ страдалъ утомленіемъ хозяина, страдалъ и мучился съ нимъ, принимая каждый день снова участіе въ его непрерывной борьбѣ.

задержанный коврами и стульями, въ воздухѣ носился тяжелый неясный запахъ краски, смѣсь терпентина съ табакомъ. Ни одинъ звукъ не нарушалъ тяжелаго молчанія; только рѣзко вскрикивали ласточки, пролетая надъ открытымъ окномъ, да смутно доносился изъ-за крышъ чуть слышный, протяжный гулъ Парижа. Все неподвижно; только маленькое облачко голубого дыма поднимается время отъ времени къ потолку; при каждомъ вспыхиваніи папироски, которую медленно покуривалъ Оливье Бертенъ, не выпуская изо рта и протянувъ ноги на диванѣ.

Устремивъ глаза въ далекое небо, онъ искалъ сюжета для новой картины. Что онъ будетъ дѣлать? Онъ и самъ не зналъ еще. Да притомъ онъ вовсе не такой рѣшительный художникъ, увѣренный въ самомъ себѣ; его неопредѣлившееся вдохновеніе постоянно колеблется, безпокойно перехода по очереди ко всѣмъ проявленіямъ искусства. Богатый, знаменитый, надѣленный всѣми почестями, онъ на закатѣ жизни и самъ не зналъ хорошенько, къ какому идеалу стремился. Онъ имѣлъ римскую премію, былъ защитникомъ традицій и, подобно многимъ другимъ, изображалъ на полотнѣ великія событія исторіи. Потомъ, пріурочивая свои тенденціи къ современному духу, онъ сталъ изображать живыхъ людей съ классическими воспоминаніями. Большой энтузіастъ, одаренный умомъ, упорный труженикъ съ измѣнчивою мечтой, увлеченный своимъ искусствомъ, которое онъ зналъ превосходно, Оливье Бертенъ, благодаря тонкости ума, пріобрѣлъ замѣчательныя качества въ исполненіи и большую гибкость таланта, происшедшую отчасти отъ его колебаній и попытокъ во всевозможныхъ жанрахъ. Быть можетъ, неожиданное пристрастіе публики къ его изящнымъ, правильнымъ, хорошо написаннымъ произведеніямъ повліяло на его натуру и помѣшало ему сдѣ-

латься тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался бы при нормальныхъ условіяхъ. Послѣ тріумфальнаго дебюта желаніе постоянно нравиться не давало ему покоя, хотя онъ и самъ не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета, и это втайнѣ измѣняло его путь, ослабляло убѣжденія. Желаніе нравиться проявлялось у него притомъ во всевозможныхъ формахъ и сильно способствовало его славѣ.

Любезныя манеры, жизненныя привычки, заботы о своей собственной особѣ, старинная слава силача и человѣка, ловко владѣющаго шпагой и лошадью, составляли цѣлую кучу мелкихъ достоинствъ, свитой окружившихъ его возраставшую славу. Послѣ *Клеопатры*, когда-то его прославившей, Парижъ вдругъ сталъ отъ него безъ ума, сдѣлалъ его своимъ избранникомъ, осыпалъ почестями, и онъ превратился въ одного изъ блестящихъ свѣтскихъ художниковъ, которые вездѣ: въ Булонскомъ лѣсу, на расхватъ во всѣхъ салонахъ и съ молодыхъ лѣтъ уже попадаютъ въ Институтъ. И онъ вступилъ туда побѣдителемъ, поощряемый цѣлымъ городомъ.

Такъ судьба, любя его и лаская, довела до преддверій старости.

И вотъ, подъ вліяніемъ хорошаго дня, чувствуя его расцвѣтъ тамъ, наружи, Оливье Бертенъ искалъ поэтическаго сюжета. Отяжелѣвъ немного отъ папироски и отъ завтрака, онъ грезилъ на яву, устремивъ глаза въ небо. Быстро мѣняя, набрасывалъ онъ мысленно фигуры на лазурномъ фонѣ; ему рисовались гроціозныя женщины въ лѣсныхъ просѣкахъ и на уличныхъ тротуарахъ, влюбленные на берегу рѣки и всевозможныя фантастическія, изящныя, излюбленныя мыслью картины. На небѣ появлялись измѣнчивые образы, неопредѣленные, подвижные, окрашенные галлюцинаціей его зрѣнія, а ласточки, рѣющія, какъ стрѣлы, безостано-

вочно въ пространствѣ, старались какъ бы стереть ихъ, зачеркнуть, какъ зачеркиваютъ перомъ.

Ничего не находилъ Оливье Бертенъ! Всѣ промелькнувшія фигуры походили на что-то такое, что онъ и раньше рисовалъ уже; всѣ женщины были или дочери, или сестры тѣхъ, которыхъ создалъ когда-то его художническій капризъ. И страхъ, пока еще смутный, которымъ сталъ страдать онъ съ годъ,—страхъ, что онъ исписался, закончилъ циклъ своихъ сюжетовъ, что вдохновеніе изсякло,—этотъ страхъ обострился теперь передъ обдумываньемъ новаго произведенія, передъ неспособностью создать въ мечтахъ новое, открыть неизвѣстное.

Онъ лѣниво поднялся съ мѣста, желая поискать въ своихъ папкахъ, не найдется ли среди неоконченныхъ набросковъ чего-нибудь такого, что пробудитъ въ немъ мысль.

Не переставая пускать дымъ изъ папироски, онъ сталъ перелистывать свои наброски, эскизы, рисунки, хранившіеся у него въ большомъ старинномъ шкапу. Безплодные поиски скоро надоѣли ему; усталость подавляла его духъ. Онъ бросилъ папироску и сталъ насвистывать распространенную уличную арію; потомъ, нагнувшись, вытащилъ изъ-подъ стула валявшіеся тамъ тяжелые гимнастическіе шары.

Поднявъ другой рукой драпировку, скрывавшую зеркало, которое служило ему для провѣрки позъ и перспективъ, для испытанія вѣрности, онъ сталъ передъ зеркаломъ и, смотрясь въ него, началъ продѣлывать разныя упражненія.

Въ мастерскихъ онъ прославился силой, а въ свѣтѣ красотой. Лѣта подавляли его теперь; онъ тяжелѣлъ. Высокаго роста, широкоплечій, съ хорошею грудью, онъ пополнѣлъ немножко въ животѣ, какъ старый борецъ, не смотря на то, что продолжалъ упражняться въ фехтованіи каждый день и прилежно ѣздилъ верхомъ. Голова по-прежнему

осталась замѣчательно красивой, хотя и въ другомъ родѣ. Густые, короткіе, совершенно бѣлые волосы придавали живость чернымъ глазамъ, смотрѣвшимъ изъ-подъ густыхъ, сѣдыхъ бровей. Большіе, какъ у стараго служаки, усы остались почти темными и придавали его лицу замѣчательно энергичный и гордый видъ.

Стоя передъ зеркаломъ въ позиціи, выпрямивъ корпусъ, онъ концомъ мускулистой руки заставлялъ чугунные шары повиноваться своимъ желаніямъ, одобрительно слѣдя глазами за спокойными могучими усиліями.

Вдругъ въ глубинѣ зеркала, гдѣ отражалась вся мастерская, зашевелилась портьера; вслѣдъ затѣмъ показалась женская голова, только одна голова,—показалась и заглянула въ комнату. Голосъ позади него спросилъ:

— Тутъ?

— Здѣсь, — отвѣтилъ онъ, оборачиваясь назадъ. Онъ бросилъ гири на коверъ и съ преувеличенной гибкостью подбѣжалъ къ дверямъ.

Вошла женщина въ свѣтломъ туалетѣ.

— Упражняетесь?—сказала она, когда они пожали другъ другу руку.

— Да, только-что было разошелся, какъ павлинъ, да и попался.

Она засмѣялась.

— Въ комнатѣ вашего консьержа нѣтъ никого,— сказала она,—а такъ какъ я знаю, что вы всегда одинъ въ это время, то я и вошла безъ предупрежденій.

Онъ посмотрѣлъ на нее.

— Ахъ, какъ вы хороши. Шикъ!

— Да, на мнѣ новое платье. Какъ находите? Хорошо?

— Прелестно. Какая гармонія! Вотъ ужь можно сказать, что теперь понимаютъ значеніе оттѣнковъ.

Онъ ходилъ вокругъ нея, поглаживалъ матерію, концами пальцевъ расправлялъ складки, какъ знатокъ туалета, не уступающій въ этомъ отношеніи любому портному, тративъ всю жизнь свою художническую мысль и атлетическіе мускулы на то, чтобы тонкой кисточкой изображать перемѣнчивыя, изящныя моды, выставлять на видъ скрытую и заполоненную женскую грацію во всеоружіи бархата, шелка или подъ снѣжнымъ покровомъ кружевъ.

— Очень удачно,—замѣтилъ онъ окончательно.—Къ вамъ очень идетъ.

Она давала любоваться собой, довольная своей красотой и тѣмъ, что она ему нравится.

Уже не очень молодая, но все еще красивая, не очень высокая, съ небольшой полнотой, но свѣжая, съ тѣмъ блескомъ, который придаетъ сороколѣтнему тѣлу вкусъ зрѣлости, она напоминала одну изъ тѣхъ розъ, которыя цвѣтутъ безконечно до тѣхъ поръ, пока не осыпятся въ одинъ часъ отъ полноты своего цвѣта.

При бѣлокурыхъ волосахъ она сохраняла живую, юную грацію тѣхъ парижанокъ, которыя не старятся, нося въ себѣ поразительную силу жизненности, неисчерпаемый запасъ стойкости, которыя въ теченіе двадцати лѣтъ не измѣняются, остаются неразрушимы и торжествуютъ, ухаживая прежде всего за своимъ тѣломъ и экономничая здоровьемъ.

Она подняла вуаль.

— Что-жь, меня не цѣлуютъ?—проговорила она.

— Я курилъ,—сказалъ онъ.

— Фу!—сдѣлала она гримасу.—Тѣмъ хуже,—сказала она, протягивая губы.

И губы ихъ соединились.

Онъ взялъ у нея зонтикъ, снялъ весеннюю кофточку,

продѣлывая все это быстро и увѣренно, какъ человѣкъ, привычный къ хорошо знакомому дѣлу.

— Вашъ мужъ какъ поживаетъ?—съ участіемъ спросилъ онъ, когда она сѣла на диванъ.

— Очень хорошо. Теперь онъ какъ разъ, должно быть, говоритъ рѣчь въ палатѣ.

— А! Насчетъ чего?

— Безъ сомнѣнія, насчетъ свеклы или рѣпнаго масла, какъ и всегда.

Мужъ ея, графъ Гилльруа, эрскій депутатъ, выбралъ своей спеціальностью разные землед[redacted]ческіе вопросы.

Замѣтивъ въ углу какой-то незнакомый ей эскизъ, она подошла къ нему и спросила:

— Это что такое?

— Это я началъ пастель, портретъ принцессы Понтэвъ.

— Знаете,—серьезно сказала она,—если вы опять приметесь за женскіе портреты, я закрою вашу мастерскую. Мнѣ слишкомъ хорошо извѣстно, къ чему приводитъ это занятіе.

— О!—сказалъ Оливье Бертенъ.—Два раза вѣдь не рисуютъ портретъ Ани.

— Надѣюсь.

Она осмотрѣла начатую пастель, какъ женщина, знакомая съ вопросами искусства.

Отошла назадъ, приблизилась опять, загородила глаза рукой, на подобіе абажура, нашла мѣсто, откуда эскизъ былъ лучше всего освѣщенъ, и осталась довольна.

— Очень хорошо. Вамъ хорошо удается пастель.

— Вы находите?—проговорилъ онъ, польщенный.

— Да, это такое тонкое искусство, гдѣ нужно имѣть много изящества. Оно не создано для живописцевъ-мазилъ.

Двѣнадцать лѣтъ подогрѣвала она въ немъ наклонность къ изящному искусству, побивала возвраты къ простой реаль-

ности и разными элегантными, свѣтскими пріемами нѣжно толкала къ идеалу граціи, нѣсколько искусственному и дѣланному.

— Какова она собой, принцесса?—спросила она.

Онъ описалъ ей тысячу всевозможныхъ подробностей, — тѣхъ мелкихъ подробностей, которыя такъ цѣнитъ ревнивое, утонченное любопытство женщины,—и перешелъ отъ туалета къ замѣчаніямъ относительно ума принцессы.

— Кокетничаетъ она съ вами?—вдругъ спросила она.

Онъ засмѣялся и побожился, что нѣтъ.

Тогда, положивъ обѣ руки на плечи художника, она пристально посмотрѣла на него.

Отъ горячности, съ какой былъ заданъ вопросъ, затрепеталъ у нея круглый зрачокъ на голубомъ фонѣ радужной оболочки, испещренной еле замѣтными черными точками, точно обрызганной чернилами.

— Это правда, она не кокетничаетъ съ вами?—снова проговорила она.

— Ну, право же, нѣтъ!

— Впрочемъ я спокойна, — прибавила она.—Теперь вы никого не полюбите, кромѣ меня. Конецъ. Съ другими кончено. Слишкомъ поздно, мой бѣдный другъ.

Сердце его слегка дрогнуло подъ вліяніемъ непріятнаго чувства; это чувство всегда испытываютъ люди въ зрѣломъ возрастѣ, когда имъ говорятъ о лѣтахъ.

— Сегодня, завтра, какъ и вчера, въ моей жизни не было и не будетъ никого, кромѣ васъ, Ани.

Она взяла его подъ руку и, вернувшись къ дивану, усадила рядомъ съ собой.

— О чемъ вы думали?

— Ищу сюжета для картины.

— Какого?

— Не знаю, потому-то и ищу.

— Что вы дѣлали эти дни?

Онъ долженъ былъ перечислить всѣхъ своихъ посѣтителей, разсказать о вечерахъ, обѣдахъ, передать разговоры, сплетни. Впрочемъ ихъ обоихъ одинаково интересовали эти ничтожные пустяки человѣческаго существованія. Мелкія соперничества, связи, извѣстныя или предполагаемыя, готовыя сужденія, тысячу разъ повторяемыя и тысячу разъ слышанныя, объ однихъ и тѣхъ же лицахъ, одни и тѣ же событія, одни и тѣ же мнѣнія увлекали ихъ духъ и топили въ той мутной, безпокойной рѣкѣ, которая называется парижскою жизнью. Зная всѣхъ, вездѣ принятые, онъ, какъ художникъ, передъ которымъ открывались всѣ двери, она, какъ элегантная жена консервативнаго депутата, они оба изощрились въ томъ особомъ жанрѣ французской болтовни, утонченной, банальной, снисходительно - недоброжелательной, безполезно-остроумной, вульгорно-изящной, которая упрочиваетъ особенную и очень завидную репутацію за тѣми, чей языкъ въ состояніи усвоить это злое переливаніе изъ пустого въ порожнее.

— Когда придете обѣдать?—вдругъ спросила она.

— Когда хотите. Незначьте день.

— Въ пятницу. У меня будутъ герцогиня Мортменъ, Корбели и Мюзадье; будемъ праздновать возвращеніе моей дѣвочки. Она пріѣдетъ сегодня вечеромъ. Но не говорите объ этомъ. Это секретъ.

— О, разумѣется, приду. Я буду въ восторгѣ видѣть опять Анету. Не видалъ ее три года.

— Правда. Три года!

Анета воспитывалась сначала въ Парижѣ у своихъ родителей. Она была любимицей бабушки, г-жи Параденъ, которая привязалась къ ней со всей страстью послѣдней любви. Ста-

руха, почти слѣпая, жила круглый годъ въ помѣстьи зятя, въ замкѣ Ронсьеры, въ департаментѣ Эръ. Съ теченіемъ времени старуха все дольше и дольше стала держать дѣвочку при себѣ, и такъ какъ семья графа Гилльруа почти половину жизни проводила въ этомъ помѣстьи, куда ихъ безпрестанно призывали разные интересы, земледѣльческіе и избирательскіе, то въ концѣ концовъ дѣвочку стали возить въ Парижъ лишь изрѣдка. Она и сама предпочитала деревенскую свободу и движеніе замкнутой жизни въ городѣ.

Три года уже, какъ она даже ни разу не была въ городѣ. Графиня предпочитала держать ее совсѣмъ вдали, чтобы не пробудить въ ней никакихъ вкусовъ раньше того времени, когда ей предназначено было вступить въ свѣтъ. Г-жа Гилльруа держала для нея тамъ двухъ очень хорошо образованныхъ учительницъ и чаще стала сама навѣщать свою мать и дочь. Пребываніе старухи бабушки въ деревнѣ дѣлало почти необходимымъ присутствіе Анеты въ замкѣ.

Въ прежнія времена Оливье Бертенъ каждое лѣто проводилъ мѣсяца полтора или два въ Ронсьерахъ; но вотъ уже три года, какъ ревматизмъ держалъ его въ далекихъ лѣчебныхъ городахъ, и это такъ усилило его любовь къ Парижу, что онъ уже никакъ не могъ разстаться съ нимъ, какъ только возвращался туда.

Въ сущности молодая дѣвушка должна была вернуться только осенью; но у отца вдругъ явился планъ относительно ея замужства, и онъ звалъ ее теперь, чтобъ она могла тотчасъ же видѣть того, кого онъ предназначалъ ей въ женихи, — маркиза Фарандоля. Эта комбинація держалась впрочемъ въ секретѣ, и одинъ только Оливье Бертенъ былъ посвященъ въ тайну г-жей Гилльруа.

— Значитъ, вопросъ этотъ рѣшенъ вашимъ мужемъ окончательно?—спросилъ онъ.

— Да, и я нахожу, что это очень счастливая мысль.

Потомъ они стали говорить о другомъ.

Она возвратилась опять къ живописи и хотѣла непремѣнно убѣдить его написать Христа. Онъ не соглашался, говоря, что довольно уже такихъ произведеній на свѣтѣ; но она упорно стояла на своемъ и выходила изъ себя.

— О, еслибъ я умѣла рисовать, я бы вамъ показала свою мысль. Это было бы очень ново, очень смѣло. Его снимаютъ съ креста, и человѣкъ, освободившій его руки, не успѣлъ подхватить верхнюю часть тѣла. Онъ падаетъ и валится на толпу, а толпа протягиваетъ руки, чтобы принять его, поддержать. Понимаете?

Да, онъ понималъ; онъ находилъ даже мысль очень оригинальной; но онъ чувствовалъ, что въ немъ бьется жилка современности.

Графиня полулежала на диванѣ. Одна нога ея, обутая въ изящный башмакъ, свѣсилась внизъ; сквозь чулокъ, почти прозрачный, глазъ получалъ ощущеніе тѣла.

— Постойте, — воскликнулъ онъ,—вотъ что надо писать; вотъ она, жизнь,—женская ножка изъ подъ платья! Все можно вложить тутъ—и правду, и желаніе, и поэзію. Что можетъ быть граціознѣе, прелестнѣе женской ножки! И какая вмѣстѣ съ тѣмъ таинственность: подъ этой тканью прячется, теряется вся нога и заставляетъ себя угадывать!

Онъ сѣлъ на полъ, по-турецки, взялъ ея ногу и стащилъ башмакъ. Нога, высвободившись изъ кожаныхъ тисковъ, зашевелилась, какъ безпокойный звѣрокъ, удивленный неожиданною свободой.

— Ну, не изящно ли это, не деликатно ли и въ то же время матерьяльно, матерьяльнѣе гораздо руки! Покажите руку, Ани.

На ней были длинныя перчатки до самаго локтя. Чтобы

снять, она взяла перчатку сверху за край и живо спустила ее, выварачивая на манеръ змѣиной кожи. Показалась рука, блѣдная, полная, круглая; все это сдѣлалось такъ быстро, что внезапно вызывало мысль о полной, самой смѣлой наготѣ.

Она протянула руку, согнувъ ее въ кисти. На бѣлыхъ пальцахъ сверкали кольца; розовые, длинные ногти казались какими-то любовными когтями, выросшими изъ этой миловидной женской лапки.

Оливье Бертенъ тихонько повертывалъ эту руку и любовался ею. Онъ игралъ пальцами, какъ игрушками, сдѣланными изъ тѣла, и говорилъ:

— Какая смѣшная штука! Вотъ такъ смѣшная! И какая миленькая вещица, понятливая, ловкая; все можно заставить ее дѣлать: и книги, и кружева, и дома, и пирамиды, и локомотивы, и пирожное; она же способна на ласку, и это всего лучше удается ей.

Онъ снималъ кольца одно за другимъ. Когда упало въ свою очередь и золотое обручальное кольцо, онъ проговорилъ съ улыбкой:

— Законъ... Честь и слава!

— Глупости!—сказала она, слегка разсердившись.

Онъ всегда отличался зубоскальствомъ; это чисто-французская манера придавать ироническій характеръ самымъ серьезнымъ чувствамъ. Очень часто онъ огорчалъ ее, самъ не желая того, не умѣя уловить всѣхъ женскихъ тонкостей, опредѣлить границы, гдѣ начинается область святого, какъ онъ выражался. Въ особенности сердилась она всякій разъ, когда онъ позволялъ себѣ фамильярно шутить относительно ихъ связи, которая тянулась такъ долго, что, по его словамъ, представляла самый прекрасный образецъ любви девятнадцатаго столѣтія.

— Вы проводите насъ съ Анетой въ Салонъ?—спросила она, помолчавъ.

— Конечно.

Она разспросила о лучшихъ картинахъ предстоящаго Салона, открытіе котораго должно было послѣдовать черезъ двѣ недѣли.

— Дайте-ка мой башмакъ,—сказала она вдругъ, вспомнивъ, можетъ-быть, какое-нибудь неисполненное дѣло.—Я ухожу...

Онъ задумчиво игралъ легкимъ башмачкомъ, разсѣянно повертывая его во всѣ стороны.

Оливье Бертенъ нагнулся и поцѣловалъ ножку; остывъ немного, нога не шевелилась больше и висѣла въ воздухѣ между платьемъ и ковромъ; онъ надѣлъ на нее башмакъ. Г-жа Гилльруа встала и подошла къ столу, на которомъ валялись бумаги, распечатанныя письма, давнишнія и недавнія, и тутъ же стояла чернильница художника, въ которой чернила давно уже высохли. Она съ любопытствомъ осматривала все это, дотрогиваясь до бумагъ, поднимала ихъ, чтобы посмотрѣть, что подъ ними.

— Вы разстроите мой безпорядокъ,—сказалъ онъ,—подходя къ ней.

Не отвѣчая на его слова, она спросила:

— Кто этотъ господинъ, который хочетъ купить вашихъ *Купальщицъ?*

— Какой-то неизвѣстный мнѣ американецъ.

— Сошлись ли вы относительно *Уличной пѣвицы?*

— Да. Десять тысячъ.

— Хорошо сдѣлали. Очень мило написано, но нѣтъ ничего выходящаго изъ ряда вонъ. Прощайте, голубчикъ.

Она протянула ему щеку; онъ поцѣловалъ ее спокойно, чуть прикоснувшись губами. И она скрылась за портьерой, проговоривъ вполголоса:

— Въ пятницу, въ восемь часовъ. Я не хочу, чтобъ вы меня провожали. Вы знаете, вѣдь. Прощайте.

Когда она ушла, онъ первымъ дѣломъ зажегъ папироску, потомъ медленными шагами принялся ходить по мастерской. Все прошлое этой связи развернулось передъ нимъ. Онъ припоминалъ самыя отдаленныя, исчезнувшія подробности, разыскивалъ ихъ, нанизывалъ другъ на друга, увлекаясь этой погоней за воспоминаніями наединѣ.

Это было въ то время, когда онъ только, что поднялся, какъ свѣтило, надъ парижскимъ артистическимъ горизонтомъ, когда художники всецѣло овладѣли расположеніемъ публики и населили цѣлый кварталъ великолѣпныхъ отелей, заработавъ ихъ нѣсколькими штрихами кисти.

Бертенъ, по возвращеніи изъ Рима въ 1864 г., нѣсколько лѣтъ не имѣлъ успѣха и оставался въ неизвѣстности. Въ 1868 г. онъ выставилъ свою *Клеопатру,* и вдругъ, въ какихъ-нибудь нѣсколько дней, критика и публика превознесли его до небесъ.

Послѣ войны, въ 1872 г., когда смерть Анри Реньо создала нѣчто вродѣ пьедестала славы для всѣхъ его товарищей, одинъ сюжетъ, *Іокаста*, поставилъ Оливье Бертена въ ряды смѣлыхъ, хотя по исполненію, обличавшему умъ и оригинальность, картина была оцѣнена даже академиками. Въ 1873 г. первая медаль поставила его внѣ конкурса съ его *Алжирской еврейкой*, которую онъ написалъ по возвращеніи изъ путешествія по Африкѣ. Портретъ же принцессы Саліа, въ 1874 г., пріобрѣлъ ему въ элегантномъ мірѣ славу перваго портретиста своей эпохи. Съ этого дня онъ сталъ излюбленнымъ художникомъ парижанки и парижанокъ, самымъ ловкимъ и остроумнымъ толкователемъ ихъ граціи, наружности, природы. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ всѣ выдающіяся женщины Парижа удостоились чести

и были имъ воспроизведены. Онъ оказался не особенно сговорчивымъ и бралъ высокую плату.

Онъ былъ въ модѣ и потому бывалъ съ визитомъ вездѣ, въ качествѣ просто свѣтскаго человѣка. И вотъ, разъ, у герцогини Мортменъ онъ встрѣтилъ женщину въ глубокомъ траурѣ. Она уходила въ то время, когда онъ вошелъ. Его ослѣпила эта встрѣча въ дверяхъ, какъ прелестное видѣніе, полное граціи и изящества.

Освѣдомившись о ней, онъ узналъ, что это графиня Гилльруа, жена нормандскаго помѣщика, агронома и депутата, что она носитъ трауръ по отцѣ мужа, что она умна, пользуется почетомъ и поклоненіемъ.

— Ахъ, вотъ чей портретъ я съ удовольствіемъ написалъ бы! — сказалъ онъ, весь еще подъ вліяніемъ этого видѣнія, плѣнившаго его артистическій глазъ.

Слова эти на другой день были переданы молодой женщинѣ, и въ тотъ же вечеръ онъ получилъ маленькую записочку на голубоватой бумагѣ, чуть-чуть надушенную, написанную правильнымъ, тонкимъ почеркомъ, нѣсколько вкось, слѣва направо. Въ ней говорилось:

„Милостивый Государь!

„Сейчасъ была у меня герцогиня Мортменъ. Она увѣряетъ, что вы не прочь сдѣлать изъ моего бѣднаго лица одно изъ вашихъ художественныхъ произведеній. Я поручила бы вамъ это охотно и увѣрена, что вы не сказали своихъ словъ на вѣтеръ, а нашли во мнѣ нѣчто такое, что вы можете воспроизвести и идеализировать.

„Будьте увѣрены, Милостивый Государь, въ совершенномъ моемъ расположеніи.

Анна Гилльруа."

Въ отвѣтъ на это онъ спросилъ, когда можетъ явиться

къ графинѣ, и былъ попросту приглашенъ завтракать въ слѣдующій понедѣльникъ.

Графиня жила на бульварѣ Мальзербъ, въ первомъ этажѣ, въ большомъ роскошномъ домѣ, построенномъ на современной ладъ.

Черезъ обширную гостиную, обтянутую голубымъ шелкомъ въ деревянныхъ, бѣлыхъ съ золотомъ рамкахъ, художника провели въ комнату, похожую на будуаръ, съ отдѣлкой во вкусѣ прошлаго вѣка. Свѣтлые, кокетливые обои, во вкусѣ Вато, съ нѣжными оттѣнками и граціозными сюжетами, казалось, нарисованы были и выполнены руками рабочихъ, которые бредили о любви.

Только что онъ успѣлъ сѣсть, какъ вошла графиня. Походка ея была такъ легка, что онъ и не слыхалъ, какъ она прошла черезъ сосѣднюю комнату. Онъ удивился, увидѣвъ ее. Она дружески протянула ему руку.

— Значитъ, это правда, что вы хотите написать мой портретъ?—сказала она.

— Буду очень счастливъ.

Черное, узкое платье дѣлало ее очень тонкой и придавало ей совсѣмъ молодой видъ, молодой и вмѣстѣ съ тѣмъ важный, чему противорѣчила улыбающееся личико, освѣщенное бѣлокурыми волосами. Вошелъ графъ, ведя за руку маленькую шестилѣтнюю дѣвочку.

— Мой мужъ!—представила г-жа Гилльруа.

Это былъ маленькаго роста человѣкъ, безъ усовъ, безъ бороды, со впалыми щеками, съ пробивающейся изъ-подъ кожи тѣнью бритыхъ волосъ.

Длинные волосы, откинутые назадъ, вѣжливыя манеры и двѣ полукруглыя складки вокругъ рта, отъ щекъ до подбородка, какъ бы отъ привычки говорить публично, дѣлами его похожимъ на священника или актера.

Онъ поблагодарилъ художника, поблагодарилъ рѣчисто, по ораторски.

Давно онъ имѣлъ желаніе заказать портретъ своей жены и ужь конечно не выбралъ бы никого, кромѣ Оливье Бертена, еслибъ не боялся отказа, зная, какъ его одолѣваютъ просьбами.

Такимъ образомъ было условлено, съ большой вѣжливостью съ той и другой стороны, что графъ приведетъ на другой день жену въ мастерскую. Онъ задалъ себѣ однако вопросъ, не лучше ли будетъ подождать, по случаю глубокаго траура жены; но художникъ объявилъ, что желаетъ передать первое впечатлѣніе и воспользоваться именно этимъ поразительнымъ контрастомъ между живостью тонкихъ чертъ лица, освѣщенныхъ золотистыми волосами, и строгостью черной одежды.

На другой день она пришла съ мужемъ, а слѣдующіе дни приходила съ дочерью. Дѣвочку усаживали за столъ, на которомъ навалена была цѣлая груда книгъ съ картинками.

Оливье Бертенъ выказалъ, по обыкновенію, большую сдержанность. Его безпокоили немного свѣтскія женщины, такъ какъ онъ совсѣмъ не зналъ ихъ. Онъ считалъ ихъ развратными, глупыми, лицемѣрными и въ то же время опасными, пустыми и стѣснительными. У него были мимолетныя приключенія съ женщинами полусвѣта; этимъ онъ обязанъ былъ своей славѣ, занимательности, элегантной, атлетической фигурѣ и энергическому, смуглому лицу. Онъ предпочиталъ такихъ женщинъ, любилъ ихъ свободныя манеры, свободные разговоры, привыкнувъ къ легкимъ, шутливымъ, веселымъ нравамъ мастерскихъ и кулисъ, гдѣ часто бывалъ.

Для него свѣтъ существовалъ не для сердца, а для славы; онъ упивался тщеславіемъ, принималъ поздравленія,

заказы, ломался передъ красивыми женщинами, расточавшими ему комплименты, и никогда за ними не ухаживалъ. Не позволяя себѣ съ ними смѣлыхъ шутокъ и пикантныхъ словечекъ, онъ считалъ ихъ глупыми и слылъ за человѣка хорошаго тона. Всякій разъ, когда кто-нибудь изъ нихъ приходилъ къ нему позировать, несмотря на авансы, которые ему дѣлали, чтобы понравиться, онъ всегда чувствовалъ ту расовую рознь, которая мѣшаетъ сліянію художника со свѣтскими людьми, хотя они и приходятъ другъ съ другомъ въ столкновеніе. Подъ улыбкой и поклоненіемъ, которыя у женщинъ всегда немножко дѣланныя, онъ угадывалъ втайнѣ духовную сдержанность существъ, почитающихъ себя выше. Отсюда происходила его гордость, почтительныя, почти заносчивыя манеры и на-ряду съ этимъ скрытое тщеславіе выскочки, поставленнаго на ровную ногу съ принцами и принцессами,—гордость человѣка, который своему уму обязанъ такимъ же положеніемъ, какое дается другимъ рожденіемъ. „Онъ чрезвычайно хорошо воспитанъ!“ говорили про него, слегка удивляясь. Это удивленіе и льстило ему, и оскорбляло, такъ какъ указывало на извѣстныя границы.

Преднамѣренная церемонная важность художника стѣсняла отчасти г-жу Гилльруа. Она не знала, что сказать такому холодному человѣку, славившемуся своимъ умомъ.

Усадивъ дочь, она садилась въ кресло возлѣ начатаго эскиза и старалась, по совѣту художника, придать выраженіе своей физіономіи.

Въ серединѣ четвертаго сеанса онъ вдругъ пересталъ рисовать и спросилъ:

— Что васъ больше всего развлекаетъ въ жизни?

Она затруднялась, что сказать.

— Не знаю. Почему вы спрашиваете?

— Мнѣ надо, чтобы въ этихъ глазахъ засвѣтилось счастливое выраженіе; я его не видалъ еще.

— Ну, такъ постарайтесь заставить меня говорить. Я очень люблю разговаривать.

— Вы веселая?

— Очень.

— Такъ давайте разговаривать.

Онъ произнесъ эти слова очень серьезнымъ тономъ; потомъ, снова принявшись писать, попробовалъ начать нѣсколько темъ, стараясь найти общую для нихъ точку соприкосновенія для ума. Сначала перекинулись замѣчаніями по поводу разныхъ знакомыхъ, потомъ заговорили о себѣ, что гораздо пріятнѣе и скорѣй всего сближаетъ людей.

Встрѣтясь на другой день, они чувствовали себя гораздо свободнѣй. Бертенъ, видя, что онъ нравится и можетъ развлекать, сталъ разсказывать разныя подробности изъ своей артистической жизни, передавая свои воспоминанія съ свойственной ему особенной причудливостью. Привыкнувъ къ выработанному тону салонныхъ литераторовъ, она была нѣсколько удивлена той безшабашной откровенносью, съ какой онъ говорилъ обо всемъ, освѣщая свои слова ироніей, и сама тотчасъ же стала отвѣчать ему въ томъ же духѣ, смѣло, тонко и граціозно.

Въ одну недѣлю она покорила его и окончательно плѣнила своей веселостью, прямотой и простотой. Онъ забылъ и думать о своихъ предубѣжденіяхъ противъ свѣтскихъ женщинъ и готовъ былъ уже увѣрять, что онѣ только однѣ обладаютъ привлекательностью и очарованіемъ. Стоя передъ полотномъ и рисуя портретъ, онъ-то отходилъ отъ него, то подходилъ, какъ боецъ передъ непріятелемъ; при этомъ самыя задушевныя мысли лились рѣкой, точно онъ давнымъ-давно знакомъ былъ съ сидѣвшей передъ нимъ хоро-

шенькой бѣлокурой женщиной въ траурѣ, созданной изъ солнца и мрака, а она смѣется, слушая его, и весело отвѣчаетъ съ такимъ оживленіемъ, что каждую минуту теряетъ позу.

Онъ-то отдалялся отъ нея, прищуривалъ одинъ глазъ, наклонялся впередъ, чтобы лучше схватить весь ансамбль своей модели, то подходилъ совсѣмъ близко, чтобы видѣть малѣйшіе оттѣнки ея лица, мимолетныя выраженія, чтобы уловить и передать на полотнѣ все, что есть въ женщинѣ, помимо видимой внѣшности, то лучеиспусканіе идеальной красоты, проблескъ чего-то такого, чего и опредѣлить нельзя, ту грозную, интимную грацію, свойственную каждой, которая дѣлаетъ то, что одна будетъ непремѣнно безумно любима именно тѣмъ, а не другимъ.

Какъ-то разъ дѣвочка остановилась передъ полотномъ и съ серьезнымъ видомъ ребенка спросила:

— Это мама?

Онъ взялъ ее на руки и поцѣловалъ, польщенный этой наивной данью удивленія передъ сходствомъ его произведенія.

Въ другой разъ она сидѣла очень тихо и спокойно. Вдругъ послышался ея тоненькій, печальный голосокъ:

— Мама, мнѣ скучно.

Художника такъ растрогала эта первая жалоба, что онъ на другой же день притащилъ въ мастерскую цѣлый магазинъ игрушекъ.

Маленькая Анета удивилась, задумалась, но осталась довольна и съ большимъ стараніемъ разставила игрушки по порядку, чтобы каждую минуту можно было брать изъ нихъ ту, которую вздумается. Съ этого подарка дѣвочка полюбила художника, какъ любятъ обыкновенно дѣти, той животной, ласковой любовью, которая дѣлаетъ ихъ такими привлекательными и привязываетъ къ нимъ сердца.

Г-жа Гилльруа все больше входила во вкусъ сеансовъ. Время у нея проходило очень праздно эту зиму, по случаю траура. Чувствуя недостатокъ въ свѣтѣ и празднествахъ, она всѣ заботы своей жизни сосредоточила въ этой мастерской.

Она была дочь парижскаго комерсанта, довольно богатого и гостепріимнаго. Мать ея, женщина больная, полгода проводила въ постели. Г-жа Гилльруа съ самыхъ юныхъ лѣтъ сдѣлалась хозяйкой дома, умѣла принять, подарить улыбкой, поговорить, умѣла различать людей, знала, что надо сказать каждому, чувствовала себя въ жизни вполнѣ свободно, была дальновидна и неуловима. Когда ей представили, въ качествѣ жениха, графа Гилльруа, она тотчасъ же сообразила, какія выгоды представляетъ для нея это замужство. Какъ дѣвушка благоразумная, она, ни слова не говоря, согласилась на этотъ бракъ, зная очень хорошо, что всего на свѣтѣ нельзя имѣть и что въ каждомъ положеніи надо подводить балансъ и хорошему, и дурному.

Очутившись въ свѣтѣ, она встрѣтила общее вниманіе, въ особенности за красоту и умъ; мужчины ухаживали за ней, но ни разу она не утратила душевнаго покоя; сердце ея оставалось такимъ же разсудительнымъ, какъ и умъ.

Она была кокетка однако, кокетка задорная, но осторожная; она никогда не позволяла себѣ заходить далеко. Ей нравились комплименты; пробужденныя желанія ласкали ее, лишь бы только она могла нхъ игнорировать. Въ тотъ день, когда весь вечеръ передъ ней курили ѳиміамъ, она спала спокойно, какъ женщина, исполнившая свою миссію на землѣ. Такое существованіе, длившееся уже семь лѣтъ, хотя и не утомляло ее, не казалось монотоннымъ, такъ какъ она любила неугомонную свѣтскую суету, но все-таки заставляла порой желать чего-то другого. Окружающіе люди, поли-

тическіе адвокаты, финансисты или праздные посѣтители клубовъ развлекали ее отчасти, какъ актеры; но она не смотрѣла на нихъ серьезно, хотя уважала ихъ обязанности, положенія и титулы.

Въ художникѣ нравилось ей прежде всего то, что было въ немъ для нея новостью. Она очень пріятно проводила время въ мастерской, смѣялась отъ души, чувствовала себя остроумной и была ему благодарна за то удовольствіе, которое доставляли ей сеансы. Онъ нравился ей и потому еще, что былъ красивъ, силенъ и пользовался славой. Что бы тамъ ни говорили, а нѣтъ такой женщины, которая оставалась бы ровнодушна къ физической красотѣ и славѣ. Польщенная вниманіемъ такого знатока, ие прочь и сама составить о немъ хорошее мнѣніе, г-жа Гилльруа находила въ немъ живость и культурность мысли, деликатность, обиліе фантазіи, по-истинѣ чарующій умъ и цвѣтистую рѣчь, которая какъ бы освѣщала все, что онъ говорилъ.

Между ними скоро завязалась интимность, и въ пожатіи руки, которымъ они обмѣнивались каждый день, все больше, какъ бы чувствовалось участіе сердца.

Тогда, безъ всякаго разсчета, безъ опредѣленнаго, ясно обдуманнаго рѣшенія, она совершенно естественно почувствовала желаніе соблазнить его и уступила этому желанію. Она не предвидѣла ничего заранѣе, ничего не соображала; она просто кокетничала съ большей противъ обыкновеннаго граціей, какъ инстинктивно кокетничаютъ съ мущиной, который нравится больше другихъ. Въ свое обращеніе съ нимъ, во взгляды и улыбки она вложила тѣ чары, которыя распространяетъ вокругъ себя женщина, когда въ ней просыпается потребность быть любимой.

Она говорила ему льстивыя слова, которыя имѣли такое значеніе: „Я нахожу, милостивый государь, что вы очень не

дуренъ". Она заставляла его говорить подолгу и слушала со вниманіемъ, желая этимъ показать, какой интересъ онъ внушалъ ей. Онъ переставалъ рисовать, садился возлѣ нея и предавался тому возбужденію, которое даетъ опьяняющее желаніе нравиться. И на него нападали то приступы поэзіи, то дурачества, то философствованья, смотря по тому, какой выпадетъ день.

Ей было пріятно, когда онъ бывалъ веселъ. Въ тѣ дни, когда онъ бывалъ глубокъ, она старалась вторить ему, не отставать въ разсужденіяхъ, что не всегда ей удавалось. Думая иногда о другомъ, она дѣлала видъ, что слушаетъ и понимаетъ его такъ хорошо, такъ наслаждается его откровенностью, что онъ приходилъ въ умиленіе отъ такой слушательницы, восторгаясь, что нашелъ такую тонкую душу, открытую и послушную, на которую мысль падала, какъ зерно.

Портретъ подвигался впередъ и выходилъ очень хорошій. Художникъ находился теперь именно въ такомъ состояніи, которое необходимо для того, чтобъ открыть всѣ качества своей модели и передать ихъ съ той убѣжденностью и жаромъ, которые свойственны вдохновенію истинныхъ художниковъ.

Склонившись къ ней, онъ подстерегалъ малѣйшія движенія ея лица, цвѣтъ и оттѣнки кожи, выраженіе и прозрачность глазъ, всѣ тайны физіономіи, впитывая эту женщину въ себя, какъ губка впитываетъ воду. И перенося на полотно чарующую прелесть, которой упивался его глазъ и которая волной переходила отъ его мысли въ кисть, онъ самъ былъ не свой, пьянѣлъ, какъ бы упиваясь женской граціей.

Она чувствовала, что онъ влюбляется въ нее; ее забавляла эта игра, эта побѣда, становившаяся все болѣе неизбѣжной, и она сама оживлялась.

Что-то новое придавало совершенно новый смыслъ ея жизни, возбуждало таинственную радость. Услышитъ, заговорятъ о немъ, и сердце ея бьется сильнѣе, и является желаніе сказать—одно изъ тѣхъ желаній, которыя никогда не сходятъ съ языка: „Онъ влюбленъ въ меня“. Она чувствовала удовольствіе, когда хвалили его талантъ, и еще большее, быть-можетъ, удовольствіе, когда находили его красивымъ. Когда она думала о немъ наединѣ, безъ всякой посторонней помѣхи, ей представлялось, что она дѣйствительно нашла себѣ друга, который вѣчно будетъ довольствоваться сердечнымъ пожатіемъ руки.

А онъ часто среди сеанса вдругъ клалъ палитру въ сторону, бралъ на руки маленькую Анету, нѣжно цѣловалъ ея глаза или волосы, и при этомъ смотрѣлъ на мать, какъ бы говоря: „Не дѣвочку, а васъ я цѣлую“.

Время отъ времени г-жа Гилльруа не приводила съ собой дочь, приходила одна. Въ такіе дни работа совсѣмъ не шла; занимались разговорами.

Какъ-то разъ она запоздала. Было холодно. Стоялъ конецъ февраля. Оливье пришелъ въ мастерскую рано, какъ онъ всегда теперь приходилъ, когда ждалъ ее; онъ разсчитывалъ всегда, что она придетъ раньше. Въ ожиданіи ея онъ ходилъ взадъ и впередъ и курилъ. И въ сотый разъ уже за послѣднюю недѣлю онъ задалъ себѣ вопросъ, самъ на себя удивляясь: „Что я, влюбился что-ли?“ Онъ и самъ этого не зналъ, такъ какъ не бывалъ еще влюбленъ настоящимъ образомъ. У него бывали очень бурные капризы, даже очень продолжительные, но онъ никогда не принималъ ихъ за любовь. То, что онъ чувствовалъ теперь, удивляло его.

Любилъ ли онъ ее? Конечно. Желаніе любить ее чуть-чуть зарождалось въ немъ, но онъ еще не размышлялъ о возможности обладанія. До сихъ поръ, если женщина нра-

вилась ему, на него нападало тотчасъ же желаніе овладѣть ею, и онъ протягивалъ къ ней руки, какъ протягиваютъ ихъ для того, чтобы сорвать какой-нибудь плодъ; но отсутствіе такой женщины или присутствіе никогда не смущало его до самой глубины души.

Желаніе овладѣть теперь этой женщиной чуть только коснулось его, коснулось и спряталось, скрылось за другимъ чувствомъ, гораздо болѣе могучимъ, хотя еще неяснымъ и чуть пробудившимся. Оливье думалъ, что любовь должна начаться мечтательностью, поэтической экзальтаціей. То, что онъ ощущалъ теперь, имѣло, какъ ему казалось, источникомъ какое-то неопредѣленное ощущеніе, скорѣе физическое, чѣмъ моральное. Онъ сдѣлался нервнымъ, безпокойнымъ, трепещущимъ, какъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ насъ гнѣздится начало какой-нибудь болѣзни. Но въ этой горячкѣ крови, заражавшей и волновавшей также мысль, не было и тѣни чего-нибудь болѣзненнаго. Онъ зналъ, что причиной этого волненія г-жа Гильруа, то воспоминаніе, которое она оставляла по себѣ, ожиданіе ея возвращенія. Онъ не чувствовалъ, чтобы его тянуло къ ней, бросало всего; но чувствовалъ за то всегда ея присутствіе въ душѣ своей, точно она никогда не покидала его. Уходя, она оставляла ему частичку себя, что-то невыразимое, тонкое. Что это? Любовь? Онъ спускался теперь въ глубину собственнаго сердца, чтобы разсмотрѣть, что тамъ происходитъ, разсмотрѣть и понять. Онъ находилъ ее прелестной, но она не отвѣчала типу той идеальной женщины, которую создалъ онъ въ своихъ слѣпыхъ надеждахъ. Кто зоветъ къ себѣ любовь, тотъ предвидитъ всѣ физическія и моральныя качества той, которая его плѣнитъ. Г-жа Гильруа нравилась ему безконечно, но все-таки ему казалось, что она не та.

Такъ почему же онъ былъ такъ занятъ ею больше, чѣмъ кѣмъ-нибудь другимъ, занятъ какъ-то особенно, постоянно?

Не попалъ ли онъ просто въ ловушку, разставленную ея кокетствомъ, которое онъ давно уже почуялъ и раскусилъ? Обманутый ея штуками, не подпалъ ли онъ подъ вліяніе того спеціальнаго обаянія, которымъ обладаетъ женщина, твердо рѣшившая нравиться?

Онъ ходилъ, садился, опять вставалъ, закуривалъ папироски и тотчасъ же ихъ бросалъ. При этомъ онъ безпрестанно смотрѣлъ на часовую стрѣлку, двигавшуюся медленно къ урочному часу и точно застывшую на пути.

Нѣсколько разъ уже онъ порывался приподнять ногтемъ выпуклое стекло, подъ которымъ ходили золотыя стрѣлки, и пальцемъ толкнуть большую стрѣлку, чтобъ она скорѣй подошла къ той цифрѣ, къ которой такъ лѣниво подвигалась.

Ему казалось, что этого совершенно достаточно для того, чтобы дверь отворилась и ошибкой появилась та, кого онъ ждалъ, вызванная этой хитростью. Потомъ онъ улыбался, смѣясь въ душѣ надъ этимъ неразумнымъ, упрямымъ ребяческимъ желаніемъ.

„Могу ли я стать ея любовникомъ?“ задалъ, наконецъ, онъ себѣ вопросъ. Эта идея показалась ему странной, мало осуществимой, просто недостижимой, вслѣдствіе разныхъ осложненій, которыя могла внести въ его жизнь.

Но эта женщина очень ему нравилась. „Положительно, я нахожусь въ смѣшномъ положеніи“, рѣшилъ онъ, наконецъ.

Пробили часы. Онъ вздрогнулъ отъ этихъ звуковъ, потрясшихъ его нервы больше, чѣмъ душу. Онъ сталъ дожидаться ее съ тѣмъ нетерпѣніемъ, которое растетъ съ ми-

нуты на минуту. Она всегда отличалась точностью. Значитъ, не пройдетъ и десяти минутъ, какъ онъ ее увидитъ у себя. Когда десять минутъ прошли, онъ почувствовалъ такое мученіе, точно его ожидало какое-нибудь горе. Потомъ разсердился за то, что она заставляетъ его терять время. И вдругъ понялъ, что, если она не придетъ, онъ будетъ сильно страдать. Что онъ станетъ дѣлать? Станетъ ждать ее? Нѣтъ, онъ уйдетъ; въ случаѣ, если она очень запоздаетъ, пусть придетъ въ пустую мастерскую.

Онъ уйдетъ. Когда же? И что онъ этимъ сдѣлаетъ? Не лучше ли остаться и въ нѣсколькихъ словахъ дать ей холодно и вѣжливо понять, что онъ не изъ тѣхъ, которыхъ заставляютъ ждать. Ну, а если она не придетъ? Тогда онъ получитъ телеграмму, записку; она пришлетъ слугу или комиссіонера. Если она не придетъ, что онъ станетъ дѣлать? День потерянъ. Онъ не въ состояніи больше работать. Тогда?... тогда онъ пойдетъ узнать, что съ ней такое. Ему необходимо видѣть ее.

Это правда. У него была потребность видѣть ее, потребность глубокая, подавляющая, неотвязная. Что это такое? Любовь? Но онъ не ощущалъ ни экзальтаціи въ мысляхъ, ни порывовъ чувствъ, ни мечтательности въ душѣ. Онъ сознавалъ только, что если она не придетъ сегодня, онъ будетъ сильно страдать.

На лѣстницѣ раздался звонокъ. У Оливье Бертена захватило духъ, потомъ онъ почувствовалъ такую радость, что подбросилъ папироску и сдѣлалъ пируэтъ.

Она вошла; на этотъ разъ одна.

На него вдругъ напала необыкновенная смѣлость.

— Знаете, какой вопросъ я задавалъ себѣ, дожидаясь васъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Я задавалъ себѣ вопросъ, ужь не влюбленъ ли я въ васъ?

— Влюблены въ меня? Вы съ ума сходите!

Она улыбалась, и улыбка ея говорила: „Прелестно; я очень довольна“.

— Послушайте, вы это не серьезно?—снова начала она.— Къ чему эта шутка?

— Напротивъ, очень серьезно,—отвѣтилъ онъ.—Я не утверждаю, что влюбленъ въ васъ, но спрашиваю себя, не влюбляюсь ли я.

— Что васъ наводитъ на эту мысль?

— Мое волненіе, когда васъ нѣтъ, и счастье, когда вы приходите.

Она сѣла.

— О, не безпокойтесь отъ такихъ пустяковъ! До тѣхъ поръ, пока вы будете хорошо спать и ѣсть съ аппетитомъ, опасности не предвидится.

Онъ засмѣялся.

— А если я лишусь сна и ѣды?

— Предупредите меня.

— И тогда?

— Я оставлю васъ въ покоѣ, выздоравливать.

— Покорно благодарю.

И они проболтали на эту тему весь сеансъ. То же самое и въ слѣдующіе дни. Принимая все за остроумную шутку и не придавая ей важности, она весело спрашивала, входя къ нему въ мастерскую:

— Ну, какъ сегодня ваша любовь?

И онъ разсказывалъ ей серьезнымъ, легкимъ тономъ о ходѣ своего недуга, о скрытомъ, глубокомъ, неуклонномъ процессѣ нѣжности, которая зарождалась въ немъ и росла. Онъ до мельчайшихъ тонкостей анализировалъ себя передъ

ней, часъ за часомъ, съ той самой минуты, когда они разстались наканунѣ. Все это говорилось шутливымъ тономъ профессора, который читаетъ лекцію. Она выслушивала его съ интересомъ, немного смутившись и волнуясь. Эта исторія напоминала ей книжный романъ, героиней котораго была она.

Съ развязнымъ, галантнымъ видомъ онъ перечислялъ ей всѣ заботы, жертвой которыхъ становился, и голосъ его порою дрожалъ, выражая однимъ словомъ или даже интонаціей все, что наболѣло у него въ сердцѣ.

А она разспрашивала его съ любопытствомъ, съ дрожью въ голосѣ; устремивъ глаза на него и жадно насторожывъ уши, она прислушивалась къ словамъ его, которыя и безпокоили, и очаровывали ее.

Иногда, подходя къ ней съ тѣмъ, чтобы поправить позу, онъ бралъ ея руку и хотѣлъ поцѣловать. Она быстро отдергивала пальцы отъ губъ его и, слегка нахмурившись, говорила.

— Ну, ну, работайте же.

Онъ принимался за работу, но не проходило и пяти минутъ, какъ она опять задавала ему вопросъ, ловко возвращая его къ предмету, который только одинъ интересовалъ ихъ обоихъ.

Теперь она начинала ощущать страхъ въ сердцѣ. Она очень хотѣла быть любимой, но не слишкомъ ужь сильно. Зная навѣрно, что она сама не увлечется, она боялась, что онъ зайдетъ слишкомъ далеко и она лишится его, поставленная въ необходимость убить въ немъ всякую надежду послѣ столькихъ поощреній. Ей было бы очень горько, горько до боли, еслибы пришлось отказаться отъ этой нѣжной, утонченной дружбы, отъ этихъ бесѣдъ, льющихся какъ рѣка, катившая въ берегахъ своихъ, вмѣсто золотоноснаго песку, любовь.

Отправляясь въ мастерскую художника, она, выходя изъ дома, чувствовала, какъ ее заливала радость, живая, горячая, и придавала ей легкость и веселье. Когда она бралась за звонокъ въ домѣ Оливье, сердце ея билось отъ нетерпѣнія, и никогда еще нога ея не прикасались къ такому мягкому ковру, какой былъ разостланъ у него на лѣстницѣ.

Между тѣмъ Бертенъ становился мрачнымъ, немного нервнымъ и часто раздражительнымъ.

На него нападали минуты нетерпѣнія, хотя и тотчасъ же подавляемыя, но частыя.

Разъ, когда она пришла, онъ, вмѣсто того, чтобы рисовать, сѣлъ возлѣ нея и сказалъ:

— Вы не можете теперь сказать, что не знаете; вы видите, что это не шутка, что я люблю васъ безумно.

Смутившись такимъ началомъ и видя приближеніе страшившаго ее кризиса, она попробовала остановить его, но онъ не слушалъ ее больше. Волненіе переполняло его сердце, и она должна была его выслушать, блѣдная, трепещущая, испуганная. Онъ долго говорилъ, говорилъ, не задавая вопросовъ, съ нѣжностью, грустью, съ печальной покорностью. Она позволила взять себя за руки, и онъ не выпускалъ ихъ изъ своихъ. Не успѣла она опомниться, какъ онъ былъ уже передъ ней на колѣняхъ и, смотря на нее, точно въ галлюцинаціи, умолялъ не дѣлать ему зла. Какое зло? Она не понимала и не старалась понять, какъ бы застыла при видѣ его страданій, причинявшихъ ей жестокое горе, но это горе было для нея почти счастьемъ. И вдругъ она увидала слезы у него на глазахъ. Она пришла въ такое волненіе, что даже вскрикнула и ужъ хотѣла его поцѣловать, какъ цѣлуютъ плачущихъ дѣтей. „Ну вотъ, ну вотъ...“—повторялъ онъ чуть слышнымъ голосомъ.—„Я

черезчуръ страдаю". И, заразившись этимъ горемъ, этими слезами, она вдругъ разрыдалась, обезумѣвъ, трепеща всѣмъ тѣломъ и готовая уже раскрыть свои объятія.

Когда она почувствовала себя въ его объятіяхъ, почувствовала страстные поцѣлуи на своихъ губахъ, она хотѣла закричать, бороться, оттолкнуть его, и тутъ же рѣшила, что она погибла, потому что не хотя соглашалась, отдавалась, сопротивляясь и, крича: „Нѣтъ, нѣтъ, не хочу,"— обвивала его шею.

Послѣ этого она такъ и замерла на мѣстѣ, закрывъ лицо руками, потомъ вдругъ встала, подняла свою шляпу, упавшую на коверъ, надѣла ее и скрылась, не обращая вниманія на мольбы Оливье, который не пускалъ ее, удерживая за платье.

Когда она очутилась на улицѣ, ей захотѣлось сѣсть на тротуарѣ; она чувствовала себя разбитой, ноги отказывались служить ей. Проѣзжалъ извощикъ; она подозвала его и, крикнувъ ему: „Ступайте потихоньку; я хочу прокатиться; возите меня, гдѣ вздумается",—бросилась въ карету, закрыла дверцы и забилась съ самую глубь экипажа, чувствуя за поднятыми стеклами полнѣйшее одиночество, просторъ для мечтанія.

Нѣсколько минутъ голова ея была пуста; она ничего не ощущала, кромѣ стука колесъ да покачиваній экипажа.

Она смотрѣла на дома, на прохожихъ, проѣзжихъ, на омнибусы, смотрѣла пустыми глазами, которые ничего не видѣли. Она даже не думала ни о чемъ, точно дала себѣ время, отсрочку передъ тѣмъ, какъ обдумать все происшедшее, собравшись, наконецъ, съ духомъ.

И, отличаясь живостью и отсутствіемъ трусости, она сейчасъ же сказала въ душѣ: „Ну вотъ, я и погибшая женщина". И нѣсколько минутъ она оставалась еще подъ влія-

ніемъ сознанія неисправимаго зла, подъ вліяніемъ ужаса, какъ человѣкъ, упавшій съ крыши, который не шевелится, предчувствуя, что сломалъ себѣ ноги и не рѣшаясь въ томъ убѣдиться.

Но вмѣсто того, чтобы обезумѣть отъ горя, котораго она такъ боялась, сердце ея, противъ ожиданія, оставалось спокойнымъ и невозмутимымъ послѣ такой катастрофы. Послѣ паденія, которымъ такъ была удручена ея душа, оно билось медленно, тихо и, повидимому, не принимало никакого участія въ томъ смятеніи, которое охватило ея умъ.

„Вотъ я и погибшая женщина,“ повторяла она вслухъ, какъ бы для того, чтобы слышать и убѣдиться въ томъ. И плоть ея ни однимъ откликомъ страданія не отвѣтила на эту жалобу совѣсти.

Она отдалась покачиваніямъ экипажа, откладывая пока всякія разсужденія по поводу ужаснаго своего положенія. Нѣтъ, она не страдала. Она боялась думать, вотъ и все; боялась знать, понимать, размышлять; и напротивъ, въ глубинѣ, въ темной, непроницаемой глубинѣ, которую создаетъ непрерывная борьба нашихъ склонностей и воли, она чувствовала, повидимому, невѣроятное спокойствіе.

Полъ-часа, пожалуй, провела она въ такомъ странномъ спокойствіи и, понявъ, наконецъ, что желанное отчаяніе не придетъ, она стряхнула съ себя оцѣпенѣніе и проговорила: „Это смѣшно, я не чувствую почти горя“.

Тогда стала она упрекать себя. Въ ней поднялась злоба противъ своего ослѣпленія, противъ своей слабости. Какъ она могла не предвидѣть этого, не понять, что минута этой борьбы должна наступить, что этотъ человѣкъ нравился ей настолько, что могъ сдѣлать ее способной на подлость, что въ самыхъ непоколебимыхъ сердцахъ желаніе проносится иногда, какъ ураганъ, сметающій на своемъ пути волю.

Осыпавъ себя жестокими упреками и презрѣніемъ, она, наконецъ, съ ужасомъ спросила себя: „что же теперь будетъ?“

Первое ея намѣреніе было порвать всякія отношенія съ художникомъ и никогда больше не видѣться съ нимъ.

И чуть только успѣла она принять это рѣшеніе, какъ тысячу причинъ явились тотчасъ же для того, чтобы разбить его.

Чѣмъ объяснитъ она эту ссору? Что скажетъ мужу? Не возникнутъ ли подозрѣнія, и правда, сначала передаваемая на ухо, не разнесется ли повсюду?

Не лучше ли для соблюденія приличій разыграть по отношенію къ Оливье Бертену лицемѣрную комедію равнодушія, забвенія и показать ему, что она изгладила эту минуту изъ своей памяти и жизни?

Но въ состояніи ли она это сдѣлать? Хватитъ ли у нея смѣлости показать видъ, что она ничего не помнитъ; посмотрѣть съ негодующимъ удивленіемъ на человѣка, внезапное грубое чувство котораго она раздѣляла, говоря: „Что вы хотите отъ меня?“

Она долго размышляла и все-таки порѣшила на томъ; всякое другое рѣшеніе не представлялось ей возможнымъ.

Она завтра смѣло пойдетъ къ нему и дастъ ему понять, что она отъ него хочетъ, что требуетъ. Надо сдѣлать такъ, чтобы ни одно слово, ни одинъ намекъ, ни одинъ взглядъ не напоминалъ ея позора.

Это доставитъ ему тоже страданіе, но послѣ страданій онъ, разумѣется, примирится съ своей судьбой, какъ человѣкъ честный, хорошо воспитанный, и съ той минуты останется тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ.

Остановившись на этомъ новомъ рѣшеніи, она сказала извозщику свой адресъ и въ страшномъ изнеможеніи возвратилась домой, имѣя одно только желаніе: лечь, никого

не видѣть, заснуть, забыться. Она заперлась у себя въ комнатѣ и до самаго обѣда пролежала на кушеткѣ, въ полномъ оцѣпенѣніи, не желая занимать свою душу опасными размышленіями.

Въ урочный часъ она сошла внизъ, удивляясь на себя, на свое спокойствіе, и на то, что она ждетъ мужа съ такой обычной физіономіей. Онъ вошелъ, неся на рукахъ свою дѣвочку; она пожала ему руку, поцѣловала ребенка, и сердце ея не замерло отъ горя.

Г. Гилльруа спросилъ, что она дѣлала. Она равнодушно отвѣтила, что позировала, какъ всегда.

— И хорошъ портретъ?—спросилъ онъ.

— Выходитъ недуренъ.

Въ свою очередь онъ заговорилъ о своихъ дѣлахъ, о которыхъ любилъ разговаривать за столомъ, о засѣданіи въ палатѣ, объ обсужденіи проэктированнаго закона относительно фальсификаціи съѣстныхъ припасовъ.

Эта болтовня, которую она обыкновенно выносила хорошо, раздражила ее, заставила взглянуть пристальнѣй на вульгарнаго фразера, интересовавшагося этими вопросами. Но она слушила его съ улыбкой и отвѣчала любезно, съ большей даже граціей, чѣмъ обыкновенно, съ большей снисходительностью ко всѣмъ этимъ банальностямъ. Она смотрѣла на него и думала: „Я обманула его. Это мужъ мой, и я обманула его. Не страшно ли это? Ничто не можетъ помѣшать теперь этому, ничто не можетъ изгладить! Я закрыла глаза. Я согласилась на поцѣлуй—это длилось нѣсколько секундъ, всего какихъ-нибудь нѣсколько секундъ, и вотъ я ужъ болѣе не честная женщина. Какія-нибудь нѣсколько секундъ въ моей жизни, нѣсколько секундъ, которыхъ нельзя изгладить, привели меня къ этому непоправимому шагу, столь важному и короткому, къ этому преступ-

ленію, самому позорному для женщины... и я вдругъ не чувствую отчаянія. Скажи мнѣ вчера объ этомъ,—я бы не повѣрила. Еслибъ мнѣ подтвердили это,—я бы стала тотчасъ же думать о тѣхъ страшныхъ угрызеніяхъ совѣсти, которыя начнутъ терзать меня сегодня. И вдругъ у меня ихъ нѣтъ, почти совсѣмъ нѣтъ.

Г-нъ Гилльруа уѣхалъ послѣ обѣда изъ дому, какъ дѣлалъ почти ежедневно.

Тогда она взяла дѣвочку на колѣни, плакала и цѣловала ее. Она плакала искренно; это были слезы совѣсти, а не слезы сердца.

Однако она не заснула.

Среди темноты, царившей въ комнатѣ, ее мучили еще больше опасности положенія, которыя могъ создать ей художникъ. И на нее напалъ страхъ: какъ она увидится съ нимъ на другой день, что̀ скажетъ, какъ посмотритъ ему въ лицо?

Она встала рано и все утро провела на кушеткѣ, стараясь предусмотрѣть заранѣе все, чего ей слѣдовало бояться, что̀ отвѣчать, какъ приготовиться ко всякимъ неожиданностямъ.

Она вышла изъ дома рано, съ тѣмъ, чтобъ обдумать все еще разъ въ дорогѣ.

Онъ совсѣмъ не ожидалъ ея и еще со вчерашняго дня задавалъ себѣ вопросы, какъ ему поступать въ отношеніи ея.

Послѣ ея ухода, послѣ бѣгства, которому онъ не посмѣлъ противиться, онъ остался одинъ, и хотя она была уже далеко, онъ все еще прислушивался къ шуму ея шаговъ, къ шелесту платья, къ стуку двери, захлопнутой обезумѣвшей рукой.

Онъ все еще стоялъ, полный жгучей радости, глубокой,

кипучей. Онъ овладѣлъ ею! И это случилось! Возможно ли? Онъ удивился своей побѣдѣ, потомъ началъ упиваться ею и, чтобы лучше насладиться, сѣлъ, легъ почти на томъ самомъ диванѣ, гдѣ овладѣлъ ею.

Онъ долго оставался тутъ, весь поглощенный мыслью, что она—его любовница, что между ними—между этой женщиной, такъ сильно желанной, и имъ—въ нѣсколько минутъ завязалась таинственная связь, которая втайнѣ соединяетъ двухъ существъ между собой. Онъ хранилъ въ своемъ трепетномъ еще тѣлѣ острое ощущеніе того быстраго момента, когда губы ихъ встрѣтились, когда они всѣмъ существомъ своимъ соединились, переплелись, чтобы вмѣстѣ отдаться великому трепету жизни.

Въ тотъ вечеръ онъ не пошелъ изъ дома и, весь содрагаясь отъ счастья, легъ рано спать, чтобъ упиваться своими мыслями.

Проснувшись на другой день, онъ тотчасъ же задалъ себѣ вопросъ: „Что мнѣ дѣлать?“ Кокоткѣ, актрисѣ онъ послалъ бы цвѣтовъ или, пожалуй, что-нибудь изъ драгоцѣнныхъ вещей; но это новое положеніе мучило и безпокоило его.

Разумѣется, надо было написать. Что? Онъ набросалъ одно письмо, перечеркнулъ все, изорвалъ, написалъ такъ двадцать писемъ, но всѣ они казались ему оскорбительными, гнусными, смѣшными.

Ему хотѣлось въ деликатныхъ, чарующихъ словахъ выразить благодарность, которую онъ испытывалъ въ душѣ, порывы безумной нѣжности, безконечную преданность; но для всего этого, для выраженія страсти, выраженія всѣхъ оттѣнковъ, онъ ничего не находилъ, кромѣ общеизвѣстныхъ фразъ, банальныхъ выраженій, грубыхъ и наивныхъ.

Онъ отказался поэтому отъ намѣренія писать, рѣшилъ

самъ идти къ ней, какъ только минуетъ время сеанса; онъ былъ увѣренъ, что она не придетъ.

Запершись въ мастерской, онъ предавался восторгамъ передъ портретомъ: губы его такъ и тянулись къ нему; хотѣлось прикоснуться ими къ предмету, гдѣ была запечатлѣна частичка ея. По временамъ онъ взглядывалъ въ окно на улицу. Отъ всякаго платья, завидѣннаго вдали, сердце его начинало биться. Двадцать разъ ему казалось, что онъ видитъ ее; потомъ, когда дама проходила, онъ садился и на минуту приходилъ въ уныніе отъ своей ошибки.

Вдругъ онъ увидалъ ее, усомнился, взялъ бинокль, узналъ ее, и, ошеломленный сильнымъ волненіемъ, сѣлъ и сталъ дожидаться.

Когда она вошла, онъ бросился на колѣни и хотѣлъ взять ее за руки. Она быстро отдернула руки и, видя, что онъ все еще стоитъ на колѣняхъ и смотритъ на нее съ волненіемъ и страхомъ, высокомѣрно сказала ему:

— Что вы дѣлаете? Не понимаю, что значитъ эта поза?

— О! умоляю васъ...—пролепеталъ онъ.

— Встаньте; вы смѣшны, — прервала она его безъ всякаго сожалѣнія.

Онъ всталъ въ смущеніи.

— Что съ вами?—проговорилъ онъ.—Не говорите такъ со мной. Я васъ люблю...

Тогда, въ нѣсколькихъ словахъ, она быстро и сухо высказала свою волю и опредѣлила положеніе.

— Не понимаю, что вы хотите сказать! Никогда не говорите мнѣ о своей любви, иначе я уйду изъ этой мастерской и никогда больше не вернусь. Если вы хоть разъ забудете объ этомъ условіи моего здѣсь присутствія, вы не увидите меня больше.

Онъ смотрѣлъ на нее, ошеломленный такой жесткостью, которую совсѣмъ не предвидѣлъ, потомъ понялъ и сказалъ:

— Я буду послушенъ.

— Отлично, — сказала она. — Я этого и ожидала отъ васъ. Теперь принимайтесь за работу. Вы долго возитесь съ этимъ портретомъ.

Онъ взялъ палитру и сталъ писать; руки его дрожали; въ глазахъ помутилось; онъ смотрѣлъ, но ничего не видѣлъ. Ему хотѣлось плакать; такъ силенъ былъ ударъ, нанесенный ему въ сердце.

Онъ пытался разговаривать съ ней, она еле отвѣчала ему. Когда онъ попробовалъ было сказать ей какую-то любезность относительно цвѣта лица ея, она такъ рѣзко оборвала его, что на него вдругъ напала ярость, та ярость, которая превращаетъ нѣжность влюбленнаго въ ожесточенную ненависть. Сильный ударъ потрясъ его тѣло и душу и, въ ту же минуту, безъ всякаго перехода, онъ возненавидѣлъ ее. Да, да, такъ и есть, женщина! И она такая же, какъ всѣ! Отчего же не быть ей такою же? Такая же лживая, измѣнчивая, слабая, какъ всѣ. Она завлекла его, съ хитростью уличной женщины соблазнила, стараясь свести съ ума и ничего не дать ему, дразнила, отвѣчая на его желанія отказомъ, употребляя для этого всѣ пріемы низкихъ кокетокъ, которыя готовы чуть не раздѣться, если только мужчина, котораго онѣ доводятъ до состоянія уличной собаки, не задыхается отъ желанія.

Тѣмъ хуже для нея въ концѣ концовъ. Онъ обладалъ, воспользовался ею. Она можетъ мыть свое тѣло, можетъ дерзко отвѣчать ему; она ничего не смоетъ, а онъ,—онъ забудетъ ее. И въ самомъ дѣлѣ, было-бы возмутительно глупо, связать себя любовницей, которая заѣла бы его ху-

дожническую жизнь, заѣла бы капризными зубками хорошенькой женщины.

Ему хотѣлось засвистать, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать при своихъ натурщицахъ, и чувствуя, что нервы его разгуливаются все больше и больше, боясь какой-нибудь глупой выходки съ своей стороны, онъ ускорилъ конецъ сеанса подъ предлогомъ какого-то свиданія. Когда они раскланялись на прощаньи, они навѣрно почувствовали себя гораздо дальше другъ отъ друга, чѣмъ въ тотъ день, когда встрѣтились у герцогини Мортменъ.

Какъ только она ушла, онъ взялъ шляпу, пальто и вышелъ. Холодное солнце на голубомъ небѣ, затянутомъ, какъ ватой, туманомъ, бросало блѣдный, фальшивый, печальный свѣтъ на городъ.

Нѣсколько времени онъ раздражительно шагалъ быстрыми шагами, шагалъ напрямикъ, наталкиваясь на прохожихъ; ярость его рухнула; остались только грусть и сожалѣніе. Повторивъ себѣ всѣ упреки, которые онъ дѣлалъ ей, и видя другихъ проходившихъ мимо него женщинъ, онъ вспомнилъ, все-таки, какъ она красива и соблазнительна. Подобно многимъ другимъ, которые хотя и не сознаются въ томъ, онъ всегда ожидалъ невозможной встрѣчи, любви рѣдкой, единственной въ своемъ родѣ, поэтической, страстной, мечты о которой парятъ надъ нашимъ сердцемъ. Но развѣ онъ чуть было не нашелъ этого? Развѣ она не могла дать ему это почти невозможное счастье? Почему же ничто не осуществляется? Отчего не дается въ руки то, что мы преслѣдуемъ, почему достаются только однѣ частички, прибавляющія еще больше горечи къ этой погонѣ за разочарованіями?

Онъ ничего не имѣлъ теперь противъ молодой женщины; онъ сердился вообще на жизнь. „Зачѣмъ ему сердиться на

нее?“ разсуждалъ онъ теперь. Да въ чемъ и упрекнуть ее, въ концѣ концовъ? Въ томъ, что она была любезна, добра, мила съ нимъ? А она, между прочимъ, могла упрекнуть его въ томъ, что онъ велъ себя, какъ злоумышленникъ!

Онъ возвратился домой, полный грусти. Ему хотѣлось попросить у нея прощенія, выразить свою преданность, заставить ее забыть все, и онъ сталъ придумывать, чѣмъ бы ему попытаться дать понять ей, какъ свято будетъ исполнять онъ ея волю до самой смерти.

На другой день она пришла съ дочерью. Улыбка ея была такъ печальна, видъ у нея былъ такой горестный, что въ этихъ бѣдныхъ голубыхъ глазахъ, до сихъ поръ такихъ веселыхъ, художнику почудились всѣ муки, всѣ угрызенія совѣсти, все отчаяніе женскаго сердца. Жалость охватила его. Чтобы заставить ее забыть все, онъ оказывалъ ей деликатно и сдержанно самую тончайшую предупредительность. Она отвѣчала на нее кротостью, снисходительностью, съ видомъ страдающей женщины, усталой, изломанной.

И, смотря на нее, имъ опять овладѣла безумная мысль о любви къ ней, о взаимности; онъ спрашивалъ себя, какъ могло случиться, что она не сердится больше, опять пришла, что, помня все, она слушаетъ его, отвѣчаетъ?

Если она могла его видѣть, слышать его голосъ, выносить при немъ единственную мысль, которая должна была не покидать ее,—значитъ, эта мысль не была для нея такъ страшно невыносима. Когда женщина ненавидитъ оскорбившаго ее мужчину, она не можетъ находиться въ его присутствіи безъ того, чтобы не вспыхнула эта ненависть. И человѣкъ этотъ не можетъ, съ другой стороны, ей быть безразличнымъ. Она должна или ненавидѣть, или простить ему. А если женщина прощаетъ, она не далека уже отъ любви.

Работая не спѣша, онъ разсуждалъ, приводилъ мелкіе доводы, точные, ясные, вѣрные. Онъ чувствовалъ ясность, силу мыслей,—чувствовалъ, что освоился со всѣмъ, что произошло.

Ему оставалось только быть осторожнымъ, имѣть терпѣніе, оказывать преданность, и, не сегодня, такъ завтра, она будетъ его.

Онъ умѣлъ ждать. Чтобы разувѣрить и вновь покорить ее, онъ, въ свою очередь, прибѣгъ къ хитростямъ, оказывалъ нѣжность подъ видомъ угрызеній совѣсти, выражалъ неувѣренно вниманіе, принималъ равнодушный видъ и былъ спокоенъ и увѣренъ въ ожидавшемъ его счастіи, которое рано или поздно, все равно, не минуетъ его. Онъ ощущалъ даже какое-то странное, тонкое удовольствіе отъ этой неторопливости, отъ того, что онъ подстерегалъ ее, и, видя, что она ходитъ къ нему все съ дѣвочкой, говорилъ: „боится“.

Онъ чувствовалъ, что между ними медленно развивается сближеніе, что во взглядахъ графини проглядываетъ что-то странное, принужденное, болѣзненно-мягкое, проглядываетъ призывъ души, которая находится въ борьбѣ, призывъ угасающей воли, которая какъ-бы говоритъ: „Да возьми же меня!“

Черезъ нѣсколько времени, успокоенная его сдержанностью, она пришла одна. Онъ сталъ обращаться съ ней какъ другъ, какъ товарищъ, разсказывалъ ей о своей жизни, о своихъ проектахъ, объ искусствѣ, разсказывалъ по-братски.

Соблазнившись такой уступчивостью, она съ радостью приняла на себя роль совѣтчицы, польщенная тѣмъ, что онъ отличаетъ ее отъ другихъ женщинъ, убѣжденная, что онъ останется въ выигрышѣ, что талантъ его пріобрѣтетъ больше тонкости отъ этой духовной близости. Испрашивая у нея совѣтовъ, оказывая ей полнѣйшее уваженіе, онъ, са-

мымъ естественнымъ образомъ, перевелъ ее изъ роли совѣтчицы на роль вдохновительницы. Такое вліяніе на великаго человѣка очень прельщало ее; она почти согласна была на то, чтобъ онъ любилъ ее, какъ художникъ, такъ какъ она была вдохновительницей его произведеній.

И вотъ, разъ вечеромъ, она отдалась въ его объятія. Это случилось послѣ длиннаго разговора о любовницахъ великихъ художниковъ. Она не сопротивлялась и на его поцѣлуи отвѣчала поцѣлуями.

Теперь ужь ее не мучили больше угрызенія совѣсти; было только смутное сознаніе паденія, и, въ отвѣтъ на упреки разсудка, она ссылалась на силу рока.

Сердце ея было дѣвственно, душа пуста, и она увлеклась имъ; плоть ея поддалась медленному господству ласки; мало-по малу она привязалась къ нему, какъ привязываются женщины съ нѣжной натурой, любящія въ первый разъ.

Для него это былъ настоящій взрывъ любви, острой, сладострастной и поэтической. Порой ему казалось, что онъ, въ одинъ прекрасный день, вылетѣлъ наружу съ простертыми впередъ руками и ему удалось принять въ свои объятія чудесную крылатую мечту, парящую всегда надъ нашими надеждами.

Онъ кончилъ портретъ, лучшій, разумѣется, изъ всѣхъ нарисованныхъ имъ портретовъ, такъ какъ онъ съумѣлъ подмѣтить и запечатлѣть то нѣчто непередаваемое, что никогда почти не удается раскрыть художнику,—тотъ проблескъ, тайну, ту физіономію души, которая неуловимо мелькаетъ въ лицѣ.

Прошли мѣсяцы, годы, но они почти не ослабили связи, соединяющей графиню Гилльруа съ художникомъ Оливье Бертеномъ. Для него это не была ужь экзальтація первыхъ временъ; это была привязанность успокоившаяся, глубокая,

нѣчто въ родѣ любовной дружбы, къ которой онъ успѣлъ привыкнуть.

У нея же, напротивъ, страстная привязанность постоянно росла, упорная привязанность тѣхъ женщинъ, которыя отдаются мужчинѣ совсѣмъ и навсегда.

Такія же прямыя и честныя въ преступной связи, какими онѣ могли бы быть и въ бракѣ, эти женщины отдаются исключительной, нѣжной привязанности, отъ которой ничто не можетъ ихъ отвлечь. Онѣ не только любятъ своего любовника, но и хотятъ его любить, не спускаютъ съ него глазъ, и сердце ихъ такъ занято мыслью о немъ, что въ немъ не остается ужъ мѣста для чего-либо посторонняго. Онѣ съ рѣшимостью связываютъ свою жизнь, какъ человѣкъ, умѣющій плавать и желающій умереть, связываетъ себѣ руки, передъ тѣмъ, какъ спрыгнуть съ моста въ воду.

И съ той минуты, какъ графиня отдалась, она почувствовала приступы страха за постоянство Оливье Бертена. Ничто не связывало его, кромѣ собственной воли, кромѣ каприза, кромѣ того, что ему понравилась встрѣченная женщина подобно тому, какъ нравились ужъ многія другія. Она чувствовала, что онъ такъ свободенъ, думала, что его такъ легко соблазнить: онъ жилъ, не зная долга, привычекъ, сомнѣній, какъ живутъ всѣ мужчины. Онъ былъ красивъ собой, знаменитъ, былъ въ славѣ; къ его услугамъ, для удовлетворенія его желаній, которыя ничего не стоило возбудить, были всѣ свѣтскія женщины, стыдливость которыхъ такъ хрупка, всѣ дамы алькова и героини театральнаго міра, столь щедрыя на благосклонность къ людямъ такого сорта, какъ онъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ, послѣ ужина, которая-нибудь изъ нихъ могла пойти за нимъ, понравиться ему, взять и оставить его за собой.

Она жила теперь подъ страхомъ потерять его, слѣдила

за его манерами, повадкой, выходила изъ себя отъ одного какого-нибудь слова, безпокоилась всякій разъ, когда онъ любовался какой-нибудь другою женщиной, находилъ какое-нибудь лицо прелестнымъ или хвалилъ граціозность манеръ. Все, что оставалось ей неизвѣстнымъ въ его жизни, приводило ее въ трепетъ; то, что она знала, ужасало ее. При всякой встрѣчѣ она ловко умѣла выспрашивать, такъ что онъ и не догадывался, какого онъ мнѣнія о тѣхъ людяхъ, съ которыми встрѣчался, о тѣхъ домахъ, гдѣ ему приходилось обѣдать, вывѣдывала самыя мимолетныя впечатлѣнія его души. Чуть только догадывалась она, подозрѣвала чье-нибудь вліяніе, какъ тотчасъ же разбивала его съ поразительнымъ коварствомъ, находя для этого безчисленные способы.

О! какъ часто являлись у нея предчувствія тѣхъ мимолетныхъ интригъ, не имѣющихъ глубокихъ корней, которыя длятся всего недѣлю или двѣ, время отъ времени выпадая на долю всякаго художника, который у всѣхъ на виду.

Она, такъ сказать, чутьемъ угадывала опасность,—угадывала тогда, когда не было никакихъ еще предвѣстниковъ народившагося увлеченія, не было того праздничнаго вида, который принимаютъ глаза и лицо мужчины, возбужденнаго игривой фантазіей.

Тогда начинались для нея страданія. Сонъ пропадалъ; его нарушали муки сомнѣнія. Чтобы застать его врасплохъ, она являлась къ нему безъ предупрежденій, закидывала его наивными, повидиму, вопросами, осязаніемъ касалась его сердца, прислушивалась къ мысли, какъ ощупываютъ и выслушиваютъ больного, для того чтобъ опредѣлить, гдѣ таится болѣзнь.

И она плакала порой, когда оставалась одна; она увѣ-

рена была, что теперь его отнимутъ у нея, украдутъ у нея эту любовь, которой она такъ дорожила, потому что вложила въ нее всю свою волю, всю силу чувства, всѣ свои надежды, мечты.

И когда она чувствовала, что онъ возвращается къ ней послѣ мимолетныхъ отчужденій, она испытывала, получая его обратно, овладѣвая имъ снова, какъ чѣмъ-нибудь потеряннымъ и вновь найденнымъ, нѣмое, глубокое счастье, которое толкало ее порой, когда она проходила мимо, въ церковь и заставляло благодарить Бога.

Забота о томъ, чтобы нравиться ему постоянно, нравиться больше другихъ, желанье уберечь его отъ другихъ, превратили ея жизнь въ непрерывную борьбу кокетства. Она безостановочно вела борьбу для него и при немъ, вела ее съ помощью граціи, красоты, изящества. Она хотѣла, чтобы вездѣ, гдѣ только онъ услышитъ о ней, хвалили ея прелесть, вкусъ, умъ и туалеты. Она для него хотѣла нравиться другимъ, соблазняла другихъ, чтобъ онъ гордился ею и ревновалъ. И всякій разъ, почуявъ въ немъ ревность, заставивъ его пострадать немного, она устраивала ему тріумфъ, возбуждала въ немъ тщеславіе, оживляя такимъ образомъ любовь его.

И понимая отлично, что всякій мужчина можетъ встрѣтиться въ свѣтѣ съ женщиной, физическія чары которой, какъ нѣчто новое, окажутся сильнѣй, она прибѣгла къ другимъ средствамъ: она стала льстить ему, избаловала его.

Осторожно, безостановочно она лила похвалы на него, баюкала подобострастьемъ, осыпала комплиментами, и все это для того, чтобы вездѣ онъ чувствовалъ недостатокъ полноты дружбы, тепла, недостатокъ болѣе нѣжнаго чувства; если другія и любили его, то она хотѣла, чтобъ онъ

чувствовалъ, въ концѣ концовъ, что никто такъ не понимаетъ его, какъ она.

Она сдѣлала изъ своего дома, изъ своихъ двухъ гостиныхъ, гдѣ онъ такъ часто бывалъ, нѣчто такое, что̀ привлекало его художническую гордость такъ же, какъ и его мужское сердце,—такой уголокъ Парижа, куда онъ любилъ больше всего приходить, потому что всѣ его желанія тамъ исполнялись сразу.

Мало того, что она съумѣла вывѣдать его вкусы для того, чтобъ имѣть возможность удовлетворять ихъ и вызывать у него тѣмъ ощущеніе довольства, она привила ему новые вкусы, придумывала для него всякія лакомства, матеріальныя и духовныя, такъ что, въ концѣ концовъ, онъ привыкъ къ разнымъ мелкимъ заботамъ о немъ, къ ухаживанью, поклоненію, къ лести. Она старалась прельстить его глазъ изяществомъ, обоняніе—благоуханіемъ, слухъ—комплиментами, ротъ—ѣдой.

И вложивъ въ эту душу и тѣло эгоистичнаго холостяка массу мелкихъ деспотическихъ потребностей, увѣрившись, что никакая другая любовница не будетъ такъ соблюдать и поддерживать ихъ, связывая его этими мелкими радостями жизни по рукамъ и ногамъ, видя притомъ, что собственный домъ опротивѣлъ ему, что онъ безпрестанно жалуется на одиночество, не имѣя возможности приходить къ ней безъ соблюденія извѣстныхъ границъ, налагаемыхъ обществомъ, что онъ ищетъ въ клубѣ, ищетъ повсюду средствъ усладить свое одиночество, она вдругъ стала бояться, чтобъ у него не явилось мысли о женитьбѣ.

Бывали дни, когда она такъ страдала отъ всѣхъ этихъ безпокойствъ, что желала старости, чтобы покончить съ этимъ страхомъ и отдохнуть на любви остывшей и спокойной.

Между тѣмъ годы прошли, но не ослабили ихъ связи. Сплетенная ею цѣпь была прочна; она возобновляла петли по мѣрѣ того, какъ онѣ изнашивались. И, всегда озабоченная, она слѣдила за сердцемъ художника, какъ слѣдятъ за ребенкомъ, который переходитъ черезъ улицу, биткомъ-набитую экипажами, и всякій день боялась неизвѣстнаго, которое грозно виситъ надъ нами.

Ничего не подозрѣвая, графъ безъ всякой ревности смотрѣлъ на близость жены съ знаменитымъ художникомъ, который былъ принятъ вездѣ съ большимъ почетомъ. Видясь постоянно между собой и привыкнувъ одинъ къ другому, они, въ концѣ концовъ, даже полюбили другъ друга.

II.

Когда въ пятницу вечеромъ Бертенъ пришелъ къ своей пріятельницѣ, гдѣ долженъ былъ присутствовать на обѣдѣ въ честь вернувшейся Анеты Гилльруа, онъ никого не встрѣтилъ въ маленькой гостинной во вкусѣ Людовика XV, кромѣ Мюзадьё, который только-что вошелъ.

Это былъ умный старикъ, изъ котораго могъ выйти, пожалуй, человѣкъ съ большимъ вѣсомъ, о чемъ онъ не переставалъ сожалѣть.

Бывшій смотритель императорскихъ музеевъ, онъ нашелъ средство попасть въ инспекторы изящныхъ искусствъ при республикѣ, что не мѣшало ему быть прежде всего другомъ принцевъ, принцессъ, герцогинь европейской аристократіи и отчаяннымъ покровителемъ художниковъ. Одаренный живымъ умомъ, способный все предусматривать заранѣе, онъ отличался необыкновенной легкостью рѣчи, что давало ему возможность говорить съ особой пріятностью о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Благодаря гибкости мысли,

онъ чувствовалъ себя свободно во всякой средѣ. Обладая тонкимъ чутьемъ дипломата, онъ судилъ о человѣкѣ съ перваго взгляда и съ утра до ночи таскался по гостиннымъ, выставляя всѣмъ на показъ свою просвѣщенную, безполезную, дѣятельность болтуна.

Способный, казалось, на всякое дѣло, онъ обо всемъ говорилъ съ видомъ привлекательной компетентности и ясностью вульгаризатора, что сильно возвышало его въ глазахъ свѣтскихъ женщинъ, для которыхъ онъ служилъ ходячимъ базаромъ учености. И дѣйствительно, онъ много зналъ, никогда ничего не читая, кромѣ самыхъ необходимыхъ книгъ. Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ пятью академіями, со всѣми учеными, со всѣми писателями, со всѣми спеціалистами, выслушивая ихъ вполнѣ сознательно. Объясненія, слишкомъ техническія или безполезныя для его отношеній, онъ умѣлъ тотчасъ же забывать; другія же, напротивъ, запоминалъ превосходно, и собранныя такимъ образомъ знанія легко, ясно и просто пускалъ въ оборотъ, что дѣлало ихъ столь же удобопонятными, какъ понятна простая старинная сказка. Онъ производилъ впечатлѣніе складочнаго мѣста идей, одного изъ тѣхъ обширныхъ магазиновъ, гдѣ никогда не встрѣтишь рѣдкостей, гдѣ, напротивъ, изобиліе дешевыхъ предметовъ всевозможнаго характера, всевозможнаго происхожденія, начиная съ хозяйственныхъ принадлежностей до простыхъ инструментовъ игрушечной физики и домашней хирургіи.

Художники, съ которыми онъ по своимъ обязанностямъ приходилъ въ постоянное соприкосновеніе, смѣялись надъ нимъ и однако побаивались его. Онъ оказывалъ имъ между прочимъ услуги, продавалъ картины, устраивалъ связи въ свѣтѣ, любилъ знакомить, покровительствовать, поддерживать, дѣлая видъ, будто предается таинственному дѣлу

сліянія свѣтскихъ людей съ художниками, славился близкимъ знакомствомъ съ одними, фамильярностью съ другими, завтракалъ съ принцемъ Вельскимъ, когда тотъ проѣздомъ останавливался въ Парижѣ, обѣдалъ въ тотъ же вечеръ съ Полемъ Адельманомъ, Оливье Бертеномъ и Амори Мальданомъ.

Бертенъ относился къ нему довольно хорошо. Онъ находилъ въ немъ оригинальность. „Это энциклопедія Жюль Верна“, говаривалъ онъ про него.

Они пожали другъ другу руку и завели разговоръ о политикѣ, о слухахъ насчетъ войны, довольно тревожныхъ, по мнѣнію Мюзадьё. Онъ приводилъ очевидные доводы: раздавить французовъ—это вполнѣ въ интересахъ Германіи; въ интересахъ же Германіи ускорить этотъ моментъ, котораго Бисмаркъ ждетъ уже восемнадцать лѣтъ. Оливье Бертенъ доказывалъ, напротивъ, неопровержимыми доводами, что эти страхи фантастичны. Германія не настолько глупа, чтобы рисковать побѣдой, увлекшись столь сомнительнымъ предпріятіемъ. Канцлеръ не такъ неостороженъ, чтобы на закатѣ жизни подвергнуть вдругъ риску все свое дѣло, свою славу.

Мюзадьё зналъ, повидимому, что-то такое, чего не хотѣлъ говорить. Къ тому же онъ видѣлся днемъ съ однимъ министромъ, а наканунѣ вечеромъ встрѣтилъ великаго князя Владиміра, на возвратномъ пути изъ Каннъ.

Художникъ стоялъ на своемъ и спокойно, иронически оспаривалъ компетентность самыхъ свѣдущихъ людей. Подъ прикрытіемъ всякихъ такихъ слуховъ подготовляются биржевыя движенія! Одинъ только Бисмаркъ, быть можетъ, имѣетъ объ этомъ опредѣленное мнѣніе.

Вошелъ г-нъ Гилльруа и торопливо пожалъ обоимъ руки, слащаво извиняясь въ томъ, что оставилъ ихъ однихъ.

— А вы, милѣйшій депутатъ нашъ, какого мнѣнія относительно военныхъ слуховъ?

Г-нъ Гилльруа пустился говорить цѣлую рѣчь. Ему, какъ члену палаты, извѣстно больше, чѣмъ кому-либо; однако онъ не согласенъ съ мнѣніемъ большинства своихъ коллегъ. Нѣтъ, онъ не вѣритъ въ возможность конфликта, если только его не вызоветъ безпокойный характеръ французовъ и самохвальство такъ-называемыхъ патріотовъ лиги. И онъ въ крупныхъ чертахъ, на манеръ Сенъ-Симона, очертилъ Бисмарка. Этого человѣка не хотятъ понять, потому что всегда приписываютъ другимъ свой собственный образъ мыслей и ждутъ отъ людей того, что сами сдѣлали бы на ихъ мѣстѣ. Бисмаркъ вовсе не фальшивый дипломатъ, не лгунъ. Онъ откровененъ, грубъ, всегда говоритъ правду вслухъ, всегда объявляетъ свои намѣренія заранѣе. - „Я желаю мира“,—сказалъ онъ. И это вѣрно; онъ желалъ мира, ничего больше, какъ только мира. И все подтверждало это самымъ нагляднымъ образомъ цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ, все, начиная съ его вооруженій, его союзовъ, начиная съ той группы народовъ, которые соединились противъ насъ, противъ нашей запальчивости.—„Великій человѣкъ, великій“,—заключилъ Гилльруа свою рѣчь глубокимъ, убѣдительнымъ тономъ;—„онъ желаетъ спокойствія, но для достиженія его, вѣритъ только въ угрозы, въ насильственныя мѣры. Въ концѣ-концовъ великій варваръ, господа“.

— Цѣль оправдываетъ средства,—сказалъ Мюзадье.—Я согласенъ, что онъ желаетъ мира, если только вы признаете, что для достиженія его онъ жаждетъ войны. Да, это неоспоримая, феноменальная истина: на свѣтѣ война ведется для того только, чтобы добиться мира!

— Герцогиня Мортменъ,—доложилъ лакей.

Въ распахнутыхъ на обѣ половинки дверяхъ показалась высокая, полная женщина. Она вошла съ авторитетнымъ видомъ.

Гилльруа бросился къ ней и, цѣлуя ея пальцы, спросилъ:

— Какъ поживаете, герцогиня?

Оба гостя поклонились ей съ нѣкоторой изысканной фамильярностью.

Герцогиня обращалась со всѣми просто и рѣзко.

Вдова герцога, генерала Мортмена, мать единственной дочери, которая была замужемъ за княземъ Саліа, сама дочь маркиза Фарандаля, знатнаго и по-царски богатаго, она принимала въ своемъ отелѣ на улицѣ Вареннъ знаменитостей со всего свѣта. Тамъ онѣ встрѣчались между собой и привѣтствовали другъ друга. Никто изъ высокопоставленныхъ особъ не проѣзжалъ черезъ Парижъ, не пообѣдавъ у нея. Стоило только заговорить о комъ-нибудь какъ сейчасъ же у нея являлось желаніе познакомиться съ этимъ человѣкомъ. Ей непремѣнно надо было видѣть того человѣка, говорить съ нимъ, составить о немъ мнѣніе. И это очень развлекало ее, волновало ея жизнь, поддерживая въ ней то пламя высокомѣрнаго, снисходительнаго любопытства, которое горѣло въ ней.

Только-что она усѣлась, какъ тотъ же лакей доложилъ:

— Баронъ и баронесса Корбелль.

Оба молодые. Баронъ плѣшивый, толстый. Баронесса худенькая, изящная и очень смуглая.

Эта парочка пользовалась особеннымъ положеніемъ во французской аристократіи, единственно благодаря строгому выбору своихъ отношеній. Принадлежа къ мелкой знати, безъ всякаго значенія, безъ особаго ума, руководимые во всѣхъ поступкахъ чрезмѣрной страстью ко всему избран-

ному, прилично изящному, они бывали исключительно только въ самыхъ знатныхъ домахъ. Выказывая роялистическія чувства, благочестивые и въ высшей степени благонамѣренные, они уважали то, что слѣдовало уважать, презирали то, что слѣдовало презирать, никогда, ни въ одномъ пунктѣ не грѣша противъ свѣтскихъ догматовъ. Соблюдая до мельчайшихъ подробностей, безъ всякихъ колебаній, этикетъ, они добились того, что въ глазахъ многихъ слыли за самый цвѣтъ high life'а. Ихъ мнѣнія были кодексомъ порядочности, а ихъ присутствіе въ домѣ давало ему настоящій почетный титулъ.

Корбелли приходились родственниками графу Гилльруа.

— А ваша жена?—спросила удивленная герцогиня.

— Одиу минуточку, только одну минуточку, — отвѣтилъ графъ.—Она придетъ. Тутъ есть маленькій сюрпризъ.

Когда г-жа Гилльруа черезъ полгода послѣ свадьбы появилась въ свѣтѣ, ее познакомили съ герцогиней Мортменъ, и герцогиня тотчасъ же полюбила ее, приголубила и взяла подъ свое покровительство.

За двадцать лѣтъ дружба ихъ не ослабла. Когда герцо гиня говорила „моя крошка", въ ея голосѣ слышалось еще умиленіе, которое сопровождало начало этого быстро возникшаго, упорнаго каприза. У герцогини же произошла и встрѣча художника съ графиней.

— Видѣли ли вы, герцогиня, выставку *неумѣренныхъ*?—спросилъ Мюзадье, подходя къ ней.

— Нѣтъ; что это такое?

— Это группа новыхъ художниковъ; импрессіонисты въ состояніи опьянѣнія. Есть два очень выдающихся.

— Не нравятся мнѣ шутки этихъ господъ,—съ презрѣніемъ сказала великосвѣтская дама.

Властолюбивая и рѣзкая, она не допускала никакого дру-

гого мнѣнія, кромѣ своего собственнаго; свои же мнѣнія составляла исключительно на основаніи занимаемаго ею особеннаго положенія. Не отдавая себѣ хорошенько въ томъ отчета, она смотрѣла на художниковъ и ученыхъ, какъ на торгашей, созданныхъ самимъ Господомъ Богомъ на забаву свѣтскимъ людямъ и на разныя услуги имъ. Въ основу своихъ сужденій она принимала только степень удивленія или неразумнаго удовольствія, которыя доставляли ей видъ какой-нибудь вещи, чтеніе книги или разсказъ о какомъ-нибудь открытіи.

Высокая, полная, увѣсистая, краснощекая, она говорила громко и славилась своимъ величіемъ, потому что нельзя было ничѣмъ смутить ее; у нея хватало смѣлости на все; она покровительствовала всему свѣту, покровительствовала развѣнчаннымъ принцамъ своими пріемами въ честь ихъ, покровительствовала самому Всемогущему Богу своими щедротами въ пользу духовенства и дарами въ пользу церкви.

— А знаете ли, герцогиня, — снова началъ Мюзадьё, — полагаютъ, что убійца Маріи Ламбуръ найденъ.

У нея вдругъ проснулся интересъ.

— Нѣтъ; разскажите мнѣ объ этомъ,—сказала она.

Онъ разсказалъ ей все въ подробностяхъ. Высокаго роста, очень худой, въ бѣломъ жилетѣ, съ мелкими брилльянтиками на груди, вмѣсто запонокъ, онъ говорилъ, не жестикулируя, говорилъ безукоризненно, что давало ему возможность выказывать большую смѣлость, когда дѣло касалось его спеціальности. Сильно близорукій, онъ, повидимому, никого никогда не видѣлъ, не смотря на свое пенснэ, а когда садился, то можно было подумать, что весь скелетъ его выгибался, слѣдуя формамъ кресла. Согнутое туловище его дѣлалось очень маленькимъ, какъ-то опускалось внизъ, точно позвоночникъ его былъ изъ каучука. Положенныя

одна на другую ноги имѣли видъ двухъ ленточекъ, перевитыхъ между собой; руки покоились на ручкахъ кресла, а кисти свѣшивались внизъ, блѣдныя, съ безконечно-длинными пальцами. Волосы и усы его, съ искусно-оставленными сѣдыми прядями, были артистически выкрашены, и являлись предметомъ частыхъ шутокъ.

Въ ту минуту, когда онъ объяснялъ герцогинѣ, что золотыя вещи убитой проститутки предполагаемый убійца подарилъ другой особѣ легкихъ нравовъ, двери большой гостинной снова растворились настежъ и въ нихъ появились двѣ женщины въ туалетѣ изъ бѣлыхъ, дорогихъ кружевъ, обѣ блондинки, похожія другъ на друга, какъ сестры разнаго возраста; одна довольно уже зрѣлая, другая слишкомъ еще юная, одна довольно полная, другая черезчуръ тоненькая,—онѣ шли, держа другъ друга за талію, и улыбались.

Раздались крики, аплодисменты. Никто, кромѣ Оливье Бертена, не зналъ о возвращеніи Анеты Гилльруа.

Онѣ были очаровательны обѣ: и молодая дѣвушка, и рядомъ съ ней мать. Издали мать казалась такой же свѣжей, какъ дочь. Цвѣтокъ, вполнѣ распустившійся и не утратившій еще своего блеска, мать была даже красивѣй. Дочь же только что расцвѣла и начинала хорошѣть.

Герцогиня въ восторгѣ хлопала въ ладоши.

— Боже! какъ онѣ восхитительны одна возлѣ другой,—говорила она,—какъ забавны! Ну, посмотрите же, Мюзадьё, какъ онѣ похожи другъ на друга!

Ихъ сравнивали. Тотчасъ же образовались два мнѣнія. Мюзадьё, супруги Корбелли и графъ Гилльруа утверждали, что сходство графини съ дочерью заключалось только въ цвѣтѣ лица, волосъ и особенно въ глазахъ. Глаза были совсѣмъ одинаковы, такъ же испещрены черными точка-

ми; голубая радужная оболочка какъ будто забрызгана была крошечными чернильными пятнышками. Но въ скоромъ времени, когда молодая дѣвушка превратится въ женщину, сходство это, по ихъ мнѣнію, совсѣмъ почти исчезнетъ.

По мнѣнію же герцогини и Оливье Бертена, сходство, напротивъ, заключалось во всемъ. Разница происходила только отъ неравенства возраста.

— Какъ она измѣнилась въ эти три года! — говорилъ художникъ. — Я бы не узналъ ее. Теперь я ужъ не смѣю больше говорить ей *ты*.

Графиня засмѣялась.

— Ну, вотъ еще! Посмотрѣла бы я, какъ бы вы стали говорить Анетѣ *вы*.

— Вотъ я такъ дѣйствительно не посмѣю больше говорить г-ну Бертену *ты*, — сказала молодая дѣвушка, бойкость которой проглядывала уже и теперь изъ-подъ скромно-шаловливой внѣшности.

Мать улыбнулась.

— Можешь оставить себѣ эту дурную привычку; я позволяю. Вы скоро возобновите старое знакомство.

Анета качала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это будетъ стѣснять меня.

Герцогиня поцѣловала ее и стала разсматривать съ видомъ заинтересованнаго знатока.

— Постой, крошка, ну-ка посмотри мнѣ прямо въ лицо. Ну, да, взглядъ у тебя совершенно такой же, какъ у матери. Черезъ нѣсколько времени и ты будешь недурна, когда пріобрѣтешь извѣстную долю блеска. Надо пополнѣть тебѣ, не очень, а такъ, немножко. Ты у насъ худышка.

— О, не говорите ей этого,—вскричала графиня.

— Почему это?

— Такъ пріятно быть тоненькой! Я заставлю себя непремѣнно похудѣть.

Г-жа Мортменъ разсердилась, совершенно забывъ въ пылу гнѣва о присутствіи дѣвочки.

— Ахъ, это вѣчно! Вы вѣчно съ модами! Вамъ нужно кости, потому что кости легче одѣть, чѣмъ тѣло. Вотъ я такъ принадлежу къ поколѣнію полныхъ женщинъ! Теперь поколѣніе худыхъ! Это напоминаетъ мнѣ фараоновыхъ коровъ. Не понимаю, право, мужчинъ; имъ, какъ видно, нравятся эти скелеты. Въ наше время они требовали кое-что получше.

Она замолчала. Всѣ улыбались.

— Смотри на свою маму, крошка,—снова начала она.— Вотъ такъ очень хорошо, какъ разъ впору. Бери съ нея примѣръ.

Надо было перейти въ столовую. Когда всѣ усѣлись за столъ, Мюзадьё опять возобновилъ споръ.

— По моему мнѣнію, мужчины должны отличаться худобой, потому что они созданы для упражненій, требующихъ ловкости и быстроты, а это несовмѣстимо съ толщиной. Положеніе женщинъ нѣсколько иное. Вы съ этимъ согласны, Корбелль, не такъ ли?

Корбелль очутился въ страшномъ затрудненіи: герцогиня женщина полная, его же собственная супруга болѣе, чѣмъ худа! Но баронесса явилась на помощь мужу и высказалась рѣшительно въ пользу гибкой стройности. Годъ передъ тѣмъ, ей пришлось бороться съ проявленіями полноты, которую она очень скоро одолѣла.

— Разскажите, какъ вы это сдѣлали? — спросила г-жа Гилльруа.

И баронесса разсказала, въ чемъ заключался способъ, котораго придерживаются всѣ современныя элегантныя

женщины. Во время ѣды совсѣмъ не пьютъ. Часъ спустя только, позволяютъ себѣ чашку горячаго чая,—совсѣмъ какъ кипятокъ. И всѣ достигаютъ успѣха. Она разсказывала поразительные примѣры: въ какихъ-нибудь три мѣсяца полныя женщины становились тоньше спички.

— Боже! какъ глупо мучитъ себя такимъ образомъ!—съ отчаяніемъ вскричала герцогиня.—Вы ничего не любите, какъ есть ничего, даже шампанскаго. Ну, вотъ вы художникъ, Бертенъ; скажите, какого вы мнѣнія на этотъ счетъ?

— Ахъ, Боже мой! Я живописецъ. Я драпирую. Для меня это безразлично! Еслибъ я былъ скульпторомъ, пожалуй, я сталъ бы сѣтовать.

— Но вы мужчина. Вы что предпочитаете?

— Я?.. да... изящную полноту,—то, что моя кухарка называетъ хорошенькимъ откормленнымъ цыпленочкомъ. Онъ не жиренъ, но сытъ и нѣженъ.

Сравненіе вызвало смѣхъ. Графиня недовѣрчиво посматривала на дочь.

— Нѣтъ,—говорила она,—хорошо быть худенькой; худенькія женщины не старятся.

Этотъ пунктъ опять вызвалъ споры и раздѣлилъ общество на партіи. Но всѣ почти сошлись между прочимъ въ одномъ: полной женщинѣ не слѣдуетъ худѣть слишкомъ быстро.

Это замѣчаніе заставило перебрать по очереди всѣхъ извѣстныхъ свѣтскихъ женщинъ и подвергнуть обсужденію ихъ грацію, элегантность, красоту. По мнѣнію Мюзадьё, бѣлокурая маркиза Локристъ не имѣла себѣ равныхъ по очаровательности, тогда какъ Бертенъ отдавалъ пальму первенства г-жѣ Мандельеръ, брюнеткѣ съ низкимъ лбомъ, темными глазами и довольно большимъ ртомъ съ сверкающими зубами.

Художникъ сидѣлъ рядомъ съ молодой дѣвушкой.

— Слушай, Нанета,—сказалъ онъ, вдругъ обращаясь къ ней.—Все, что мы говоримъ теперь, ты услышишь каждую недѣлю по крайней мѣрѣ разъ и такъ будешь слушать до самой старости. Въ одну недѣлю ты выучишь наизусть все, что говорится о свѣтѣ, о политикѣ, о женщинахъ, о театральныхъ пьесахъ и обо всемъ остальномъ. Останется только мѣнять время отъ времени имена лицъ да названія произведеній. Когда ты выслушаешь всѣ наши споры, узнаешь наши мнѣнія, ты потихоньку выберешь себѣ изъ этихъ мнѣній какое-нибудь одно и затѣмъ тебѣ ужъ ни о чемъ больше не придется думать, никогда; тебѣ останется только спокойно отдыхать.

Дѣвушка ничего не сказала въ отвѣтъ. Она только вскинула на него плутовскіе глаза, въ которыхъ свѣтился юный, живой умъ, сдерживаемый насильно и готовый вырваться наружу.

Но герцогиня и Мюзадьё протестовали во имя человѣческой мысли и дѣятельности; они играли идеями, какъ играютъ въ мячъ, и не замѣчали, что перебрасываютъ все одно и то же.

Бертенъ силился доказать, какъ мало имѣетъ цѣны умъ свѣтскихъ людей, даже самыхъ образованныхъ; онъ лишонъ пищи, свободы. Убѣжденія такихъ людей бѣдны въ основѣ, вниманіе къ умнымъ вещамъ слабо и безразлично, вкусы ихъ перемѣнчивы и неувѣренны.

На него напалъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ негодованія, наполовину искреннихъ, наполовину дѣланныхъ, которые вызываются, съ одной стороны, желаньемъ краснорѣчья, съ другой, — подогрѣваются здравомысліемъ, затемненнымъ въ обыкновенное время снисходительностью. Онъ доказывалъ, какъ люди, не имѣющіе въ жизни другого занятія, кромѣ

визитовъ и обѣдовъ, становятся, въ силу роковой неизбѣжности, легкими, банальными, хотя и милыми существами; заботы, убѣжденія, вкусы затрогиваютъ ихъ лишь смутно и поверхностно.

Онъ доказывалъ, что въ нихъ нѣтъ ничего глубокого, пылкаго, искренняго; ихъ интеллектуальная культура ничтожна; ученость ихъ—простая полировка; въ сущности же они—манекены, изображающіе собой подобіе избранныхъ людей, подобіе того, чего въ нихъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Онъ доказывалъ, что хрупкіе корни ихъ инстинктовъ выросли не на почвѣ дѣйствительности, а на почвѣ условностей, что они ничего въ сущности не любятъ, что даже роскошь, которой обставлена ихъ жизнь, не что иное, какъ удовлетвореніе тщеславія, а не изысканныхъ потребностей тѣла, потому что ѣдятъ они скверно, пьютъ скверное вино, за которое платятъ довольно дорого.

— Они живутъ и ничего не видятъ у себя подъ носомъ, ничѣмъ не проникаются,—говорилъ онъ. Передъ ними наука,—они не знаютъ ее; передъ ними природа,—они не умѣютъ смотрѣть на нее; передъ ними счастье, они безсильны насладиться чѣмъ-нибудь пламенно; передъ ними—красота, искусство,—они говорятъ о немъ, не видя его, не вѣря въ него, потому что имъ не знакомы опьяняющіе восторги жизни и наслажденія ума. Они не способны привязаться настолько сильно, чтобы полюбить что-нибудь одно, заинтересоваться такъ, чтобы понять что-нибудь, понять и просвѣтиться этимъ счастьемъ.

Баронъ Корбелль счелъ своимъ долгомъ взять на себя защиту хорошаго общества.

Онъ пустилъ для этого въ ходъ неоспоримые, несостоятельные доводы, одни изъ тѣхъ доводовъ, которые таютъ передъ разсудкомъ, какъ снѣгъ передъ огнемъ, и уловить

ихъ невозможно; они подобны тѣмъ нелѣпымъ, торжествующимъ доводамъ, которые пускаютъ въ ходъ деревенскіе попы, когда рѣчь заходитъ о богословскихъ вопросахъ. Въ концѣ концовъ онъ сравнилъ свѣтскихъ людей со скаковыми лошадьми, которые въ сущности ни на что не нужны, но между тѣмъ составляютъ гордость лошадиной породы.

Бертенъ чувствовалъ неловкость передъ такимъ противникомъ и потому хранилъ теперь презрительное, вѣжливое молчаніе; но глупость барона вдругъ вывела его изъ себя; онъ искусно прервалъ его рѣчь и разсказалъ, ничего не пропуская, въ чемъ заключается жизнь благовоспитаннаго человѣка, начиная съ той минуты, когда тотъ утромъ встаетъ, и кончая вечеромъ, когда ложится спать.

Тонко схваченныя подробности рисовали невозможно комическую фигуру. Вотъ лакей одѣваетъ своего барина; приходитъ парикмахеръ; баринъ высказываетъ передъ нимъ нѣкоторыя общія идеи; затѣмъ настаетъ время утренней прогулки; освѣдомившись у конюховъ о здоровьи лошадей, баринъ ѣдетъ прокатиться верхомъ по аллеямъ Булонскаго лѣса съ единственной цѣлью обмѣняться поклонами; потомъ завтракаетъ вдвоемъ съ женой, которая тоже выѣзжала на прогулку, въ коляскѣ; въ разговорѣ только перебираютъ лицъ, которыхъ встрѣтили по утру; затѣмъ, вплоть до вечера, начинается шатанье изъ гостиной въ гостиную, гдѣ умъ закаляется еще больше въ общеніи съ себѣ подобными; потомъ обѣдаетъ у какого-нибудь принца или князя, гдѣ обсуждается положеніе Европы; вечеръ кончается у очага танцевъ, въ оперѣ, на балу, гдѣ самымъ невиннымъ образомъ, однимъ только созерцаніемъ дурного удовлетворяются всѣ его скромныя претензіи на пользованіе жизнью.

Портретъ былъ такъ вѣрно нарисованъ, не раня никого своей ироніей, что за столомъ раздался всеобщій смѣхъ.

Грудь герцогини такъ и колыхалась; какъ особа полная, она еле сдерживала свой смѣхъ.

— Нѣтъ, право, это очень смѣшно, — наконецъ сказала она;—вы меня уморите со смѣху.

Бертенъ, очень возбужденный, отвѣтилъ:

— О, нѣтъ, въ свѣтѣ не умираютъ со смѣху. Тамъ еле смѣются. Ради хорошаго тона, снисходятъ иногда, принимаютъ веселый видъ, изображаютъ подобіе смѣха. Выходитъ гримаса, подражаніе, но не настоящій смѣхъ. Подите въ народный театръ, тамъ увидите, какъ смѣются. Посмотрите на простого человѣка, которому весело: онъ задыхается отъ смѣха! Подите въ солдатскія казармы; вы увидите глаза, полные слезъ отъ смѣха, увидите, какъ смѣхъ душитъ людей, какъ они катаются по постели, слушая розсказни какого-нибудь шутника. А у насъ въ гостиныхъ не смѣются. Говорю вамъ, изображаютъ только подобіе всего, даже подобіе смѣха!

— Погодите,—остановилъ его Мюзадьё,—вы очень строги! А вы-то сами, милѣйшій; мнѣ кажется, вы не очень пренебрегаете тѣмъ самымъ свѣтомъ, который вы такъ хорошо осмѣиваете.

Бертенъ улыбнулся.

— Я люблю его.

— Тогда какъ же?

— Я презираю себя отчасти, какъ метиса подозрительной расы.

— Все это—одна рисовка,—сказала герцогиня.

И такъ какъ онъ защищался противъ обвиненія въ рисовкѣ, то герцогиня положила конецъ спору, заявивъ, что всѣ художники любятъ увѣрять людей въ томъ, что бѣлое черно, что простой пузырь — не пузырь, а фонарь.

Разговоръ сдѣлался тогда общимъ; банальный и друже-

скій, онъ мягко и скромно коснулся всего. Обѣдъ подходилъ къ концу. Вдругъ графиня сказала, указывая на стоявшіе передъ ней нетронутые стаканы:

— Ну, я ничего не пила, какъ есть ничего, ни капли. Увидимъ, похудѣю ли я.

Взбѣшенная герцогиня хотѣла принудить ее сдѣлать хоть глотокъ или два минеральной воды, но все было напрасно.

— О, глупая!—вскричала тогда герцогиня.—Теперь вотъ дочь начинаетъ кружить ей голову. Пожалуйста, Гилльруа, запретите вашей женѣ дѣлать глупости.

Графъ, объяснявшій въ эту минуту систему какой-то механической молотилки, изобрѣтенной въ Америкѣ, ничего не слыхалъ.

— Какія глупости, герцогиня?

— Глупое желанье похудѣть.

Графъ бросилъ на жену благосклонный, равнодушный взглядъ.

— Я не имѣю привычки противорѣчить ей.

Графиня встала изъ-за стола и взяла подъ руку своего сосѣда; графъ предложилъ руку герцогинѣ. Всѣ перешли въ большую гостиную; задній будуаръ предназначался для пріемовъ днемъ.

Комната была очень большая и очень свѣтлая. По стѣнамъ большія, прекрасныя панò изъ блѣдно - голубого шелка въ бѣлыхъ съ золотомъ рамкахъ, съ античными рисунками, при свѣтѣ лампъ и люстры, принимали яркій и нѣжный оттѣнокъ луннаго свѣта. На самомъ главномъ мѣстѣ портретъ графини, писанный Оливье Бертеномъ, придавалъ какъ бы жизнь и душу всему помѣщенію. Онъ былъ на своемъ мѣстѣ: улыбка молодой женщины, грація ея взгляда, воздушная прелесть бѣлокурыхъ волосъ — все сливалось въ одно цѣлое съ окружающей обстановкой.

Всякій, кто останавливался передъ портретомъ, имѣлъ обыкновеніе хвалить произведеніе художника, и эта похвала вошла почти въ обычай, столь же необходимый, какъ крестное знаменіе при входѣ въ церковь, какъ извѣстная дань вѣжливости.

Мюзадьё никогда не упускалъ случая высказать свое мнѣніе, а его мнѣніе, какъ знатока, избраннаго самимъ государствомъ, имѣло значеніе законной экспертизы. Онъ считалъ своимъ долгомъ постоянно и убѣдительно восторгаться достоинствами этого произведенія.

— Право, это лучшій изъ современныхъ портретовъ, которые я знаю,—говорилъ онъ.—Въ немъ удивительная жизнь.

Благодаря привычкѣ слышать постоянныя похвалы портрету, у графа Гилльруа укоренилось убѣжденіе, что онъ обладаетъ chef-d'oeuvre'омъ, образцовымъ произведеніемъ. Онъ тоже подошелъ, чтобы присоединить свои похвалы. И минуты двѣ, по крайней мѣрѣ, они восхваляли видимыя и скрытыя качества произведенія, перебравъ для этого всѣ употребительныя въ такихъ случаяхъ техническія выраженія.

Всѣ глаза, поднятые кверху и устремленные на портретъ, были, повидимому, полны восторга. Оливье Бертенъ привыкъ къ этимъ похваламъ и не обращалъ на нихъ больше вниманія, какъ не обращаютъ вниманія на вопросы о здоровьи при встрѣчахъ на улицѣ. Онъ, однако, поправилъ лампу съ рефлекторомъ, которая освѣщала портретъ; по небрежности, лакей поставилъ ее невѣрно.

Всѣ усѣлись по мѣстамъ. Графъ подошелъ къ герцогинѣ.

— Я думаю, что мой племянникъ зайдетъ сюда за мной, выпить у васъ чашку чаю.

Съ нѣкоторыхъ поръ желанія ихъ сдѣлались общими;

они угадали другъ друга, хотя не говорили объ этомъ ни слова, не подавали даже намека.

Братъ герцогини Мортменъ, маркизъ Фарандаль, разорившись почти окончательно карточной игрой, упалъ съ лошади и расшибся до смерти; послѣ него остались вдова съ сыномъ. Молодой человѣкъ, которому было теперь двадцать восемь лѣтъ, славился, какъ одинъ изъ самыхъ завидныхъ распорядителей котильона въ Европѣ; его приглашали на княжескіе балы нерѣдко въ Вѣну, въ Лондонъ, для какихъ-нибудь нѣсколькихъ туровъ вальса. И хотя онъ не имѣлъ почти никакого состоянія, но, благодаря своему положенію, семейнымъ связямъ, благодаря своему имени и почти царскому родству, считался однимъ изъ самыхъ видныхъ, самыхъ избранныхъ молодыхъ людей въ Парижѣ.

Надо было укрѣпить восходящую славу молодого плясуна и спортсмена; надо было богатой, очень богатой женитьбой замѣнить успѣхи въ свѣтѣ политическими успѣхами. Разъ онъ сдѣлается депутатомъ, онъ станетъ, въ силу только этого факта, опорой будущаго трона, совѣтникомъ короля, главою партіи.

Герцогинѣ прекрасно было извѣстно, какимъ огромнымъ состояніемъ обладаетъ графъ Гилльруа; она знала, что этотъ осторожный скопидомъ, занимающій теперь такое простенькое помѣщеніе, могъ бы отлично жить на широкую ногу въ одномъ изъ лучшихъ отелей Парижа. Ей были извѣстны его спекуляціи, всегда очень удачныя, его тонкое чутье финансиста, его участіе въ самыхъ прибыльныхъ дѣлахъ за послѣднія десять лѣтъ, и вотъ у нея явилась мысль женить своего племянника на дочери нормандскаго депутата, которому такой бракъ могъ бы доставить преобладающее вліяніе въ аристократическомъ обществѣ, вращающемся вокругъ принцевъ. Гилльруа, самъ женившійся

на богатой, увеличившій, благодаря ловкости, свое личное, довольно порядочное состояніе, лелѣялъ теперь другія честолюбивыя мечты.

Онъ вѣрилъ въ возвращеніе короля и хотѣлъ запастись на этотъ случай всѣми средствами, чтобы какъ можно шире воспользоваться этимъ событіемъ.

Просто депутатъ — еще не Богъ вѣсть что такое. Тесть же маркиза Фарандаля, предки котораго были вѣрными, избранными приближенными королевскаго дома Франціи, сразу переходилъ въ первый рядъ.

Дружба герцогини съ его женой придавала кромѣ того очень цѣнный характеръ интимности этому союзу. Изъ боязни, чтобы маркизу вдругъ не понравилась какая-нибудь другая дѣвушка, графъ вызвалъ свою дочь для ускоренія событій.

Г-жа Мортменъ, предчувствуя и угадывая проэкты графа, стала его безмолвной сообщницей. И сегодня, хотя она вовсе не была предупреждена о внезапномъ возвращеніи молодой дѣвушки, она все-таки пригласила племянника въ гости къ Гилльруа, чтобы онъ привыкъ мало-по-малу чаще бывать у нихъ въ домѣ.

Въ первый разъ герцогиня и графъ говорили другъ другу, хотя и очень туманными намеками, о своихъ желаніяхъ.

На другомъ концѣ гостиной смѣялись. Мюзадьё разсказывалъ баронессѣ Корбелль о представленіи негрскаго посольства президенту республики. Въ эту минуту доложили о маркизѣ Фарандаль.

Онъ появился въ дверяхъ и остановился. Быстрымъ, привычнымъ жестомъ приложилъ онъ монокль къ правому глазу и не снималъ его, какъ бы для того, чтобы разсмотрѣть ту комнату, куда теперь входилъ, но, можетъ быть, и для того, чтобы дать находившимся тутъ людямъ возмож-

ность его видѣть, замѣтить его присутствіе. Потомъ неуловимымъ движеніемъ щеки и брови онъ сбросилъ кусочекъ стекла, висѣвшій на черномъ шолковымъ волоскѣ, быстро подошелъ къ г-жѣ Гилльруа и, низко наклоняясь, поцѣловалъ протянутую ему руку. Точно такъ же поздоровался онъ съ теткой; потомъ раскланялся со всѣми, пожимая каждому руку и съ элегантной развязностью переходя отъ одного къ другому.

Онъ былъ высокаго роста, съ рыжими усами, успѣлъ уже слегка облысѣть и напоминалъ своимъ складомъ военнаго съ ухватками англійскаго спортсмена.

При взглядѣ на него чувствовалось сразу, что видишь передъ собой человѣка, у котораго вымуштрованы всѣ части тѣла, но меньше всего голова, которые питаютъ любовь только къ тому, что сопряжено съ развитіемъ силы и физической дѣятельности. Онъ былъ образованъ, однако, потому что учился, занимался и теперь каждый день съ большимъ напряженіемъ ума всѣмъ, что могло пригодиться ему впослѣдствіи,—исторіей, страшно налегая на цифры и упуская изъ виду самые факты; элементарными свѣдѣніями по политической экономіи въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это необходимо депутату, азбукой соціологіи, которой придерживаются правящіе классы.

Мюзадьё питалъ къ нему уваженіе. „Этотъ человѣкъ будетъ имѣть вѣсъ“, говорилъ онъ. Бертенъ цѣнилъ въ немъ ловкость и силу. Они ходили въ одинъ и тотъ же фехтовальный залъ, часто ѣздили вмѣстѣ на охоту, встрѣчались въ аллеяхъ Булонскаго лѣса во время прогулокъ верхомъ. Между ними завязалась симпатія общихъ вкусовъ, то инстинктивное франкмасонство, которое создаетъ для двухъ людей готовые сюжеты разговора, пріятные какъ одному, такъ и другому.

Когда представили маркиза Анетѣ Гилльруа, у него вдругъ мелькнула мысль о комбинаціяхъ тетки. Раскланявшись, онъ окинулъ ее быстрымъ взглядомъ любителя.

Онъ нашелъ, что она миленькая и, главное, обѣщаетъ много впереди. Онъ участвовалъ, какъ предводитель, въ столькихъ котильонахъ, что зналъ толкъ въ барышняхъ и могъ почти навѣрно, какъ экспертъ, пробующій молодое вино, предсказать, какая будощность ожидаетъ ихъ красоту.

Онъ обмѣнялся съ ней кое-какими незначительными фразами, подсѣлъ затѣмъ къ баронессѣ Корбелль и началъ съ ней болтать вполголоса.

Гости разошлись рано. Когда всѣ ушли и молодая дѣвушка легла спать, когда погасили лампы и прислуга ушла къ себѣ наверхъ, графъ Гилльруа, ходя взадъ и впередъ по гостиной, освѣщенной теперь только двумя свѣчами, долго еще развивалъ передъ дремлющей въ креслѣ графиней свои надежды, обсуждалъ подробности будущаго положенія, предусматривалъ комбинаціи, удачи и необходимыя предосторожности.

Было уже поздно, когда онъ ушелъ къ себѣ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ вечера.

— Дѣло кончено. Еще бы!—разсуждалъ онъ.

III.

„Когда же вы къ намъ, мой другъ? Я не видала васъ три дня, и какъ долго мнѣ это показалось. Дочь занимаетъ у меня много времени; но вы знаете, что безъ васъ я не могу болѣе обойтись“.

Художникъ набрасывалъ карандашемъ эскизы, ища новаго сюжета. Онъ перечиталъ записку графини, потомъ,

открывъ ящикъ письменнаго стола, положилъ ее въ кипу другихъ писемъ, накопленныхъ тамъ съ начала ихъ связи.

Благодаря удобствамъ свѣтской жизни, они привыкли видѣться почти каждый день. По временамъ она являлась къ нему и, не прерывая его работы, просиживала по часу и долѣе въ креслѣ, въ которомъ позировала когда-то. Но стыдясь отчасти пересудовъ прислуги, она предпочитала, чтобы эти ежедневныя встрѣчи, эта маленькая дань любви происходили или у нея, или у кого нибудь въ гостиной. Комбинаціи устраивались заранѣе и въ глазахъ Гилльруа казались вполнѣ естественными.

По крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю художникъ обѣдалъ у графини въ обществѣ нѣкоторыхъ друзей; по понедѣльникамъ онъ регулярно раскланивался съ ней въ ея ложѣ въ оперѣ; затѣмъ они назначали свиданіе въ томъ или другомъ домѣ, куда случай приводилъ ихъ въ одно и тоже время. Онъ зналъ въ какіе вечера она бывала дома и заходилъ тогда къ ней выпить чашку чая, чувствуя себя какъ дома вблизи нея, чувствуя всю прочность и нѣжность ихъ созрѣвшей привязанности. Привычка встрѣчаться съ ней гдѣ нибудь, проводить около нея хоть нѣсколько минутъ, обмѣниваться хоть нѣсколькими словами, мыслями, до того поработила его, что онъ, не смотря на угасшій уже давно пылъ нѣжности, чувствовалъ потребность видѣть ее постоянно.

Желаніе имѣть семейный уголокъ, гдѣ бы чувствовались жизнь и движеніе, гдѣ бы можно было пообѣдать не одному, гдѣ бы вечеркомъ можно было поболтать безъ всякаго принужденія, въ обществѣ хорошо знакомыхъ людей, это желаніе общенія, соприкосновенія, близости, которое дремлетъ въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ и которое старый холостякъ вноситъ всюду, гдѣ только онъ мало мальски освоился,

таская его изъ одного знакомаго дома въ другой,—это желаніе прибавляло нѣкоторую долю эгоизма къ его чувству привязанности. Въ этомъ домѣ, гдѣ его любили, баловали, гдѣ онъ находилъ все, онъ могъ еще нѣжиться и отдыхать отъ своего одиночества.

Три дня онъ не видался съ своими друзьями, которыхъ должно было сильно взволновать возвращеніе дочери, и онъ соскучился уже, сердясь отчасти за то, что они не позвали его раньше, но выдерживая характеръ и не жежелая первымъ вызывать приглашеніе.

Записка графини подѣйствовала на него, какъ ударъ кнута. Было три часа пополудни. Онъ рѣшился тотчасъ же отправиться къ ней, чтобы застать ее дома.

На его звонокъ явился лакей.

— Какова погода, Жозефъ?

— Отличная, сударь.

— Жарко?

— Да, сударь.

— Давайте бѣлый жилетъ, синюю визитку и сѣрую шляпу.

Внѣшность его всегда была очень изящна, но не смотря на то, что его одѣвалъ безукоризненный портной, одна его манера только носить платье, походка, животъ, подтянутый бѣлымъ жилетомъ, сѣрая высокая шляпа, нѣсколько откинутая назадъ, все это тотчасъ же изобличило въ немъ художника и холостяка.

Когда онъ явился къ графинѣ, ему сказали, что она собирается на прогулку въ лѣсъ. Онъ былъ недоволенъ и сталъ ждать.

По своей привычкѣ онъ началъ расхаживать взадъ и впередъ по гостиной—обширной комнатѣ, затемненной гардинами,—отъ одного какого-нибудь стула къ другому или отъ одного какого-нибудь окна къ стѣнѣ. На легкихъ

столикахъ съ позолоченными ножками расположены были въ изысканномъ безпорядкѣ разныя ненужныя безделки, красивыя и дорогія. Тутъ были маленькіе старинные ящички чеканнаго золота, табакерки съ миніатюрами, статуэтки изъ слоновой кости и затѣмъ нѣсколько новѣйшихъ вещицъ изъ матового серебра въ забавномъ, но строгомъ стилѣ, гдѣ ясно проглядывалъ англійскій вкусъ: маленькая кухонная печка и на ней кошка, пьющая изъ кастрюли; портсигаръ въ видѣ ковриги хлѣба; кофейница для спичекъ, и наконецъ въ футлярѣ для драгоцѣнностей полный кукольный уборъ: ожерелья, браслеты, кольца, броши, серьги съ бриллiантами, сафирами, рубинами, изумрудами и микроскопическія произведенія фантазіи, исполненныя какъ бы мастерами лиллипутовъ.

Время отъ времени онъ дотрогивался до вещи, подаренной имъ самимъ при какомъ нибудь торжественномъ случаѣ, бралъ ее, вертѣлъ въ рукахъ, машинально разсматривалъ и снова ставилъ на прежнее мѣсто.

Въ углу, передъ круглымъ диваномъ, на столикѣ съ одной ножкой, бросались въ глаза рѣдко раскрываемыя книги въ роскошныхъ переплетахъ. На томъ же столикѣ лежало „*Revue des Deux Mondes*“, довольно измятое, истрепанное, съ загнутыми углами, какъ будто оно было читано и перечитано, и нѣкоторые другіе не разрѣзанные журналы: *Arts modernes*, который приходилось выписывать единственно ради его дороговизны (годичный абонементъ стоилъ четыреста франковъ), и *Feuille libre*—тоненькая тетрадка въ голубой оберткѣ, гдѣ пропагандировались новѣйшіе поэты, получившіе названіе *Enervés*

Въ простѣнкѣ между двухъ оконъ стояло бюро графини, кокетливая вещица послѣдняго столѣтія, на которомъ она писала отвѣты на спѣшныя записки, получаемыя во

время пріемовъ. Тутъ же лежало нѣсколько томовъ настольныхъ книгъ, служившихъ выраженіемъ ума и сердца женщины: *Мюссэ*, *Манонъ Леско*, *Вертеръ*; а въ доказательство того, что сложныя чувства и тайны психологіи не чужды и здѣсь, можно было видѣть: *Les fleurs du mal*, *le Rouge et le Noir, la Femme au XVIII siecle*, *Adolphe*.

Рядомъ съ книгами лежало изящное ручное зеркало, чудо искусства; зеркало было сложено и покоилось на бархатномъ шитомъ четыреугольникѣ, чтобы можно было видѣть замѣчательную работу изъ золота и серебра на обратной сторонѣ его. Бертенъ взялъ въ руки зеркало и посмотрѣлся въ него. Онъ страшно старѣлъ за послѣдніе годы, и хотя находилъ свое лицо оригинальнѣе, чѣмъ въ былое время, но все же морщины и отвислость щекъ печалили его.

Позади его растворилась дверь.

— Здравствуйте, мсье Бертенъ,—сказала Анета.

— Здравствуй, крошка; какъ поживаешь?

— Отлично, а вы?

— Какъ, ты не хочешь быть со мной на „ты", кажется?

— Да; право, мнѣ это неловко.

— Ну, вотъ еще!

— Да, неловко. Я стѣсняюсь васъ.

— Почему же?

— Потому что... потому что вы не достаточно молоды и не достаточно стары!..

Художникъ засмѣялся.

— Ну, противъ этого я ничего не могу сказать.

Она вспыхнула вдругъ до корня волосъ и конфузливо прибавила.

— Мама поручила мнѣ передать вамъ, что она сейчасъ выйдетъ, и спросить, не желаете ли вы отправиться съ нами въ Булонскій лѣсъ.

— Конечно, да. Вы ѣдете однѣ?

— Нѣтъ, съ герцогиней Мортменъ.

— Отлично, я съ вами.

— И такъ, я пойду надѣну шляпу, если позволите?

— Ступай, дитя мое!

По уходѣ ея вошла графиня, подъ вуалью, готовая къ выѣзду. Она протянула ему руки.

— Васъ не видать совсѣмъ. Чѣмъ вы заняты?

— Мнѣ не хотѣлось стѣснять васъ это время.

Въ тонѣ, какимъ она сказала „Оливье", вылились всѣ упреки и вся любовь ея.

— Вы лучшая изъ женщинъ,—проговорилъ онъ, тронутый тѣмъ, какъ она произнесла его имя.

Покончивъ съ этой маленькой, интимной ссорой, она продолжала свѣтскимъ тономъ:

— Мы заѣдемъ за герцогиней въ ея отель и затѣмъ прокатимся по лѣсу. Нужно же показать все это Нанетѣ.

Ландо ожидало ихъ у подъѣзда.

Бертенъ сѣлъ противъ двухъ женщинъ, и экипажъ тронулся съ мѣста среди стука лошадиныхъ копытъ, гулко раздававшагося подъ сводами воротъ.

Большой бульваръ, спускающійся къ церкви Магдалины, имѣлъ такой видъ, какъ будто всѣ радости молодой весны свалились съ неба на живущихъ.

Подъ дѣйствіемъ солнца и тепла, лица мужчинъ приняли какой-то праздничный, а лица женщинъ нѣжный видъ; уличные мальчишки прыгали и скакали, а чистенькіе поваренки, поставивъ свои корзины на скамейки, бросались къ своимъ собратьямъ, маленькимъ уличнымъ оборванцамъ, и принимали участіе въ ихъ играхъ. Собаки точно куда-то спѣшили; чижи привратниковъ не пѣли, а просто надрывались, и только старыя полумертвыя клячи, запряженныя въ из-

вощичьи кареты, шли своимъ неизмѣннымъ, усталымъ шагомъ.

Графиня говорила:

— О, какой славный день, какъ хорошо живется!

Художникъ, при яркомъ освѣщеніи, разсматривалъ обѣихъ женщинъ,—мать и дочь. Конечно, онѣ были различны, но въ то же время и до такой степени однородны, что одна была дѣйствительнымъ продолженіемъ другой, созданная изъ одной и той же крови, изъ одного и того же тѣла, оживленная однимъ и тѣмъ же духомъ. Въ особенности глаза ихъ, эти голубые глаза съ черными крапинками, такіе ясные у дочери и уже нѣсколько выцвѣтшіе у матери, устремляли на него до такой степени одинаковый взглядъ, когда онъ разговаривалъ съ ними, что онъ ждалъ, вотъ онѣ обѣ скажутъ одно и то же въ отвѣтъ. И вызывая ихъ смѣхъ и болтовню, онъ былъ нѣсколько удивленъ, видя, что передъ нимъ двѣ совершенно различныя женщины,—одна уже пожившая, и другая только еще вступающая въ жизнь. Нѣтъ, онъ не видитъ заранѣе, что станется съ этимъ ребенкомъ, когда молодая душа дѣвушки подъ вліяніемъ не тронутыхъ еще теперь инстинктовъ и наклонностей заявить себя, выскажется среди окружающихъ условій жизни. Теперь это—хорошенькое существо, новое, безсильное противъ случайностей и готовое любить, невѣдомое и ничего незнающее,—корабль, выходящій изъ пристани, между тѣмъ какъ мать ея уже возвращается къ ней, пройдя жизненный путь и испытавъ любовь!

Его трогала мысль, что именно его выбрала и не перестаетъ любить эта все еще хорошенькая женщина, покачивающаяся теперь въ ландо, на тепломъ весеннемъ воздухѣ.

Онъ бросилъ на нее признательный взглядъ; она угада-

ла эту признательность, и ему почудилась благодарность въ легкомъ прикосновеніи къ нему ея платья.

Въ свою очередь и онъ сказалъ.

— О, да, какой прекрасный день!

Захвативъ герцогиню, они съ улицы Варенъ выѣхали къ Инвалидамъ, переѣхали Сену, достигли Елисейскихъ полей и среди потока каретъ стали подниматься къ Тріумфальной аркѣ.

Молодая дѣвушка сидѣла рядомъ съ Оливье, спереди, и жадными, наивными глазами смотрѣла на это количество экипажей. По временамъ, когда герцогиня и графиня съ кѣмъ-нибудь раскланивались легкимъ кивкомъ головы, она спрашивала: „Кто это"? Онъ называлъ: „Понтеглены", „Пюисельси", „графиня Локристъ", „красавица Мандельеръ".

Теперь они ѣхали по аллеѣ Булонскаго лѣса, среди шума и движенія колесъ. Экипажи, пользуясь нѣсколько большимъ просторомъ, чѣмъ по ту сторону Тріумфальной арки, — точно боролись въ безконечной погонѣ другъ за другомъ. Фіакры, тяжелыя ландо, торжественные восьмирессорные экипажи поочередно перегоняли другъ друга, какъ вдругъ промчался рысакъ, запряженный въ легкую викторію, оставляя позади себя всю эту движущуюся толпу, аристократическую и буржуазную, людей всѣхъ классовъ и іерархій, и съ безумной быстротой унося съ собой хорошенькую безпечную женщину, свѣтлый, вызывающій туалетъ который обдавалъ ближайшіе экипажи страннымъ запахомъ какихъ то неизвѣстныхъ духовъ.

— А эта дама кто?—спросила Анета.

— Не знаю,—отвѣтилъ Бертенъ, между тѣмъ какъ герцогиня и графиня обмѣнялись улыбками.

Листья распускались; соловьи, привычные обитатели этого парижскаго сада, распѣвали уже среди молодой зелени,

и когда экипажи, приближаясь къ озеру, поѣхали шагомъ, касаясь другъ друга колесами, то поклонамъ, улыбкамъ и всякимъ любезностямъ не было конца. Теперь это имѣло видъ цѣлой флотиліи скользившихъ барокъ, въ которыхъ сидѣли очень умные кавалеры и дамы. Герцогиня, едва успѣвавшая отдавать поклоны направо и налѣво, дѣлала обзоръ и припоминала все, что знала, д умалаи предполагала о людяхъ, по мѣрѣ того какъ они дефилировали передъ ней.

— Посмотри, крошка, вотъ опять мадамъ Мандельеръ, краса Республики.

Сидя въ легкомъ, кокетливомъ экипажѣ, краса Республики съ напускнымъ равнодушіемъ къ своей неоспоримой славѣ, позволяла любоваться своими большими темными глазами, своимъ низкимъ лбомъ подъ густыми, черными волосами и своевольнымъ, нѣсколько крупнымъ ртомъ.

— Все-таки очень красива,—сказалъ Бертенъ.

Графиня не любила, когда онъ хвалилъ другихъ женщинъ. Она тихонько пожала плечами и не сказала ни слова.

Но молодая дѣвушка, въ которой вдругъ пробудился инстинктъ соперничества, рѣшилась замѣтить:

— Вотъ я такъ этого вовсе не нахожу.

Художникъ обернулся.

— Какъ, ты не находишь ее красавицей?

— Нѣтъ, ее какъ будто обмакнули въ чернила.

Герцогиня, въ восторгѣ, смѣялась.

— Браво, малютка! Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ половина парижанъ млѣетъ передъ этой негритянкой! Мнѣ кажется, они смѣются надъ нами. А! Взгляни-ка лучше вотъ на графиню Локристъ.

Одна въ ландо, съ бѣлымъ пуделемъ, изящная, какъ миніа-

тюра, блондинка съ темными глазами, нѣжныя черты лица которой тоже лѣтъ пять или шесть служили темой для восторженныхъ похвалъ ея поклонниковъ,—графиня Локристъ раскланивалась съ застывшей улыбкой на губахъ.

Нанета и тутъ не пришла въ восторгъ.

— О!—сказала она,—она уже не первой свѣжести.—Бертенъ, при разсужденіяхъ по поводу двухъ соперницъ, повторявшихся ежедневно, обыкновенно не держалъ сторону графини; но теперь онъ вдругъ разсердился на такую придирчивость дѣвочки.

— Чортъ побери,—сказалъ онъ,—любятъ или не любятъ ее, но она прелестна, и я желаю тебѣ быть такой же красивой.

— Полноте,—возразила герцогиня,—вы замѣчаете только женщинъ, которымъ не менѣе тридцати лѣтъ. Дѣвочка права,—вамъ нравятся только увядшія.

Онъ вскричалъ:

— Позвольте, женщина становится дѣйствительно красивой только позже, когда лицо ея пріобрѣтаетъ законченную выразительность.

И развивая мысль, что первая свѣжесть есть только лоскъ для болѣе зрѣлой красоты, онъ доказывалъ, что свѣтскіе люди не ошибаются, удѣляя мало вниманія молодымъ женщинамъ въ полномъ блескѣ, и что они правы, опредѣляя ихъ красоту только въ послѣдній періодъ ихъ расцвѣта.

Польщенная графиня поддерживала его:

— Онъ правъ; онъ судитъ, какъ художникъ. Молодое личико очень мило, но всегда нѣсколько банально.

И художникъ настаивалъ на своемъ, доказывая, въ какой моментъ лицо, теряя мало-по-малу неопредѣленную прелесть юности, получаетъ законченную форму, характеръ, физіономію.

И графиня легкимъ, убѣжденнымъ кивкомъ головы поддакивала ему при каждомъ его словѣ; и чѣмъ убѣдительнѣе онъ доказывалъ съ жаромъ защитника, съ горячностью отвѣтчика, отстаивающаго свое дѣло, тѣмъ болѣе она одобряла его и взглядомъ, и жестомъ, точно между ними заключенъ былъ оборонительный союзъ противъ какой-то опасности, противъ угрожающаго имъ ложнаго мнѣнія. Анета совсѣмъ не слушала ихъ, отдавшись всецѣло наблюденіямъ. Ея лицо, обыкновенно веселое, сдѣлалось серьезнымъ; она не произносила теперь ни слова, радостно упоенная всѣмъ этимъ движеніемъ. Это солнце, эти листья, эти экипажи, эта прекрасная жизнь, богатая и веселая,—все это для нея.

И она будетъ имѣть возможность пріѣзжать сюда такъ каждый день; ее узнаютъ, наконецъ, будутъ съ ней раскланиваться, завидовать; мужчины, указывая на нее, можетъ быть, назовутъ ее красавицей. Она искала глазами только тѣхъ, кто на ея взглядъ былъ поизящнѣй, и всегда справлялась объ ихъ фамиліяхъ, ничѣмъ другимъ не интересуясь, кромѣ одного сочетанія звуковъ, пробуждавшихъ въ ней иногда отголосокъ уваженія и поклоненія, если попадались такія имена, какія она часто встрѣчала въ журналахъ или въ исторіи. Она никакъ не могла привыкнуть къ этой вереницѣ знаменитостей; ей даже не совсѣмъ вѣрилось, что онѣ настоящія; ей казалось все, что она присутствуетъ на какомъ то представленіи.

Извощичьи кареты внушали ей презрѣніе, смѣшанное съ отвращеніемъ; онѣ стѣсняли и раздражали ее, и она сказала:

— По моему мнѣнію, сюда не слѣдовало бы пускать наемныхъ экипажей?

— Вотъ какъ! А гдѣ же свобода, равенство и братство?—сказалъ Бертенъ.

Она сдѣлала гримасу, означавшую: „это для другихъ“, и возразила:

— Для наемныхъ экипажей можно бы отвести другой лѣсъ, Венсенскій, напримѣръ.

— Ты отстала, моя крошка, и не знаешь еще, что насъ несетъ теперь демократическое теченіе; къ тому же, если тебѣ хочется видѣть лѣсъ въ чистотѣ безъ всякихъ примѣсей—пріѣзжай сюда утромъ и ты найдешь здѣсь сливки, однѣ только сливки общества. И онъ представилъ ей картину, одну изъ тѣхъ, которыя умѣлъ такъ хорошо рисовать,—картину лѣса утромъ, съ его всадниками и амазонками, изъ того избраннаго круга, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга по имени и фамиліи, гдѣ извѣстны родство, титулы, достоинства, пороки каждаго, точно эти люди жили всѣ въ одной части города или въ одномъ какомъ нибудь маленькомъ городкѣ.

— Вы часто бываете здѣсь?—спросила она.

— Очень часто; прелестнѣй этого мѣста нѣтъ ничего въ Парижѣ.

— Вы ѣздите верхомъ по утрамъ?

— Конечно.

— А днемъ дѣлаете визиты?

— Да.

— Когда же вы работаете, наконецъ?

— Работаю — иногда; къ тому же я избралъ себѣ спеціальность по вкусу! Такъ какъ я портретистъ и рисую красивыхъ женщинъ, то мнѣ необходимо ихъ видѣть и слѣдовать иногда за ними всюду.

Она проговорила все еще серьезно:

— И пѣшкомъ, и верхомъ?

Онъ искоса бросилъ на нее довольный взглядъ, который, казалось, говорилъ:

„Ну, ну, уже и умъ; да ты будешь не изъ послѣднихъ".

Пахнуло холодомъ, издалека, съ простора полей, едва еще пробудившихся къ жизни, и весь лѣсъ вздрогнулъ,— этотъ кокетливый, зябкій, суетный лѣсъ.

И нѣсколько секундъ дрожали отъ этого холода и слабенькіе листья на деревьяхъ, и ткани одежды на плечахъ. Всѣ женщины почти одинаковымъ движеніемъ натянули на плечи верхнія платья, свалившіяся за спину, и укутались плотнѣе; лошади бѣжали рысью съ одного конца аллеи на другой, точно пахнувшій рѣзкій вѣтеръ подогналъ ихъ своимъ прикосновеніемъ.

Скоро стали разъѣзжаться подъ серебристые звуки качавшихся цѣпочекъ на удилахъ, подъ цѣлымъ потокомъ косыхъ, красныхъ лучей заходящаго солнца.

— Вы развѣ домой?—сказала графиня художнику. Всѣ его привычки были ей хорошо извѣстны.

— Нѣтъ, я въ клубъ.

— Значитъ, мы васъ высадимъ, когда поѣдемъ мимо.

— Отлично, очень вамъ благодаренъ.

— А когда же вы насъ съ герцогиней приглашаете на завтракъ?

— Назначьте сами день.

Этотъ привеллегированный художникъ парижанокъ, котораго поклонники называли „реалистическимъ Вато", а злые языки „фотографомъ женскихъ платьевъ и накидокъ", часто принималъ у себя, то за завтракомъ, то за обѣдомъ, красивыхъ женщинъ, черты которыхъ онъ воспроизвелъ на полотнѣ, а также и многихъ другихъ извѣстныхъ и знаменитыхъ дамъ; ихъ очень забавляли эти пирушки въ отелѣ холостяка.

— Послѣ завтра! Удобно вамъ послѣ завтра, дорогая герцогиня?—спросила г-жа Гилльруа.

— Да; вы очаровательны! Мсье Бертенъ никогда не думаетъ обо мнѣ въ такихъ случаяхъ. Сейчасъ видно, что я уже не молода.

Графиня, привыкшая считать домъ художника какъ бы своимъ, возразила:

— Только мы четверо, что здѣсь въ ландо. Герцогиня, Анета, я и вы, не правда ли, великій художникъ?

— Только мы,—сказалъ онъ, выходя изъ экипажа,—я закажу вамъ раковъ *à l'alsacienne*.

— О! вы совсѣмъ избалуете мою дѣвочку.

Онъ раскланивался, стоя у дверцы, потомъ быстро вошелъ въ прихожую главнаго входа клуба, бросилъ пальто и палку цѣлой ватагѣ лакеевъ, вытянувшихся передъ нимъ, какъ солдаты, передъ офицеромъ, затѣмъ взошелъ по широкой лѣстницѣ, миновалъ другую бригаду лакеевъ въ короткихъ штанахъ, толкнулъ дверь и вдругъ почувствовалъ рѣзвость юноши, услыхавъ въ концѣ корридора непрерывный шумъ отъ ударовъ рапиръ, топотъ ногъ и громкіе возгласы. Задѣтъ.—Мнѣ.—Мимо.—Имѣю.—Задѣтъ.—Вамъ.

Въ фехтовальномъ залѣ борцы въ костюмѣ изъ сѣраго полотна, въ кожаныхъ камзолахъ, въ панталонахъ, схваченныхъ у щиколодки,—на животѣ что-то вродѣ передника,—съ быстротой и гибкостью маріонетокъ наклонялись впередъ и снова выпрямлялись, поднявъ одну руку въ воздухъ и согнувъ ее въ кисти, а въ другой—отъ перчатки она казалась огромной—держа тонкую, гибкую рапиру. Нѣкоторые отдыхали, разговаривали, все еще запыхавшіеся, красные, въ поту, съ платкомъ въ рукахъ, чѣмъ вытирать лобъ и шею; другіе сидѣли на диванѣ, идущемъ вокругъ всей залы, и смотрѣли на состязанія. Ливерди выступалъ

противъ Ланда, а владѣлецъ клуба, Тальядъ, противъ великаго Рокдіана.

Бертенъ съ улыбкой, чувствуя себя какъ дома, пожималъ всѣмъ руки.

— Я съ вами,—крикнулъ ему баронъ де Бавери.

— Къ вашимъ услугамъ, милѣйшій.

И онъ прошелъ въ уборную переодѣться.

Давно онъ не чувствовалъ въ себѣ такой легкости и силы и, предугадывая заранѣе удачную партію, спѣшилъ, какъ спѣшитъ нетерпѣливый школьникъ на игру. Очутившись передъ противникомъ, онъ съ жаромъ напалъ на него въ десять минутъ нанесъ одиннадцать ударовъ и до такой степени утомилъ его, что баронъ запросилъ пощады. Потомъ онъ сразился съ Пюизимономъ и своимъ товарищемъ Амори Мальданомъ.

Холодный душъ, оледенивъ его пылающее тѣло, напомнилъ ему купанье въ двадцать лѣтъ, когда онъ въ глухую осень нырялъ, бросаясь съ высоты мостовъ прямо въ Сену головой, на удивленіе пригородныхъ буржуа.

— Ты здѣсь обѣдаешь?—спросилъ его Мальданъ.

— Да.

— Мы обѣдаемъ съ Ливерди, Рокдіаномъ и Ланда; торопись, уже четверть восьмого.

Столовая гудѣла полна народу.

Тутъ собрались всѣ полуночные скитальцы Парижа, и праздные, и занятые, всѣ тѣ, которые съ семи часовъ вечера не знаютъ, что дѣлать, и обѣдаютъ въ клубѣ, чтобы, уловивъ какую-нибудь случайную встрѣчу, прицѣпиться къ кому-нибудь или къ чему-нибудь.

Когда пятеро друзей усѣлись за столъ, банкиръ Ливерди, сорока-лѣтній приземистый крѣпышъ, сказалъ Бертену:

Вы сегодня совсѣмъ какой-то отчаянный.

Художникъ отвѣтилъ:—Да, сегодня я могъ-бы продѣлать изумительныя вещи.

Другіе улыбнулись, а пейзажистъ Амори Мальданъ—маленькій худощавый человѣчекъ, лысый, съ сѣдой бородой, лукаво замѣтилъ:

— Я также чувствую притокъ жизненныхъ соковъ, въ апрѣлѣ; они извлекаютъ изъ меня нѣсколько листьевъ, такъ съ полъ-дюжины, самое большее, и затѣмъ переливаются въ чувства; плодовъ никогда не бываетъ.

Маркизъ Рокдіанъ и графъ Ланда пожалѣли его. Оба они были старше Мальдана, но самый опытный взглядъ не могъ бы опредѣлить ихъ возраста. Поклонники клубовъ, лошадей и шпагъ, они постоянными упражненіями выработали себѣ стальные мускулы и хвастались тѣмъ, что во всѣхъ отношеніяхъ моложе разслабленныхъ шелопаевъ новаго поколѣнія. Рокдіанъ, человѣкъ хорошаго происхожденія, посѣщалъ всѣ салоны, но подозрѣвался въ нечистыхъ денежныхъ дѣлахъ разнаго свойства, что совсѣмъ было неудивительно, по словамъ Бертена, послѣ стольхихъ шатаній по игорнымъ домамъ. Онъ былъ женатъ, но въ разводѣ, получалъ отъ жены содержаніе, имѣлъ мѣсто въ администраціяхъ бельгійскаго и португальскаго банка, и гордо носилъ на всей своей энергичной фигурѣ Донъ-Кихота нѣсколько поблекшую честь джентльмена на всѣ руки, омывая ее время отъ времени кровью уколовъ на дуэли.

Графъ Ланда, настоящій колоссъ, гордился своимъ ростомъ и плечами; будучи женатъ, имѣя двухъ дѣтей, онъ съ большимъ трудомъ могъ принудить себя обѣдать дома три раза въ недѣлю; остальные же дни, послѣ упражненій въ фектовальномъ залѣ, оставался въ клубѣ съ своими друзьями.

— Клубъ это семья,—говорилъ онъ,—семья для тѣхъ,

кто не имѣетъ еще своей, кто никогда не будутъ ее имѣть и для тѣхъ, кто скучаетъ въ своей.

Разговоръ коснулся женщинъ. Посыпались анекдоты, разныя воспоминанія, перешедшія въ хвастовство и наконецъ въ нескромныя изліянія.

Маркизъ Рокдіанъ намекалъ довольно ясно, кто были его любовницы, все женщины высшаго общества, но не называлъ фамилій, чтобы легче было догадаться. Банкиръ Ливерди называлъ своихъ по именамъ. Онъ разсказывалъ: „Въ это время я былъ близокъ съ женою дипломата. Однажды вечеромъ, уходя отъ нея, я сказалъ: Маргариточка... Онъ остановился,—всѣ улыбались, затѣмъ продолжалъ: Гмъ! я, кажется проговорился. Слѣдовало бы принять за правило называть всѣхъ женщинъ Софи.

Когда же обращались съ вопросами къ Оливье Бертену, онъ обыкновенно очень сдержанно заявлялъ:

— Я? Я довольствуюсь своими моделями.

Всѣ дѣлали видъ, что вѣрятъ ему, а Ланда, простой уличный волокита, такъ и таялъ при мысли о томъ, сколько лакомыхъ кусочковъ бродятъ по мостовой и какія молоденькія хорошенькія женщины позируютъ передъ художникомъ голыя за десять франковъ въ часъ.

По мѣрѣ опоражниванія бутылокъ, всѣ эти сѣдовласые мужи, какъ называли ихъ молодые посѣтители клуба, съ раскраснѣвшимися лицами, воспламенялись подъ напоромъ разогрѣтыхъ желаній и взбудораженныхъ страстей.

Послѣ кофе Рокдіанъ впадалъ въ нескромныя изліянія, болѣе правдоподобнаго характера; свѣтскихъ женщинъ забывалъ и начиналъ восхвалять простыхъ кокотокъ.

-- Парижъ,—говорилъ онъ, держа рюмку кюммеля въ рукахъ,—единственный городъ, гдѣ мужчина не старится, единственный городъ, гдѣ онъ всегда найдетъ себѣ любовь

восемнадцатилѣтней дѣвочки, хорошенькой, какъ ангелъ,— всегда, если только онъ крѣпокъ и хорошо сохранился.

Послѣ ликеровъ къ Рокдіану присоединялся Ланда и восторженно поддерживалъ его. Онъ перечислялъ всѣхъ дѣвочекъ, которыя и теперь еще сходили по немъ съ ума.

— Ну, да; это онѣ говорятъ, что сходятъ по васъ съ ума,—проговорилъ Ливерди, болѣе скептически относившійся къ дѣлу; онъ имѣлъ претензію на болѣе точную оцѣнку женщинъ.

— Онѣ мнѣ доказываютъ это, любезный, — отвѣтилъ Ланда.

— Эти доказательства не идутъ въ счетъ.

— Мнѣ этого достаточно.

— Но онѣ сами это думаютъ, чортъ возьми! — кричалъ Рокдіанъ.—Неужели вы полагаете, что какая-нибудь двадцатилѣтняя потаскушка, которая, лѣтъ пять уже или шесть, какъ начала кутить, и притомъ въ Парижѣ, гдѣ мы всѣ своими усами испортили ей смыслъ поцѣлуя, можетъ еще дѣлать различіе между тридцатилѣтнимъ мужчиной и шестидесятилѣтнимъ? Полноте! Какіе пустяки! Она слишкомъ много видала видовъ для этого, слишкомъ много знаетъ. Да я готовъ пари держать, что она въ глубинѣ сердца больше любитъ, любитъ дѣйствительно, стараго банкира, чѣмъ молодого франтика. Развѣ она понимаетъ, развѣ она думаетъ объ этомъ? Развѣ мужчины имѣютъ тутъ опредѣленный какой-нибудь возрастъ? Э, голубчики, мы съ сѣдиной молодѣемъ, и чѣмъ больше сѣдѣемъ, тѣмъ больше говорятъ намъ, что насъ любятъ, тѣмъ больше доказываютъ свою любовь и тѣмъ больше вѣрятъ въ нее.

Воспламененные и взбудораженные алкоголемъ, они встали изъ-за стола, готовые пуститься въ погоню за всякими побѣдами, и начали разсуждать о томъ, какъ провести ве-

черъ. Бертенъ стоялъ за циркъ, Рокдіанъ за Гипподромъ, Мальданъ за Эдемъ, Ланда за Фоли-Бержеръ. Вдругъ къ нимъ долетѣлъ издалека легкій звукъ настраиваемыхъ скрипокъ.

— А! Сегодня, значитъ, музыка въ клубѣ, — сказалъ Рокдіанъ.

— Да,—отвѣчалъ Бертенъ.—А что, если намъ посидѣть тамъ минутъ десять передъ уходомъ?

— Идемъ.

Они прошли черезъ гостиную, бильярдную, черезъ игорный залъ и вошли въ комнату, вродѣ ложи, выступающую надъ галлереей музыкантовъ. Тутъ, развалившись въ креслахъ со средоточеннымъ видомъ дожидались уже четверо какихъ-то господъ. Внизу, среди пустыхъ рядовъ стульевъ, кто сидя, кто стоя, разговаривали еще человѣкъ десять.

Капельмейстеръ отрывисто постучалъ смычкомъ по пюпитру. Музыка началась.

Оливье Бертенъ страстно любилъ музыку, какъ любятъ опіумъ. Она вызывала у него мечтательность.

Лишь только звучныя волны инструментовъ коснулись его, какъ онъ почувствовалъ, что уносится въ какомъ-то нервномъ опьяненіи, потрясавшемъ до невѣроятія его тѣло и душу. Опьяненное мелодіей воображеніе безумно разыгрывалось среди пріятныхъ грезъ и нѣжныхъ мечтаній. Закрывъ глаза, положивъ нога на ногу и безсильно уронивъ руки, онъ прислушивался къ звукамъ и слѣдилъ за видѣніями, которыя проносились передъ его глазами и въ умѣ.

Оркестръ игралъ симфонію Гайдна. Лишь только художникъ опустилъ вѣки, какъ сейчасъ же передъ нимъ предсталъ лѣсъ, масса экипажей кругомъ и напротивъ него, въ ландо, графиня съ дочерью. Онъ слышалъ ихъ голоса, слѣдилъ за ихъ разговоромъ, чувствовалъ движеніе эки-

пажа, вдыхалъ въ себя воздухъ, напоенный запахомъ листьевъ.

Три раза сосѣдъ прерывалъ его видѣніе своимъ разговоромъ и три раза оно повторялось вновь, какъ повторяется на покойной кровати качка послѣ морского путешествія.

Потомъ видѣніе расплылось и потянулось куда-то далеко, далеко; но художникъ постоянно видѣлъ передъ собой обѣихъ женщинъ то въ вагонѣ желѣзной дороги, то за столомъ въ отелѣ. Онѣ неотлучно сопровождали его все время, пока играла музыка, точно на прогулкѣ въ этотъ солнечный день лица ихъ запечатлѣлись въ глубинѣ его глазъ.

Тишина, затѣмъ шумъ отодвигаемыхъ стульевъ и голоса разогнали туманъ его видѣній, и онъ увидалъ своихъ четырехъ дремлющихъ пріятелей въ наивныхъ позахъ вниманія, перешедшаго въ сонъ.

Онъ разбудилъ ихъ.

— Ну! Что жъ мы теперь будемъ дѣлать?—сказалъ онъ.

— Мнѣ хотѣлось бы поспать здѣсь еще немного,—откровенно сознался Рокдіанъ.

— И мнѣ тоже,—сказалъ Ланда.

Бертенъ поднялся съ мѣста.

— Ну, а я домой; я немножко усталъ...

Онъ чувствовалъ, напротивъ, большое оживленіе, но хотѣлъ уйти, изъ боязни, чтобы вечеръ не закончился за столомъ баккара въ клубѣ,—какъ это хорошо было ему знакомо.

И онъ ушелъ домой. На другой день, послѣ нервно-проведенной ночи, одной изъ тѣхъ ночей, когда художники впадаютъ въ особое состояніе мозговой дѣятельности, окрещенное вдохновеніемъ, онъ рѣшилъ не выходить никуда и работать до самаго вечера.

Превосходный выдался день! Одинъ изъ тѣхъ легкихъ, плодотворныхъ дней, когда мысль какъ-бы переливается въ пальцы и сама фиксируется на холстѣ.

Запершись у себя въ отелѣ, закрытомъ для всѣхъ, въ тиши и спокойствіи мастерской, съ яснымъ взглядомъ и яснымъ умомъ, живой, возбужденный, онъ испытывалъ счастье, данное однимъ только художникамъ,—творить свои произведенія съ легкимъ, веселымъ сердцемъ. Въ такіе часы работы ничто не существовало для него, кромѣ куска холста, на которомъ рождался образъ, вызванный ласковыми штрихами его кисти. Во время такихъ припадковъ плодовитости онъ испытывалъ какое-то необыкновенное и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошее ощущеніе полноты жизни, чувствовалъ, какъ упоенная жизнь разливается всюду. Къ вечеру его сломило, какъ это бываетъ послѣ здоровой усталости, и онъ легъ спать съ пріятной мыслью о завтракѣ на другой день.

Столъ былъ убранъ цвѣтами, меню тщательно составлено для утонченной лакомки, г-жи Гилльруа.

Не смотря на очень энергическое, но короткое сопротивленіе, художникъ принудилъ своихъ гостей выпить шампанскаго.

— Моя дѣвочка будетъ пьяна,—сказала графиня.

— Боже мой! Надо же когда-нибудь начинать,—отвѣтила снисходительная герцогиня.

По возвращеніи въ мастерскую, всѣ были слегка возбуждены, испытывая то радостное чувство, которое такъ и поднимаетъ человѣка, точно у него выросли на ногахъ крылья.

У герцогини съ графиней было засѣданіе въ комитетѣ Французскихъ Матерей, поэтому передъ тѣмъ, какъ отправиться въ Общество, имъ надо было отвезти молодую дѣ-

вушку домой. Бертенъ предложилъ пройтись съ ней пѣшкомъ и провести ее домой черезъ бульваръ Мальзербъ. Они вышли вдвоемъ.

— Выберемъ дорогу подлиннѣй, — сказала молодая дѣвушка.

— Хочешь, походимъ по парку Монсо? Очень миленькое мѣстечко; посмотримъ на ребятишекъ и кормилицъ.

— Конечно, хочу.

Они вошли въ паркъ изъ аллеи Веласкесъ, минуя золотую, монументальную рѣшотку, которая служитъ вывѣской и входомъ этому изящному, какъ игрушечка, парку, разстилающему посреди самого Парижа свою искусственную, зеленую грацію и опоясанному со всѣхъ сторонъ княжескими отелями.

Въ широкихъ аллеяхъ, правильно разбитыхъ среди древесной чащи и лужаекъ, масса народу, мужчинъ и женщинъ, сидя на желѣзныхъ стульяхъ, смотрятъ на прохожихъ. На узенькихъ тѣнистыхъ дорожкахъ, вьющихся, какъ ручейки, куча дѣтей подъ безстрастнымъ присмотромъ кормилицъ или на глазахъ безпокойныхъ матерей копошатся въ пескѣ, бѣгаютъ, прыгаютъ черезъ веревочку. Огромныя деревья, куполообразно округленныя, какъ монументы изъ листьевъ, исполинскіе каштаны съ тяжелой зеленью, окропленной красными или бѣлыми кистями, изящные сикоморы, декоративные платаны съ замысловато изогнутыми стволами плѣнительными перспективами украшаютъ большіе волнистые газоны.

Жарко. Горлицы воркуютъ въ листьяхъ деревьевъ, перелетая съ верхушки на верхушку. Воробьи купаются въ радугѣ, загорающейся отъ солнца въ мелкой пыли воды, которой поливаютъ мягкую траву. Среди свѣжей зелени бѣлыя статуи смотрятъ счастливыми съ своихъ пьедеста-

ловъ. Мраморный мальчикъ вытаскиваетъ занозу изъ ноги и никакъ не можетъ найти ее; онъ точно сейчасъ только занозился, гонясь за Діаной, которая бѣжитъ вонъ туда къ небольшому озеру посреди рощи, гдѣ пріютились развалины храма.

Другія статуи, нѣжныя и холодныя, цѣлуются у опушки древесной чащи или мечтаютъ, обхвативъ руками колѣно. По красивымъ утесамъ льется пѣнистый водопадъ. Дерева, обрѣзанныя въ видѣ колонны, обвиваетъ плющъ; чей-то надгробный памятникъ, и на немъ надпись. Каменныя колонны, воздвигнутыя на газонахъ, такъ же мало напоминаютъ Акрополь, какъ мало напоминаетъ дикій лѣсъ этотъ крошечный паркъ.

Это искусственный, прелестный уголокъ, куда городскіе жители приходятъ смотрѣть на цвѣты, выращенные въ оранжереяхъ, и любоваться, какъ любуются зрѣлищемъ жизни въ театрѣ, чуднымъ представленіемъ, которое даетъ имъ, посреди самаго Парижа, прекрасная природа.

Оливье Бертенъ съ давнихъ лѣтъ чуть не каждый день ходилъ сюда, въ это излюбленное мѣсто смотрѣть на парижанокъ; тутъ онѣ въ настоящей своей рамкѣ. „Этотъ паркъ созданъ для туалетовъ“, говорилъ онъ, „кто плохо одѣтъ, на того ужасно смотрѣть“. И онъ бродилъ тутъ по цѣлымъ часамъ, изучилъ всѣ растенія, зналъ всѣхъ обычныхъ посѣтителей.

Онъ ходилъ съ Анетой по аллеямъ, разсѣянно погруженный въ пеструю, подвижную жизнь сада.

— О, прелесть!—вскричала она.

Она смотрѣла на маленькаго мальчика съ бѣлокурыми кудрями, который съ удивленіемъ, восторженно уставилъ на нее свои голубые глаза.

Она пересмотрѣла затѣмъ поочереди всѣхъ дѣтей; удо-

вольствіе, которое доставляли ей эти живыя куклы въ лентахъ, вызывало ее на болтливость, дѣлало сообщительной.

Она шла мелкими шажками, сообщая Вертену свои замѣчанія, свои соображенія по поводу дѣтей, кормилицъ, матерей. Полненькія дѣти вызывали у нея крики радости, блѣдныя—возбуждали жалость.

Онъ слушалъ ее; но его больше занимала она сама, чѣмъ дѣти, и, не позабывая о живописи, онъ говорилъ: „Прелесть!“ думая въ это время о томъ, какую прелестную картину онъ нарисуетъ: уголокъ парка и цѣлый букетъ кормилицъ, матерей и дѣтей. Какъ это ему не приходило въ голову раньше?

— Ты любишь этихъ сорванцовъ?—сказалъ онъ.

— Обожаю.

Видя, какъ она на нихъ смотритъ, онъ чувствовалъ, что ей хочется взять ихъ, поцѣловать, повертѣть въ рукахъ, что въ ней говоритъ реальная, нѣжная потребность будущей матери, и удивлялся этому таинственному инстинкту, вложенному въ тѣло женщины.

Такъ какъ она была расположена говорить, то онъ сталъ разспрашивать о ея вкусахъ. Она призналась, очень наивно и мило, что питаетъ надежду на успѣхъ и славу въ свѣтѣ, хочетъ имѣть хорошихъ лошадей, а въ нихъ она знала толкъ не хуже, пожалуй, любого барышника, потому что часть фермъ въ Ронсьерахъ была отведена скотоводству. О женихѣ она заботилась не больше, чѣмъ о квартирѣ, которую всегда можно найти: столько ихъ отдается.

Они подошли къ озеру; по нему тихо плыли два лебедя и шесть утокъ, чистенькіе, спокойные, точно фарфоровые. Прошли мимо молодой женщины; она сидѣла на стулѣ, и на колѣняхъ у нея лежала раскрытая книга; глаза ея устремлены впередъ; душа унеслась въ мечтахъ.

Она сидѣла неподвижно, точно восковая фигура. Некрасивая, скромная, просто одѣтая безъ всякой претензіи нравиться, быть можетъ, учительница, она перенеслась въ міръ грезъ, тронутая какой-нибудь фразой или какимъ-нибудь словомъ, околдовавшимъ ея сердце. Подъ наплывомъ своихъ надеждъ она продолжала, безъ сомнѣнія, развивать дальше начатое въ книгѣ приключеніе.

Бертенъ остановился, удивленный.

— Хорошо такъ унестись,—сказалъ онъ.

Они прошли мимо нея, вернулись назадъ, еще разъ прошли, но она ихъ не замѣтила, отдавъ всецѣло свое вниманіе далекому полету мысли.

— Послушай, крошка,—сказалъ художникъ Анетѣ,—тебѣ ничего разокъ-другой придти ко мнѣ позировать? Не противно тебѣ это?

— Нисколько; напротивъ.

— Посмотри хорошенько на эту барышню, которая унеслась въ мечтахъ.

— Вонъ та, на стулѣ?

— Да. Ну, вотъ, ты такъ же сядешь на стулъ, раскроешь книгу на колѣняхъ и постараешься сдѣлать то же, что она дѣлаетъ. Приходилось ли тебѣ когда-нибудь грезить на яву?

— Конечно, приходилось.

— О чемъ?

И онъ пытался вывѣдать у нея о ея прогулкахъ въ міръ грезъ; но она не желала отвѣчать, отклоняла вопросы, смотрѣла, какъ утки плывутъ за хлѣбомъ, который имъ бросала какая-то дама, и повидимому стѣснялась, точно онъ затронулъ въ ней что-то чувствительное.

Чтобы перемѣнить разговоръ, она стала разсказывать о своей жизни въ Ронсьерахъ, разсказывала о бабушкѣ, ко-

торой читала каждый день подолгу вслухъ, говорила, что она теперь тамъ одна и очень, должно быть, скучаетъ.

Художникъ слушалъ ее, и ему становилось весело, какъ птицѣ, такъ весело, какъ никогда не бывало. Все, что она ему разсказывала, всѣ мелкія, самыя пустыя, ничтожныя, подробности этой простой, дѣтской жизни интересовали и занимали его.

— Сядемъ,—сказалъ онъ.

Они сѣли у воды. Оба лебедя подплыли къ нимъ въ надеждѣ на подачку.

Бертенъ чувствовалъ, что въ немъ просыпаются воспоминанія,—исчезнувшія, потонувшія въ забвеніи воспоминанія, которыя вдругъ, неизвѣстно почему, являются вновь. Они быстро всплывали на поверхность, самыя разнообразныя и притомъ въ такомъ количествѣ, что онъ испытывалъ ощущеніе, будто чья-то рука взмутила осадки его памяти.

Онъ доискивался, отчего это происходитъ, отчего закипаетъ вновь и бурлитъ прежняя жизнь, что не разъ онъ уже испытывалъ и замѣчалъ, хотя не въ такой сильной степени, какъ сегодня. Всегда была какая-нибудь причина этимъ внезапнымъ воспоминаніямъ реальная, простая причина, нерѣдко какой-нибудь запахъ, ароматъ. Сколько разъ какое-нибудь женское платье бросало ему мимоходомъ вмѣстѣ съ ароматомъ духовъ цѣлую кучу воспоминаній исчезнувшихъ событій! На днѣ старыхъ туалетныхъ флаконовъ онъ находилъ также нерѣдко частички своего существованія. Всѣ мимолетные запахи,—улицъ, полей, домовъ, мебели,—пріятные и дурные, жгучіе въ лѣтніе вечера, холодные въ зимніе, всегда воскрешали въ немъ самые отдаленные отклики, точно хранили въ себѣ набальзамированное умершее, подобно тому, какъ сохраняются муміи въ своихъ ароматахъ.

Что это? Мокрая трава или цвѣты каштановъ воскреша-

ли прошедшее? Нѣтъ. Такъ что же? Зрѣнію что ли своему обязанъ онъ этой тревогой? Что онъ видѣлъ? Ничего. Изъ встрѣченныхъ имъ лицъ, можетъ быть, одно какое-нибудь напоминало знакомыя когда-то черты и, хотя онъ не узналъ его, все-таки потрясло въ его сердцѣ всѣ струны прошлаго.

Можетъ быть, скорѣе звукъ какой-нибудь? Нерѣдко, случайно услышанное фортепіано, незнакомый голосъ чей-нибудь, даже шарманка, разыгрывающая на площади старомодную арію, вдругъ дѣлали его моложе на двадцать лѣтъ, и позабытыя умиленія снова подымали ему грудь.

Но призывъ къ прошлому не умолкалъ, безостановочный, неуловимый, почти раздражающій призывъ. Что такое около него, отчего воскресаютъ угасшія волненія?

— Немножко свѣжо,—сказалъ онъ,—пойдемъ.

Они встали и принялись опять ходить.

Разсматривали сидящихъ на скамейкахъ бѣдняковъ, для которыхъ стулъ былъ непосильной тратой денегъ.

Теперь и Анета разсматривала ихъ, съ безпокойствомъ разспрашивая о ихъ жизни, профессіи. Ее удивляло, какъ это рѣшаются они показываться въ такомъ прекрасномъ общественномъ саду, имѣя такой жалкій видъ.

А Оливье все дальше и больше забирался въ прошлое. Ему казалось, что надъ головой его словно жужжитъ какая-то муха, жужжитъ и застилаетъ ему уши смутнымъ отголоскомъ минувшихъ дней.

Видя его задумчивость, дѣвушка спросила:

— Что съ вами? Вы какъ будто печальны.

И онъ вздрогнулъ до глубины души. Кто это говоритъ? Она или мать ея? Только это не теперешній голосъ матери, а прежній, измѣнившійся до такой степени, что онъ только сейчасъ узналъ его.

— Со мной ничего,—отвѣтилъ онъ съ улыбкой.—Ты меня забавляешь; ты очень милая; напоминаешь свою маму.

Какъ онъ раньше не замѣтилъ этого удивительнаго эхо, этого отголоска рѣчи, такъ хорошо когда-то знакомой и теперь выходящей изъ новыхъ устъ.

— Поговори еще,--сказалъ онъ.

— О чемъ?

— Скажи, чему тебя обучали твои учительницы. Ты любила ихъ?

Она принялась болтать.

И онъ прислушивался, охваченный усиливающимся волненіемъ, подстерегалъ, выжидалъ среди фразъ этой дѣвочки, почти чуждой его душѣ, какое-нибудь слово, звукъ, смѣхъ, точно оставшіеся у нея въ груди съ тѣхъ поръ, когда была молода ея мать. Разумѣется, въ ихъ говорѣ были различія, такія, что онъ не тотчасъ даже могъ замѣтить сходство и нерѣдко вовсе не смѣшивалъ ихъ; но это различіе только поразительно усиливало внезапныя проявленія материнскаго говора. До сихъ поръ онъ дружескими, любопытными глазами смотрѣлъ на сходство ихъ лицъ; но вотъ тайна этого воскресшаго вновь голоса до того спутала ихъ, что, отвернувшись отъ дѣвушки, чтобы не видать ее, онъ спрашивалъ себя иногда, ужъ не графиня ли это, говорившая съ нимъ такимъ голосомъ двѣнадцать лѣтъ назадъ.

И когда, обманутой этими звуками, онъ оборачивался къ ней, то испытывалъ вновь, встрѣчаясь съ ней глазами, что-то вродѣ легкаго обморока, какъ тогда, отъ взгляда матери въ первыя времена ихъ нѣжности.

Они три раза уже обошли паркъ, проходя мимо однихъ и тѣхъ же лицъ, однѣхъ и тѣхъ же кормилицъ, однихъ и тѣхъ же дѣтей.

Теперь Анета разсматривала дома, окружавшіе садъ, и разспрашивала, кто въ нихъ живетъ.

Ей хотѣлось все знать объ этихъ людяхъ; она съ любопытствомъ и жадностью разспрашивала обо всемъ, точно хотѣла завалить свѣдѣніями свою женскую головку, и, вся сіяя, слушала съ большимъ интересомъ и ушами, и глазами.

Когда они подошли къ бесѣдкѣ, между двухъ воротъ, выходившихъ на наружный бульваръ, Бертенъ замѣтилъ, что скоро четыре часа.

— О, пора домой,—сказалъ онъ.

И они потихоньку выбрались на бульваръ Мальзербъ.

Разставшись съ молодой дѣвушкой, художникъ вышелъ на площадь Согласія, собираясь идти къ кому-то на другой берегъ Сены.

Онъ напѣвалъ что-то, ему хотѣлось побѣжать; съ удовольствіемъ сталъ бы онъ теперь прыгать черезъ скамейки, до того онъ чувствовалъ себя подвижнымъ. Парижъ никогда не казался ему такимъ красивымъ, сіяющимъ. „Весна положительно обновляетъ всѣхъ“, думалъ онъ.

Онъ переживалъ тѣ минуты, когда возбужденный мозгъ обнимаетъ все съ бо́льшимъ удовольствіемъ, когда глаза видятъ лучше, дѣлаются какъ бы воспріимчивѣе, яснѣе, когда зрѣніе и чувствованіе доставляютъ больше радости, точно какая-то всемогущая рука освѣжила всѣ краски земныя, оживила все, что движется, и подобно тому, какъ пускаютъ въ ходъ остановившіеся часы, дала толчокъ дѣятельности чувствъ.

Ловя глазами тысячи интересныхъ предметовъ, онъ думалъ: „И бываютъ же минуты, когда я не нахожу сюжетовъ для картинъ!“

И онъ почувствовалъ въ себѣ такую свободу и дальновидность ума, что вся его художественная дѣятельность по-

казалась ему банальной. Онъ придумалъ теперь новую, болѣе правдивую, болѣе оригинальную манеру изображать жизнь. И вдругъ имъ овладѣло желаніе пойти домой и работать; онъ вернулся назадъ и заперся у себя въ мастерской.

Но какъ только онъ очутился одинъ передъ начатымъ холстомъ, жаръ, волновавшій его кровь, угасъ. Онъ почувствовалъ усталость, сѣлъ на диванъ и принялся опять мечтать.

То состояніе счастливаго равнодушія, въ которомъ онъ жилъ, беззаботность довольнаго человѣка, потребности котораго почти всѣ удовлетворены, понемногу покидало его душу, точно ему чего-то не доставало. Онъ почувствовалъ пустоту въ домѣ; мастерская показалась ему пустыней. Онъ осматривался кругомъ, и ему почудилась тѣнь женщины, присутствіе которой было ему мило. Давно уже забылъ онъ, что значитъ нетерпѣніе влюбленнаго, ожидающаго свою возлюбленную, и вотъ вдругъ онъ почувствовалъ, что она далеко отъ него; у него явилось желаніе, раздражительное, какъ у молодого человѣка, видѣть ее тутъ, возлѣ себя.

Онъ приходилъ въ умиленіе, при мысли о томъ, какъ они любили другъ друга. Въ этомъ обширномъ помѣщеніи, куда она такъ часто приходила, безчисленное множество предметовъ напоминало о ней, напоминало ея жесты, слова, поцѣлуи. Онъ припоминалъ нѣкоторые дни, нѣкоторые часы, минуты, чувствовалъ на себѣ прикосновеніе ея прежнихъ ласкъ.

Онъ не могъ больше оставаться на одномъ мѣстѣ, всталъ и принялся ходить; и опять у него явилась мысль, что онъ все-таки одинъ, вѣчно одинъ, не смотря на полноту, которую внесла въ его жизнь эта связь. Бросая взглядъ кругомъ послѣ долгихъ часовъ занятія, пробудившись къ жизни и не придя еще въ себя, онъ ничего не видѣлъ и не чув-

ствовалъ, кромѣ однихъ стѣнъ къ своимъ услугамъ. Не имѣя женщины у себя въ домѣ, встрѣчаясь съ той, которую любилъ, украдкой, съ большими предосторожностями, онъ принужденъ былъ проводить свободные часы въ общественныхъ мѣстахъ всякаго рода, гдѣ можно найти, купить, наконецъ, какое-нибудь средство убить время. Въ опредѣленные дни онъ имѣлъ обыкновеніе бывать въ клубѣ, бывалъ въ циркѣ, гипподромѣ, въ Оперѣ, бывалъ по немногу вездѣ, лишь бы только не сидѣть дома, гдѣ бы онъ съ радостью, разумѣется, остался, еслибъ *она* была съ нимъ.

Въ прежнія времена на него нападали безумные приливы нѣжности; въ такія минуты онъ жестоко страдалъ, не имѣя возможности взять и оставить ее у себя.

Потомъ пылъ его угасъ, и онъ безпрекословно принялъ разлуку и свою свободу; теперь онъ опять начиналъ жалѣть о томъ, точно любовь его повторилась съизнова.

И этотъ возвратъ нѣжности охватилъ его внезапно, быстро, почти безъ всякой причины, только потому, что на улицѣ было хорошо и, можетъ быть, потому еще, что онъ узналъ сейчасъ помолодѣвшій голосъ той женщины. Какъ мало нужно для того, чтобы взволновать сердце человѣка, человѣка, приближающагося уже къ старости, воспоминанія котораго переходятъ въ грусть!

И по прежнему явилась у него потребность видѣть ее; эта потребность, какъ лихорадка, вступила въ его тѣло и душу, и онъ сталъ думать о ней, какъ думаютъ молодые влюбленные, превозносилъ ее въ душѣ, самъ приходилъ въ экстазъ и все больше и больше желалъ ее видѣть. Потомъ рѣшилъ идти къ ней въ тотъ же день вечеромъ, пить чай, не смотря на то, что видѣлся съ ней утромъ.

Часы тянулись для него медленно. Выйдя изъ дому, онъ направился къ бульвару Мальзербъ, и вдругъ на него на-

палъ ужасный страхъ: что, если онъ ее не застанетъ? что, если ему опять придется провести вечеръ одному, какихъ вечеровъ, впрочемъ, онъ уже провелъ не мало.

На его вопросъ: „Дома ли графиня?“ лакей отвѣчалъ: „Дома“, и онъ обрадовался.

— Это все я же,—сказалъ онъ, сіяющій, появляясь на порогѣ маленькой гостиной гдѣ обѣ женщины работали у лампы съ розовымъ абажуромъ, съ двойной горѣлкой изъ британскаго металла, на высокой, тонкой подставкѣ.

— Какъ! Это вы! Какое счастье!—вскричала графиня.

— Да, почувствовалъ одиночество и пришелъ.

— Какъ это мило!

— Вы ждете кого-нибудь?

— Нѣтъ.... можетъ быть.... кто знаетъ.

Онъ сѣлъ и съ презрѣніемъ взглянулъ на вязанье изъ грубой сѣрой шерсти, на длинныхъ деревянныхъ спицахъ, быстро мелькавшихъ въ ихъ рукахъ.

— Это что такое?—спросилъ онъ.

— Одѣяла.

— Для бѣдныхъ?

— Разумѣется.

— Какое безобразіе!

— Очень теплая вещь.

— Можетъ быть; но все-таки безобразіе, въ особенности въ гостиной стиля Людовика XV, гдѣ все ласкаетъ глазъ. Если не для бѣдныхъ, то для своихъ знакомыхъ вы должны были бы выбирать добрыя дѣла поизящнѣй.

— Боже мой! Эти мущины!—сказала она, пожимая плечами;—но въ настоящее время вездѣ заготовляютъ эти одѣяла.

— Знаю, знаю слишкомъ хорошо. Теперь, куда ни поди вечеромъ, вездѣ увидишь это ужасное сѣрое тряпье,—вездѣ, на самыхъ хорошенькихъ туалетныхъ столикахъ, на са-

мыхъ кокетливыхъ вещицахъ. Нынѣшней весной благотворительность дурного вкуса.

Чтобы провѣрить его слова, графиня разстелила вязанье на стоявшемъ рядомъ съ ней незанятомъ стулѣ, обтянутомъ шелковой матеріей.

— Да, дѣйствительно некрасиво, — равнодушно согласилась она.

И снова принялась за работу. Обѣ головки близко наклонились къ двойному свѣту лампы. Розовый отблескъ падалъ имъ на волоса и разливался по лицу, платью, по мелькающимъ рукамъ. Онѣ слѣдили за своей работой съ тѣмъ легкимъ, постояннымъ вниманіемъ, съ какимъ обыкновенно женщины, привычныя къ такого рода занятіямъ, слѣдятъ за своимъ рукодѣльемъ, — слѣдятъ глазами, не участвуя умомъ.

По угламъ гостиной четыре лампы, изъ китайскаго фарфора, на классическихъ деревянныхъ вызолоченныхъ подставкахъ, бросали на обои ровный, мягкій свѣтъ сквозь кружевные транспаранты, накинутые на шары.

Бертенъ сидѣлъ на очень низенькомъ стулѣ, совсѣмъ крошечномъ; на немъ еле можно было помѣститься; но онъ любилъ разговаривать съ графиней, сидя на этомъ стулѣ, почти у ея ногъ.

Она сказала ему:

— Вы долго гуляли сегодня съ Нанэ по парку?

— Долго. Мы болтали, какъ старые друзья. Я очень ее люблю, вашу дочь. Совсѣмъ на васъ похожа. Когда она произноситъ нѣкоторыя фразы, можно подумать, что вы оставили, позабыли у нея въ груди свой голосъ.

— Мужъ часто говоритъ мнѣ это.

Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ онѣ работаютъ, облитыя ламповымъ свѣтомъ, и мысль, которая часто причиняла ему

страданія, отъ которой онъ только сегодня еще страдалъ днемъ, забота о домѣ, пустынномъ, неподвижномъ, безмолвномъ, холодномъ, не смотря ни на какую погоду, ни на какой огонь въ комнатахъ и печахъ, огорчила его, точно онъ въ первый разъ только, какъ слѣдуетъ, понялъ свое одиночество.

О! какъ онъ хотѣлъ быть мужемъ этой женщины, а не любовникомъ! Прежде у него было желаніе похитить ее, отнять у мужа, совсѣмъ украсть. Теперь онъ ревновалъ ее къ обманутому мужу, который устроился навсегда въ одномъ съ ней домѣ, придерживался однихъ и тѣхъ же привычекъ, приходилъ съ ней въ ласковыя столкновенія. Онъ смотрѣлъ на нее и чувствовалъ, какъ старое возвращается снова и наполняетъ его сердце, и ему хотѣлось все это высказать ей. Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ сильно еще любилъ ее, теперь даже сильнѣй, гораздо сильный; такъ давно онъ уже не любилъ. И потребность выразить ей это, разсказать о своемъ обновленіи,—она такъ была бы этимъ довольна,—заставляла его желать, чтобы молодую дѣвушку послали какъ можно скорѣе спать.

Его томило желаніе остаться съ ней наединѣ, придвинуться къ ея колѣнамъ, положить на нихъ голову, взять ее за руки, чтобы это одѣяло для бѣдныхъ и деревянныя спицы выпали у нея изъ рукъ, а клубокъ шерсти упалъ и укатился бы подъ кресло. Онъ посматривалъ на часы, совсѣмъ пересталъ разговаривать и думалъ о томъ, какъ въ самомъ дѣлѣ нехорошо пріучать дѣвочекъ проводить вечера вмѣстѣ съ большими.

Въ сосѣдней гостиной раздались въ тишинѣ чьи-то шаги; показалась голова лакея.

— Г-нъ Мюзадьё,—доложилъ онъ.

Оливье Бертенъ почувствовалъ глухое бѣшенство; пожи-

мая руку инспектору изящныхъ искусствъ, онъ испытывалъ большое желаніе взять его за плечи и вытолкать вонъ.

У Мюзадьё была пропасть новостей: министерство падало; поговаривали о скандалѣ съ маркизомъ Рокдіаномъ.

— Объ этомъ разскажу послѣ,—прибавилъ онъ, взглянувъ на молодую дѣвушку.

Графиня подняла глаза на часы и увидала, что скоро десять часовъ.

— Пора тебѣ спать, дитя мое,—сказала она дочери.

Анета, ни слова не говоря, сложила вязанье, замотала шерсть, поцѣловала мать въ обѣ щеки, протянула руку обоимъ гостямъ и быстро удалилась, какъ бы скользя и совсѣмъ не задѣвая мимоходомъ воздухъ.

Когда она вышла, графиня спросила:

— Ну, что же скандалъ?

— Говорятъ, что маркизъ Рокдіанъ, находясь съ женой въ добровольномъ разводѣ и считая получаемое отъ нея содержаніе недостаточнымъ, нашелъ вѣрное, очень странное средство заставить ее удвоить это содержаніе. Выслѣженная по его порученію маркиза попалась на мѣстѣ преступленія и принуждена новой ежегодной пенсіей выкупить процессъ у полицейскаго комиссара.

Графиня, застывъ на мѣстѣ, съ любопытствомъ слушала разсказъ, держа на колѣняхъ прерванную работу.

Послѣ ухода дѣвушки присутствіе Мюзадьё окончательно вывело изъ себя Бертена. Онъ разсердился и, какъ человѣкъ, который знаетъ, но который никому не хотѣлъ говорить объ этой клеветѣ, съ негодованіемъ сталъ утверждать, что все это гнусная ложь, одна изъ тѣхъ постыдныхъ сплетенъ, которую свѣтскимъ людямъ не слѣдуетъ ни выслушивать, ни повторять. Онъ всталъ съ мѣста и стоялъ теперь у камина. Видно было, что онъ такъ сердился, такъ

раздражался, что готовъ былъ сдѣлать изъ этой исторіи личный вопросъ.

Рокдіанъ — его пріятель; если и можно упрекнуть его въ нѣкоторыхъ случаяхъ за легкомысліе, то обвинять или даже подозрѣвать въ какомъ-нибудь поступкѣ, дѣйствительно подозрительномъ, совсѣмъ нельзя. Удивленный Мюзадьё чувствовалъ неловкость; онъ защищался, пятился назадъ, извинялся.

— Позвольте,—говорилъ онъ,—я слышалъ это сейчасъ у герцогини Мортменъ.

— Кто вамъ разсказывалъ? — спросилъ Бертенъ. — Безъ сомнѣнія, женщина.

— Совсѣмъ нѣтъ; маркизъ Фарандаль.

— Отъ него это не удивительно слышать,—сказалъ художникъ, весь корчась отъ негодованія.

Наступило молчаніе. Графиня снова принялась за работу.

— Я знаю положительно, что это ложь,—сказалъ Оливье болѣе спокойнымъ голосомъ.

Онъ ничего не зналъ и въ первый разъ даже слышалъ объ этомъ приключеніи.

Чувствуя, что положеніе дѣлается опаснымъ, Мюзадьё сталъ подготовлять себѣ отступленіе и уже поговаравалъ о томъ, что ему надо отправиться къ Корбеллямъ, какъ вдругъ явился графъ Гилльруа, возвращаясь откуда-то съ обѣда.

Бертенъ сѣлъ опять, подавленный окончательно, съ отчаяніемъ теряя надежду отдѣлаться теперь отъ мужа.

— Вы не знаете, какой крупный скандалъ разнесся сегодня вечеромъ?—сказалъ графъ.

Такъ какъ никто не отвѣтилъ, то онъ продолжалъ:

— Ракдіанъ засталъ свою жену за преступнымъ разговоромъ и дорого, кажется, заставляетъ ее платить за эту нескромность.

Тутъ Бертенъ съ видомъ отчаянія, съ горечью въ голосѣ и жестахъ, въ дружескихъ, мягкихъ выраженіяхъ, повторилъ Гилльруа, положа ему руку на колѣно, все, что онъ только что передъ тѣмъ какъ бы бросилъ въ лицо Мюзадьё.

И наполовину убѣжденный графъ, досадуя на то, что повторилъ такъ легкомысленно сомнительный и, быть можетъ, компрометирующій слухъ, приводилъ въ свою защиту незнаніе и отстаивалъ свою невинность. Въ самомъ дѣлѣ, такъ много ходитъ ложныхъ, злыхъ слуховъ!

И всѣ вдругъ пришли къ одному: люди съ прискорбной легкостью обвиняютъ, подозрѣваютъ другихъ и распускаютъ клевету. И въ продолженіе пяти минутъ всѣ четверо, казалось, были убѣждены, что всѣ злые намеки, передаваемые по секрету,—ложь, что у женщинъ, которымъ приписывали любовниковъ, никогда ихъ не было, что мужчины вовсе не способны на гнусности, въ которыхъ ихъ обвиняютъ, и что снаружи дѣло кажется гораздо хуже, чѣмъ оно есть внутри.

Съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ Гилльруа, Бертенъ больше не сердился на Мюзадьё. Онъ сталъ говорить ему лестныя вещи, наводилъ на темы, которыя тотъ предпочиталъ, открылъ, словомъ, шлюзъ его говорливости. И графъ, повидимому, былъ доволенъ, какъ человѣкъ, который всюду приноситъ съ собой миръ и благодушіе.

По ковру неслышными шагами два лакея внесли столъ для чая, на которомъ кипѣлъ, распуская пары, хорошенькій, блестящій самоварчикъ, освѣщенный голубоватымъ пламенемъ спиртовой лампы.

Графиня встала, приготовила горячій напитокъ съ той заботливостью и предосторожностями, которыя заимствованы у русскихъ, подала чашку Мюзадьё, потомъ Бертену

и поставила передъ ними тарелки съ *сандвичами* * изъ страсбургской печенки и съ австрійскимъ и англійскимъ мелкимъ пирожнымъ.

Графъ подошелъ къ передвижному столу, гдѣ выстроены были въ рядъ разные сиропы, ликеры и стаканы, приготовилъ грогъ и потомъ незамѣтнымъ образомъ проскользнулъ въ сосѣднюю комнату и исчезъ.

Бертенъ снова остался вдвоемъ съ Мюзадьё; имъ опять овладѣло желаніе вытолкать вонъ надоѣдливаго гостя, а тотъ вошелъ совсѣмъ въ свою роль, разглагольствовалъ, сыпалъ анекдоты, повторялъ чужія остроты, самъ придумывалъ свои. Художникъ безпрестанно посматривалъ на часы; стрѣлки приближались уже къ двѣнадцати. Графиня замѣтила это, поняла, что ему нужно съ ней переговорить и съ ловкостью свѣтской женщины, которая умѣетъ дать иной тонъ разговору, перемѣнить атмосферу гостиной, умѣетъ, не говоря ни слова, дать понять, оставаться гостю или слѣдуетъ уходить, распустила такой холодъ вокругъ себя своей позой, выраженіемъ лица, скучающими глазами, точно вдругъ на улицу отворилось окно.

Мюзадьё почувствовалъ этотъ холодъ, отъ котораго застывали его мысли и, не спрашивая себя почему, вдругъ пожелалъ встать и уйти.

Изъ приличія и Бертенъ послѣдовалъ его примѣру. Оба гостя вышли вмѣстѣ, прошли вмѣстѣ обѣ гостиныхъ; графиня провожала ихъ, все время продолжая разговаривать съ художникомъ. На порогѣ передней она задержала его по поводу какого-то объясненія. Лакей въ это время помогалъ Мюзадьё надѣть пальто. Такъ какъ графиня все

* Крошечные хлѣбцы, разрѣзанные на манеръ бутербродовъ, съ какой-нибудь начинкой, обыкновенно съ ветчиной и сливочнымъ масломъ. *Перев.*

еще разговаривала съ Бертеномъ, то инспекторъ изящныхъ искусствъ, подождавъ нѣсколько секундъ передъ выходной дверью, которую въ это время отворилъ ему другой лакей, рѣшился выйти одинъ, чтобы не стоять передъ лакеемъ.

Дверь тихо затворилась за нимъ. Тогда графиня спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, сказала художнику:

— Отчего вы въ самомъ дѣлѣ уходите такъ рано? Еще нѣтъ двѣнадцати часовъ. Посидите немножко.

И они опять вошли въ маленькую гостиную.

— Боже! До какой степени это животное выводило меня изъ терпѣнія!—сказалъ художникъ, когда они сѣли по мѣстамъ.

— Отчего такъ?

— Онъ отнималъ у меня частичку васъ.

— О! не очень много.

— Можетъ быть; но онъ меня стѣснялъ.

— Вы ревнуете?

— Находить, что человѣкъ стѣсняетъ, это не значитъ еще ревновать.

Онъ опять сѣлъ на свое креслице, совсѣмъ теперь близко къ ней и, перебирая руками ея платье, разсказывалъ, какая горячая струя обожгла сегодня его сердце.

Она слушала съ удивленіемъ, съ восторгомъ, и какъ бы въ знакъ благодарности, тихонько положила руку ему на голову и тихо ласкала его сѣдые волосы.

— Мнѣ такъ хочется жить возлѣ васъ!—сказалъ онъ.

Онъ все думалъ о мужѣ, который, по всей вѣроятности, спалъ теперь въ сосѣдней комнатѣ.

— Одинъ только бракъ дѣйствительно соединяетъ двухъ существъ,— сказалъ онъ.

— Бѣдный другъ,—проговорила она, полная жалости къ нему, а также и къ себѣ.

Онъ прижался щекой къ колѣнямъ графини и съ нѣжностью смотрѣлъ на нее, съ меланхолически болѣзненной нѣжностью, не такой пылкой, какъ только что передъ тѣмъ, когда его разлучали съ ней дочь, мужъ и Мюзадьё.

И продолжая гладить его тихонько по головѣ, она съ улыбкою сказала:

— Боже! какой вы сѣдой! У васъ и послѣдніе черные волосы исчезли.

— Увы! Я знаю. Дѣло идетъ быстро.

Она испугалась, думая, что огорчила его.

— О, положимъ, вы были съ просѣдью еще очень молодымъ. Я васъ всегда знала такимъ: перецъ съ солью.

— Да, это правда.

И чтобы окончательно изгладить оттѣнокъ грусти, которую она вызвала, графиня наклонилась къ нему, приподняла обѣими руками его голову и медленно, нѣжно стала цѣловать его въ лобъ, такъ медленно, что этимъ поцѣлуямъ, казалось не будетъ конца.

Они посмотрѣли другъ на друга, стараясь въ глубинѣ глазъ найти отраженіе своей любви.

— Мнѣ очень хотѣлось бы провести цѣлый день съ вами,—сказалъ онъ.

Невыразимая потребность близости смутно терзала его.

Только что передъ тѣмъ онъ думалъ, что для осуществленія этого желанія, пробудившагося еще съ утра, совершенно достаточно, если сидѣвшіе тутъ люди уйдутъ. Теперь же, оставшись наединѣ съ своей возлюбленной, чувствуя теплоту ея рукъ на своемъ лбу, чувствуя сквозь платье теплоту ея тѣла, у себя подъ щекой, онъ испытывалъ все то же безпокойство въ душѣ, все ту же невѣдомую, неуловимую потребность любви.

И онъ представлялъ себѣ теперь, что его душевное волненіе успокоилось бы, удовлетворилось бы только не въ этомъ домѣ,—въ лѣсу, можетъ быть, гдѣ они будутъ совершенно одни, гдѣ около нихъ не будетъ ни души.

Она отвѣчала:

— Какой вы ребенокъ! Но вѣдь мы видимся почти каждый день.

Онъ умолялъ ее найти возможность поѣхать завтракать съ нимъ куда-нибудь въ окрестности Парижа, какъ это бывало прежде раза четыре или пять.

Она удивлялась этому капризу, который такъ трудно было исполнить теперь, когда пріѣхала дочь.

Она попытается, однако, какъ только мужъ уѣдетъ въ Ронсы; но это будетъ не раньше открытія салона, которое послѣдуетъ въ субботу.

— А до тѣхъ поръ когда я васъ увижу?—спросилъ онъ.

— Завтра вечеромъ у Корбеллей. Приходите кромѣ того сюда въ четвергъ къ тремъ часамъ, если вы свободны; мнѣ кажется, что намъ придется еще обѣдать вмѣстѣ въ пятницу у герцогини.

— Хорошо; отлично.

Онъ всталъ.

— Прощайте.

— Прощайте, мой другъ.

Онъ стоялъ и никакъ не могъ рѣшиться уйти. Онъ почти ничего не нашелся сказать ей изъ того, что хотѣлъ сказать, зачѣмъ собственно и пришелъ; пропасть мыслей осталась недосказанными; душа полна была смутныхъ порывовъ, которые такъ и не вылились наружу.

И взявъ ее за руки, онъ повторилъ:

— Прощайте.

— Прощайте, мой другъ

— Я васъ люблю.

Она бросила ему одну изъ тѣхъ улыбокъ, которыя въ одну секунду выражаютъ все, что женщина дала мужчинѣ. И въ третій разъ съ трепещущимъ сердцемъ онъ повторилъ:

— Прощайте.

И ушелъ.

IV.

Можно было подумать, что въ тотъ день всѣ экипажи Парижа совершаютъ паломничество въ Palais de l'Industrie. Съ девяти часовъ утра со всѣхъ улицъ, со всѣхъ авню и мостовъ съѣзжались они къ этому базару изящныхъ искусствъ, куда артистическій Парижъ, подъ предлогомъ покрытія лакомъ трехсотъ тысячъ картинъ, приглашалъ парижскій свѣтъ. У дверей тѣснился хвостъ публики и, не удостоивая вниманіемъ скульптуру, подымался сейчасъ же въ галереи живописи. Уже, поднимаясь по ступенькамъ, толпа заглядывала на картины, выставленныя по стѣнамъ лѣстницы, гдѣ обыкновенно вывѣшиваются произведенія спеціальной категоріи „художниковъ прихожей", присылающихъ картины или непринятыхъ размѣровъ, или такія, которыхъ не осмѣлились не принять. Въ квадратномъ салонѣ съ шумомъ копошилась цѣлая масса людей. Художниковъ, присутствующихъ на выставкѣ до вечера, можно было узнать по ихъ подвижности, звучности голоса и самоувѣреннымъ жестамъ. Они притаскивали друзей за рукава къ картинамъ, съ энергическими восклицаніями и мимикой знатока указывая на нихъ руками. Тутъ были художники всѣхъ сортовъ: высокіе, съ длинными волосами, въ мягкихъ сѣрыхъ или черныхъ шляпахъ непередаваемой формы, широкихъ и круглыхъ, какъ крыши, съ отвисшими полями,

подъ тѣнью которыхъ исчезалъ весь человѣческій торсъ. Другіе—маленькаго роста, подвижные, тощіе или коренастые, въ фуляровыхъ галстукахъ, въ курткахъ или широкихъ, какъ мѣшокъ, оригинальныхъ, спеціально художническихъ костюмахъ.

Тутъ былъ кланъ щеголей, франтовъ, бульварныхъ художниковъ; кланъ академиковъ, благопристойныхъ и украшенныхъ красненькой розеткой, громадныхъ или микроскопическихъ размѣровъ, смотря по ихъ понятіямъ объ изяществѣ и хорошемъ тонѣ; кланъ буржуазныхъ художниковъ въ сопровожденіи семьи, окружавшей отца, подобно тріумфальному хору.

На четырехъ исполинскихъ пано, картины, удостоившіяся чести попасть въ квадратный салонъ, поражали при самомъ входѣ ослѣпительной яркостью тоновъ, блескомъ рамъ и свѣжестью красокъ, сдѣлавшихся отъ лака еще болѣе яркими и ослѣпительными, при рѣзкомъ освѣщеніи, падавшемъ сверху.

Противъ входа висѣлъ портретъ президента республики; на другой стѣнѣ генералъ, весь въ золотѣ, въ шляпѣ со страусовыми перьями и въ красныхъ суконныхъ рейтузахъ, висѣлъ рядомъ съ совершенно голыми нимфами подъ ивами и съ погибающимъ кораблемъ, почти уже поглощеннымъ волной. Епископъ прежнихъ временъ, отлучающій отъ церкви варварскаго царя, восточная улица, заваленная умершими отъ чумы, и тѣнь Данта, путешествующая въ аду,—приковывали и плѣняли взоръ непреодолимой силой экспрессіи.

Въ громадной залѣ можно было еще видѣть атаку кавалеріи, стрѣлковъ въ лѣсу, пасущихся коровъ, двухъ вельможъ прошлаго вѣка, дерущихся на дуэли на углу улицы, сумасшедшую, сидящую на тумбѣ, священника, причащающаго умирающаго, жнецовъ, рѣки, заходъ солнца, лунный

свѣтъ,—словомъ, образцы всего того, что творили, творятъ и будутъ творить художники до скончанія міра.

Оливье, въ группѣ знаменитыхъ собратовъ, членовъ института и жюри, обмѣнивался съ ними мнѣніями. Его давило какое-то непріятное чувство, безпокойство за выставленное произведеніе; несмотря на усердныя поздравленія онъ чувствовалъ, что оно не будетъ имѣть успѣха.

Онъ бросился къ двери. Герцогиня Мортменъ появилась у входа.

— Развѣ графиня еще не пріѣзжала?—спросила она.

— Я не видалъ ея.

— А Мюзадьё?

— Тоже не видалъ.

— Онъ мнѣ обѣщалъ, что будетъ въ десять часовъ наверху лѣстницы и проведетъ меня по заламъ.

— Не позволите ли мнѣ замѣнить его, герцогиня?

— Нѣтъ, нѣтъ. Вы нужны своимъ друзьямъ. Мы скоро увидимся; я разсчитываю, что мы будемъ завтракать вмѣстѣ.

Прибѣжалъ Мюзадьё и, запыхавшись сталъ извиняться, что его задержали нѣсколько минутъ въ скульптурномъ отдѣлѣ.

— Сюда, герцогиня, сюда,—говорилъ онъ;—мы начнемъ справа.

Только что они исчезли въ водоворотѣ головъ, какъ вошла графиня Гилльруа, подъ руку съ дочерью, — вошла, ища глазами Оливье Бертена.

Онъ увидалъ ихъ, подошелъ и, кланяясь, сказалъ:

— Боже, какъ онѣ хороши! Право, Нанета сильно хорошѣетъ. За недѣлю она совсѣмъ измѣнилась.

И, посмотрѣвъ на нее наблюдательнымъ взглядомъ, онъ прибавилъ:

— Черты сдѣлались нѣжнѣе, мягче, цвѣтъ лица ярче. Она теперь совсѣмъ уже не такая маленькая дѣвочка и гораздо болѣе парижанка.

Но тутъ онъ неожиданно вернулся къ интересу дня.

— Начнемъ справа; мы догонимъ герцогиню.

Графиня, знавшая все, что касалось живописи, и заинтересованная не меньше экспонента, спросила:

— Что говорятъ?

— Прекрасный салонъ. Замѣчательная картина Бонна, двѣ превосходныхъ картины Каролюсъ Дюрана, чудная картина Пюви де Шаванна, очень удивительная и очень новая картина Ролля, изящная вещица Жервэ и много другихъ, Беро, Казэнъ, Дюэсъ—словомъ, масса хорошихъ вещей.

— А вы что?—спросила она.

— Меня поздравляютъ, но я не доволенъ.

— Вы никогда не довольны.

— Нѣтъ, я бываю иногда доволенъ. Но сегодня, мнѣ въ самомъ дѣлѣ кажется, что я правъ.

— Почему?

— Самъ не знаю почему.

— Посмотримъ.

Когда они подошли къ картинѣ,—крестьянскія дѣвочки, купающіяся въ ручьѣ,—цѣлая группа зрителей стояла передъ ней и любовалась. Графиня обрадовалась.

— Но она восхитительна,—сказала она тихо,—это настоящее сокровище! Вы никогда еще не писали ничего лучше.

И онъ съ любовью придвигался къ ней ближе, благодарный за всякое слово, которое успокоивало страданіе, залѣчивало раны. И соображенія, одно за другимъ, быстро мелькали у него въ умѣ, убѣждая его, что она была права, что она должна правильно смотрѣть на вещи умными гла-

зами парижанки. Онъ забывалъ, стараясь успокоить свои опасенія, что въ теченіе двѣнадцати лѣтъ онъ упрекалъ ее именно въ томъ, что она слишкомъ много восхищается игрою ума, изящными тонкостями, экспрессіей чувствъ, капризными нюансами моды и никогда искусствомъ, однимъ искусствомъ,— искусствомъ свободнымъ отъ идей, тенденцій и свѣтскихъ предразсудковъ.

— Будемъ продолжать,—сказалъ онъ, увлекая ихъ дальше. И онъ водилъ ихъ очень долго изъ залы въ залу, показывая картины, объясняя сюжеты, счастливый и довольный въ ихъ обществѣ.

Вдругъ графиня спросила:

— Который часъ?

— Половина перваго.

— О, пойдемъ скорѣе завтракать; герцогиня должна насъ ждать у Ледуаена, куда она поручила мнѣ привести васъ, если мы не встрѣтимся съ ней въ залахъ.

Ресторанъ, среди островка деревьевъ и кустарниковъ, имѣлъ видъ переполненнаго улья и гудѣлъ. Смѣшанный шумъ голосовъ, возгласовъ, звонъ стакановъ и тарелокъ носился кругомъ, выходя черезъ окна и настежь отворенныя двери. Тѣсно наставленные столы съ сидѣвшими за ними ѣдоками, тянулись длинными рядами вдоль сосѣднихъ дорожекъ, направо и налѣво отъ узкаго прохода, гдѣ бѣгали ошалѣвшіе, обезумѣвшіе гарсоны,нося въ рукахъ, на отлетѣ, блюда съ мясомъ, рыбой или фруктами.

Подъ круговой галлереей было такое множество мужчинъ и женщинъ, что можно было подумать,что это—живое тѣсто. Все это смѣялось, звало къ себѣ, пило и ѣло, развеселившись отъ вина и предаваясь одному изъ тѣхъ радостныхъ порывовъ, которые сваливаются въ нѣкоторые дни на Парижъ вмѣстѣ съ солнцемъ. Гарсонъ проводилъ графиню, Анету и

Бертена въ отдѣльную комнату, гдѣ ихъ поджидала герцогиня.

Входя туда, художникъ увидѣлъ маркиза Фарандаля около тетки; онъ улыбался и спѣшилъ протянуть руки, чтобы взять у графини и ея дочери ихъ зонтики и накидки. При видѣ этого художникъ почувствовалъ такое неудовольствіе, что ему вдругъ захотѣлось сказать что-нибудь возмутительное и грубое.

Герцогиня объясняла свою встрѣчу съ племянникомъ и отсутствіе Мюзадьё, котораго увелъ министръ изящныхъ искусствъ; и Бертэнъ при мысли, что этотъ красавчикъ маркизъ долженъ жениться на Анетѣ, что онъ пришелъ для нея, что онъ уже смотритъ на нее, какъ на принадлежность своего ложа, волновался и возмущался, какъ будто посягнули и нарушили его права, его сокровенныя, священныя права.

Какъ только сѣли за столъ, маркизъ помѣстился возлѣ молодой дѣвушки и сталъ хлопотать около нея съ усердіемъ человѣка, которому позволяется ухаживать.

Онъ бросалъ пытливые взгляды, которые казались художнику смѣлыми и назойливыми; улыбки его были почти нѣжны и самодовольны; вѣжливость—фамильярна и оффиціальна. Въ его манерахъ и словахъ проглядывало уже нѣчто рѣшительное, какъ бы предвѣстіе близости обладанія.

Герцогиня и графиня, казалось, покровительствовали, одобряли эти претендентскія ухватки и съ видомъ сообщничества переглядывались между собой.

По окончаніи завтрака сейчасъ же отправились опять на выставку. Въ залахъ было такое множество народа, что, казалось, невозможно было протолкаться. Человѣческая теплота, приторный запахъ платья, износившагося на тѣлѣ,

дѣлали атмосферу тяжелой и непріятной. На картины больше уже не смотрѣли; смотрѣли на лица, туалеты; искали знакомыхъ. Иногда происходила давка въ этой густой массѣ, разступившейся на минуту для того, чтобы пропустить высокую двойную лѣстницу лакировщиковъ, кричавшихъ: „Посторонитесь, господа! посторонитесь!"

Черезъ пять минутъ графиня и Оливье были оттиснуты отъ другихъ. Онъ хотѣлъ отыскать ихъ, но она, опираясь на него, сказала:

— Развѣ намъ такъ не хорошо? Оставимъ ихъ; вѣдь рѣшено, что если мы потеряемся, то сойдемся опять въ четыре часа въ буфетѣ.

— Это правда,—сказалъ онъ.

Но онъ былъ весь поглощенъ мыслью, что маркизъ сопровождаетъ Анету и съ своимъ изящнымъ нахальствомъ продолжаетъ увиваться около нея.

— Значитъ, вы меня все-таки любите? — тихо проговорила графиня.

— О, да, конечно, - отвѣчалъ онъ съ озабоченнымъ видомъ.

И онъ старался отыскать изъ-за головъ сѣрую шляпу Фарандаля.

Чувствуя, что онъ разсѣянъ, и желая обратить его мысли на себя, она продолжала:

— Если бы вы знали, какъ мнѣ нравится ваша картина нынѣшняго года! Это—вашъ chef d'oeuvre.

Онъ улыбнулся, забывая вдругъ о молодыхъ людяхъ и помня только о своемъ утреннемъ безпокойствѣ.

— Право? Вы находите?

— Да, я ее предпочитаю всѣмъ другимъ.

— Я много выстрадалъ изъ-за нея.

Она снова опутала его сѣтью ласковыхъ словъ, зная хо-

рошо съ давняго времени, что ничто не имѣетъ такой власти надъ художникомъ, какъ нѣжная, безпрерывная лесть. Обольщенный этими пріятными словами, онъ оживился, развеселился и снова заговорилъ, никого не видя и никого не слушая, кромѣ нея, въ этой кишащей толкотнѣ.

И въ благодарность онъ прошепталъ ей на ухо:

— Мнѣ безумно хочется поцѣловать васъ.

Страстное волненіе огнемъ пробѣжало по ней, и, поднявъ на него блестящіе глаза, она повторила свой вопросъ:

— Значитъ, вы все еще любите меня?

И онъ отвѣтилъ ей такимъ тономъ, какого она желала и какого не слыхала у него раньше:

— Да, моя милая Ани, я васъ люблю.

— Приходите ко мнѣ чаще по вечерамъ,—сказала она.— Теперь, когда моя дочь со мной, я не буду часто выѣзжать.

Чувствуя въ немъ неожиданное пробужденіе нѣжности, она трепетала отъ великаго счастья. Съ тѣхъ поръ какъ Оливье совершенно посѣдѣлъ, съ тѣхъ поръ какъ годы принесли съ собой успокоеніе, она стала меньше бояться, что онъ увлечется другой какой-нибудь женщиной, но она страшно боялась, чтобы онъ не женился изъ отвращенія къ одиночеству. Эта боязнь, давнишняя уже, росла въ ней постоянно, порождая въ умѣ неосуществимыя комбинаціи, имѣющія цѣлью какъ можно дольше удерживать его около себя и не позволять ему проводить долгихъ вечеровъ среди холоднаго безмолвія его пустого дома. Не имѣя возможности всегда привлекать его и удерживать, она придумывала ему развлеченія, посылала его въ театръ, толкала въ свѣтъ, предпочитая лучше, чтобы онъ находился среди женщинъ, чѣмъ въ тоскливой обстановкѣ своего дома.

И въ отвѣтъ на свою затаенную мысль, она продолжала:

— Ахъ, если бы я могла навсегда удержать васъ! Какъ

бы я васъ тогда баловала! Обѣщайте мнѣ, что будете приходить очень часто, такъ какъ я больше не буду выѣзжать.

— Обѣщаю.

— Мама!—проговорилъ чей-то голосъ у нея надъ ухомъ.

Графиня вздрогнула и обернулась. Анета, герцогиня и маркизъ присоединились къ нимъ.

— Теперь четыре часа,— сказала герцогиня; — я очень устала, и мнѣ хочется уйти.

— Я тоже ухожу,—сказала графиня, — я больше не въ силахъ оставаться здѣсь.

Они подошли къ внутренней лѣстницѣ, которая идетъ отъ галлерей съ рисунками, акварелями и возвышается надъ громаднымъ зимнимъ садомъ, гдѣ выставлены произведенія скульптуры.

Съ площадки этой лѣстницы видна была изъ конца въ конецъ исполинская оранжерея; по дорожкамъ у группы зеленыхъ кустарниковъ, возвышаясь надъ толпой, покрывавшей аллеи черной движущейся волной, были воздвигнуты статуи. Изъ этого темнаго моря шляпъ и плечей, прорѣзывая его въ тысячу мѣстахъ, вдругъ какъ бы выскакивали мраморныя изваянія и казались ослѣпительными,—до такой степени они были бѣлы.

Когда Бертенъ раскланивался съ дамами у выходной двери, г-жа Гилльруа спросила его тихонько:

— Значитъ, вы придете сегодня вечеромъ?

— Конечно, приду.

И онъ вернулся опять на выставку, поговорить съ художниками о впечатлѣніяхъ дня.

Художники и скульпторы стояли группами вокругъ статуй и у буфета; спорили, какъ изъ года въ годъ водилось, поддерживая или нападая на однѣ тѣ же мысли, пуская въ ходъ одни и тѣ же аргументы,—спорили о произведе-

ніяхъ, почти одинаковыхъ между собой. Оливье обыкновенно оживлялся въ этихъ спорахъ; обладая умѣніемъ дѣлать возраженія и сбивать съ толку своими нападками, съ гордостью пользуясь репутаціей умнаго теоретика, онъ хотѣлъ бы воспламениться; но то, что онъ отвѣчалъ по привычкѣ, интересовало его такъ же мало, какъ и то, что онъ слышалъ; ему хотѣлось уйти, не слушать больше, не понимать, зная заранѣе все, что будутъ говорить о классическихъ вопросахъ искусства, которое онъ изучилъ со всѣхъ сторонъ.

А между тѣмъ онъ любилъ все это и до послѣдняго времени любилъ почти исключительнымъ образомъ; но сегодня его отвлекала одна изъ тѣхъ легкихъ, но упорныхъ тревогъ, одна изъ тѣхъ мелкихъ заботъ, которыя, казалось, не должны были бы насъ тревожить, но которыя тѣмъ не менѣе тутъ какъ тутъ, что бы мы ни говорили, что бы ни дѣлали, и сидятъ въ нашемъ мозгу, какъ невидимая заноза, вонзившаяся въ тѣло.

Онъ даже забылъ о своихъ безпокойствахъ по поводу купальщицъ и помнилъ только о непріятномъ поведеніи маркиза передъ Анетой. Но какое ему дѣло, наконецъ? Имѣлъ ли онъ какое-нибудь право на это? Зачѣмъ хотѣлъ онъ помѣшать этому выгодному браку, заранѣе рѣшенному и приличному во всѣхъ отношеніяхъ? Но никакіе доводы не могли разсѣять впечатлѣнія досады и недовольства, которыя овладѣли имъ при видѣ того, какъ Фарандаль говоритъ и улыбается какъ-то по жениховски, лаская взглядами лицо молодой дѣвушки.

Когда Бертенъ вошелъ вечеромъ къ графинѣ, онъ засталъ ее съ дочерью вдвоемъ по прежнему при свѣтѣ лампы за вязаньемъ для бѣдныхъ; ему стоило большого труда не отозваться какъ нибудь насмѣшливо и зло о маркизѣ и не

раскрыть въ глазахъ Анеты всю его замаскированную изяществомъ банальность.

Уже съ давняго времени, въ эти послѣобѣденные визиты, онъ не рѣдко молчалъ въ какомъ-то полуснѣ, принимая непринужденныя позы стараго друга, которому нечего стѣсняться; развалившись въ креслѣ, положивъ нога на ногу и откинувъ голову назадъ, онъ мечталъ въ слухъ, отдыхая въ этой уютной, спокойной обстановкѣ и тѣломъ, и душой. Но вотъ опять на него напали вдругъ безпокойство и волненія человѣка, который хочетъ нравиться, котораго занимаетъ то, что онъ скажетъ, который любитъ щегольнуть передъ нѣкоторыми особами блестящими, изысканными выраженіями, стараясь придать своему разговору кокетливую игривость. Онъ больше не тянулъ разговоръ, но поддерживалъ его и оживлялъ, пронизывая своимъ жаромъ, и всякій разъ, какъ только ему удавалось вызвать у графини и ея дочери чистосердечный смѣхъ, или когда онъ чувствовалъ, что взволновалъ ихъ, или видѣлъ, что онѣ смотрятъ на него удивленными глазами, или слушаютъ, переставъ работать, онъ испытывалъ удовольствіе, щекотавшее его самолюбіе, и легкую дрожь успѣха который вознаграждалъ его за трудъ

Онъ приходилъ теперь каждый разъ, когда зналъ, что застанетъ ихъ однѣхъ, и никогда, можетъ быть, не проводилъ еще такихъ пріятныхъ вечеровъ.

Такое вниманіе успокоивало графиню Гилльруа, прогоняя ея постоянныя опасенія, и она употребляла всѣ усилія, чтобы привлечь его и удержать. Она отказывалась отъ выѣздовъ на обѣды, балы, на спектакли, чтобы имѣть удовольствіе бросить въ телеграфный ящикъ, во время своей обычной прогулки въ три часа, синій клочекъ бумаги со словами: „До скораго свиданія". Въ первое время, чтобы доставить ему поскорѣе желанное tête-à-tête, она отсылала дочь

спать, какъ только часы начинали бить десять. Потомъ, замѣтивъ разъ, что это удивило его и онъ просилъ, смѣясь, не обращаться съ Анетой, какъ съ дурнымъ ребенкомъ, она продлила срокъ на четверть часа, потомъ на полчаса, потомъ на цѣлый часъ. Притомъ же онъ не оставался долго послѣ ухода молодой дѣвушки, точно половина прелести, удерживавшей его въ этой гостиной, уходила вмѣстѣ съ ней. Придвинувъ тотчасъ же къ ногамъ графини свой любимый, низенькій стулъ, онъ садился совсѣмъ близко къ ней и ласково дотрогивался по временамъ щекой до ея колѣнъ. Она давала ему руку, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ; его умственная лихорадка сразу стихала: онъ переставалъ говорить и словно отдыхалъ въ нѣжномъ молчаніи послѣ сдѣланныхъ усилій.

Мало-по-малу она поняла своимъ женскимъ чутьемъ, что Анета привлекала его почти столько же, сколько она сама. Она не сердилась на это, счастливая тѣмъ, что онъ нашолъ въ нихъ нѣчто похожее на семью, которой она его лишила, и старалась какъ можно крѣпче припереть его съ двухъ сторонъ, разыгрывала нарочно мамашу, чтобы онъ считалъ себя почти отцемъ этой дѣвочки и чтобы новый оттѣнокъ нѣжности присоединился ко всему тому, что плѣняло его въ этомъ домѣ.

Ея кокетство, бывшее всегда на сторожѣ, приняло болѣе дѣятельный характеръ, безпокойное съ тѣхъ поръ, какъ она почувствовала со всѣхъ сторонъ какъ бы уколы, правда, почти еще незамѣтные, какъ бы безчисленые приступы времени. Чтобы сдѣлаться такой же стройной, какъ Анета, она по прежнему не пила ничего; ея талія дѣйствительно похудѣла, что придавало ей въ самомъ дѣлѣ видъ молодой дѣвушки, до такой степени, что сзади ихъ невозможно было различить; но такой образъ жизни тяжело

отзывался зато на ея осунувшемся лицѣ. Растянутая кожа ложилась морщинами и принимала желтоватый оттѣнокъ; прелестная свѣжесть дѣвочки дѣлалась отъ этого еще ослѣпительнѣй. Тогда она стала заниматься своимъ лицомъ, пуская въ ходъ тѣ средства, какія употребляютъ актрисы, и хотя полученная такимъ образомъ бѣлизна была нѣсколько подозрительна при дневномъ свѣтѣ, зато при вечернемъ освѣщеніи она достигла того искусственнаго, прелестнаго блеска, который хорошо подкрашеннымъ женщинамъ даетъ такой чудный цвѣтъ лица.

Сознаніе упадка и употребленіе искусственныхъ средствъ измѣнили ея привычки. Она стала избѣгать, насколько возможно, сравненій при дневномъ освѣщеніи и искала ихъ при вечернемъ, когда на ея сторонѣ было преимущество. Когда она чувствовала себя утомленной, блѣдной, чувствовала себя старше обыкновеннаго, къ ея услугимъ являлись мигрени, позволявшіе ей безнаказанно пропускать балы и спектакли. Но въ тѣ дни, когда она чувствовала себя красивой, она торжествовала и съ серьезной скромностью мамаши разыгрывала роль старшей сестры. Чтобы носить всегда почти одинаковыя платья съ дочерью, она одѣвала ее такъ, какъ одѣваются молодыя женщины, слишкомъ чинно для молодой дѣвушки. И Анета, въ характерѣ которой проявлялось все больше и больше игривости и веселья, носила ихъ съ той рѣзвой живостью, которая дѣлала ее еще болѣе миловидной. Она отъ всего сердца подчинялась кокетливымъ выходкамъ матери, разыгрывала съ ней инстинктивно маленькія сценки граціи, умѣла во время поцѣловать ее, съ нѣжностью обнять за талію, показать движеніемъ, лаской, какой-нибудь остроумной выходкой, какъ онѣ обѣ хороши и какъ похожи другъ на друга!

Оливье Бертенъ, видя ихъ вмѣстѣ и постоянно сравнивая,

дошелъ до того, что по временамъ окончательно мѣшалъ одну съ другою. Порой, когда молодая дѣвушка говорила съ нимъ, а онъ въ это время смотрѣлъ въ другую сторону, ему не разъ приходилось задавать самому себѣ вопросъ: „да которая же изъ нихъ сказала это?“ Иногда, когда они оставались втроемъ въ залѣ съ отдѣлкой во вкусѣ Людовика XV, его даже забавляла эта игра. Онъ закрывалъ тогда глаза и просилъ ихъ поочередно обратиться къ нему съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ, потомъ, перемѣнить очередь,— чтобы онъ угадывалъ голоса. Онѣ съ такою ловкостью старались находить однѣ и тѣже интонаціи, съ такимъ одинаковымъ удареніемъ произносили однѣ и тѣ же фразы, что онъ часто ошибался. Онѣ достигли въ самомъ дѣлѣ такого умѣнія подражать въ голосѣ другъ другу, что лакеи говорили „madame“ молодой дѣвушкѣ и „mademoiselle“ матери.

Подражая другъ другу ради забавы и копируя другъ у друга движенія, онѣ пріобрѣли такое сходство въ манерахъ и жестахъ, что самъ Гилльруа, когда та или другая проходила въ темной глубинѣ гостиной, смѣшивалъ ихъ ежеминутно и спрашивалъ: „Это ты, Анета, или это мама?“

Отъ этого сходства, натуральнаго и искусственнаго, естественнаго и поддѣльнаго, въ умѣ и сердцѣ художника создалось странное впечатлѣніе двойственнаго существа, прежняго и новаго, хорошо извѣстнаго и почти неизвѣстнаго, впечатлѣніе двухъ тѣлъ, созданныхъ одно за другимъ изъ одной и той же плоти, впечатлѣніе одной и той же женщины, какъ бы продолженной, помолодѣвшей, сдѣлавшейся тѣмъ, чѣмъ она была раньше. И дѣля свое чувство между двумя, онъ жилъ возлѣ нихъ въ какомъ то безпокойствѣ, въ тревогѣ, питая къ матери вновь пробудившуюся страсть и скрытою нѣжностью окружая дочь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

„Парижъ, 20-го іюля, 11 час. вечера.

Другъ мой! Въ Ронсьерахъ умерла моя мать. Мы уѣзжаемъ въ 12 час. ночи. Не пріѣзжайте; мы никому не давали знать. Но пожалѣйте и не забывайте меня.

Ваша Ани".

„21 іюля, 12 час. дня.

Бѣдный другъ мой! Я поѣхалъ бы противъ вашей воли, если бы не привыкъ смотрѣть на ваши желанія, какъ на приказанія. Съ раздирающей болью въ сердце не перестаю о васъ думать со вчерашняго дня. Представляю себѣ это ночное путешествіе въ безмолвномъ обществѣ вашей дочери, мужа, въ слабо освѣщенномъ вагонѣ, который везетъ васъ по дорогѣ къ покойной. Я видѣлъ васъ всѣхъ троихъ подъ тусклымъ свѣтомъ лампы,—васъ плачущую, Анету рыдающую. Видѣлъ, какъ вы пріѣхали на станцію, видѣлъ ужасный переѣздъ въ экипажѣ, потомъ какъ вы вошли въ домъ, гдѣ васъ встрѣтила прислуга, какъ бросились по лѣстницѣ, въ ту комнату, къ той постели, гдѣ лежала она, видѣлъ вашъ первый взглядъ, который вы бросили на это исхудавшее, неподвижное лицо, вашъ поцѣлуй. И я подумалъ о вашемъ бѣдномъ сердцѣ, о бѣдномъ сердцѣ, половина кото-

раго принадлежитъ мнѣ и которое теперь разрывается на части, испытываетъ такія страданія, тѣснитъ вашу грудь, причиняетъ и мнѣ такую боль въ эту минуту.

Съ глубокимъ состраданьемъ цѣлую ваши заплаканные глаза. Оливье".

„Ронсьеры, 24 іюля.

Ваше письмо, мой другъ, доставило бы мнѣ облегченіе, еслибъ только можно было чѣмъ облегчить то ужасное горе, которое свалилось на меня. Вчера мы ее похоронили, и съ тѣхъ поръ какъ ея безжизненное, бѣдное тѣло покинуло этотъ домъ, мнѣ кажется, что я одна на свѣтѣ. Любовь къ матери не замѣчается, не чувствуется, потому что она такъ же естественна, какъ сама жизнь, и только въ минуту послѣдняго разставанія обнаруживается, какъ глубоки ея корни. Съ этой любовью не можетъ сравниться никакая другая любовь, потому что всякая другая любовь пріобрѣтается, а эта—отъ рожденія; всякая другая любовь случайна въ нашей жизни, а эта живетъ въ самой крови съ перваго нашего дня. И потомъ тутъ не одну мать теряешь; тутъ исчезаетъ половина всего дѣтства, потому что наша дѣтская жизнь одинаково принадлежитъ какъ намъ, такъ и ей. Она одна знала ее такъ же хорошо, какъ и мы; она знала множество самыхъ ничтожныхъ пустяковъ изъ далекаго нашего прошлаго, которые намъ дороги, потому что это первыя сладостныя движенія нашего сердца. Ей одной могла я сказать еще: „Помнишь, мама, тотъ день когда...? Помнишь, мама, ту фарфоровую куклу, которую подарила мнѣ бабушка?". Мы съ наслажденіемъ перебирали съ ней длинныя четки мелкихъ воспоминаній, шалостей, которыя никому такъ хорошо не извѣстны, какъ мнѣ. Умерла, значитъ, часть меня самой, — часть старшая,

лучшая. Я потеряла душу, гдѣ мой образъ въ томъ видѣ, какая я была маленькой дѣвочкой, хранился цѣликомъ. Теперь никто ужъ не знаетъ той дѣвочки, никто не помнитъ Анеты въ коротенькихъ платьицахъ, не помнитъ ея смѣха, лица.

И настанетъ день,—онъ, можетъ быть, ужъ не далекъ,—когда и я въ свою очередь сойду съ лица земли, оставивъ мою дорогую Анету одну на свѣтѣ, какъ теперь оставляетъ мама меня. Какъ все это печально, тяжело, жестоко! Объ этомъ, однако, не думаютъ; каждую минуту смерть уноситъ кого-нибудь изъ нашей среды, и никто не обращаетъ на это вниманія, никто не думаетъ, что такимъ же точно образомъ она унесетъ скоро и насъ. Еслибъ на это обращали вниманіе, еслибъ думали объ этомъ, не развлекаясь, не увлекаясь и не ослѣпляясь всѣмъ тѣмъ, что происходитъ передъ нами, то жизнь была бы невозможна; видъ этихъ безконечныхъ смертей свелъ бы насъ съ ума.

Я такъ разбита, въ такомъ отчаяніи, что потеряла способность что-нибудь дѣлать. День и ночь я думаю о бѣдной мамѣ, заколоченной въ этомъ ящикѣ, зарытой въ землю, подъ открытомъ небомъ, подъ дождемъ; и это старенькое лицо, которое я цѣловала съ такимъ наслажденіемъ, обратилась теперь въ одну сплошную, ужасную гниль. О, другъ мой, какъ это ужасно, какъ ужасно!

Потерявъ папу, я не чувствовала того, что чувствую теперь: тогда я только что вышла замужъ. Да; пожалѣйте меня, не забывайте, пишите. Вы такъ необходимы мнѣ теперь.

Анна".

„Парижъ, 25 іюля.

Мой бѣдный другъ!

Ваше горе доставляетъ мнѣ ужасное страданіе. Я тоже вижу жизнь не въ розовомъ свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ какъ вы

уѣхали, я потерянъ, покинутъ, безъ привязанности и пристанища. Все меня утомляетъ, надоѣдаетъ, раздражаетъ. Я постоянно думаю о васъ и о нашей Анетѣ, чувствую, что вы обѣ такъ далеко отъ меня, а между тѣмъ мнѣ нужно, чтобы вы были около меня.

Удивительно, какъ далеко, мнѣ кажется, вы отъ меня и какъ вы мнѣ необходимы. Никогда, даже въ дни моей молодости, вы не были для меня *всѣмъ* до такой степени, какъ въ настоящую минуту. Съ нѣкоторыхъ поръ я предчувствовалъ этотъ кризисъ, этотъ солнечный, лѣтній ударъ. Даже странно то, что я испытываю; я вамъ разскажу. Представьте себѣ: послѣ вашего отъѣзда я не могу больше ходить гулять. Въ прежнее время и даже за послѣдніе мѣсяцы я очень любилъ шляться одинъ по улицамъ, развлекаясь людьми и предметами, испытывая жизнерадостное, веселое настроеніе празднаго человѣка. Я шелъ, самъ не зная куда, для того только, чтобы идти, дышать, предаваться грезамъ. Теперь я этого не въ состояніи дѣлать. Стоитъ только мнѣ выйти на улицу, какъ на меня нападаетъ безпокойство, страхъ слѣпого, который упустилъ изъ рукъ собаку. Я испытываю точь въ точь такое же безпокойство, какъ путникъ, потерявшій въ лѣсу тропинку, и я долженъ вернуться назадъ. Парижъ кажется мнѣ пустымъ, ужаснымъ, мрачнымъ. „Куда мнѣ пойти?“ спрашиваю я себя. „Никуда; вѣдь я гуляю“. И не могу, больше не могу гулять безъ всякой цѣли. При одной мысли о ходьбѣ я уже изнемогаю отъ усталости и скуки. Тогда тащу свою меланхолію въ клубъ.

И знаете почему? Единственно только потому, что васъ здѣсь нѣтъ. Я увѣренъ въ этомъ. Когда я знаю, что вы въ Парижѣ, для меня не существуетъ безполезныхъ прогулокъ, потому что является возможность встрѣтить васъ

гдѣ-нибудь на улицѣ. Я могу ходить вездѣ, потому что вездѣ могу встрѣтить васъ. Если я васъ и не встрѣчу, то могу встрѣтить, по крайней мѣрѣ, Анету, эту частицу васъ самихъ. Вы обѣ наполняете мнѣ улицы надеждой, надеждой васъ видѣть, почудится ли мнѣ издали, что вы идете навстрѣчу или я угадываю васъ сзади и спѣшу за вами слѣдомъ. И городъ тогда мнѣ кажется прелестнымъ; отъ всѣхъ женщинъ, съ виду похожихъ на васъ, сердце мое приходитъ въ волненіе и начинаетъ принимать участіе во всемъ уличномъ движеніи; онѣ поддерживаютъ мое вниманіе, занимаютъ зрѣніе, возбуждаютъ какой-то апетитъ васъ видѣть.

Я долженъ вамъ показаться большимъ эгоистомъ, мой бѣдный другъ; какъ старый голубь, воркую я вамъ о своемъ одиночествѣ въ то время, какъ вы проливаете такія горькія слезы. Простите меня, но я такъ привыкъ, чтобы вы меня баловали; когда васъ нѣтъ со мной, я кричу: „Помогите“.

Цѣлую ваши ножки, чтобы вы сжалились надо мной.

Оливье“.

„Ронсьеры, 30 іюля.

Другъ мой!

Спасибо за письмо! Мнѣ такъ необходимо знать, что вы меня любите! Я пережила ужасные дни. Я, право, думала что горе убьетъ и меня въ свою очередь. Это горе, это страданіе камнемъ лежало у меня въ груди и все росло и росло, давило, душило меня. Докторъ, котораго позвали остановить нервные припадки, повторявшіеся раза по четыре, по пяти въ день, впрыснулъ мнѣ морфія, и я почти окончательно потеряла разсудокъ. Страшные жары, которые мы теперь переживаемъ, только ухудшали положеніе и доводили меня до такого возбужденія, которое граничило съ бредомъ. Послѣ сильной грозы въ пятницу я немножко успокоилась. Надо вамъ сказать, что со дня похоронъ я со-

всѣмъ не плакала, и вотъ во время урагана, приближеніе котораго такъ потрясло меня, я почувствовала, какъ слезы, мелкія, рѣдкія, жгучія слезы медленно покатились изъ моихъ глазъ. Охъ! эти первыя слезы, какъ онѣ тяжелы! Какъ когти, рвали онѣ меня на части, сжимали горло, не давали дышать. Потомъ потекли быстрѣе крупныя, теплыя слезы. Онѣ текли изъ моихъ глазъ ручьемъ, и столько ихъ было, столько, столько, что платокъ мой сталъ совсѣмъ мокрый и надо было взять другой, и камень, лежавшій у меня на сердцѣ, точно размягчался, таялъ; горе точно выходило наружу вмѣстѣ со слезами.

Съ этой минуты я плачу съ утра до вечера, и это спасаетъ меня. Еслибъ не было слезъ, то, право, можно въ концѣ концовъ или съ ума сойти, или умереть. Я тоже совершенно одна. Мужъ разъѣзжаетъ по окрестнымъ мѣстамъ, и я настояла, чтобы онъ бралъ съ собой Анету, чтобы немножко развлечь ее, утѣшить. Они уѣзжаютъ въ экипажѣ или верхомъ миль за восемь или за десять отъ Ронсьеръ, и не смотря на свою грусть, Анета возвращается домой розовая, сіяющая юностью; глаза ея, оживленные деревенскимъ воздухомъ и поѣздкой, блещутъ жизнью. Какъ хорошо въ такомъ возрастѣ! Думаю, что мы пробудемъ здѣсь еще недѣли двѣ или три; затѣмъ, несмотря на августъ, вернемся въ Парижъ, вамъ извѣстно, по какой причинѣ.

Посылаю вамъ все, что осталось отъ моего сердца.

Ани".

„Парижъ, 4 августа.

Дорогой другъ! Я больше не въ силахъ; вы должны возвратиться, иначе со мной непремѣнно что-нибудь случится. Я задаю себѣ вопросъ, ужъ не боленъ ли я, до того я чувствую отвращеніе ко всему, что такъ долго продѣлы-

валъ съ нѣкоторымъ даже удовольствіемъ или съ равнодушной покорностью. Прежде всего въ Парижѣ такъ жарко, что каждая ночь представляетъ собой восьми или девяти часовую турецкую баню. Изломанный, утомленный сномъ въ такой банѣ, я встаю и часа два расхаживаю передъ пустымъ холстомъ съ намѣреніемъ что-нибудь писать. Но нѣтъ ничего—ни въ умѣ, ни передъ глазами, ни въ рукахъ. Я больше не художникъ!... Это безплодное усиліе, эта безполезная попытка работать приводитъ въ отчаяніе. Я приглашаю натурщиковъ, натурщицъ, заставляю ихъ позировать, и такъ какъ всѣ эти позы, движенія, всѣ эти выраженія я писалъ уже и написался до сыта, то я велю имъ опять одѣваться и убираться вонъ. Въ самомъ дѣлѣ, я не въ состояніи увидѣть теперь что-либо новое и я страдаю отъ этого такъ, какъ будто я вдругъ ослѣпъ. Что это? Утомленіе зрѣнія или всего мозга, истощеніе артистической способности или переутомленіе оптическаго нерва? Кто знаетъ! Мнѣ казалось, что въ концѣ концовъ я открылъ область неизвѣданнаго, куда мнѣ пришлось ступить. Теперь я вижу только то, что всѣмъ извѣстно; я дѣлаю то, что всѣ плохіе художники дѣлали; мой глазъ и наблюдательность не что иное, какъ глазъ и наблюдательность педанта. Въ прежнее время и не очень еще давно новые сюжеты казались мнѣ безграничными, и для выраженія ихъ у меня было столько разнообразныхъ средствъ, что я колебался даже, затрудняясь, на которомъ остановиться. И вотъ вдругъ область задуманныхъ сюжетовъ опустѣла; моя пытливость потеряла силу и сдѣлалась безплодной. Люди проходятъ мимо меня, но они не имѣютъ теперь для меня смысла; я не вижу теперь больше въ каждомъ человѣческомъ существѣ тѣхъ чертъ, того характера, который я такъ любилъ подмѣчать и выставлять на видъ. Но все-

таки, мнѣ кажется, я могъ бы написать очень хорошій портретъ вашей дочери. Оттого ли это, что она похожа на васъ такъ сильно, что мысленно я васъ смѣшиваю обѣихъ? Можетъ быть, и оттого.

Попытавшись набросать какого-нибудь мужчину или женщину, которые не были бы похожи на всѣ извѣстныя модели, я отправляюсь потомъ куда-нибудь завтракать. Садиться у себя за столъ одному у меня не хватаетъ больше духу. Бульваръ Мальзербъ имѣетъ видъ лѣсной аллеи, замкнутой, среди мертваго города. Отъ всѣхъ домовъ вѣетъ пустотой; поливаютъ улицы, и струи воды бѣлымъ дождемъ обрызгиваютъ деревянную мостовую, издающую запахъ мокраго дегтя и мокрой конюшни. Изъ конца въ конецъ, вдоль длиннаго спуска отъ парка Монсо къ Сентъ-Огюстину, попадаются пять, шесть незначительныхъ, темныхъ фигуръ прохожихъ, приказчиковъ или прислуги. Тѣнь отъ платановъ образуетъ у подножія деревьевъ, на раскаленномъ тротуарѣ, какое-то странное, точно жидкое пятно; можно подумать, что разлита вода и сохнетъ.

Неподвижные листья на вѣткахъ и ихъ сѣрый силуэтъ на асфальтѣ выражаютъ усталость опаленнаго города, который погруженъ въ дремоту и, подобно рабочему, уснувшему на скамьѣ, прямо на припекѣ, обливается потомъ. Да, онъ потѣетъ, этотъ проклятый городъ,—потѣетъ и испускаетъ страшное зловоніе изъ своихъ водосточныхъ отверстій, изъ отдушинъ погребовъ и кухонъ, изъ ручейковъ, по которымъ стекаетъ уличная грязь. Тогда я думаю о лѣтнихъ утрахъ въ вашемъ саду, гдѣ полевые цвѣты сообщаютъ воздуху запахъ меда. Потомъ, раздраженный, вхожу въ ресторанъ, гдѣ за столиками сидятъ съ подавленнымъ видомъ лысые, пузатые господа; жилеты ихъ разстегнуты, влажные лбы сіяютъ. Кушаньямъ жарко; дыня такъ и таетъ подъ кускомъ льда; жарко мягкому хлѣбу, дряблому филе,—жарко пере-

паренным овощамъ, гнилому сыру, фруктамъ, созрѣвшимъ на окнахъ магазиновъ. И я съ отвращеніемъ ухожу, возвращаюсь домой и пытаюсь соснуть немного до тѣхъ поръ, когда надо будетъ идти въ клубъ, гдѣ я обѣдаю.

Тамъ я встрѣчаю постоянно Адельмана, Мальдана, Рокдіана, Ланда и многихъ другихъ, которые надоѣдаютъ и утомляютъ меня не меньше шарманокъ. У каждаго своя пѣсня или свои пѣсни, и я слушаю ихъ вотъ уже пятнадцать лѣтъ; каждый вечеръ они поютъ ихъ всѣ вмѣстѣ въ клубѣ, куда люди ходятъ затѣмъ, повидимому, чтобы развлечься. Для меня надо было бы смѣнить это поколѣніе; мои глаза, уши и умъ пресытились имъ. Эти люди всегда съ побѣдами; они хвастаются ими, поздравляютъ другъ друга.

Зѣвнувъ столько разъ, сколько минутъ отъ восьми часовъ до двѣнадцати, я прихожу домой спать и раздѣваюсь, думая о томъ, что завтра надо будетъ начинать съизнова.

Да, милый другъ, я въ такомъ возрастѣ, когда холостая жизнь становится невыносимой, потому что теперь уже нѣтъ ничего для меня новаго на землѣ. Холостой человѣкъ долженъ быть молодымъ, жаждущимъ, любознательнымъ. Когда этого нѣтъ болѣе, свобода дѣлается опасной. Боже! какъ я любилъ свою свободу прежде, до того времени, когда полюбилъ васъ еще сильнѣе, чѣмъ ее! И какъ она давитъ меня теперь! Свобода для стараго холостяка, такого, какъ я, все равно, что пустота, пустота вездѣ,—смертный путь, и нѣтъ ничего на этомъ пути, что бы заслоняло конецъ; это вѣчный вопросъ: что мнѣ дѣлать? къ кому пойти, чтобы не оставаться одному? И я перехожу отъ одного товарища къ другому, отъ одного рукопожатія къ другому, выпрашивая у всѣхъ, какъ нищій, немножко дружбы. Я собираю разныя крошки, но эти крошки не соединяются въ одинъ цѣлый кусокъ. У меня вы; но вы не принадлежите мнѣ. Можетъ

быть, вы то и есть тотъ источникъ тоски, отъ которой я страдаю, потому что меня тревожитъ именно эта потребность близости, потребность вашего присутствія, потребность общей надъ нами кровли, общихъ стѣнъ, заключающихъ наше существованіе, общихъ интересовъ, сжимающихъ наши сердца, потребность общенія надеждъ, горестей, удовольствій, радостей, печалей, а также общенія, чисто матеріальнаго. Вы принадлежите мнѣ, то-есть, я беру васъ украдкой время отъ времени. Но мнѣ хотѣлось бы дышать постоянно тѣмъ воздухомъ, которымъ дышете вы, дѣлиться съ вами всѣмъ, пользоваться только тѣмъ, что принадлежитъ намъ обоимъ, чувствовать, что все то, чѣмъ я живу, настолько же ваше, насколько мое, — стаканъ, изъ котораго я пью, стулъ, на которомъ сижу, хлѣбъ, который ѣмъ, огонь, которымъ грѣюсь.

Прощайте, возвращайтесь скорѣй. Мнѣ слишкомъ тяжело вдали отъ васъ. Оливье".

„Ронсьеры, 8 августа.

Другъ мой! Я больна и такъ измучена, что вы меня совсѣмъ не узнаете. Мнѣ кажется, что я слишкомъ много плакала. Прежде чѣмъ возвращаться, мнѣ надо отдохнуть немного; я не хочу показываться въ такомъ видѣ, какъ я сейчасъ. Мужъ мой отправляется въ Парижъ послѣ завтра; онъ вамъ сообщитъ всѣ наши новости. Онъ хочетъ пойти куда-нибудь съ вами обѣдать и поручилъ мнѣ просить васъ, чтобы вы ждали его у себя дома часамъ къ семи.

Что же касается меня, то я вернусь къ вамъ тотчасъ же, какъ только почувствую себя немножко лучше, когда у меня не будетъ этого вида покойника, вставшаго изъ могилы; я пугаюсь даже сама себя. У меня тоже нѣтъ никого на свѣтѣ, кромѣ Анеты и васъ, и я хочу, чтобы каждому изъ васъ досталось все, что я могу дать, не обкрадывая другого.

Протягиваю вамъ свои глаза, пролившіе столько слезъ; поцѣлуйте ихъ.

Анна.“

Когда Оливье Бертенъ получилъ это письмо, съ извѣстіемъ о томъ, что возвращеніе все откладывается, у него явилось необузданное желаніе взять извозчика и отправиться на станцію, а оттуда сѣсть въ вагонъ и ѣхать въ Ронсьеры; но вспомнивъ, что Гилльруа долженъ пріѣхать послѣ завтра, онъ покорился своей участи и съ такимъ же почти нетерпѣніемъ сталъ ожидать пріѣзда мужа, съ какимъ ожидалъ бы жену.

Никогда онъ не чувствовалъ такой любви къ Гилльруа, какъ въ эти двадцать четыре часа ожиданія.

Когда тотъ вошелъ, онъ бросился къ нему, протягивая обѣ руки.

— Ахъ, любезный другъ, какъ счастливъ я васъ видѣть!— вскричалъ онъ.

Тотъ, повидимому, тоже былъ очень доволенъ, въ особенсти тѣмъ, что опять въ Парижѣ; въ Нормандіи жизнь была не весела за эти три недѣли.

Они усѣлись на маленькій диванчикъ для двоихъ, въ углу мастерской, подъ балдахиномъ изъ восточной матеріи, и съ растроганнымъ видомъ протянули опять другъ другу руки и пожали ихъ.

— А графиня какъ поживаетъ?—спросилъ Бертенъ.

— Охъ, не совсѣмъ-то хорошо. Она была сильно потрясена, огорчена и теперь слишкомъ медленно поправляется. Признаюсь даже, она немножко безпокоитъ меня.

— Да почему же она не ѣдетъ сюда?

— Ничего не знаю. Я не могъ убѣдить ее вернуться назадъ.

— Что же она дѣлаетъ цѣлый день?

— Боже мой! плачетъ, думаетъ о своей матери. Это нехорошо для нея. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы она рѣшилась перемѣнить эту атмосферу, покинуть, понимаете ли, то мѣсто, гдѣ все это произошло.

— А Анета?

— О! она-то! Цвѣтокъ распустившійся!

Оливье радостно улыбнулся.

— Сильно она была огорчена?—опять спросилъ онъ.

— Да, очень сильно, очень; но вы знаете, въ восемнадцать лѣтъ горе не держится.

— Гдѣ мы будемъ обѣдать, любезный другъ?—помолчавъ, сказалъ Гилльруа.—Мнѣ очень хочется оживиться, слышать шумъ, видѣть движеніе.

— Да, кажется, для настоящаго сезона самое подходящее—кафе des Ambassadeurs.

И они отправились, подъ руку, къ Елисейскимъ полямъ.

Возбужденный оживленіемъ съѣзжавшихся парижанъ, для которыхъ послѣ каждаго отсутствія городъ кажется помолодѣвшимъ и сулитъ всевозможные сюрпризы, Гилльруа разспрашивалъ художника о тысячахъ мелочей, о томъ, что дѣлалось, говорилось. И послѣ равнодушныхъ отвѣтовъ, въ которыхъ отражалась вся скука его одиночества, Оливье заводилъ рѣчь о Ронсьерахъ, стараясь уловить въ этомъ человѣкѣ, собрать то нѣчто почти вещественное, что оставляютъ въ насъ люди, съ которыми мы только что видѣлись, тѣ неуловимыя струи, которыя мы уносимъ съ собой, покидая ихъ, и которыя испаряются въ новой атмосферѣ.

Лѣтнее, вечернее небо тяжело нависло надъ городомъ и надъ широкой улицей. Подъ листвой деревьевъ начинали порхать веселые мотивы концертовъ на открытомъ воздухѣ. Усѣвшись на балконѣ кафе *des Ambasadeurs*, Гилльруа и Бертенъ смотрѣли внизъ на пустые еще скамьи и

стулья, отгороженные передъ небольшой сценой, гдѣ пѣвицы, при блѣдномъ, смѣшанномъ свѣтѣ дня и электрическихъ шаровъ, выставляли на показъ свои яркіе туалеты и розовый отблескъ тѣла. Неуловимый вѣтерокъ пробѣгалъ по каштанамъ и разносилъ по воздуху запахъ соусовъ, жаркихъ и всякихъ горячихъ кушаній. Какая-нибудь дама проходила къ своему мѣсту, въ сопровожденіи мужчины въ черномъ, разсѣвая на пути крѣпительный, свѣжій запахъ платья и тѣла.

— О, здѣсь гораздо лучше, чѣмъ тамъ, — проговорилъ сіяющій Гилльруа.

— А я предпочелъ бы скорѣе быть тамъ, чѣмъ здѣсь,— отвѣтилъ Бертенъ.

— Полноте!

— Ей - Богу. Я нахожу, что нынѣшнее лѣто Парижъ— настощая зараза.

— Э, любезнѣйшій, все-таки это Парижъ.

Депутатъ испытывалъ, повидимому, удовольствіе. На долю его выпалъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ дней веселой оживленности, когда даже важные люди дѣлаютъ глупости.

Онъ смотрѣлъ на двухъ кокотокъ за сосѣднимъ столомъ, съ которыми обѣдали трое молодыхъ людей, очень тощихъ и въ высшей степени безукоризненныхъ на видъ. Гилльруа потихоньку сталъ разспрашивать художника объ извѣстныхъ, выдающихся дѣвицахъ, имена которыхъ онъ слышалъ ежедневно.

— Вамъ хорошо; вы холостой. Можете все дѣлать, все видѣть.

Но художникъ возсталъ противъ этого и, подобно человѣку, котораго преслѣдуетъ одна какая-нибудь мысль, сдѣлалъ Гилльруа повѣреннымъ своихъ печалей и одиночества. Онъ высказалъ все, дочиталъ до конца скорбную повѣсть о

своей грусти и, побуждаемый потребностью облегчить свое сердце, наивно сознался, что сильно желалъ бы любви и близости женщины, которая была бы постоянно возлѣ него. Графъ въ свою очередь признался, что бракъ имѣетъ свою хорошую сторону. И впадая въ парламентское краснорѣчіе, онъ сталъ расхваливать прелести домашней жизни и превозносилъ до небесъ графиню. Оливье одобрительно кивалъ ему то и дѣло головой.

Онъ былъ счастливъ тѣмъ, что слышитъ о ней; но то интимное счастье, которое восхвалялъ какъ бы по обязанности Гилльруа, возбуждало въ немъ ревность.

— Да, вамъ хорошо,—съ искреннимъ убѣжденіемъ проговорилъ, наконецъ, художникъ.

Польщенный депутатъ согласился.

— Мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы она вернулась,—сказалъ онъ;—право, она безпокоитъ меня теперь. Вотъ вы скучаете въ Парижѣ; вы должны ѣхать въ Ронсьеры и привезти ее сюда. Васъ она послушается; вы лучшій другъ ея; мужъ... знаете ли...

— Я только этого и желаю, — сказалъ въ восторгѣ Оливье.—Но... какъ вы думаете, не разсердится она, если я такъ пріѣду?

— Нисколько; полноте, любезный другъ.

— Въ такомъ случаѣ я согласенъ. Я отправлюсь завтра съ поѣздомъ, который идетъ въ часъ. Надо ли посылать телеграмму?

— Не надо; я беру это на себя. Я извѣщу ее для того, чтобы экипажъ дожидался васъ на станціи.

Они кончили обѣдать и вышли на бульвары; но не прошло и полу-часа, какъ графъ вдругъ оставилъ художника подъ предлогомъ какого-то безотлагальнаго дѣла, о которомъ онъ совершенно позабылъ.

II.

Графиня съ дочерью, одѣтыя въ черный крепъ, сѣли завтракать другъ противъ друга въ обширной залѣ въ Роньерахъ.

По стѣнамъ висѣли наивные портреты предковъ,—цѣлая коллекція умершихъ Гилльруа, въ старинныхъ рамахъ съ осыпавшейся позолотой: кто въ латахъ, кто въ кафтанѣ, кто напудренъ, въ костюмѣ офицера французской гвардіи, кто одѣтъ полковникомъ Реставраціи. Два лакея неслышными шагами стали подносить кушанья двумъ безмолвнымъ женщинамъ. Вокругъ хрустальной люстры, висѣвшей надъ столомъ, кружились и жужжали мухи,—цѣлое облачко черныхъ точекъ.

— Растворите окна,—сказала графиня;—здѣсь немного свѣжо.

Три высокихъ окна, отъ паркета до потолка, и широкихъ, какъ ворота, растворились на обѣ половинки. Въ эти три огромныхъ отверстія ворвались струи теплаго воздуха и смѣшались съ сыроватой атмосферой большой комнаты за толстыми стѣнами; воздухъ принесъ съ собой запахъ разгоряченной травы и отдаленный деревенскій шумъ.

— Ахъ, хорошо!—сказала Анета, дыша полной грудью.

Глаза обѣихъ женщинъ устремились вдаль; онѣ смотрѣли на зеленую лужайку парка, подъ блѣдно-голубымъ небомъ, слегка затянутымъ полуденной дымкой, которая переливается надъ землей, пронизанной солнцемъ; группы деревьевъ образуютъ мѣстами островки; далекія перспективы открываются на желтѣющія поля, гдѣ созрѣвшая жатва золотой скатертью разстилается до самаго горизонта.

— Послѣ завтрака мы далеко пойдемъ гулять,—сказала графиня.—Можемъ пѣшкомъ отправиться въ Бервиль, вдоль рѣки; полемъ идти очень жарко.

— Да, мама; и возьмемъ съ собою Жюліо; онъ будетъ гонять куропатокъ.

— Ты знаешь, что отецъ запрещаетъ это.

— О! но вѣдь папа въ Парижѣ! Такъ интересно, когда Жюліо дѣлаетъ стойку. Вотъ и онъ, дразнитъ коровъ. Боже! до чего онъ смѣшонъ!

И, оттолкнувъ стулъ, она встала и подбѣжала къ окну.

— Смѣлѣй, Жюліо, смѣлѣй!—кричала она оттуда.

На лужайкѣ отдыхали, изнемогая отъ жары, три полновѣсныхъ коровы; онѣ наѣлись травы и лежали теперь на боку, придавивъ животъ и выпятивъ его кверху. Стройная охотничья собака, бѣлой съ рыжимъ масти, лѣзла изъ кожи вонъ, стараясь поднять на ноги трехъ крупныхъ животныхъ; но тѣ не хотѣли этого. Весело прикидываясь злой и разъяренной, собака съ лаемъ и неистовыми прыжками перебѣгала отъ одной коровы къ другой; лохматыя уши ея такъ и взлетали кверху при каждомъ прыжкѣ. Очевидно, это была любимая игра собаки, и она принималась за нее всякій разъ, какъ только замѣчала, что коровы улеглись. Тѣ же, недовольныя, но безъ малѣйшаго страха смотрѣли на нее своими большими влажными глазами, поворачивая голову слѣдомъ за ней.

— Возьми, Жюліо, возьми!—кричала Анета изъ окна.

Собака еще болѣе возбуждалась, дѣлалась смѣлѣй, лаяла громче и подбѣгала совсѣмъ близко къ коровѣ сзади, дѣлая видъ, что хочетъ укусить. Коровы начинали безпокоиться; нервныя подергиванія кожи, которыми онѣ сгоняли мухъ, становились чаще и продолжительнѣй.

Вдругъ собака такъ разбѣжалась, что не могла вó-время остановиться и, чтобы не опрокинуться на корову, принуждена была перескочить черезъ нее. Задѣтое прыжкомъ, грузное животное испугалось; корова подняла сначала го-

лову, потомъ, тяжело фыркая, медленно встала на ноги. Видя, что она встала, примѣру ея тотчасъ же послѣдовали и другія. Жюліо побѣдоносно плясалъ вокругъ нихъ. Анета поздравляла его.

— Браво, Жюліо, браво!

— Да иди же завтракать, дитя мое—сказала графиня.

— А! телеграмму несутъ,—сказала дѣвушка, загораживая глаза рукой.

По невидимой тропинкѣ, исчезавшей среди ржи и овса, мѣрнымъ шагомъ направлялась къ дому мужская фигура; синяя блуза точно скользила поверхъ колосьевъ.

— Боже мой!—проговорила графиня,—только бы не дурныя вѣсти!

Она содрагалась еще отъ того ужаса, который такъ долго остается въ насъ послѣ телеграммы съ извѣстіемъ о смерти любимаго существа. Она не въ силахъ была теперь разорвать обертку и развернуть маленькій клочекъ синей бумаги, чтобы при этомъ пальцы ея не дрожали и душа не замирала; она думала, что эта сложенная бумажка, которая такъ долго не развертывается, заключаетъ въ себѣ горе, и это горе опять заставитъ ее проливать слезы.

Анета, напротивъ, полная юношескаго любопыства, любила все неизвѣстное, ожидающее насъ впереди. Сердцу ея жизнь въ первый разъ только нанесла рану; кромѣ радостей, оно ничего не ждало отъ страшной, черной сумки, висѣвшей сбоку у почтальона. А сколько тревогъ и волненій сѣетъ эта сумка по городскимъ улицамъ и деревенскимъ дорогамъ!

Графиня перестала ѣсть; она слѣдила въ умѣ за человѣкомъ, который шелъ къ ней, несъ ей нѣсколько словъ, и эти нѣсколько словъ ударятъ ее, быть можетъ, какъ ножомъ по горлу. Она томилась невѣдѣніемъ и задыхалась,

стараясь угадать, что это за спѣшное извѣстіе. По какому поводу? О комъ? У нея мелькнула мысль объ Оливье Бертенѣ. Ужь не боленъ ли онъ? Умеръ, можетъ быть, тоже?

Десять минутъ, которыя надо было ждать, показались ей безконечными. Она вскрыла телеграмму, увидала подпись мужа и прочитала: „Увѣдомляю тебя, что другъ нашъ, Бертенъ, ѣдетъ въ Ронсьеры съ часовымъ поѣздомъ. Пошли фаэтонъ на станцію. Цѣлую".

— Ну, мама?—сказала Анета.

— М-сье Оливье Бертенъ пріѣдетъ къ намъ.

— Ахъ! какое счастье! Когда же?

— Сейчасъ.

— Въ четыре часа?

— Да.-

— О! какъ это мило съ его стороны!

Но графиня была блѣдна; съ нѣкоторыхъ поръ въ ней росла новая забота, и внезапный пріѣздъ художника показался ей столь же тяжелымъ и грознымъ, какъ и все то, что она предусматривала заранѣе.

— Ты поѣдешь за нимъ,—сказала она дочери.

— А, ты мама, развѣ не поѣдешь?

— Нѣтъ; я буду ждать васъ здѣсь.

— Почему? Это огорчитъ его.

— Я чувствую себя не совсѣмъ хорошо.

— Сейчасъ только ты собиралась идти пѣшкомъ въ Бервиль.

— Да, но послѣ завтрака мнѣ стало не хорошо.

— Ты еще поправишься до тѣхъ поръ.

— Нѣтъ; я пойду къ себѣ въ комнату. Пришли мнѣ сказать, когда пріѣдете.

— Хорошо, мама.

И отдавъ приказаніе, чтобы къ такому-то часу заложили

фаэтонъ и приготовили помѣщеніе, графиня ушла къ себѣ и заперлась.

До сихъ поръ жизнь ея протекла почти безъ страданій; спокойствіе нарушили только любовь Оливье и забота удержать его за собой. И это ей удавалось; она всегда одерживала побѣду въ этой борьбѣ. Сердце ея, убаюканное похвалой и успѣхами, стало требовательнымъ, какъ сердце свѣтской красавицы, къ услугамъ которой всѣ прелести земныя. Согласившись на блестящій бракъ, гдѣ склонность не играла никакой роли, она встрѣтила затѣмъ любовь, какъ дополненіе къ счастливой жизни и рѣшилась на преступную связь главнымъ образомъ по увлеченію, отчасти по убѣжденію, вѣруя въ свое чувство и смотря на него, какъ на вознагражденіе за свой вульгарный образъ жизни; послѣ того она замкнулась въ свое счастье, доставшееся ей случайно, и обнесла его баррикадами, имѣя одно только желаніе: защищать его отъ вседневныхъ случайностей. Она приняла съ благосклонностью хорошенькой женщины представлявшіяся ей пріятныя событія и, совсѣмъ почти не предпріимчивая, не обуреваемая новыми потребностями и жаждой неизвѣстнаго, нѣжная, упорная и предусмотрительная, довольная настоящимъ, но по природѣ не спокойная за завтрашній день, бережно, съ проницательной осторожностью умѣла пользоваться тѣмъ, что доставляла ей судьба.

Но мало-по-малу,—она не смѣла даже признаться въ томъ самой себѣ,—въ ея душу закралась смутная забота о проходящихъ дняхъ, о наступающемъ возрастѣ. И эта мысль грызла ее постоянно. Но зная отлично, что этотъ жизненный спускъ бездонный, что разъ онъ начался, его нельзя остановить,—зная все это и поддаваясь инстинкту опасности, она скользила по склону внизъ съ закрытыми

глазами, чтобы удержать свою мечту, чтобы не закружилась голова при видѣ пропасти, не напало отчаяніе безсилія.

Она жила, улыбаясь, съ какой-то неестественной гордостью помышляя о томъ, что она все еще красива, и вмѣсто того, чтобы страдать отъ сосѣдства, когда рядомъ съ ней появилась Анета съ своей восемнадцатилѣтней свѣжестью, она, напротивъ, гордилась тѣмъ, что ея зрѣлость, ея искусную грацію можно предпочесть лучезарному блеску первой молодости этой только что расцвѣтшей дѣвочки.

Она думала даже, что теперь для нея наступитъ счастливая, спокойная пора, какъ вдругъ смерть матери нанесла ей ударъ прямо въ сердце. Глубокое отчаяніе первыхъ дней не давало мѣста другой какой-нибудь мысли. Съ утра до ночи она погружена была въ неутѣшное горе, призывая на память тысячу воспоминаній объ умершей, ея обычныя слова, прежнее лицо, платья, которыя она когда то носила; въ глубинѣ своей памяти она какъ бы нашла святыню и собрала въ исчезнувшемъ прошломъ всѣ мелкія, ничтожныя воспоминанія для того, чтобы питать ими свои жестокія мечты. Потомъ, когда она дошла до послѣдняго пароксизма отчаянія и съ ней поминутно стали дѣлаться обмороки и нервные припадки, накопившееся горе вылилось наружу слезами, и эти слезы день и ночь текли изъ ея глазъ.

Но вотъ, разъ утромъ, на вопросъ вошедшей горничной, открывшей ставни и занавѣски: „Какъ сегодня поживаетъ барыня?“ она, чувствуя, что изнемогаетъ отъ слезъ и совершенно разбита, сказала: „О! совсѣмъ плохо. Право, я не въ силахъ больше переносить“.

Въ это время горничная держала передъ ней подносъ съ чаемъ; она взглянула на свою госпожу и, тронутая ея блѣд-

ностью, выступавшей среди бѣлизны постели, съ грустью, искренно проговорила:

— Въ самомъ дѣлѣ, сударыня, какой у васъ нехорошій видъ! Вамъ надо заняться собой.

Тонъ, какимъ было это сказано, кольнулъ графиню въ самое сердце, точно вонзилъ ей остріе иголки, и какъ только горничная ушла, она встала и подошла къ зеркальному шкапу, посмотрѣть на свое лицо.

Она остолбенѣла отъ ужаса, увидѣвъ себя, свои впалыя щеки, покраснѣвшіе глаза, увидѣвъ, какое разрушеніе нанесло ей въ эти нѣсколько дней страданіе. И ей показалось вдругъ, что это не ея лицо, не то лицо, которое она такъ хорошо знала, такъ часто разсматривала въ столькихъ зеркалахъ, знала всякое выраженіе его, всякую грацію, улыбку; сколько разъ приходилось ей исправлять это лицо, уничтожать блѣдность, усталость, маленькія морщинки по угламъ глазъ, замѣтныя при очень яркомъ свѣтѣ. Ей казалось, что это лицо другой какой то женщины, совершенно новое, неизлѣчимо больное и приходившее въ разрушеніе.

Чтобы лучше разсмотрѣть себя и убѣдиться въ неожиданномъ бѣдствіи, она приблизилась къ самому зеркалу, коснулась его лбомъ, такъ что отъ дыханія ея образовалось на стеклѣ туманное пятно и почти совсѣмъ закрыло блѣдное изображеніе, которое она разсматривала. Графиня принуждена была взять платокъ и стереть туманъ; она подвергла долгому, терпѣливому осмотру измѣненія своего лица, дрожа отъ какого-то непонятнаго волненія. Вытянула слегка пальцемъ кожу на щекахъ, на лбу, приподняла волосы, отвернула вѣки, чтобы лучше разсмотрѣть бѣлокъ глаза, потомъ разинула ротъ и осмотрѣла зубы, слегка потускнѣвшіе, съ блестѣвшими кусочками золота; синева десенъ и желтоватый оттѣнокъ кожи надъ щеками и на вискахъ безпокоили ее.

Она съ такимъ вниманіемъ отдалась осмотру приходившей въ упадокъ красоты, что не слыхала даже, какъ отворилась дверь; она вздрогнула до глубины души, когда услыхала голосъ горничной позади себя:

— Вы забыли, сударыня, про чай.

Графиня обернулась, сконфуженная, удивленная, пристыженная.

— Вы слишкомъ много плакали, сударыня,—сказала горничная, угадывая ея мысль.—Для лица нѣтъ ничего хуже слезъ. Вѣдь это портитъ кровь.

— Ну, и возрастъ тоже,—прибавила съ грустью графиня.

— Охъ! охъ! не правда ваша,—вскричала горничная.—Стоитъ только отдохнуть нѣсколько дней, и ничего не будетъ. Вамъ надо гулять, сударыня, и постараться больше не плакать.

Графиня, какъ только одѣлась, вышла въ паркъ и въ первый разъ послѣ смерти матери зашла въ свой садикъ, гдѣ такъ любила прежде рвать цвѣты и ухаживать за ними. Потомъ вышла на рѣку и ходила по берегу до самаго завтрака.

Садясь за столъ рядомъ съ дочерью, противъ мужа, она сказала, желая вывѣдать ихъ мнѣніе.

— Сегодня я чувствую себя лучше. Вѣроятно, я не такъ блѣдна.

— Ахъ, у тебя еще очень нехорошій видъ, — отвѣтилъ графъ.

Сердце ея сжалось; глаза стали влажными; ей хотѣлось плакать; она такъ привыкла къ слезамъ.

Весь этотъ день до самаго вечера, на другой день и всѣ слѣдующіе дни, думала ли она о матери или о себѣ, она чувствовала поминутно, какъ рыданія подступаютъ ей къ горлу и поднимаются къ вѣкамъ; но не желая давать

имъ волю, давать разрушать имъ свои щеки, она удерживала ихъ, употребляя нечеловѣческія усилія воли для того, чтобы обратить свои мысли на посторонніе предметы, овладѣть ими, забрать въ руки, отвлечь отъ терзавшаго ее горя,—старалась утѣшить себя, развлечь, не думать больше о печальномъ, и все это для того, чтобы опять возвратить себѣ здоровый цвѣтъ лица.

Въ особенности не хотѣлось ей возвращаться въ Парижъ и видѣть Оливье Бертена раньше, чѣмъ она придетъ въ себя и оправится. Понимая отлично, что она слишкомъ сильно похудѣла, что въ ея возрастѣ женщина должна быть полной, чтобы не утратить свѣжести, она по сосѣднимъ дорогамъ и лѣсамъ старалась набраться аппетита, старалась ѣсть какъ можно больше, не обращая вниманія на то, что возвращалась домой усталая, не чувствуя ни малѣйшаго голода.

Графу хотѣлось ѣхать назадъ, и онъ положительно не понималъ ея упрямства. Наконецъ, видя такое непобѣдимое упорство, онъ объявилъ, что уѣзжаетъ одинъ, представляя графинѣ полнѣйшую свободу, вернуться, когда ей будетъ угодно.

На другой день она получила телеграмму съ извѣстіемъ о пріѣздѣ Оливье.

На нее напало желаніе убѣжать, такъ страшилъ ее первый взглядъ его. Хотѣлось подождать еще недѣльку или двѣ. Занимаясь собой, можно въ одну недѣлю совершенно измѣнить лицо, потому что женщины, даже очень здоровыя и молодыя, отъ малѣйшаго вліянія дѣлаются неузнаваемы въ одинъ день. Показаться Оливье при солнечномъ свѣтѣ, въ открытомъ полѣ, подъ лучами августовскаго солнца, рядомъ съ такой свѣжей Анетой, — эта мысль до такой степени безпокоила ее, что она тотчасъ же рѣшила не ѣхать на станцію и ждать его въ полу-свѣтѣ гостиной.

Она поднялась наверхъ, къ себѣ въ комнату, и отдалась мечтамъ. Порывы горячаго вѣтра шевелили по временамъ занавѣски. Въ воздухѣ стояло стрекотаніе кузнечиковъ. Никогда еще она не испытывала такой грусти. То было не то уже большое, подавляющее горе, которое раздавило ея сердце, растерзало ее, уничтожило, при видѣ бездыханнаго тѣла нѣжно-любимой старушки матери. То горе, казавшееся ей неизлѣчимымъ, черезъ нѣсколько дней смягчилось и перешло въ болѣзненное воспоминаніе. Теперь же она чувствовала, что глубокій потокъ безъисходной грусти охватившій ее потихоньку, уноситъ ее съ собой, что онъ потопилъ ее окончательно и ей оттуда уже не выдти.

У нея было желаніе заплакать,—желаніе неудержимое; но она не хотѣла. Всякій разъ, какъ только она чувствовала, что вѣки ея дѣлаются влажными, она быстро утирала ихъ, вставала съ мѣста, ходила по комнатѣ, смотрѣла въ паркъ, слѣдила за чернѣвшимъ въ синемъ небѣ, медленнымъ полетомъ вороновъ надъ чащей высокихъ деревьевъ.

Потомъ, проходя мимо зеркала, бросала на себя испытующій взглядъ, прикладывала пуховку съ рисовой пудрой къ угламъ глазъ, чтобы уничтожить слѣдъ скатившейся слезы, и смотрѣла на часы, стараясь угадать, гдѣ теперь Бертенъ, до какого мѣста онъ доѣхалъ.

Подобно всѣмъ женщинамъ, одолѣваемымъ какой-нибудь душевной скорбью, вымышленной или дѣйствительной, она привязывалась къ художнику съ безумной нѣжностью. Развѣ онъ для нея не все на свѣтѣ,—все, все! Онъ больше, чѣмъ жизнь; онъ—все, какъ человѣкъ, котораго единственно любишь, и притомъ чувствуешь, что уже старѣешь.

Вдругъ ей послышались вдали хлопанья бича; она подбѣжала къ окну; фаэтонъ въ это время катилъ на парѣ во всю рысь, огибая лужайку. Въ глубинѣ экипажа, рядомъ съ

Анетой, сидѣлъ Оливье и, завидѣвъ графиню, махалъ ей платкомъ; въ отвѣтъ на этотъ знакъ она посылала ему привѣтствія обѣими руками. Она сошла внизъ, съ бьющимся сердцемъ, но счастливая, вся трепещущая и радостная, довольная, что онъ близко теперь, что она будетъ говорить съ нимъ, увидитъ его.

Они встрѣтились въ прихожей, передъ дверью въ гостиную. Съ неудержимымъ порывомъ, онъ раскрылъ передъ ней свои объятія и съ неподдѣльнымъ волненіемъ въ голосѣ сказалъ:

— Ахъ, позвольте мнѣ обнять васъ, бѣдная графиня!

Она закрыла глаза, наклонилась, прижалась къ нему, подставляя щеки и, когда онъ цѣловалъ, проговорила ему на ухо: „Люблю тебя“.

И все еще крѣпко сжимая ее въ своихъ объятіяхъ, онъ посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Ну-ка, дайте посмотрѣть на ваше печальное лицо.

Она почувствовала, что силы оставляютъ ее.

— Да, довольно блѣдно,—продолжалъ онъ;—но это ничего.

— Ахъ, другъ мой, другъ мой,—проговорила она ему въ благодарность, не зная, что больше сказать.

Онъ обернулся назадъ, ища глазами скрывшуюся Анету.

— Какъ странно, не правда-ли, видѣть вашу дочь въ траурѣ?—вдругъ проговорилъ онъ.

— Почему?—спросила графиня.

— Какъ почему? — съ необыкновеннымъ одушевленіемъ вскричалъ онъ.—Да вѣдь это вашъ портретъ, который я писалъ; это мой портретъ! Вѣдь это вы, какой я васъ встрѣтилъ тогда у герцогини. Помните, когда вы прошли мимо меня въ дверяхъ, какъ проходитъ фрегатъ мимо крѣпостной пушки, а? Боже мой! Когда я увидалъ сейчасъ на станціи дѣвочку въ траурѣ и вокругъ лица ея волосы, освѣщенные солнцемъ, кровь такъ и пробѣжала по моимъ жи-

ламъ. Я думалъ, что заплачу. Говорю вамъ, просто съ ума можно сойти, особенно тому, кто зналъ васъ, какъ я, кто разсмотрѣлъ васъ лучше всѣхъ, любилъ больше всѣхъ и воспроизвелъ на портретѣ. Ахъ! я такъ и подумалъ, что вы прислали ее одну на станцію для того, чтобы удивить меня. Боже мой! Какъ я былъ пораженъ! Говорю вамъ, просто съ ума можно сойти!

— Анета! Нанэ!—закричалъ онъ.

— Я здѣсь, здѣсь!—послышался голосъ со двора. Анета кормила лошадей сахаромъ.

— Поди же сюда.

Она прибѣжала.

— Постой, стань рядомъ съ мамой.

Она стала. Онъ сравнивалъ.

— Да, удивительно, удивительно,—машинально повторялъ онъ, но безъ всякаго убѣжденія. Теперь онѣ не такъ были похожи другъ на друга, какъ до отъѣзда изъ Парижа. Въ черномъ платьѣ дѣвушка пріобрѣла новое выраженіе, блескъ юности; мать же давно утратила тотъ яркій цвѣтъ лица и волосъ, которымъ она когда то ослѣпила, опьянила художника при первой встрѣчѣ.

Художникъ вошелъ съ графиней въ гостиную. Онъ, казалось, такъ и сіялъ.

— Ахъ, какъ хорошо, что мнѣ пришла въ голову мысль пріѣхать сюда!—говорилъ онъ.—Нѣтъ, это вашъ мужъ придумалъ за меня, — спохватился онъ. — Онъ поручилъ мнѣ привезти васъ обратно. А я, знаете, что вамъ предлагаю? Нѣтъ; не знаете? Я вамъ предлагаю, напротивъ, остаться здѣсь. Въ эти жары Парижъ отвратителенъ; въ деревнѣ же прелестно. Боже! какъ хорошо!

Наступающій вечеръ сообщалъ прохладу парку и заставлялъ вздрагивать деревья; отъ земли поднимались неуло-

вимые пары и бросали прозрачную дымку на горизонтъ. Три коровы встали и, нагнувъ голову, съ жадностью щипали траву, а четыре павлина, сильно шумя крыльями, взбирались на кедръ, подъ окнами дома, гдѣ они имѣли обыкновеніе спать. Гдѣ-то далеко лаяли собаки; среди спокойствія кончающагося дня раздавались человѣческіе возгласы, отдѣльно брошенныя фразы съ одного поля на другое и короткія, гортанныя покрикиванья погонщиковъ скота.

Художникъ, съ открытой головой, съ блестящими глазами, дышалъ полной грудью. Графиня смотрѣла на него.

— Вотъ оно, счастье,—сказалъ онъ.

Она подошла къ нему ближе.

— Оно никогда не бываетъ продолжительнымъ.

— Будемъ имъ пользоваться, пока оно есть.

— До сихъ поръ вы не любили деревню,—сказала она тогда съ улыбкой.

— Теперь я ее люблю, потому что вы тутъ. Я не могу больше жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ васъ нѣтъ. Когда молодъ, можно любить издали, можно довольствоваться письмами, мыслями, одной чистой экзальтаціей, оттого, можетъ быть, что жизнь чувствуется еще впереди, а, можетъ быть, и оттого, что въ любви тогда больше страсти, чѣмъ сердечныхъ потребностей. Въ моемъ возрастѣ любовь, напротивъ, обращается въ привычку больного; это бальзамъ души, которая бьется уже только однимъ крыломъ и не такъ уносится въ идеалъ. Въ сердцѣ нѣтъ больше восторженности; въ немъ одни только эгоистическія требованія. И потомъ я прекрасно знаю, что мнѣ не приходится больше терять ни одного дня изъ того, что осталось на мою долю.

— О! старикъ!—сказала она, беря его за руку.

— Да, да, старикъ,—повторялъ онъ.—Все указываетъ на это: мои волосы, мой измѣнившійся характеръ, тоскливое

настроеніе. Вотъ ужъ чего я прежде не зналъ, чортъ побери!—тоски. Еслибъ кто сказалъ мнѣ въ тридцать лѣтъ, что я буду страдать когда-нибудь отъ безпричинной тоски› безпокойства, буду всѣмъ недоволенъ, я бы не повѣрилъ. Это доказываетъ, что сердце мое тоже состарилось.

— О! мое сердце совершенно молодо, — отвѣтила она съ глубокимъ убѣжденіемъ.—Оно не перемѣнилось. Да, еще, пожалуй, помолодѣло. Ему было двадцать лѣтъ; теперь всего только шестнадцать.

Они долго разговаривали такъ у открытаго окна, сливаясь душой съ наступающимъ вечеромъ, стоя близко другъ къ другу, такъ близко, какъ никогда прежде, въ эти минуты нѣжности, такія же сумрачныя, какъ и сумерки дня.

— Кушать подано, графиня,—сказалъ вошедшій лакей.

— Сказали объ этомъ дочери?—спросила она.

— Мадемуазель въ столовой.

Они втроемъ сѣли за столъ. Ставни закрыты. Два большихъ канделябра въ шесть свѣчей освѣщаютъ лицо Анеты, осыпая ея голову какъ бы золотой пудрой. Бертенъ, улыбаясь, все смотрѣлъ на нее.

— Боже! какъ она хороша въ черномъ!—сказалъ онъ.

И любуясь дочерью, онъ обертывался къ графинѣ, какъ бы для того, чтобы поблагодарить мать за доставленное ему удовольствіе.

Когда они возвратились въ гостиную, въ это время луна взошла надъ деревьями парка. Ихъ темная масса казалась большимъ островомъ, а окружающая равнина моремъ, исчезавшимъ подъ легкимъ туманомъ, стлавшимся по землѣ.

— О! мама, пойдемъ гулять,—сказала Анета.

Графиня согласилась.

— Я возьму Жюліо.

— Бери, если хочешь.

Они вышли изъ дома. Молодая дѣвушка шла впереди, играя съ собакой. Проходя мимо лужайки, они слышали сопѣнье коровъ; проснувшись и почуявъ врага, коровы подняли голову и глядѣли. Сквозь вѣтви деревьевъ вдали пронизывался на землю цѣлый дождь мелкихъ лучей луннаго свѣта, обливая листья и оставляя на дорогѣ маленькія лужицы желтаго свѣта. Анета бѣгала съ Жюліо; въ эту ясную ночь сердца ихъ, казалось, были одинаково радостны, одинаково свободны; восторги и опьяненія выражались въ скачкахъ и прыжкахъ.

На прогалинахъ, куда лунный свѣтъ спускался, какъ въ колодезь, фигура дѣвушки являлась, какъ видѣніе. Художникъ звалъ ее къ себѣ, очарованный этимъ чернымъ видѣніемъ съ яснымъ, ярко освѣщеннымъ лицомъ. Потомъ когда она снова уходила, онъ бралъ руку графини, сжималъ ее въ своей и нерѣдко въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тѣни сгущались сильнѣй, старался поймать ея губы, точно каждый разъ Анета оживляла своимъ видомъ нетерпѣливые порывы его сердца.

Наконецъ, они вышли на окраину равнины, гдѣ мѣстами вдали чуть замѣтно виднѣлись группы деревьевъ на фермахъ. Сквозь молочную мглу полей горизонтъ уходилъ въ безконечную даль, и легкая тишина, живая тишина этого яснаго и теплаго простора была полна невыразимой надежды, непонятнаго ожиданія, которое придаетъ такую прелесть лѣтнимъ ночамъ. Высоко въ небѣ длинныя, тонкія облачка, казалось, сдѣланы изъ серебристой чешуи. Простоявъ нѣсколько секундъ неподвижно, можно было услышать среди этой ночной тишины смутный непрерывный ропотъ жизни, тысячу легкихъ звуковъ, гармонія которыхъ походила сначала на тишину.

Съ сосѣдняго луга доносился двойной крикъ перепела, и

Жюліо, насторожививъ уши, шелъ, крадучись, на эти двѣ флейтовыя ноты птицы. Анета, такая же легкая, какъ онъ, затаивъ дыханіе и пригнувшись къ землѣ, шла слѣдомъ за нимъ.

— Ахъ! зачѣмъ такія минуты, какъ эта, проходятъ такъ быстро?—сказала графиня, оставшись вдвоемъ съ художникомъ.—Ничего нельзя удержать, ничего нельзя сохранить. Не имѣемъ даже времени насладиться тѣмъ, что хорошо. Все уже кончено.

— О! сегодняшній вечеръ я не философствую,— сказалъ Оливье, съ улыбкой цѣлуя ея руку.—Я весь отдаюсь этимъ минутамъ.

— Вы меня не такъ сильно любите, какъ я васъ люблю!— проговорила она.

— Вотъ тебѣ разъ!..

— Нѣтъ,—перебила она его,—вы любите во мнѣ, какъ вы сами довольно удачно сказали передъ обѣдомъ, женщину, которая удовлетворяетъ потребности вашего сердца, женщину, которая ни разу не причинила вамъ огорченія и которая внесла немножко счастья въ вашу жизнь. Это я знаю, знаю. Да, я была для васъ добра, полезна, помогала вамъ; я это сознаю и испытываю живѣйшую радость. Вы любили во мнѣ, любите еще и теперь все то, что находите пріятнаго, мое вниманіе къ вамъ, поклоненіе, стараніе нравиться вамъ, мою страсть и то, что я принесла вамъ въ даръ всецѣло свою душу. Но вы любите не меня, понимаете ли! О! я это чувствую, какъ чувствуютъ струю холоднаго воздуха. Вы любите во мнѣ тысячу вещей, красоту, которая уже уходитъ, преданность, мнѣніе, которое составилъ обо мнѣ свѣтъ, мое мнѣніе о васъ, которое я храню въ душѣ; но не меня, не меня одну, понимаете ли?

Онъ дружески усмѣхнулся.

— Нѣтъ, хорошенько не понимаю. Вы совершенно неожиданно дѣлаете мнѣ сцену упрековъ.

— О, Боже мой!—вскричала она.—Мнѣ хотѣлось бы чтобы вы меня поняли, какъ я люблю васъ. Вотъ видите, стараюсь и не могу. Когда я думаю о васъ, а я думаю о васъ постоянно, я испытываю въ глубинѣ тѣла и души моей невыразимое упоеніе, сознавая, что принадлежу вамъ, и чувствую непреодолимую потребность отдаваться вамъ полнѣе. Мнѣ хотѣлось бы безусловно пожертвовать собой, потому что, когда любишь, нѣтъ ничего лучше, какъ отдавать, отдавать постоянно, все, все, свою жизнь, свои мысли, тѣло, все, что имѣешь, и при этомъ чувствовать, что даешь, и быть на готовѣ всѣмъ рисковать, чтобы давать все больше и больше. Я васъ люблю до такой степени, что люблю страдать изъ-за васъ, люблю свои тревоги, мученія, ревность, люблю огорчаться, когда чувствую, что вы не такъ нѣжны ко мнѣ. Я люблю въ васъ что-то такое, что я одна открыла, люблю васъ, но не такого, какой вы для свѣта, какимъ васъ знаютъ, поклоняются, люблю своего Оливье, который не можетъ измѣниться, не можетъ старѣть, котораго я не могу ужъ не любить, потому что смотрю на него глазами, не видящими никого, кромѣ него. Но всего этого не выскажешь. Для выраженія этого нѣтъ словъ.

— Милая, милая, милая Ани,—тихо проговорилъ онъ нѣсколько разъ подрядъ.

Жюліо припрыжками возвращался назадъ, не найдя перепела, который замолкъ при его приближеніи. Анета, запыхавшись отъ бѣготни, не отставала отъ него.

— Не могу больше,—сказала она.—Прицѣплюсь къ вамъ, господинъ художникъ!

Она оперлась на свободную руку Оливье, и въ такомъ порядкѣ они пошли домой—онъ между ними,—подъ чер-

нѣющими деревьями. Они не разговаривали. Онъ шелъ, отдаваясь ихъ власти, проникнутый какимъ-то женскимъ токомъ, который струился на него отъ ихъ прикосновенія. Онъ не смотрѣлъ на нихъ, потому что онѣ были тутъ возлѣ него; онъ даже закрывалъ глаза, чтобы лучше чувствовать ихъ присутствіе. Онѣ вели его, указывали ему путь, а онъ шелъ, увлеченный ими, той, которая шла слѣва, и той, которая шла справа, не зная, которая слѣва, которая справа, которая мать, которая дочь, онъ, безсознательно, съ какой-то особенно тонкой чувственностью охотно отдавался волнующему его ощущенію. Онъ старался даже смѣшать ихъ въ своемъ сердцѣ, не различать въ умѣ и баюкалъ свое желаніе прелестью этого смѣшенія. Развѣ мать и дочь, такъ похожія другъ на друга, не одна женщина? Развѣ не казалось, что дочь явилась на свѣтъ для того только, чтобы оживить молодостью его старинную любовь къ матери?

Когда при входѣ въ домъ онъ открылъ глаза, ему показалось, что онъ провелъ самыя восхитительныя минуты въ своей жизни, испыталъ самое странное, неподдающееся анализу, самое полное ощущеніе, какое могъ испытать мужчина, упоенный нѣжными чарами обѣихъ женщинъ.

— Ахъ! какой чудный вечеръ!—сказалъ онъ, очутившись опять между ними при свѣтѣ лампъ.

— Мнѣ совсѣмъ не хочется спать,—вскричала Анета;— когда хорошо, я готова гулять всю ночь.

Графиня взглянула на часы.

— О! половина двѣнадцатаго. Надо ложиться спать, дитя мое.

Они разошлись; каждый отправился къ себѣ. Скоро заснула одна только молодая дѣвушка, которой совсѣмъ не хотѣлось спать.

На другой день, когда въ обычный часъ горничная, от-

крывъ занавѣски и оконныя ширмы, принесла чай, она сказала, посмотрѣвъ на свою полусонную госпожу:

— Сегодня у васъ, сударыня, видъ лучше.

— Вы думаете?

— О! да. Лицо у васъ не такое утомленное.

Графиня, не смотрясь въ зеркало, отлично знала, что это правда. На сердцѣ у нея было легко; она не чувствовала его біеній; она чувствовала, что живетъ. Кровь не протекала уже такъ быстро по ея жиламъ, какъ текла наканунѣ,—горячая, лихорадочная, разливая по всему тѣлу раздраженіе и безпокойство; она разливала теперь теплоту, довольство и счастливую увѣренность.

Когда горничная ушла, графиня пошла посмотрѣться въ зеркало. Она немножко удивилась; чувствуя себя такъ хорошо, она думала, что въ одну ночь помолодѣла на нѣсколько лѣтъ. Потомъ она поняла, какъ несообразна ея ребяческая надежда и, посмотрѣвшись еще разъ, принуждена была довольствоваться тѣмъ, что цвѣтъ лица ея сталъ ярче, глаза не такъ утомлены, губы свѣжѣй, чѣмъ наканунѣ. Она была довольна въ душѣ и потому не огорчилась. „Да; черезъ нѣсколько дней я совсѣмъ поправлюсь", думала она, улыбаясь. „Я слишкомъ много испытала: не могу скоро поправиться".

Но она долго, очень долго оставалась передъ туалетнымъ столикомъ, гдѣ передъ красивымъ зеркаломъ изъ шлифованнаго стекла, на муссселиновой обшитой кружевами скатерти, въ граціозномъ безпорядкѣ разложены были маленькія орудія кокетства въ оправѣ изъ слоновой кости, съ ея вензелемъ, украшеннымъ короной. Ихъ было тутъ безчисленное множество: хорошенькія, разнообразныя, предназначенныя для тайныхъ, деликатныхъ цѣлей; одни изъ стали, тонкія, острыя какой-то странной формы, въ родѣ хирургическихъ инстру-

ментовъ для дѣтскихъ операцій; другія—круглыя, мягкія, изъ перьевъ, пуха, изъ кожи неизвѣстно какихъ животныхъ, сдѣланныя для того, чтобы расточать по нѣжному тѣлу ласки ароматной пудры, душистыхъ жировъ и жидкостей.

Долго распоряжалась она умѣлыми руками, мягко, — мягче, чѣмъ прикосновеніе поцѣлуя,—водя ими отъ губъ къ вискамъ, исправляя невѣрно схваченные тоны, подчеркивая глаза, подправляя рѣсницы. Придя наконецъ внизъ, она была по крайней мѣрѣ увѣрена, что первый взглядъ, брошенный имъ, будетъ во всякомъ случаѣ не очень для нея неблагопріятенъ.

— Гдѣ м-сье Бертенъ?— спросила она, встрѣтивъ въ передней лакея.

— М-сье Бертенъ въ саду, играютъ съ барышней въ лаунъ-теннисъ,—отвѣтилъ тотъ.

Она издали услыхала ихъ голоса, ихъ счетъ.

Звучный голосъ художника и тоненькій голосокъ дѣвушки чередовались между собой, выкрикивая: пятнадцать, тридцать, сорокъ...

Садъ, гдѣ была разбита площадка для лаунъ-тенниса, представлялъ большую квадратную луговину, засаженную яблонями, окруженную со всѣхъ сторонъ паркомъ, огородомъ и принадлежащими къ дому фермами. Вдоль откосовъ, окружавшихъ его съ трехъ сторонъ въ видѣ траншей укрѣпленнаго лагеря, разведены были цвѣтники, длинныя грядки со всевозможными цвѣтами, просто полевыми и всякими рѣдкостями: обиліе розъ, гвоздика, геліотропъ, фуксія, резеда и множество другихъ, сообщавшихъ воздуху запахъ меда, какъ говорилъ Бертенъ. Бѣлокурыя пчелы, ульи которыхъ выставляли рядъ соломенныхъ куполовъ изъ-за стѣны, служившей шпалерой огороду, массами летали, жужжа, по этой цвѣтущей полянѣ.

Какъ разъ посрединѣ сада вырублено было нѣсколько деревьевъ, чтобы очистить необходимое мѣсто для лаунъ-тенниса, и насмоленная веревка, протянутая поперекъ, дѣлила пространство на два лагеря.

Съ одной стороны Анета, съ открытой головой, подобравъ черную юбку, показывая щиколки и до половины икры, когда бросалась ловить, на лету мячъ,—съ блестѣвшими глазами и раскраснѣвшимися щеками, ходила взадъ и впередъ, бѣгала, запыхавшись, измученная правильной, увѣренной игрой противника.

Бертенъ въ бѣлыхъ шерстяныхъ панталонахъ, стянутыхъ у пояса по бѣлой же шерстяной рубашкѣ, въ бѣломъ картузѣ, выпятивъ немного животъ, хладнокровно выжидалъ мячъ, съ точностью опредѣлялъ его паденіе, не торопясь, не бросаясь, свободно и изящно получалъ и отсылалъ его обратно, съ страстнымъ вниманіемъ, съ профессіональной ловкостью, которую вносилъ во всѣ свои упражненія.

Анета первая увидала мать.

— Здравствуй, мама,—закричала она;—подожди минутку; дай намъ кончить.

Эта секундная разсѣянность погубила ее. Мячъ быстро и низко, почти касаясь земли, пролетѣлъ мимо нея, покатился и вышелъ за черту.

Въ то время, какъ Бертенъ крикнулъ: „Выигралъ“, а молодая дѣвушка, пораженная неожиданностью, обвиняла художника въ томъ, что онъ воспользовался ея невниманіемъ, Жюліо, пріученный ловить и отыскивать закатившійся куда-нибудь мячъ, какъ отыскивалъ падавшихъ въ верескъ куропатокъ, бросился и теперь по травѣ за катившимся передъ нимъ мячемъ, нѣжно схватилъ его ртомъ и, виляя хвостомъ, принесъ назадъ.

Художникъ раскланивался теперь съ графиней. Но возбужденный борьбой, чувствуя въ себѣ гибкость и доволь-

ный этимъ, онъ спѣшилъ опять приняться за игру, бросивъ лишь мимолетный, разсѣянный взглядъ на лицо ея, надъ которымъ она такъ много трудилась.

— Вы позволяете?—спросилъ онъ потомъ.—Боюсь простудиться и схватить невралгію, дорогая графиня.

— О! да,—сказала она.

Чтобы дать просторъ играющимъ, она усѣлась на ворохъ только что утромъ скошеннаго сѣна, и съ легкой грустью, вдругъ охватившей ея сердце, стала на нихъ смотрѣть.

Раздраженная постоянными проигрышами, дочь ея оживлялась, возбуждалась и съ криками досады или торжества, неудержимо бросалась съ одного конца лагеря на другой; нерѣдко, во время такихъ прыжковъ, волосы ея прядями падали и разсыпались по плечамъ. Она схватывала ихъ и, зажавъ ракету въ колѣняхъ, въ нѣсколько секундъ закалывала ихъ, тыча шпильки кое-какъ, на скорую руку, въ массу волосъ.

А Бертенъ издали кричалъ графинѣ:

— Ну, развѣ она не хороша такъ, а? И свѣжа, какъ день.

Да, она молода; ей можно бѣгать, бѣгать до тѣхъ поръ, пока ей станетъ жарко, можно раскраснѣться, растрепать волосы; ей все можно, все ни по чемъ, такъ какъ все украшаетъ ее.

Потомъ, когда они снова съ жаромъ принимались за игру, графиня, все болѣе и болѣе впадая въ грусть, думала о томъ, что вотъ Оливье вмѣсто того, чтобы сѣсть возлѣ нея и тихо наслаждаться близостью любящей женщины въ это жаркое утро, предпочитаетъ игру въ мячъ, ребяческое волненіе, забаву котенка, прыгающаго за комкомъ бумаги.

Когда вдали прозвучалъ первый ударъ колокола къ завтраку, ей показалось, что ее освободили, сняли у нея съ сердца тяжесть.

Когда она шла, опираясь на его руку, домой, онъ сказалъ ей:

— Я разыгрался, какъ мальчишка. Хорошо такъ быть молодымъ или воображать себя молодымъ! Да, да! Въ этомъ все. Если перестаешь любить бѣгать, значитъ,—конецъ!

Выйдя изъ-за стола, графиня предложила пойти всѣмъ вмѣстѣ на кладбище: наканунѣ она въ первый разъ пропустила и не была тамъ. И они втроемъ отправились въ деревню.

Чтобы добраться до церкви, выстроенной среди группы домовъ, пріютившихъ бакалейщика, булочника, мясника, кабатчика и нѣсколько другихъ скромныхъ торговцевъ, у которыхъ забирали товаръ крестьяне, пришлось пройти черезъ лѣсъ и небольшой клочокъ равнины; въ лѣсу протекалъ ручей, извѣстный подъ названіемъ Ренета (лягушечка), прозванный такъ, безъ сомнѣнія, за то, что въ немъ водились мелкія лягушки.

Шли молча, сосредоточенно. Мысль объ умершей тяготила души. На могилѣ обѣ женщины стали на колѣни и долго молились. Наклонившись внизъ, графиня оставалась неподвижной, зажавъ глаза платкомъ; она боялась плакать, боялась, что слезы потекутъ по щекамъ. Она молилась не такъ, какъ прежде, когда съ отчаяніемъ взывала къ матери, лежавшей подъ надгробнымъ мраморомъ, когда взывала до тѣхъ поръ, пока волненіе ея не становилось раздирающимъ, и она убѣждалась тогда, что покойница услышала, слушаетъ ее; теперь она просто съ жаромъ произносила положенныя слова *Отче нашъ* и *Богородицы*. Сегодня у нея не хватило бы силы, не хватило бы напряженія духа, необходимаго для этой ужасной, безотвѣтной бесѣды,— бесѣды съ тѣмъ, что могло еще быть, вокругъ ямы, заключавшей остатки тѣла исчезнувшаго существа. Другія мысли

проникли въ ея женскую душу и неотступно преслѣдовали ее, волновали, убивали и разсѣевали. И ея горячая молитва шла къ небу, полная неясной мольбы. Она умоляла Бога, неумолимаго Бога, бросившаго на землю бѣдныхъ существъ, чтобы Онъ сжалился и надъ ней, такъ же, какъ надъ той, которую Онъ призвалъ къ себѣ.

Она не могла бы сказать, чего она проситъ, до такой степени страхи ея были еще смутны и затаенны; но она чувствовала, что божеская помощь необходима ей, помощь въ будущихъ опасностяхъ и неизбѣжныхъ огорченіяхъ.

Анета, съ закрытыми глазами, проговоривъ тоже установленныя формулы, унеслась куда-то въ мечтахъ; она не хотѣла вставать раньше матери.

Оливье Бертенъ смотрѣлъ на нихъ, думая, какая восхитительная картина передъ нимъ, и сожалѣлъ, что ему нельзя набросать ее.

На обратномъ пути они завели разговоръ о человѣческомъ существованіи, потихоньку перебирая горькія, поэтическія мысли философіи умиленія и упадка духа, которыя часто бываютъ предметомъ разговора между мущиной и женщиной, уязвленными немножко жизнью и сливающими свои сердца и горести воедино.

Анета,. совсѣмъ еще не созрѣвшая для этихъ мыслей, поминутно отходила прочь, рвать полевые цвѣты по краямъ дороги.

Но Оливье, охваченный желаньемъ удержать ее возлѣ себя, видя, что она безпрестанно уходитъ, и, волнуясь отъ этого, совсѣмъ не спускалъ съ нея глазъ. Его раздражало то, что краски растеній интересуютъ ее больше, чѣмъ произносимыя имъ фразы. Онъ испытывалъ какое-то невыразимое чувство непріятности, не имѣя возможности покорить ее, подчинить своей власти, какъ подчинялъ мать, испы-

тывалъ желаніе протянуть руку, схватить ее, удержать, запретить уходить. Онъ чувствовалъ, что она черезчуръ жива, черезчуръ молода, черезчуръ равнодушна, свободна, какъ птица, какъ щенокъ, который не слушается приказаній, не идетъ на зовъ, у котораго течетъ независимость въ жилахъ, прекрасный инстинктъ свободы, не покоренный еще голосомъ и кнутомъ.

Чтобы привлечь ее, онъ заговорилъ о болѣе веселомъ, иногда задавалъ ей вопросы, стараясь пробудить въ ней желаніе слушать и женское любопытство. Но можно было подумать, что въ тотъ день въ головѣ у Анеты разгуливалъ, какъ надъ волнующимися колосьями, капризный вѣтеръ изъ подъ неба, уносилъ и размыкивалъ въ пространствѣ ея вниманія. Только что успѣвала она отвѣтить банальное слово, которое ждали отъ нея, только что успѣвала мимоходомъ бросить его съ разсѣяннымъ взглядомъ, какъ сейчасъ же опять возвращалась къ своимъ цвѣточкамъ. Уязвленный ребяческимъ безпокойствомъ, онъ пришелъ наконецъ въ отчаяніе и, когда она пришла просить понести ея первый букетъ, чтобы имѣть возможность нарвать другой, онъ схватилъ ее за локоть и сжалъ ей руку, чтобы она не ушла. Она, смѣясь, отбивалась и рвалась изъ всѣхъ силъ, стараясь уйти. Тогда, руководимый инстинктомъ мущины, онъ пустилъ въ ходъ средство слабыхъ людей и, не имѣя возможности соблазнить, подкупилъ ея вниманіе, соблазняя кокетство.

— Скажи мнѣ, какой цвѣтокъ ты больше всего любишь, — сказалъ онъ: — я закажу тебѣ такую брошку.

Пораженная, она колебалась.

— Какъ—брошку?

— Изъ камней такого же цвѣта: если это макъ, то изъ рубиновъ, если василекъ,—изъ сапфировъ, съ листочкомъ изъ изумрудовъ.

Лицо Анеты освѣтилось той нѣжной радостью, какая оживляетъ черты женщины, когда ей дарятъ что-нибудь или обѣщаютъ.

— Василекъ,—сказала она;—это такъ мило!

— Хорошо; василекъ такъ василекъ. Какъ вернемся въ Парижъ, такъ сейчасъ же и закажемъ.

Она не разговаривала теперь, прикованная къ нему мыслью о подаркѣ; она пыталась даже видѣть передъ собой, представить въ своемъ воображеніи этотъ подарокъ.

— А долго дѣлать такую вещь?—спросила она.

Онъ смѣялся, чувствуя, что она попалась.

— Не знаю, смотря по тому, какія встрѣтятся затрудненія. Будемъ торопить ювелира.

И вдругъ раздирающая душу мысль пронизала ее.

— Но мнѣ нельзя будетъ ее носить: я въ трауръ.

Онъ взялъ подъ руку молодую дѣвушку и, прижимая ее къ себѣ, сказалъ:

— Ну, оставишь брошку до того времени, когда кончится трауръ. Это тебѣ не помѣшаетъ смотрѣть на нее.

Какъ наканунѣ вечеромъ, онъ очутился опять посреди нихъ, стиснутый, заключенный, какъ въ плѣну, между ихъ плечами, и чтобы видѣть, какъ будутъ подниматься на него ихъ голубые, похожіе другъ на друга глаза, окропленные черными пятнышками, онъ говорилъ съ ними по-очереди, оборачиваясь то къ той, то къ другой. Яркое солнце освѣщало ихъ; онъ менѣе смѣшивалъ теперь Анету съ графиней; но все больше и больше смѣшивалъ дочь съ возродившимся воспоминаніемъ о матери, какой она была прежде. Онъ испытывалъ желаніе расцѣловать ихъ обѣихъ,—одну затѣмъ, чтобы уловить на ея розовой щекѣ и бѣлокуромъ затылкѣ частичку той свѣжести, которой упивался когда-то,—другую за то, что все еще любилъ ее и

чувствовалъ, какъ отъ нея исходитъ могучій призывъ старой привычки. Въ ту минуту онъ убѣдился и понялъ, что желаніе его, съ давнихъ поръ слегка притупленное, и любовь къ графинѣ ожили вновь при видѣ ея воскресшей юности.

Анета опять ушла за цвѣтами. Оливье больше не звалъ ее къ себѣ, точно прикосновеніе ея руки и радостное удовлетвореніе, какое она дала ему, совсѣмъ усмирили его; но онъ слѣдилъ за всѣми ея движеніями съ тѣмъ удовольствіемъ, какое испытываютъ люди при видѣ существъ или предметовъ, которые приковываютъ наши глаза и опьяняютъ ихъ. Когда она приходила назадъ съ цѣлымъ снопомъ въ рукахъ, онъ начиналъ усиленно дышать, стараясь поймать, безъ всякаго намѣренія съ своей стороны, все, что осталось отъ нея въ воздухѣ, взволнованномъ ея бѣготней,—ея дыханіе, теплоту кожи. Онъ смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ, какъ смотрятъ на зарю, какъ слушаютъ музыку, трепеталъ отъ удовольствія, когда она нагибалась, выпрямлялась, поднимала заразъ обѣ руки кверху, поправляя прическу. И потомъ, съ минуты на минуту, она усиливала въ немъ все больше и больше призывъ къ прошлому. Ея смѣхъ, ея шалости, движенія вызывали у него на губахъ ощущенія тѣхъ поцѣлуевъ, которые онъ принималъ и которыми отвѣчалъ когда-то. Изъ отдаленнаго прошлаго, о которомъ онъ утратилъ точное представленіе, она дѣлала что-то такое, что было похоже на взлелѣянное мечтой настоящее. Онъ и не подозрѣвалъ, что она перепутывала въ его душѣ эпохи, времена, годы и, зажигая вновь остывшія волненія, перемѣшивала вчерашній день съ сегодняшнимъ, воспоминаніе съ надеждой.

Роясь въ памяти, онъ спрашивалъ себя, обладала ли графиня, въ эпоху самаго полнаго расцвѣта, такой козьей, гибкой прелестью,—такой смѣлой, капризной, неотразимой пре-

лестью, подобной граціи бѣгающаго и скачущаго животнаго. Нѣтъ. Въ ней больше было зрѣлости и меньше дикости. Она—городская дѣвушка, потомъ городская женщина,—никогда не впивала въ себя воздуха полей, не росла среди травъ; красота ея развилась въ тѣни стѣнъ, а не на открытомъ солнцѣ.

Когда они вернулись домой, графиня принялась писать письма на своемъ низенькомъ столикѣ, въ амбразурѣ окна. Анета ушла въ свою комнату. Художникъ вышелъ изъ дома и съ сигарой во рту, заложивъ руки за спину, медленно расхаживалъ по извилистымъ дорожкамъ парка. Но онъ не отходилъ далеко, боясь потерять изъ виду бѣлый фасадъ или остроконечную крышу дома. Какъ только исчезали они за группой деревьевъ или чащей кустовъ, сердце его заволакивалось тѣнью, подобно тому, какъ облако заволакиваетъ солнце. Когда же фасадъ снова появлялся въ просвѣтахъ зелени, онъ останавливался на нѣсколько секундъ и смотрѣлъ на линіи, обрисовывающія съ двухъ сторонъ высокія окна. Потомъ опять принимался ходить.

Онъ чувствовалъ волненіе, но былъ доволенъ,—доволенъ чѣмъ?—всѣмъ.

Воздухъ казался ему въ тотъ день чистымъ, жизнь хорошей. Онъ вновь испытывалъ въ тѣлѣ легкость маленькаго мальчика, испытывалъ желаніе бѣжать и ловить руками желтыхъ бабочекъ, которыя подпрыгивали надъ лужайкой, точно вися на эластичныхъ нитяхъ. Онъ напѣвалъ мотивы изъ оперъ. Онъ нѣсколько разъ подъ-рядъ повторилъ знаменитую фразу Гуно: „Дай насмотрѣться мнѣ на тебя", открывъ въ ней глубоко-нѣжное выраженіе, какого не замѣчалъ прежде никогда.

Вдругъ онъ задалъ себѣ вопросъ, какъ могло случиться, что онъ такъ быстро измѣнился и сталъ непохожъ на са-

мого себя. Вчера, въ Парижѣ, онъ былъ всѣмъ недоволенъ, раздраженъ, ко всему чувствовалъ отвращеніе; сегодня онъ спокоенъ, всѣмъ доволенъ; можно было подумать, что какое-то снисходительное божество дало ему взамѣнъ другую душу. „Доброму божеству слѣдовало бы уже за одно дать мнѣ взамѣнъ другое тѣло,—думалъ онъ,—сдѣлать меня немного моложе“. Вдругъ онъ увидалъ Жюліо; тотъ гонялся за кѣмъ-то въ чащѣ деревьевъ. Онъ позвалъ къ себѣ собаку и когда та прибѣжала и подставила ему свою изящную, украшенную длинными, кудрявыми ушами голову, онъ сѣлъ на траву, чтобы хорошенько приласкать ее, говорилъ разныя нѣжности, положилъ ее къ себѣ на колѣни и, растроганный ласками, поцѣловалъ ее, какъ это дѣлаютъ женщины, сердце которыхъ при всякомъ удобномъ случаѣ приходитъ въ умиленіе.

Послѣ обѣда, вмѣсто того, чтобы отправиться гулять, какъ наканунѣ, они провели вечеръ въ гостиной, по-семейному.

— Однако, надо же намъ подумать когда-нибудь и объ отъѣздѣ!—вдругъ сказала графиня.

— О, не говорите еще объ этомъ!—вскричалъ Оливье.— Когда меня не было, вы не хотѣли уѣзжать изъ Ронсьеръ. Пріѣзжаю я, и вы только и думаете, какъ бы удрать.

— Но не можемъ же мы оставаться здѣсь неопредѣленное время всѣ трое, дорогой другъ,—сказала она.

— Не неопредѣленное время, а нѣсколько дней. Сколько разъ я оставался у васъ по цѣлымъ недѣлямъ!

— Да, но при другихъ обстоятельствахъ, когда домъ былъ открытъ для всѣхъ.

— О, мама! всего какихъ-нибудь нѣсколько дней, дня два или три,—умасливала Анета.—Онъ такъ хорошо учитъ меня играть въ лаунъ-теннисъ. Я сержусь, когда проигрываю, а потомъ бываю такъ довольна своими успѣхами!

Не дальше, какъ утромъ, графиня предполагала продлить таинственное пребываніе своего друга до воскресенья, а теперь, неизвѣстно почему, хотѣла уѣзжать. Этотъ день, отъ котораго она ждала такъ много хорошаго, оставилъ въ душѣ ея какую-то невыразимую, пронизывающую грусть, какой-то безпричинный страхъ, упорный и смутный, какъ какое-нибудь предчувствіе.

Очутившись одна въ своей комнатѣ, она стала отыскивать, откуда взялся у нея этотъ новый приступъ грусти. Или она испытала одно изъ тѣхъ неуловимыхъ волненій, прикосновеніе которыхъ такъ мимолетно, что не оставляетъ въ умѣ никакого воспоминанія, но продолжаетъ колебать самыя чувствительныя струны сердца? Можетъ быть. Какое же?

Она припомнила нѣкоторыя безсознательныя неудовольствія, которыя испытывала, переживая тысячи съ каждою минутой все новыхъ и новыхъ, оттѣнковъ чувства! Но, право, они были слишкомъ ничтожны, чтобы вызвать такой упадокъ духа. „Я требовательна,—подумала она;—я не имѣю права такъ себя мучить“.

Легкій шумъ заставилъ ее нагнуться. Оливье гулялъ передъ домомъ. „Зачѣмъ онъ сказалъ, что уходитъ къ себѣ?—подумала она.—Отчего не предупредилъ меня, что опять выйдетъ гулять, не попросилъ меня пойти съ нимъ? Онъ знаетъ прекрасно, что это доставило бы мнѣ такое счастье. О чемъ же онъ думаетъ?“.

И мысль, что онъ не хотѣлъ пригласить ее съ собой на прогулку, что онъ предпочиталъ отправиться въ эту прекрасную ночь одинъ, съ сигарой во рту,—она видѣла красный огонекъ,—одинъ въ то время, когда могъ обрадовать ее, взять съ собой, мысль, что у него нѣтъ постоянной потребности въ ней, постояннаго желанія видѣть ее, заронила ей въ душу новый ферментъ горечи.

Она только-что хотѣла затворить окно, чтобы не видать его, чтобъ ее не соблазняло больше желаніе позвать его, какъ вдругъ онъ поднялъ глаза и замѣтилъ ее.

— Ахъ! вы мечтаете при звѣздахъ, графиня? — вскричалъ онъ.

— И вы, какъ видно, тоже,—отвѣтила она.

— О, я просто на-просто курю!

Она не вытерпѣла и спросила:

— Какъ же вы не предупредили меня, что выйдете?

— Мнѣ хотѣлось только выкурить сигару. Сейчасъ иду домой.

— Тогда покойной ночи, мой другъ.

— Покойной ночи, графиня.

Она отступила назадъ, сѣла на свой низенькій стулъ и заплакала. Горничная, позванная затѣмъ, чтобы укладывать ее спать, видя ея красные глаза, съ сочувствіемъ сказала:

— Ахъ, у васъ опять будетъ завтра нехорошее лицо, сударыня!

Графиня спала плохо; сонъ ея былъ лихорадоченъ; его волновали кошмары. Проснувшись, она, не звоня еще, отворила сама окно, открыла занавѣски, чтобы посмотрѣть на себя въ зеркало. Черты лица ея осунулись; вѣки распухли; лицо пожелтѣло, и огорченіе, которое она почувствовала отъ этого, было такъ сильно, что у нея явилось желаніе сказаться больной, лечь въ постель и не показываться до вечера.

Потомъ вдругъ въ нее вступила потребность ѣхать, непреодолимая потребность ѣхать сейчасъ, съ первымъ же поѣздомъ, бросить эту свѣтлую страну, гдѣ при яркомъ свѣтѣ полей слишкомъ замѣтны были неизгладимые отпечатки горя и жизни. Въ Парижѣ жизнь течетъ въ полусвѣтѣ домовъ; тяжелыя занавѣски даже въ полдень пропу-

скаютъ лишь слабый свѣтъ. Тамъ она опять будетъ тѣмъ, чѣмъ была,—красавицей; тотъ угасающій, скромный свѣтъ и требуетъ именно блѣдности. Тутъ передъ ея глазами встала Анета съ раскраснѣвшимся лицомъ, немного растрепанная и такая свѣжая, когда играла въ лаунъ-теннисъ. Она поняла, что это за невѣдомое безпокойство, отъ котораго страдала ея душа. Она вовсе не завидовала красотѣ своей дочери! Конечно, нѣтъ. Но она чувствовала, въ первый разъ признавалась самой себѣ, что ей никогда больше не слѣдуетъ показываться рядомъ съ ней при яркомъ освѣщеніи.

Она позвонила и, не дотрогиваясь до чая, сдѣлала распоряженія насчетъ отъѣзда, написала телеграммы, заказала даже по телеграфу обѣдъ на вечеръ, подвела деревенскіе счеты, отдала послѣднія приказанія, уладила все менѣе, чѣмъ въ часъ, становясь добычей все возрастающаго лихорадочнаго нетерпѣнія.

Когда она пришла внизъ, Анета и Оливье, предупрежденные объ этомъ рѣшеніи, съ удивленіемъ обратились къ ней съ распросами. Потомъ, видя, что она въ точности не объясняетъ причины столь быстраго отъѣзда, они немножко поворчали, не скрывая своего неудовольствія вплоть до той минуты, когда имъ пришлось разставаться въ Парижѣ, на дворѣ желѣзнодорожнаго вокзала.

Графиня, протягивая руку художнику, сказала:

— Придете завтра обѣдать?

Онъ, немножко надутый, отвѣчалъ:

— Разумѣется, приду. Но все равно, это нехорошо, что вы сдѣлали. Намъ такъ хорошо было тамъ, всѣмъ троимъ!

III.

Лишь только графиня очутилась одна съ дочерью въ каретѣ, отвозившей ее домой, какъ сразу же успокоилась,

точно сейчасъ пережила страшный кризисъ. Она дышала свободнѣе, улыбалась домамъ, съ радостью узнавала весь этотъ городъ, мельчайшія подробности котораго истинные парижане какъ бы носятъ въ своихъ глазахъ и въ сердцѣ. Завидѣвъ какую-нибудь лавочку вдали, она видѣла уже заранѣе рядъ слѣдующихъ вдоль бульвара лавочекъ, видѣла и фигуру торговца въ витринѣ, которая такъ часто попадалась ей на глаза. Она чувствовала, что спаслась! — отъ чего? Успокоилась! — почему? Увѣрилась! — по какому поводу?

Когда карета остановилась подъ сводами воротъ, она съ легкостью выпрыгнула изъ нея и вошла, почти бѣгомъ, сначала въ полумракъ лѣстницы, затѣмъ въ полумракъ гостиной, затѣмъ въ полумракъ своей комнаты. Тутъ она простояла нѣсколько минутъ, довольная тѣмъ, что, наконецъ, въ безопасности, при этомъ пасмурномъ туманномъ свѣтѣ парижскаго дня, который еле освѣщаетъ, заставляя столько же угадывать, сколько видѣть, гдѣ можно выказать все, что нравится, и скрыть, что угодно; и безотчетное воспоминаніе объ яркомъ солнечномъ свѣтѣ, въ которомъ тонула деревня, не покидало еще ее, какъ впечатлѣніе пережитаго уже страданія.

Когда она сошла къ обѣду, ея мужъ, только-что вернувшійся домой, нѣжно поцѣловалъ ее и проговорилъ съ улыбкой:

— А! Я такъ и зналъ, что пріятель Бертенъ привезетъ васъ. Я это ловко придумалъ—послать его къ вамъ.

— О, ему стоило это большихъ трудовъ. Мама никакъ не могла рѣшиться,—серьезно отвѣтила Анета тѣмъ особеннымъ голосомъ, какимъ она обыкновенно шутила, не смѣясь сама.

Графиня, немного сконфуженная, ничего не отвѣтила.

Въ этотъ вечеръ никого не было, такъ какъ отданъ былъ

приказъ никого не принимать. Весь слѣдующій день г-жа Гильруа провела въ разныхъ магазинахъ, выбирая и. заказывая все, что ей было нужно. Съ юности, почти съ дѣтства, она любила эти долгія операціи примѣрки передъ зеркалами извѣстныхъ мастерскихъ. Уже входя въ магазинъ, она испытывала радостное чувство при мысли обо всѣхъ мелочахъ этой подробной репетиціи за кулисами парижской жизни. Она любила шелестъ платьевъ „барышенъ", сбѣгавшихся при ея появленіи, ихъ улыбки, предложенія, ихъ вопросы; сама портниха, модистка или корсетница была въ ея глазахъ особа съ большимъ вѣсомъ, и она относилась къ ней какъ къ художницѣ, когда, высказывая свое мнѣніе, ей приходилось обращаться къ ней за совѣтомъ. Еще больше любила она чувствовать на себѣ прикосновеніе ловкихъ рукъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя раздѣвали и одѣвали ее, слегка поворачивая передъ граціознымъ отраженіемъ ея въ зеркалѣ. Дрожь отъ легкаго прикосновенія ихъ пальцевъ, пробѣгавшая по ея кожѣ, шеѣ, по волосамъ, была однимъ изъ самыхъ лучшихъ, самыхъ пріятныхъ и лакомыхъ ощущеній въ жизни этой изящной женщины.

Но въ этотъ день она съ нѣкоторымъ безпокойствомъ подумывала о томъ, что ей придется безъ вуали и съ открытой головой пройти передъ всѣми этими откровенными зеркалами. Первый визитъ къ модисткѣ успокоилъ ее. Три выбранныя ею шляпы шли къ ней восхитительно; она не могла въ томъ сомнѣваться, и когда продавщица съ убѣжденіемъ сказала;—„О, графиня, блондинкамъ слѣдовало бы постоянно носить трауръ",—она вышла совсѣмъ довольная и съ полной увѣренностью отправилась къ другимъ поставщикамъ.

Дома она нашла записку герцогини, которая была у нея

и извѣщала, что вечеромъ пріѣдетъ опять; потомъ предалась на нѣкоторое время мечтамъ, удивляясь тому, что простая перемѣна мѣста отодвинула въ прошлое, казавшееся уже далекимъ, большое терзавшее ее, горе. Она никакъ не могла даже убѣдить себя, что вернулась изъ Ронсьеръ только наканунѣ,—до такой степени ея душевное состояніе измѣнилось со времени пріѣзда въ Парижъ, какъ будто это небольшое перемѣщеніе залѣчило ея раны.

Пришедшій къ обѣду Бертенъ воскликнулъ при видѣ ея.

— Вы сегодня ослѣпительны!

И при этомъ восклицаніи теплая волна счастья разлилась по ней.

Когда вышли изъ-за стола, графъ, страстный любитель билліарда, предложилъ Бертену съиграть съ нимъ партію, и обѣ женщины отправились вслѣдъ за ними въ билліардную, куда подали кофе.

Мужчины еще играли, когда доложили о пріѣздѣ герцогини, и всѣ вернулись въ гостиную. Въ то же время явилась г-жа Корбелль съ мужемъ; въ голосѣ ихъ слышались слезы. И въ теченіе нѣсколько минутъ, судя по жалобному тону словъ, можно было предположитъ, что сейчасъ всѣ расплачутся, но мало-по малу, послѣ трогательнаго участія и распросовъ, явилось новое теченіе мыслей; тембръ голосовъ вдругъ прояснился, и всѣ начали разговаривать самымъ естественнымъ образомъ, какъ будто тѣнь несчастія, только-что омрачавшая всѣхъ, сразу разсѣялась.

Тогда Бертенъ всталъ, взялъ за руку Анету, подвелъ ее къ портрету матери, поставилъ въ снопъ лучей отъ рефлектора и спросилъ:

— Не поразительно ли это?

Герцогиня была такъ изумлена, что, казалось, не помнила себя и повторяла:

— Боже! возможно ли это? Боже! возможно ли это? Воскресшая! И какъ же я не замѣтила этого при входѣ! О, Ани, я снова вижу васъ въ этомъ первомъ траурѣ, я, такъ хорошо васъ тогда знавшая,—нѣтъ, нѣтъ во второмъ траурѣ, такъ какъ вы уже раньше лишились отца! Анета въ черномъ платьѣ,—да, вѣдь, это живой портретъ матери! Какое чудо! Безъ портрета и не замѣтили бы этого. Ваша дочь еще очень похожа на васъ, въ дѣйствительности, но она еще болѣе похожа на портретъ.

Вошелъ Мюзадье. Узнавъ о возвращенiи г-жи Гильруа, онъ стремился однимъ изъ первыхъ засвидѣтельствовать ей свою „горестную симпатiю“.

Онъ прервалъ свое привѣтствiе, увидѣвъ молодую дѣвушку передъ рамой; она казалась живой сестрой портрета.

— Удивительно!—воскликнулъ онъ.—Мнѣ никогда не приходилось видѣть ничего подобнаго!

Супруги Корбелль, въ своихъ убѣжденiяхъ всегда согласные съ установившимся мнѣнiемъ, восхищались, въ свою очередь, нѣсколько сдерживая пылъ.

Сердце графини сжималось! Оно сжималось все сильнѣе и сильнѣе, точно удивленныя восклицанiя всѣхъ этихъ людей сдавливали его до боли. Не говоря ни слова, она смотрѣла на дочь, стоявшую рядомъ съ портретомъ, и ею овладѣвало нервное раздраженiе. Ей хотѣлось крикнуть: — „Да замолчите же! Я и безъ того знаю, что она похожа на меня!...“

И до конца она была грустная, снова теряя самоувѣренность, которую прiобрѣла наканунѣ.

Бертенъ разговаривалъ съ ней, когда доложили о приходѣ маркиза Фарандаля. Когда онъ вошелъ и направился къ хозяйкѣ дома, художникъ, видя это, всталъ и проскользнулъ позади кресла, пробормотавъ: — „Ну, вотъ! теперь

эта скотина!“—И, повернувшись, онъ дошелъ до двери и вышелъ.

Графиня, выслушавъ привѣтствіе Фаранделя, стала искать глазами Оливье, чтобы продолжать интересовавшій ее разговоръ. Не находя его, она спросила;

— Какъ, великій человѣкъ уже ушелъ?

— Должно быть, ушелъ, — отвѣтилъ мужъ, — я видѣлъ, онъ только-что вышелъ.

Она удивилась, задумалась на нѣсколько минутъ, потомъ стала разговаривать съ маркизомъ.

Впрочемъ, гости изъ деликатности скоро разошлись, такъ какъ графиня только еще начинала понемножку растворять двери для пріемовъ послѣ несчастія, которое постигло ее. И когда она легла въ постель, всѣ мученія, испытанныя, ею въ деревнѣ, снова напали на нее. Они формулировались опредѣленнѣе, ощущались яснѣе; она чувствовала, что уже стара!...

Въ тотъ вечеръ она въ первый разъ поняла, что въ ея гостиной, гдѣ до сихъ поръ восхищались и говорили комплименты ей одной, прославляли и любили ее одну,—теперь занимаетъ ея мѣсто другая,—ея дочь. Она поняла это сразу, чувствуя, что почести переходятъ теперь къ Анетѣ. Въ этомъ царствѣ, въ этомъ домѣ хорошенькой женщины, въ этомъ царствѣ, гдѣ она не допускаетъ, чтобы кто-нибудь затмѣвалъ ее, откуда съ осторожностью и упорствомъ устраняетъ всякое опасное сравненіе, куда если и допускаетъ себѣ равныхъ, то старается сдѣлать ихъ своими вассалами,—она чувствовала, что въ этомъ царствѣ властительницей становится ея дочь. Какъ странно было это замираніе сердца въ ту минуту, когда всѣ взоры устремились на Анету, которую держалъ за руку Бертенъ, стоя съ ней у портрета. Она вдругъ почувствовала, что стушевалась, ли-

шилась своего владычества, низвергнута съ трона. Всѣ смотрѣли на Анету, и никто не оглянулся на нее. Она такъ привыкла выслушивать лесть и комплименты каждый разъ, когда любовались ея портретомъ, она такъ была увѣрена, что услышитъ хвалебныя фразы, которымъ не придавала никакого значенія, но которыя, тѣмъ не менѣе, пріятно щекотали ея самолюбіе, что это игнорированіе, эта неожиданная измѣна, это восхищеніе, вдругъ всецѣло перенесенное на ея дочь, взволновали ее, изумили, поразили больше, чѣмъ какое бы то ни было соперничество при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ.

Но, принадлежа къ тѣмъ натурамъ, которыя при всякомъ кризисѣ, послѣ перваго унынія, начинаютъ бороться и находить утѣшительные аргументы, она подумала, что когда ея дорогая дѣвочка выйдетъ замужъ, когда онѣ перестанутъ жить подъ одною кровлей, ей не придется уже выносить больше этого безпрестаннаго сравненія, которое становилось для нея слишкомъ мучительнымъ въ присутствіи ея друга.

Однако, потрясеніе было настолько сильно, что у нея сдѣлалась лихорадка и она не спала всю ночь.

Утромъ она встала усталой, разбитой, и у нея явилась непреодолимая потребность въ поддержкѣ; ей хотѣлось обратиться за помощью къ кому-нибудь, кто могъ бы излѣчить ее отъ всѣхъ этихъ мученій, отъ всѣхъ этихъ нравственныхъ и физическихъ страданій.

Она, дѣйствительно, чувствовала такое недомоганье, такую слабость, что рѣшилась посовѣтоваться съ своимъ докторомъ. Она могла серьезно расхвораться, такъ какъ для нея было непривычно въ теченіе нѣсколькихъ часовъ проходить послѣдовательно черезъ эти фазы страданія и успокоенія. Она телеграфировала доктору и стала ждать его.

Докторъ пріѣхалъ часовъ около одиннадцати. Это былъ одинъ изъ тѣхъ серьезныхъ свѣтскихъ докторовъ, способности которыхъ гарантированы чинами и орденами; ихъ ловкость равняется, по крайней мѣрѣ, ихъ знанію; при лѣченіи женщинъ они прибѣгаютъ въ особенности къ ловкимъ разговорамъ, которые дѣйствуютъ лучше всякихъ лѣкарствъ.

Онъ вошелъ, раскланялся, посмотрѣлъ на паціентку и съ улыбкой проговорилъ:

— Ну, опасности нѣтъ. Съ такими глазами, какъ у васъ, не бываетъ серьезно больныхъ.

Она тотчасъ же почувствовала къ нему благодарность за такое начало, разсказала о своей слабости, недомоганьи, меланхоліи и затѣмъ, вскользь, о своемъ болѣзненномъ безпокоющемъ ее видѣ. Онъ слушалъ ее внимательно, но не спросилъ ни о чемъ, кромѣ аппетита, какъ бы хорошо зная тайный характеръ этого женскаго недуга; затѣмъ выслушалъ ее, осмотрѣлъ, потрогалъ кончикомъ пальца ея плечи, взвѣсилъ руки и, уловивъ ея мысль, понявъ съ проницательностью практика, приподнимающаго всѣ завѣсы, что она совѣтуется съ нимъ больше относительно своей красоты, чѣмъ относительно здоровья, сказалъ:

— Да, у васъ малокровіе, разстройство нервъ. Это не удивительно, такъ какъ вы только-что перенесли тяжелое горе. Я вамъ напишу маленькій рецептикъ, который все это уладитъ. Но, главное, надо ѣсть укрѣпляющую пищу, пить мясной сокъ, не пить воды, а пить пиво. Я укажу вамъ пиво превосходной марки. Не утомляйтесь долгимъ сидѣньемъ по вечерамъ, но ходите какъ можно больше. Побольше спите и постарайтесь пополнѣть немножко. Вотъ все, что я могу вамъ посовѣтовать, сударыня и прелестная паціентка.

Она слушала его съ живѣйшимъ интересомъ, стараясь угадать все, что онъ подразумѣвалъ.

Поймавъ послѣднія его слова, она проговорила:

— Да, я похудѣла. Одно время я была немножко полнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и, можетъ быть, ослабила себя діэтой.

— Безъ всякаго сомнѣнія. Худоба не вредна, если человѣкъ всегда былъ худъ, но когда худѣютъ по принципу, то всегда въ ущербъ чему-нибудь. Къ счастью, это быстро возстановляется. Прощайте, сударыня.

Она уже чувствовала себя лучше, живѣе; къ завтраку она послала за указаннымъ пивомъ въ главный складъ, чтобы имѣть самое свѣжее.

Графиня выходила изъ-за стола, когда вошелъ Бертенъ.

— Это все я же,—сказалъ онъ,—опять я. Я пришелъ васъ спросить: заняты вы теперь чѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ, ничѣмъ; а что?

— А Анета?

— Тоже ничѣмъ.

— Такъ не можете ли вы пріѣхать ко мнѣ часа въ четыре.

— Могу, но по какому случаю?

— Я набрасываю фигуру „мечты“, о которой я говорилъ вамъ, спрашивая, не можетъ ли ваша дочь подарить мнѣ нѣсколько минутъ и позировать у меня. Еслибъ она удѣлила мнѣ сегодня одинъ часъ, то оказала бы мнѣ этимъ величайшее одолженіе. Согласны?

Графиня колебалась, досадуя, сама не зная на что. Но все-таки отвѣтила:

— Хорошо, мой другъ, рѣшено; въ четыре часа мы будемъ у васъ.

— Благодарю васъ. Вы сама любезность.

И онъ ушелъ готовить холстъ и изучать сюжетъ, чтобы не очень утомить модель.

Графиня, между тѣмъ, вышла одна изъ дому и отправилась пѣшкомъ за покупками. Она вышла на большія центральныя улицы, затѣмъ, медленнымъ шагомъ, прошла по бульвару Мальзербъ, чувствуя разбитость въ ногахъ. Когда она поровнялась съ св. Августиномъ, на нее напало желаніе войти въ эту церковь и отдохнуть тамъ. Она толкнула обитую мягкую дверь, вошла въ обширный храмъ, вздохнула съ облегченіемъ, вдыхая въ себя прохладный воздухъ, взяла стулъ и сѣла.

Какъ многія парижанки, графиня была религіозна. Она вѣрила въ Бога безъ малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ не могла допустить существованіе міра безъ существованія творца. Соединяя, какъ и всѣ, атрибуты божества съ природой созданной матеріи, доступной ея зрѣнію, она олицетворяла Предвѣчнаго почти сообразно съ тѣми познаніями, какія имѣла о его твореніи, не представляя себѣ ясно, что же такое, въ самомъ дѣлѣ, этотъ таинственный архитекторъ.

Она вѣрила въ него твердо, въ теоріи покланялась ему и смутно боялась, не зная въ сущности его намѣреній, его воли, имѣя ограниченную вѣру въ поповъ, на которыхъ смотрѣла, какъ на сыновей мужиковъ, уклонившихся отъ военной службы. Отецъ ея, парижскій буржуа, не внушилъ ей никакой набожности; такъ прожила она безпечно до замужства, когда новое положеніе опредѣлило точнѣе ея мнимыя обязанности къ церкви, и она съ пунктуальностью подчинялась этой легкой повинности.

Она была патронессой многочисленныхъ и избранныхъ яслей, никогда не пропускала поздней обѣдни въ воскресенье, раздавала милостыню, для себя—лично, а для свѣта при посредствѣ аббата, викарія ея прихода.

Она часто молилась по обязанности, подобно тому, какъ солдатъ стоитъ по обязанности на караулѣ у дверей гене-

рала. Иногда она молилась потому, что у нея было тяжело на сердцѣ, особенно, когда боялась, что ее покинетъ Оливье. Тогда, не выдавая небу причину своей мольбы, относясь къ Богу съ тѣмъ же наивнымъ лицемѣріемъ, какъ и къ мужу, она просила у него помощи. Въ прежнія времена, когда умеръ ея отецъ, потомъ недавно, когда умерла ея мать, на нее нападали страшные припадки набожности, припадки страшной мольбы и порывовъ къ Тому, Кто заботится о насъ и утѣшаетъ.

И вотъ, сегодня, графиня вдругъ почувствовала въ этой церкви, куда вошла случайно, глубокую потребность въ молитвѣ; ей хотѣлось молиться не за кого-нибудь и не за что-нибудь, но за себя, за одну себя, какъ она дѣлала это уже раньше, на могилѣ матери. Ей необходима была помощь откуда-нибудь, и она призывала теперь Бога, какъ только что утромъ призывала доктора.

Она долго стояла на колѣняхъ, среди тишины, нарушаемой по-временамъ шумомъ шаговъ. Затѣмъ, какъ будто въ ея сердцѣ пробили часы, она вдругъ очнулась отъ своихъ воспоминаній, вынула карманные часики, вздрогнула, увидѣвъ, что скоро уже четыре, и поспѣшила отправиться за дочерью, которую Оливье уже долженъ былъ ждать.

Онѣ застали художника въ мастерской; онъ изучалъ на холстѣ позу Мечты. Ему хотѣлось въ точности воспроизвести то, что онъ видѣлъ въ паркѣ Монсо, во время прогулки съ Анетой,—бѣдную дѣвушку, погруженную въ мечты, съ раскрытой книгой на колѣняхъ. Онъ долго колебался,—какъ ее изобразить: красивой или некрасивой? Некрасивая была бы характернѣе; она сильнѣе будила бы мысль, эмоцію, заключала бы въ себѣ больше философіи. Хорошенькая была бы привлекательнѣе, распространяла бы больше очарованія, больше бы нравилась.

Желаніе написать этюдъ непремѣнно съ своей молоденькой пріятельницы опредѣлило его рѣшеніе. *Мечта* будетъ красивой и, слѣдовательно, въ состояніи, рано или поздно, осуществить свои поэтическія грезы; некрасивая была бы обречена на грезы безъ надежды и конца.

Только что обѣ женщины успѣли войти, какъ Оливье, потирая руки, проговорилъ:

— И такъ, мадемуазель Нанэ, мы будемъ работать вмѣстѣ.

Графиня казалась озабоченной. Она сѣла въ кресло и смотрѣла, какъ Оливье устанавливалъ, въ желаемомъ освѣщеніи, садовую скамейку изъ желѣзныхъ прутьевъ. Затѣмъ открылъ библіотечный шкафъ, чтобы взять книгу, и послѣ нѣкотораго колебанія спросилъ:

— Что читаетъ ваша дочь?

— Боже мой, что хотите... Дайте ей Виктора Гюго.

— *Легенду Вѣковъ?*

— Отлично.

— Сядь, крошка, здѣсь, — продолжалъ онъ, — и возьми этотъ сборникъ стихотвореній. Открой страницу.... страницу 336-ю, гдѣ найдешь стихотвореніе: *Бѣдные Люди*. Читай его медленно, слово за словомъ, такъ медленно, какъ пьютъ лучшее вино,—опьянѣй и умились. Слушай, что тебѣ скажетъ сердце. Потомъ закрой книгу, подними глаза кверху, думай и мечтай... А я пока вооружусь инструментами.

Онъ отошелъ въ уголъ приготовлять палитру. Опоражнивая на тонкую дощечку свинцовыя трубочки, откуда выходили, извиваясь, тоненькія змѣйки красокъ, онъ оборачивался по-временамъ на молодую дѣвушку, погруженную въ чтеніе.

Сердце его замирало, пальцы дрожали; онъ самъ не зналъ, что дѣлаетъ, и, смѣшивая маленькія кучки красокъ, пере-

путывалъ тоны: на томъ же самомъ мѣстѣ, онъ испытывалъ вновь, черезъ двѣнадцать лѣтъ, неудержимый наплывъ волненія передъ этимъ воскресшимъ видѣніемъ.

Теперь она кончила читать; взглядъ ея былъ устремленъ впередъ. Подойдя къ ней, онъ увидѣлъ на глазахъ ея двѣ двѣ свѣтлыя капли; онѣ оторвались и покатились по щекамъ. Художникъ вздрогнулъ, потрясенный до глубины души, и, не помня себя, проговорилъ, обращаясь къ графинѣ:

— Боже, какъ она хороша!

Но видя помертвѣвшее, искаженное лицо г-жи Гильруа, онъ остановился, пораженный.

Большими, полными какого-то ужаса глазами графиня смотрѣла на нихъ,—на него и на дочь.

— Что съ вами?—съ безпокойствомъ спросилъ художникъ, подходя къ ней.

— Я хочу поговорить съ вами.

Она встала и быстро сказала Анетѣ:

— Подожди минутку, дитя мое; мнѣ надо сказать нѣсколько словъ г. Бертену.

И она быстро прошла въ маленькую гостиную рядомъ, гдѣ его часто дожидались посѣтители. Художникъ шелъ за ней, сбитый съ толку, ничего не понимая. Какъ только они очутились вдвоемъ, графиня схватила его за обѣ руки и проговорила:

— Оливье, Оливье, не заставляйте ее, пожалуйста, больше позировать!

— Но почему же?—спросилъ онъ, взволнованный.

— Почему? почему?—поспѣшно заговорила она.—Онъ спрашиваетъ еще объ этомъ! Развѣ вы не чувствуете сами, почему? О, я должна была раньше догадаться объ этомъ, но я сдѣлала это открытіе только сію минуту.... Я не могу ничего сказать вамъ теперь.. Ничего... Позовите ко мнѣ

дочь. Скажите ей, что я нездорова, прикажите позвать извощика и черезъ часъ придите навѣстить меня. Я васъ приму одна...

— Но что же съ вами, наконецъ?

Она, казалось, готова была упасть въ нервномъ припадкѣ.

— Оставьте меня. Я не могу говорить здѣсь. Позовите дочь и распорядитесь насчетъ извощика.

Онъ принужденъ былъ послушаться и вернулся въ мастерскую. Ничего не подозрѣвая, Анета снова принялась за чтеніе жалобнаго, поэтическаго разсказа, который заставилъ ея сердце наполняться грустью.

— Твоя мать нездорова,—сказалъ Оливье.—Она чуть было не упала въ обморокъ, когда вошла въ гостиную. Пойди къ ней. Я сейчасъ принесу эѳиру.

Онъ побѣжалъ въ свою комнату за флакономъ и, вернувшись, засталъ ихъ плачущими въ объятіяхъ другъ у друга. Анета, растроганная *Бѣдными Людьми*, давала волю своему волненію, а графиня искала облегченія, присоединяя свое горе къ тихой грусти дочери, смѣшивая свои слезы съ ея слезами.

Онъ подождалъ немного, не смѣя заговорить, и смотрѣлъ на нихъ, самъ охваченный непонятной тоской.

— Ну, что?—заговорилъ онъ, наконецъ.—Вамъ лучше?

— Да, немного лучше,—отвѣтила графиня.—Это пройдетъ. Вы послали за извощикомъ?

— Да; сейчасъ пріѣдетъ.

— Благодарю васъ, мой другъ. Ничего. Я вынесла слишкомъ много горя за послѣднее время.

— Извощикъ пріѣхалъ,—доложилъ вскорѣ лакей.

И Бертенъ съ тайной тревогой въ сердцѣ, поддерживая свою пріятельницу, проводилъ ее до каретной дверцы: графиня была блѣдна, едва держалась на ногахъ, и онъ

чувствовалъ, какъ сильно билось сердце подъ ея корсажемъ.

„Но что же это съ ней? Отчего этотъ припадокъ?“ спросилъ онъ себя, оставшись одинъ. И онъ принялся отыскивать причину, бродя вокругъ истины и не рѣшаясь обнаружить ее. Наконецъ, онъ подошелъ къ самой истинѣ. „Постой!“ сказалъ онъ себѣ. „Ужь не думаетъ ли она, что я ухаживаю за ея дочерью? Нѣтъ, это было бы ужь слишкомъ!“ И, разбивая остроумными и прямыми аргументами предполагаемое мнѣніе, онъ возмущался, что она могла, хотя бы на минуту, заподозрить въ этой чистой, почти отеческой привязанности, нѣчто въ родѣ ухаживанья. Онъ раздражался все сильнѣе и сильнѣе противъ графини, не находя для нея оправданія, за то, что она осмѣлилась заподозрѣть его въ такой гнусности, въ такой безпримѣрной низости, и обѣщался сейчасъ же ей отвѣтить, не стѣсняясь въ выраженіяхъ своего негодованія.

Сгорая нетерпѣніемъ объясниться, Бертенъ вскорѣ отправился къ ней. Съ возрастающимъ раздраженіемъ онъ подготовлялъ всю дорогу доводы и фразы, которые должны были оправдать его и отомстить за такое подозрѣніе.

Онъ засталъ графиню въ длинномъ креслѣ. Лицо ея исказилось отъ страданья.

— Ну, объясните же мнѣ, дорогая, что значитъ эта странная сцена?—сухо сказалъ Бертенъ.

— Какъ? Вы еще не поняли?—отвѣтила она разбитымъ голосомъ.

— Признаюсь, нѣтъ.

— Послушайте, Оливье, загляните хорошенько въ ваше сердце.

— Въ мое сердце?

— Да, въ глубину вашего сердца.

— Я не понимаю! Говорите яснѣе.

— Загляните хорошенько въ глубину вашего сердца. Нѣтъ ли тамъ чего опаснаго и для васъ, и для меня?

— Повторяю вамъ, что я не понимаю. Догадываюсь, что есть что-то въ вашемъ воображенiи, но въ моей совѣсти не нахожу ничего.

— Я не говорю о вашей совѣсти, я говорю о вашемъ сердцѣ.

— Я не мастеръ разгадывать загадки. Прошу васъ говорить яснѣе.

Тогда, медленно взявъ обѣ руки художника въ свои и удерживая ихъ, графиня, какъ бы съ болью произнося каждое слово, сказала:

— Берегитесь, мой другъ, вы влюбляетесь въ мою дочь.

Онъ рѣзко отдернулъ руки и съ возрастающимъ волненiемъ и горячностью невиновнаго, который возмущается противъ постыднаго обвиненiя, сильно жестикулируя, сталъ защищаться, осуждая ее, въ свою очередь, за то, что она заподозрила его въ этомъ.

Она долго слушала его, упорно не довѣряя его словамъ, увѣренная въ томъ, что сказала.

— Но я не подозрѣваю васъ, мой другъ, — возражала она. — Вы сами не знаете, что происходитъ въ васъ, точно такъ же, какъ и я этого не знала до сегоднешняго утра. Вы относитесь ко мнѣ такъ, какъ будто я обвиняю васъ въ намѣренiи увлечь Анету. О, нѣтъ, нѣтъ! Я знаю, какъ вы честны, достойны всякаго уваженiя, всякаго довѣрiя. Я васъ прошу только, я умоляю васъ, загляните въ глубь вашего сердца, не носитъ ли то чувство, которое вы начинаете питать, помимо воли, къ моей дочери, нѣсколько иного характера, чѣмъ простая дружба

Онъ разсердился и, волнуясь все больше и больше, на-

чалъ защищать свою честность, какъ защищался на улицѣ, по дорогѣ къ графинѣ.

Она дождалась, когда онъ кончилъ; затѣмъ, не сердясь, не измѣнивъ своего убѣжденія, но страшно блѣдная, она проговорила:

— Оливье, я отлично знаю все, что вы мнѣ говорите, и думаю такъ же, какъ и вы. Но я увѣрена, что не ошибаюсь. Выслушайте, подумайте, поймите. Моя дочь слишкомъ похожа на меня; я была точно такая же прежде, когда вы полюбили меня. Какъ же вамъ не полюбить ее?

— Такъ вы осмѣливаетесь бросать мнѣ въ лицо подобную вещь, основываясь только на простомъ предположеніи и на такомъ смѣшномъ разсужденіи: „Онъ любитъ меня; моя дочь похожа на меня, — слѣдовательно, онъ полюбитъ и ее“...

Но, замѣтивъ, что графиня все больше и больше измѣняется въ лицѣ, онъ продолжалъ болѣе мягкимъ тономъ:

— Позвольте, дорогая Ани, вѣдь, потому именно эта дѣвочка и нравится мнѣ, что въ ней я снова нахожу васъ. Глядя на нее, я люблю васъ, одну васъ.

— Да, вотъ именно отъ этого-то я и начинаю такъ страдать; вотъ этого-то я и боюсь такъ. Вы еще не можете разобраться въ вашихъ чувствахъ. Но скоро вы уже не ошибетесь въ этомъ.

— Ани, увѣряю васъ, вы сходите съ ума.

— Хотите доказательствъ?

— Хочу.

— Цѣлыхъ три года вы не пріѣзжали въ Ронсьеры, несмотря на мои настоятельныя просьбы. Но какъ только предложили вамъ поѣхать туда за нами, вы бросились со всѣхъ ногъ.

— А, вотъ что! Вы упрекаете меня за то, что я не оста-

вилъ васъ тамъ одну, зная, что вы больны послѣ смерти вашей матери...

— Хорошо. Я не настаиваю. Ну, а это: потребность видѣть Анету настолько сильна въ васъ, что вы не могли утерпѣть, чтобы не попросить меня привезти ее къ вамъ сегодня подъ предлогомъ позированья.

— А вы не предполагаете, что я васъ хотѣлъ видѣть?

— Въ эту минуту вы говорите противъ себя; вы стараетесь убѣдить себя; вы меня не обманываете. Слушайте дальше. Почему вы вдругъ ушли третьяго дня вечеромъ, когда пришелъ маркизъ Фарандаль? Знаете ли вы это?

Онъ колебался, крайне пораженный, взволнованный, обезоруженный этимъ замѣчаніемъ.

— Но, право, не знаю...—медленно проговорилъ,—усталъ... и затѣмъ, говоря, откровенно, этотъ болванъ раздражаетъ меня.

— Давно ли?

— Всегда.

— Извините, я сама слышала, какъ вы хвалили его. Прежде онъ вамъ нравился. Будьте ужь совсѣмъ искренни, Оливье.

Онъ подумалъ съ минуту, затѣмъ, пріискивая слова, отвѣтилъ:

— Да, возможно, что моя сильная привязанность къ вамъ, заставляетъ меня настолько любить всѣхъ, кто около васъ что я измѣнилъ свое мнѣніе относительно этого глупца. Встрѣчаться съ нимъ изрѣдка — для меня безразлично; но было бы досадно видѣть его у васъ чуть не каждый день.

— Домъ моей дочери не мой домъ. Но довольно... Я знаю ваше прямодушіе. Знаю, что вы много будете думать надъ тѣмъ, что я вамъ сказала... А когда вы поразмыслите, то поймете, что я вамъ указала большую опасность, пока еще

есть время избѣжать ее. И вы примете мѣры. Теперь поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ, да?

Онъ не настаивалъ, чувствуя себя неловко, не зная, что ему слѣдуетъ теперь думать, сознавая, что ему, дѣйствительно, надо поразмыслить. И, поговоривъ еще кое о чемъ, черезъ четверть часа онъ ушелъ.

IV.

Оливье медленными шагами возвращался домой; онъ былъ смущенъ, точно сейчасъ узналъ какую-то постыдную семейную тайну. Онъ пробовалъ зондировать свое сердце, заглянуть въ него поглубже, прочесть задушевныя страницы внутренней книги, какъ бы склеенныя между собой, перевернуть которыя, разъединяя, можетъ иногда только посторонняя рука. Конечно, онъ не считалъ себя влюбленнымъ въ Анету! Графиня, подозрительная ревность которой была постоянно на-сторожѣ, издалека предугадала опасность и указала на нее до ея появленія. Но эта опасность,—могла ли она возникнуть завтра, послѣ завтра, черезъ мѣсяцъ? На этотъ искренній вопросъ онъ постарался отвѣтить искренно. Конечно, дѣвочка возбуждала въ немъ инстинкты нѣжнаго чувства, но ихъ такъ много въ человѣкѣ, этихъ инстинктовъ, что не надо смѣшивать опасныхъ съ безвредными. Такъ, онъ любилъ животныхъ, особенно кошекъ, и не могъ видѣть ихъ шелковистаго мѣха, не испытывая при этомъ непреодолимаго, чувственнаго желанія погладить ихъ по волнистой, мягкой спинѣ, поцѣловать ихъ электрическую шерсть. Притягательная сила, толкавшая его къ молодой дѣвушкѣ, была немного похожа на эти смутныя, невинныя желанія, составляющія часть безконечныхъ, неукротимыхъ вибрацій человѣческихъ нервовъ. Его глазъ,

какъ художника и человѣка, соблазнила ея свѣжесть, соблазнилъ избытокъ прекрасной, свѣтлой жизни, взрывъ юношеской силы, и его сердце, полное воспоминаній о продолжительной связи съ графиней, видѣвшее въ необычайномъ сходствѣ Анеты съ матерью призывъ къ минувшимъ ощущеніямъ,—къ ощущеніямъ, которыя были въ началѣ его любви и теперь уснули, — его сердце, быть можетъ, слегка затрепетало, почувствовавъ пробужденіе. Пробужденіе, да? Такъ? Эта мысль освѣтила его. Онъ чувствовалъ пробужденіе послѣ долголѣтняго сна. Еслибъ онъ любилъ молоденькую дѣвушку, не сознавая этого, онъ испытывалъ бы въ ея присутствіи то полное обновленіе, которое пересоздаетъ человѣка, лишь только въ немъ вспыхиваетъ огонь новаго желанія. Нѣтъ, этотъ ребенокъ только раздулъ прежнее пламя! Онъ по-прежнему любилъ все-таки мать, но, безъ сомнѣнія, немного больше прежняго, благодаря ея дочери, благодаря этому возрожденію ея самой. И онъ формулировалъ эту мысль такимъ успокоительнымъ софизмомъ: „Любятъ только одинъ разъ!“ Нерѣдко сердце можетъ испытывать волненіе при встрѣчѣ съ другимъ существомъ, потому что человѣкъ дѣйствуетъ на человѣка или притягательнымъ, или отталкивающимъ образомъ. Всѣ такія вліянія порождаютъ дружбу, прихоть, желаніе обладать, горячія, кратковременныя вспышки, но не настоящую любовь. Для того, чтобы она существовала, такая любовь, — надо, чтобы два существа были рождены другъ для друга, чтобы связь ихъ между собой была многостороння, склонности одинаковы, и притомъ сходство тѣла, ума, характера должно быть настолько сильно, чувство единенія во множествѣ всевозможныхъ вещей настолько велико, — чтобы все это вмѣстѣ образовало неразрывный узелъ привязанностей. Словомъ, любятъ не

столько г-жу X или г-на Z, сколько вообще женщину или мужчину, существо безъ имени, вышедшее изъ природы, изъ этой большой самки, обладающее органами, формой, сердцемъ, умомъ, общимъ характеромъ; все это, какъ магнитъ, притягиваетъ къ себѣ наши органы, наши глаза, наши губы, наше сердце, нашу мысль, всѣ наши чувственныя и духовныя потребности. Любятъ какой-нибудь типъ, то-есть соединеніе въ одномъ лицѣ всѣхъ тѣхъ человѣческихъ качествъ, которыя, каждое въ отдѣльности, могутъ прельщать насъ въ другихъ.

Для него такимъ типомъ была графиня Гильруа; это доказывала ему достовѣрнымъ образомъ продолжительность ихъ связи, которая ему нисколько не надоѣла. Анета поразительно была похожа на то, чѣмъ была когда-то ея мать. Поэтому, ничего нѣтъ удивительнаго, если сердце его затронуто немножко, хотя и не увлечено. Онъ любитъ женщину. Отъ нея родилась другая женщина, почти такая же. Не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, оградить себя отъ того, чтобы не перенести на вторую женщину нѣкоторой доли нѣжности, доли той страстной привязанности, какую питалъ къ первой? Въ этомъ не было ничего дурного; онъ не видѣлъ тутъ никакой опасности. Только глазъ его и воспоминаніе допускали себѣ иллюзію этого кажущагося воскрешенія, но его инстинктъ не заблуждался, такъ какъ эта молодая дѣвушка никогда не возбуждала въ немъ ни малѣйшаго влеченія страсти.

Между тѣмъ, графиня упрекала его въ ревности къ маркизу. Правда-ли это? Онъ снова подвергъ строгому допросу свою совѣсть и убѣдился, что онъ, дѣйствительно, немножко ревнуетъ. Но что-жъ тутъ удивительнаго, однако? Развѣ не ревнуютъ каждую минуту мужчинъ, ухаживающихъ за какой бы то ни было женщиной? Развѣ на улицѣ, въ ре-

сторанѣ, въ театрѣ, не испытываютъ маленькой непріязни къ мужчинѣ, который проходитъ или входитъ подъ руку съ хорошенькой женщиной? Каждый мужчина, обладающій женщиной, нашъ соперникъ. Онъ удовлетворенный самецъ, побѣдитель, которому завидуютъ другіе самцы. И потомъ, не вдаваясь въ эти физіологическія соображенія, если его симпатія къ Анетѣ, немного усиленная, благодаря нѣжности, какую онъ питалъ къ матери,—нормальна, не естественно ли почувствовать ему нѣкоторую животную ненависть къ ея будущему мужу? Онъ безъ труда поборетъ въ себѣ это нехорошее чувство.

Однако, въ глубинѣ души его оставалось чувство недовольства,—недовольства самимъ собой и графиней. Не будутъ ли стѣснены ихъ ежедневныя отношенія тѣмъ подозрѣніемъ, которое онъ будетъ чувствовать въ ней? Не придется ли ему слѣдить съ мельчайшимъ, утомительнымъ вниманіемъ за каждымъ своимъ словомъ, за каждымъ поступкомъ, за каждымъ взглядомъ, за малѣйшимъ отношеніемъ къ молодой дѣвушкѣ, такъ какъ, что бы онъ ни сдѣлалъ, что бы ни сказалъ,—все будетъ казаться подозрительнымъ ея матери. Онъ вернулся домой угрюмымъ и сталъ курить папиросы съ живостью раздраженнаго человѣка, который тратитъ десять спичекъ на то, чтобы зажечь папироску. Тщетно пробовалъ онъ работать. Его рука, его глазъ, умъ, казалось, отвыкли отъ живописи, какъ будто забыли ее, никогда не знали и не практиковались въ этомъ искусствѣ. Онъ взялъ небольшую начатую картину съ намѣреніемъ окончить ее,—уголокъ улицы и слѣпой пѣвецъ,—и смотрѣлъ на нее съ такимъ непреодолимымъ равнодушіемъ, съ такимъ безсиліемъ продолжать ее, что, сѣвъ противъ нея и держа палитру въ рукѣ, онъ забылъ про картину, все продолжая смотрѣть на нее пристальнымъ, разсѣяннымъ взглядомъ.

Потомъ, замѣтивъ вдругъ, что время какъ бы остановилось въ своемъ движеніи, что минуты тянутся безконечно долго, онъ почувствовалъ грызущее, невыносимое ощущеніе лихорадочнаго нетерпѣнія. Что станетъ онъ дѣлать до обѣда въ клубѣ, если онъ не можетъ работать? При мысли объ улицѣ, онъ заранѣе уже чувствовалъ утомленіе; при этомъ у него являлось отвращеніе къ тротуарамъ, прохожимъ, къ экипажамъ и лавкамъ, а мысль о визитѣ къ кому-то ни было, мгновенно вызвала въ немъ ненависть ко всѣмъ знакомымъ ему людямъ.

Въ такомъ случаѣ, что же онъ станетъ дѣлать? Онъ будетъ шагать взадъ и впередъ по мастерской, взглядывая при каждомъ поворотѣ на стрѣлку стѣнныхъ часовъ, передвинувшуюся на нѣсколько секундъ? Ахъ, какъ ему знакомы эти путешествія отъ двери до шкафа, заваленнаго бездѣлушками! Въ часы вдохновенія, восторга, увлеченія, плодотворнаго и легкаго труда, такіе отдыхи, такія хожденія взадъ и впередъ по большой, веселой комнатѣ, оживленной, согрѣтой работой, прелестны, но въ часы безсилія и отвращенія, въ тѣ мучительные часы, когда все казалось ему не стоющимъ усилія, труда, такая прогулка становилась отвратительной и напоминала прогулку заключеннаго по темницѣ. Если бы ему удалось уснуть, хотя бы одинъ часъ, на диванѣ! Но нѣтъ, онъ не заснетъ; онъ будетъ ворочаться до ожесточенія. Но отчего на него вдругъ напало такое мрачное настроеніе? „Я становлюсь отчаянно нервнымъ“, подумалъ онъ, „если ужъ такая ничтожная причина доводитъ меня до подобнаго состоянія“.

Онъ попробовалъ взять книгу. Томъ „*Легенды Вѣковъ*“ остался на желѣзной скамейкѣ, куда его положила Анета. Онъ раскрылъ его, прочелъ двѣ страницы стиховъ и не понялъ ихъ, какъ будто они были написаны на какомъ-то

иностранномъ языкѣ. Это разсердило его и онъ прочелъ сначала, но еще разъ убѣдился, что дѣйствительно не можетъ уловить ихъ смысла. „Ну, кажется, я совсѣмъ спятилъ съ ума“, подумалъ онъ. Но вдругъ его осѣнило вдохновеніе: онъ нашелъ, какъ убить ему два часа до обѣда. Онъ приказалъ согрѣть себѣ ванну и, вытянувшись въ ней, разнѣженный, успокоенный теплой водой, пробылъ такъ до той самой минуты, когда пришедшій съ бѣльемъ камердинеръ вывелъ его изъ полусоннаго состоянія. Онъ отправился въ клубъ, гдѣ собрались его обычные товарищи. Его встрѣтили съ распростертыми объятіями, съ восклицаніями, такъ какъ не видали его уже нѣсколько дней.

— Я былъ въ деревнѣ,—сказалъ онъ.

Всѣ эти люди, за исключеніемъ пейзажиста Мальдана, высказывали глубокое презрѣніе къ деревнѣ. Рокдіанъ и Ланда, правда, ѣздили на охоту; но и въ лѣсахъ, и въ долинахъ они испытывали одно только удовольствіе,—смотрѣть, какъ фазаны, перепела и куропатки, падаютъ подъ выстрѣлами, точно какія нибудь комья перьевъ, или видѣть, какъ маленькіе подстрѣленные кролики кувыркаются, точно клоуны, перелетая разъ пять или шесть черезъ голову и показывая при каждомъ оборотѣ клочекъ бѣлой шерсти на хвостѣ. Помимо этихъ осеннихъ и зимнихъ удовольствій, они считали деревню убійственно-скучной. Рокдіанъ говорилъ: «Я предпочитаю хорошенькихъ женщинъ хорошему горошку».

Обѣдъ прошелъ, какъ и всегда, шумно, весело, въ бурныхъ преніяхъ, которыя не привели ни къ чему неожиданному. Бертенъ, желая оживиться, говорилъ много. Его находили забавнымъ; но, выпивъ кофе и сыгравъ партію на билліардѣ съ банкиромъ Ливерди, онъ ушелъ изъ клуба, походилъ немного отъ церкви св. Магдалины до улицы Тэбу, прошелъ

три раза мимо театра *Водевиль*, спрашивая себя, зайти туда или нѣтъ, чуть было не взялъ извощика и не отправился въ Ипподромъ, перемѣнилъ намѣреніе и направился къ Новому Цирку, затѣмъ вдругъ повернулъ назадъ, безъ всякой причины, безъ всякой цѣли и предлога прошелъ по бульвару Мальзербъ и, подходя къ дому графини Гилльруа, замедлилъ шаги. «Быть можетъ, ей покажется страннымъ, что я пришелъ опять сегодня»? подумалъ онъ. Но успокоился, разсудивъ, что ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что онъ пожелалъ во второй разъ узнать объ ея здоровьѣ.

Она была одна съ Анетой въ маленькой гостиной и, по прежнему, вязала одѣяла для бѣдныхъ.

— А! это вы мой другъ,—просто сказала она, когда онъ вошелъ,

— Да, я безпокоился; мнѣ хотѣлось видѣть васъ. Какъ вы себя чувствуете?

— Благодарю, довольно хорошо...

Она подождала нѣсколько секундъ и затѣмъ прибавила, подчеркивая слова.

— А вы?

Онъ развязно разсмѣялся и отвѣчалъ:

— О, я чувствую себя очень хорошо, очень хорошо. Ваши опасенія не имѣли ни малѣйшаго основанія.

Она подняла глаза, перестала вязать и медленно устремила на него взглядъ, полный горячей мольбы и сомнѣнія.

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ онъ.

— Тѣмъ лучше,—отвѣтила она, какъ-то принужденно улыбаясь.

Онъ сѣлъ и, въ первый разъ въ этомъ домѣ, имъ овладѣло непреодолимое, тяжолое чувство, въ родѣ паралича мыслей, сильнѣй того паралича, который напалъ на него днемъ передъ картиной.

— Ты можешь продолжать, дитя мое,—сказала графиня дочери,—ты не помѣшаешь.

— Что же она дѣлала?—спросилъ онъ.

— Она разучивала одну фантазію.

Анета встала и подошла къ рояли. Художникъ, какъ всегда, безсознательно провожалъ ее глазами, находя ее хорошенькой. Но тутъ онъ почувствовалъ на себѣ взглядъ матери и вдругъ отвернулся, какъ бы ища чего-то въ темномъ углу.

Графиня взяла съ рабочаго столика маленькій, полученный отъ него, золотой портсигаръ и, открывъ его, протянула ему папиросы.

— Курите, мой другъ; вы знаете, что я люблю это, когда мы одни.

Художникъ не отказался. Раздались пѣвучіе звуки рояли.

Пьэса была въ старинномъ вкусѣ, легкая и граціозная, одна изъ тѣхъ пьесъ, которыя, казалось, созданы художникомъ въ очень теплый весенній вечеръ, при лунномъ свѣтѣ.

— Чье это?—спросилъ Оливье.

— Шумана,—отвѣтила графиня. — Прелестная вещь и мало извѣстная.

Желаніе взглянуть на Анету все усиливалось въ немъ, но онъ не смѣлъ. Ему стоило только сдѣлать маленькое движеніе, повернуть немножко шею,—сбоку ему видны были два огонька свѣчей, освѣщавшихъ партитуру,—но онъ такъ хорошо угадывалъ, такъ ясно видѣлъ подстерегающее вниманіе графини, что оставался неподвиженъ, глядя передъ собой и какъ бы заинтересованный сѣроватыми струйками табачнаго дыма.

— И вамъ нечего больше сказать мнѣ! — проговорила графиня.

Онъ улыбнулся.

— Вы не должны за это сердиться на меня. Вы знаете, что музыка гипнотизируетъ меня; она вбираетъ въ себя мои мысли. Я сейчасъ буду говорить.

— Да,—проговорила она,—я разучила кое-что для васъ, еще до смерти матери. Я еще ни разу не играла вамъ этого, и съиграю, какъ только дѣвочка кончитъ. Вы увидите, какая это удивительная вещь!

Графиня обладала настоящимъ талантомъ и тонкимъ пониманіемъ музыки. И это было одно изъ наиболѣе вѣрныхъ, сильныхъ средствъ, которыми она дѣйствовала на чувствительную сторону художника.

Какъ только Анета кончила сельскую симфонію Мегюля, графиня встала, сѣла на мѣсто дочери, и изъ-подъ ея пальцевъ полилась удивительная мелодія; фразы этой мелодіи звучали точно какія-то жалобы, разнообразныя, измѣнчивыя, многочисленныя, прерываемыя одной только единственной нотой, которая безпрестанно повторялась, роняя звуки среди пѣвучей мелодіи, раздѣляя ее, скандируя, дробя на части, подобно однообразному, безпрерывному, неотступному крику, подобно неумолкаемому, неотвязному призыву.

Но Оливье смотрѣлъ на Анету; она сидѣла теперь противъ него; онъ ничего не слышалъ, ничего не понималъ.

Онъ смотрѣлъ на нее безъ всякой мысли, упиваясь ея видомъ, какъ упиваются чѣмъ-нибудь обычнымъ и хорошимъ, чего онъ былъ лишенъ, упиваясь ею всецѣло подобно тому, какъ пьютъ воду при сильной жаждѣ.

— Ну, что?—сказала графиня,—вѣдь хорошо?

Выведенный изъ забытья, онъ воскликнулъ:

— Изумительно, превосходно!.. Чье это?

— Вы не знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Какъ, вы этого не знаете, вы?

— Да нѣтъ же, не знаю.

— Шуберта.

— Это нисколько не удивляетъ меня,—проговорилъ онъ тономъ глубокаго убѣжденія.—Превосходная вещь! Будьте любезны, сыграйте еще разъ.

Она заиграла, а онъ, отвернувшись, сталъ опять смотрѣть на Анету; но онъ слушалъ также и музыку, чтобы испытывать въ одно и то же время два удовольствія.

Потомъ, когда г-жа Гилльруа пришла и сѣла опять на свое мѣсто, онъ, повинуясь свойственному человѣку двоедушію, уже не останавливалъ больше своего взгляда на бѣлокурой головкѣ молодой дѣвушки, сидѣвшей за вязаньемъ противъ матери, по другую сторону лампы.

Но, если онъ и не видѣлъ ея, то наслаждался ея присутствіемъ, подобно тому, какъ наслаждаются близостью теплаго очага; его преслѣдовало желаніе бросить вскользь на нее взглядъ и тотчасъ же перевести его на графиню, бросая такъ быстро, одинъ взглядъ за другимъ — желаніе школьника, который высовывается въ окно, на улицу, лишь только учитель поворачивается спиной.

Онъ ушелъ рано, потому что способность говорить была парализована въ немъ такъ же, какъ и умъ, и его упорное молчаніе могло быть истолковано въ дурную сторону.

Когда Бертенъ очутился на улицѣ, имъ овладѣло желаніе побродить еще; вся слышанная музыка долго звучала внутри его, повергая его въ мечтательность и вызывая грезы, которыя являлись какъ бы болѣе опредѣленнымъ продолженіемъ мелодій. Пѣвучія ноты, бѣглыя и перемежающіяся, повторялись вновь, принося съ собой отдѣльные такты, ослабленные, отдаленные, какъ эхо, и потомъ, умолкали, какъ бы предоставляя уму осмыслить мотивы и пуститься на поиски особаго рода гармоническаго и нѣжнаго идеала. Замѣтивъ

волшебное освѣщеніе парка Монсо, онъ повернулъ налѣво, вдоль внѣшняго бульвара, и вошелъ въ центральную аллею, окруженную электрическими фонарями. Медленными шагами прохаживался сторожъ; по временамъ проѣзжалъ запоздавшій извощикъ; какой-то господинъ читалъ при яркомъ, голубоватомъ свѣтѣ газету, сидя на скамьѣ у подножія бронзовой мачты съ ослѣпительно-яркимъ шаромъ наверху. Другіе фонари, на лужайкахъ между деревьями, разливали холодный, могучій свѣтъ по листвѣ и газону, придавая блѣдную жизненность этому большому городскому саду.

Заложивъ руки за спину, Бертенъ шелъ по тротуару и вспоминалъ свою прогулку съ Анетой въ этомъ же самомъ паркѣ, когда онъ узналъ въ ея голосѣ голосъ матери.

Онъ безсильно опустился на скамью и, вдыхая въ себя свѣжія испаренія росистыхъ лужаекъ, почувствовалъ, какъ его охватили всѣ страстныя ожиданія, которыя изъ души юноши дѣлаютъ безсвязную канву для безконечнаго романа любви. Когда-то ему были знакомы такіе вечера, вечера безпорядочной фантазіи, когда онъ причудливо бродилъ среди воображаемыхъ приключеній, и онъ удивился, что снова къ нему вернулись несвойственныя его лѣтамъ ощущенія.

Но такъ же, какъ упорная нота въ мелодіи Шуберта, мысль объ Анетѣ, ея наклоненное лицо при свѣтѣ лампы и непонятное подозрѣніе графини преслѣдовали его поминутно. Онъ продолжалъ заниматься въ душѣ помимо воли этимъ вопросомъ, зондировать недоступную глубину, гдѣ зарождаются прежде, чѣмъ возникнуть, человѣческія чувства. Это упорное разслѣдованіе волновало его. Постоянная мысль о молодой дѣвушкѣ, казалось, открывала его душѣ путь для нѣжныхъ мечтаній; она не выходила у него изъ головы; онъ хранилъ въ себѣ ея образъ, подобно тому, какъ хранилъ въ былыя времена, когда графиня уходила

отъ него, странное ощущеніе ея присутствія въ стѣнахъ мастерской.

Такое господство воспоминаній вывело его, наконецъ, изъ терпѣнія, и онъ всталъ, пробормотавъ:

— Ани сдѣлала глупость, сказавъ мнѣ это. Она заставитъ меня думать теперь о дѣвочкѣ.

Онъ вернулся домой, обезпокоенный за самого себя. Улегшись въ постель, онъ почувствовалъ, что ему не уснуть, такъ какъ сердце его лихорадочно билось. Боясь безсонницы, одной изъ тѣхъ ослабляющихъ безсонницъ, предвѣстницей которыхъ является взволнованная душа, онъ хотѣлъ было попробовать взять книгу. Сколько разъ непродолжительное чтеніе служило ему наркотическимъ средствомъ!.. Онъ всталъ и прошелъ въ библіотеку, чтобы выбрать подходящее, снотворное произведеніе; но взволнованный помимо его воли умъ, требовавшій какого-нибудь возбужденія, искалъ на полкахъ такого писателя, который сотвѣтствовалъ бы его состоянію восторженности и ожиданія. Бальзакъ, котораго онъ боготворилъ, не сказалъ ему ничего; онъ съ пренебреженіемъ отнесся къ Гюго, съ презрѣніемъ къ Ламартину, который, однако, всегда приводилъ его въ умиленіе, и съ жадностью набросился на Мюссэ, поэта совсѣмъ молодыхъ людей. Онъ взялъ одинъ томъ его сочиненій и унесъ читать съ первой попавшейся страницы.

Онъ легъ опять въ постель и, какъ пьяница, жадно принялся глотать легкіе стихи вдохновеннаго пѣвца, который воспѣвалъ, какъ птица, зарю жизни, и не найдя въ себѣ больше силъ, умолкъ передъ разсвѣтомъ грубаго дня,— стихи поэта и въ особенности человѣка, упоеннаго жизнью, упоеніе котораго выражалось въ оглушительныхъ и наивныхъ трубныхъ звукахъ любви,—эхо всѣхъ молодыхъ сердецъ, обезумѣвшихъ подъ напоромъ страсти.

Никогда Бертенъ не понималъ прежде такъ хорошо физической прелести этихъ поэмъ, волнующихъ чувства и едва затрогивающихъ умъ. Не отрывая глазъ отъ звучныхъ стиховъ, онъ почувствовалъ въ себѣ душу двадцатилѣтнаго человѣка,—душу, взволнованную надеждами,—и прочиталъ книгу почти всю, отъ начала до конца, въ какомъ-то юношескомъ опьяненіи. Пробило три часа, и онъ удивился, что ему до сихъ поръ не хочется спать. Онъ всталъ, затворилъ окно, которое оставалось незатвореннымъ, и положилъ книгу на столъ посреди комнаты; но отъ прикосновенія свѣжаго, ночного воздуха боль, плохо залѣченная сезонами въ Э, вдругъ пробѣжала у него въ пояснидѣ, точно какое напоминаніе, точно совѣтъ, и онъ нетерпѣливо швырнулъ отъ себя поэта, пробормотавъ: „Эхъ? старый дуракъ!“ Потомъ легъ въ постель и затушилъ свѣчу.

Онъ не пошелъ на другой день къ графинѣ и даже твердо рѣшился не ходить туда два дня. Но что бы онъ ни дѣлалъ,—пробовалъ ли писать, или ходить на прогулки, таскалъ ли изъ дома въ домъ свою меланхолію, мысль объ этихъ двухъ женщинахъ вездѣ неотступно преслѣдовала его.

Запретивъ себѣ идти къ нимъ, онъ утѣшался тѣмъ, что думалъ о нихъ, давая своимъ мыслямъ, своему сердцу вдоволь насытиться воспоминаніемъ. Часто выходило такъ, что въ этой своеобразной галлюцинаціи, которою онъ баюкалъ свое уединеніе, обѣ фигуры приближались другъ къ другу, различныя, такія, какими онъ ихъ зналъ, потомъ заходили одна на другую, смѣшивались, сливались вмѣстѣ, и получалось одно лицо, немного смутное, не лицо матери и не совсѣмъ лицо дочери, а лицо женщины, безумно любимой въ былыя времена, теперь, всегда.

Тогда онъ упрекалъ себя въ томъ, что пускался такъ

по наклонной плоскости, отдаваясь умиленіямъ, которыя считалъ могучими и опасными. Чтобы избавиться отъ нихъ, оттолкнуть отъ себя, освободиться отъ этихъ чарующихъ, сладостныхъ грезъ, онъ направлялъ свой мозгъ на всевозможныя идеи, на всякія разсужденія, всякія размышленія, какія только можно себѣ представить. Напрасныя усилія! Всѣ пути, какіе онъ предпринималъ для развлеченія, приводили его къ одному пункту, гдѣ онъ встрѣчалъ бѣлокурую головку: она поджидала его тамъ, какъ бы спрятавшись въ засадѣ.

То была смутная, неизбѣжная, неотступная мысль; она парила надъ нимъ, кружилась и хватала его, какіе бы ни пробовалъ онъ избирать пути для бѣгства.

Въ его памяти снова возникло смѣшеніе этихъ двухъ существъ, такъ сильно смутившее его въ тотъ вечеръ, когда они гуляли по Ронсьерскому парку; оно возникало, какъ только что, переставъ размышлять и разсуждать, онъ вызывалъ ихъ образы и старался уяснить себѣ то непонятное волненіе, которое потрясало его тѣло „Что это?“ разсуждалъ онъ самъ съ собой. „Развѣ я питаю къ Анетѣ больше нѣжности, чѣмъ слѣдуетъ?“ И роясь у себя въ сердцѣ, онъ чувствовалъ, что пылаетъ любовью къ какой-то совсѣмъ молодой женщинѣ; черты лица у нея Анетины; но это не Анета. „Нѣтъ“, думалъ онъ, самымъ низкимъ образомъ разувѣряя себя; „это не любовь къ дѣвочкѣ; я только жертва сходства ея съ матерью“.

Но между тѣмъ два дня, проведенные въ Ронсьерахъ, сидѣли у него въ душѣ, являясь какъ бы источникомъ теплоты, счастья, упоенья, и мельчайшія подробности, одна за другой, возвращались къ нему снова—ясныя и даже болѣе прочувствованныя, чѣмъ тогда. И въ то время, какъ онъ слѣдилъ за нитью своихъ воспоминаній, передъ нимъ

вдругъ предстали дорога, по которой они возвращались съ кладбища, и молодая дѣвушка, собирающая цвѣты, и онъ вспомнилъ, что обѣщалъ ей, какъ только они пріѣдутъ въ Парижъ, подарить василекъ изъ сафировъ.

Вся рѣшимость его сразу разлетѣлась, и, переставъ бороться, онъ взялъ шляпу и вышелъ изъ дому, весь охваченный мыслью объ удовольствіи, какое ей доставитъ.

— Барыни нѣтъ дома,—отвѣтилъ Бертену лакей, когда онъ явился къ Гилльруа;—но барышня дома.

Бертенъ почувствовалъ живѣйшую радость.

— Скажите, что я хочу съ ней говорить.

И легкими шагами, точно боясь, что его услышатъ, онъ проскользнулъ въ гостиную.

Почти въ ту же минуту показалась Анета.

— Здравствуйте, великій маэстро,—съ важностью проговорила она.

Онъ засмѣялся, пожалъ ей руку, и, усаживаясь возлѣ нея, сказалъ:

— Угадай, зачѣмъ я пришелъ?

Она подумала нѣсколько секундъ.

— Не знаю.

— Затѣмъ, чтобы отвести васъ съ мамой къ ювелиру выбрать василекъ изъ сафировъ, который я обѣщалъ тебѣ въ Ронсьерахъ.

Лицо молодой дѣвушки просіяло отъ счастья.

— Ахъ! а мамы нѣтъ дома!—сказала она.—Но она сейчасъ придетъ. Вы подождете ее, разумѣется?

— Подожду, если это не очень долго.

— О! какая дерзость! Долго, со мной! Вы обращаетесь со мной, какъ съ дѣвчонкой.

— Совсѣмъ нѣтъ. Напрасно ты думаешь.

Бертенъ почувствовалъ въ душѣ желаніе нравиться, ка-

заться изящнымъ, остроумнымъ, какимъ бывалъ въ самые горячіе моменты своей юности,—почувствовалъ одно изъ тѣхъ инстинктивныхъ желаній, которыя возбуждаютъ къ соблазну всѣ силы, заставляютъ распускать хвостъ павлина и писать стихи поэта. Фразы лились у него, живыя, быстро слѣдуя одна за другой, и онъ говорилъ такъ, какъ умѣлъ говорить въ самые лучшіе моменты. Дѣвочка, оживленная его вдохновеніемъ, отвѣчала ему съ тѣмъ шаловливымъ, тонкимъ задоромъ, который начиналъ уже проглядывать въ ней.

И вдругъ, отстаивая какое-то мнѣніе, художникъ вскричалъ:

— Но вы уже часто говорили мнѣ это, и я отвѣчалъ вамъ...

Взрывъ смѣха прервалъ его рѣчь.

— Ахъ, вы уже со мной не на *ты*. Вы принимаете меня за маму.

Бертенъ покраснѣлъ, замолчалъ, потомъ пробормоталъ:

— Да, потому что твоя мама сто разъ отстаивала эту мысль.

Краснорѣчіе его угасло; онъ не зналъ больше, что говорить, и испытывалъ какой-то страхъ, какой-то непонятный страхъ передъ этой дѣвочкой.

— Вотъ и мама,— сказала Анета.

Она слышала, какъ отворилась дверь первой гостиной. Оливье, смущенный, точно въ чемъ провинился, разсказалъ, какъ онъ вспомнилъ вдругъ о данномъ обѣщаніи и пришелъ теперь за ними, чтобы вмѣстѣ отправиться къ ювелиру.

— Я въ двухмѣстной каретѣ,—сказалъ онъ.—Я сяду на скамеечку.

Они отправились и черезъ нѣсколько минутъ входили уже къ Монтара.

Вся жизнь Бертена прошла въ близкомъ общеніи съ женщинами, въ наблюденіи надъ ними, въ изученіи ихъ,

въ любви. Постоянно занятый ими, онъ долженъ былъ глубоко извѣдать и распознать ихъ вкусы, знать, не хуже ихъ, туалеты, изучить вопросы моды, всѣ мелкія подробности ихъ личной жизни; онъ дошелъ до того даже, что раздѣлялъ съ ними часто нѣкоторыя изъ ихъ ощущеній. Входя въ какой-нибудь изъ магазиновъ, гдѣ продавались прелестные, изящные аксессуары женской красоты, онъ всегда испытывалъ какое-то волнующее чувство удовольствія, почти одинаковое съ тѣмъ, отъ котораго трепетали сами женщины. Подобно имъ, онъ интересовался всякими кокетливыми пустяками, которыми онѣ украшаютъ себя; глазъ его привлекали матеріи; руки тянулись къ кружевамъ; самыя незначительныя изящныя бездѣлушки останавливали на себѣ его вниманіе. Передъ витринами ювелировъ онъ испытывалъ что-то въ родѣ религіознаго почитанія, какъ передъ святилищами роскошнаго соблазна, а бюро изъ темнаго сукна, на которомъ гибкіе пальцы ювелира разсыпаютъ каменья съ драгоцѣнными отливами, внушало ему просто уваженіе.

Усадивъ графиню съ дочерью передъ бюро,—передъ этой незатѣйливой вещицей, на которую обѣ дамы совершенно естественно положили руку, Бертенъ объяснилъ, что ему нужно. Ему показали модели цвѣтовъ.

Потомъ передъ ними разсыпали сафиры; изъ нихъ надо было выбрать четыре камня. Это продолжалось долго. Обѣ женщины кончикомъ ногтя поворачивали камни на сукнѣ, потомъ осторожно брали въ руки, разсматривали ихъ на свѣтъ, изучали съ страстнымъ вниманіемъ, съ вниманіемъ знатока. То, что они выбрали, отложили въ сторону. Теперь надо было еще три изумруда для листьевъ и одинъ крошечный брильянтикъ; вставленный посрединѣ, онъ будетъ дрожать, какъ капля росы.

Оливье, дѣлая подарокъ, совсѣмъ опьянѣлъ отъ радости и сказалъ тогда графинѣ:

— Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, выберите два кольца.

— Я?

— Да. Одно для себя, другое для Анеты. Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ эти два маленькіе подарка, на память о двухъ дняхъ, проведенныхъ въ Ронсьерахъ.

Она отказалась. Онъ настаивалъ. Послѣдовало долгое препирательство, борьба словъ и аргументовъ; наконецъ художникъ восторжествовалъ, хотя и не безъ труда.

Принесли кольца. Одни, наиболѣе цѣнныя, въ отдѣльныхъ ящичкахъ, другіе, подобранныя въ одномъ жанрѣ, въ большихъ четыреугольныхъ коробкахъ, гдѣ на бархатѣ сидѣли рядами ихъ фантастическіе каменья. Художникъ усѣлся посрединѣ между двумя женщинами и, подобно имъ, съ тѣмъ же любопытнымъ жаромъ, принялся вынимать по порядку золотыя кольца изъ тонкой зажимавшей ихъ щели. Онъ раскладывалъ ихъ потомъ передъ собой на сукнѣ на двѣ кучки: въ одну попадали кольца, забракованныя съ перваго взгляда, въ другую — тѣ, изъ которыхъ потомъ можно будетъ выбрать по вкусу.

Время незамѣтнымъ образомъ потихоньку проходило въ этомъ выборѣ, въ этомъ занятіи, болѣе плѣнительномъ, чѣмъ всѣ свѣтскія удовольствія, интересномъ и разнообразномъ, какъ какое-нибудь зрѣлище, тоже волнующее, почти сладострастное,—въ этомъ тонкомъ наслажденіи для женскаго сердца.

Потомъ начались сравненія, воодушевились, и выборъ трехъ судей, послѣ нѣкотораго колебанія, остановился на маленькой змѣйкѣ, которая несла въ узенькой пасти, придерживая изогнутымъ хвостомъ, великолѣпный рубинъ.

Оливье, сіяющій, всталъ.

— Я вамъ оставлю свой экипажъ,—сказалъ онъ.—У меня кое-какія дѣла. Я ухожу.

Но Анета упросила мать идти пѣшкомъ въ такую хорошую погоду. Графиня согласилась и, поблагодаривъ Бертена, вышла съ дочерью на улицу.

Онѣ шли нѣкоторое время молча, предаваясь радостному чувству, вызванному у нихъ подарками; потомъ заговорили о драгоцѣнныхъ вещахъ, которыя только что видѣли и перебирали въ рукахъ. Изъ головы у нихъ не вылетѣлъ еще миражъ, звонъ, еще оставалось какое-то веселое настроеніе. Онѣ шли быстро среди толпы народа, которая толчется обыкновенно на тротуарахъ въ пять часовъ вечера, въ лѣтній день. Мужчины оглядывались на Анету, бормоча какія-то восторженныя слова. Съ тѣхъ поръ, какъ Анета надѣла трауръ, придававшій такой яркій блескъ ея красотѣ, графиня въ первый разъ шла съ ней по парижскимъ улицамъ. И видя ея успѣхъ на улицѣ, видя обращенное на нее со всѣхъ сторонъ вниманіе, улавливая комплименты въ полголоса, весь этотъ маленькій водоворотъ лестнаго умиленія, который оставляетъ позади себя въ толпѣ мужчинъ хорошенькая женщина, графиня почувствовала, какъ сердце ея сжимается все больше и больше, подъ гнетомъ такой же невыносимой тоски, какъ въ тотъ вечеръ, когда сравнивали у нея въ гостиной дочь съ портретомъ матери. Помимо воли, она подстерегала взгляды, обращенные на Анету; она чувствовала ихъ еще издали, чувствовала, какъ скользятъ они по ея лицу, не останавливаясь на немъ, и потомъ вдругъ приковываются къ бѣлокурой головкѣ, рядомъ съ ней. Она угадывала, читала въ глазахъ безмолвные, мимолетные восторги передъ этой расцвѣтшей молодостью, передъ чарующей прелестью этой свѣжести и думала: „Я была такъ же хороша, какъ она, если толь-

ко не лучше“. Вдругъ ей вспомнился Оливье Бертенъ, и, какъ въ Ронсьерахъ, на нее напало необузданное желаніе убѣжать.

Ей не хотѣлось больше оставаться здѣсь на свѣту, въ этомъ людномъ потокѣ, на глазахъ у мужчинъ, которые на нее не смотрѣли. То время, хотя и близкое, когда она искала сравненій съ дочерью, нарочно вызывала ихъ, ушло теперь далеко. Кому изъ этихъ прохожихъ придетъ въ голову сравнивать ихъ? Одному человѣку, можетъ быть, и пришло сейчасъ это въ голову тамъ, въ лавкѣ ювелира. Ему? О! какая мука! Возможно ли, чтобы это сравненіе не преслѣдовало его неотступно? Разумѣется, онъ не могъ объ этомъ не думать, видя ихъ вмѣстѣ, не могъ не вспоминать того времени, когда она приходила къ нему свѣжая, красивая, безъ всякихъ сомнѣній въ его любви!

— Я чувствую себя нехорошо,—сказала она;—возьмемъ извощика, дитя мое.

Встревоженная Анета спросила:

— Что съ тобой, мама?

— Ничего; ты знаешь, что со смерти бабушки со мной часто стали дѣлаться такіе припадки слабости.

V.

Неотвязныя мысли обладаютъ грызущимъ упорствомъ неизлѣчимыхъ болѣзней. Разъ поселившись въ душѣ, онѣ поглащаютъ ее окончательно, не позволяя ни о чемъ думать, ничѣмъ интересоваться, имѣть къ чему-нибудь малѣйшую охоту. Что бы ни дѣлала графиня у себя дома или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, одна или окруженная людьми, она не въ силахъ была теперь отогнать мысли, овладѣвшей ею въ тотъ разъ, когда онѣ съ дочерью возвращались домой.

„Возможно ли, чтобы Бертена, который видѣлся съ ними почти каждый день, не преслѣдовало это неотступное сравненіе"?

Разумѣется, онъ долженъ былъ ихъ сравнивать, помимо воли, безпрестанно; его самого неотступно преслѣдовало, ни на минуту не выходя изъ головы, это сходство, еще болѣе усиленное подражаніемъ жестовъ и фразъ, котораго такъ сильно прежде добивались. Всякій разъ, какъ только онъ приходилъ къ нимъ, графиня сейчасъ же начинала думать объ этомъ сравненіи, читала его въ глазахъ Бертена, угадывала, дѣлала комментаріи и сердцемъ, и умомъ. Тогда ее начинала мучить потребность спрятаться, исчезнуть, не показываться больше рядомъ съ дочерью.

Она испытывала всевозможныя страданія, не находя больше пріюта въ своемъ собственномъ домѣ. Это отчужденіе отъ дома, такъ сильно поразившее ее въ тотъ вечеръ, когда всѣ взгляды устремились на Анету, стоявшую передъ ея портретомъ, — шло впередъ, обострялось, порой приводило въ отчаяніе. Она безпрестанно упрекала себя за внутреннюю потребность освобожденія, за скрытое желаніе выпроводить отъ себя дочь, какъ стѣснительную, неподатливую гостью, и хлопотала объ этомъ, съ безсознательной ловкостью, охваченная вновь потребностью борьбы, чтобы удержать, несмотря ни на что, любимаго человѣка.

Не имѣя возможности ускорить брака Анеты, которому мѣшалъ отчасти недавній трауръ, она испытывала страхъ, какой-то сильный, смутный страхъ, опасаясь, чтобы какое-нибудь событіе не разрушило этого проэкта, и почти помимо воли старалась вызвать въ сердцѣ дочери нѣжное чувство къ маркизу.

Хитрая дипломатія, которую она съ давнихъ поръ пускала въ ходъ, чтобы удержать Оливье, приняла теперь у

нея другую форму, болѣе тонкую, болѣе скрытую; она направлена была на то, чтобы вызвать у молодыхъ людей симпатію другъ къ другу, но такъ, чтобы маркизъ при этомъ не встрѣчался съ художникомъ.

Такъ какъ художникъ усвоилъ себѣ привычку работать по утрамъ и завтракалъ всегда дома, отдавая друзьямъ по обыкновенію только одни вечера, то графиня стала чаще приглашать маркиза завтракать. Онъ пріѣзжалъ, разливая вокругъ себя оживленіе послѣ прогулки верхомъ, разнося какое-то дуновеніе утренняго воздуха. И онъ весело заводилъ рѣчь о разныхъ свѣтскихъ дѣлахъ, которыя какъ бы носились въ воздухѣ надъ коннымъ, блестящимъ Парижемъ, пробужденнымъ къ осенней жизни въ алеяхъ Булонскаго лѣса. Анета съ удовольствіемъ слушала его, входя во вкусъ этихъ вседневныхъ интересовъ, которые онъ преподносилъ ей такимъ образомъ въ свѣжемъ видѣ, какъ бы прикрытые лакомъ изящества. Между ними устанавливалась юношеская близость, товарищескія отношенія, которыя еще болѣе упрочивала естественнымъ образомъ ихъ общая страсть къ лошадямъ. Послѣ ухода маркиза графиня съ графомъ ловко начинали расхваливать его, говорили о немъ все, что слѣдовало для того, чтобы дать понять молодой дѣвушкѣ, что если онъ ей нравится, то выйти за него замужъ зависитъ единственно отъ нея.

Анета впрочемъ очень скоро поняла это и, разсуждая въ простотѣ сердца, находила вполнѣ естественнымъ взять въ мужья этого красиваго молодого человѣка, который, вмѣстѣ съ другими удовольствіями, дастъ ей и то, которое она предпочитала всѣмъ остальнымъ,—возможность скакать каждое утро рядомъ съ нимъ на чистокровномъ жеребцѣ.

И совершенно естественно, въ одинъ прекрасный день, послѣ рукопожатія и улыбки, они стали женихомъ и не-

вѣстой, и объ ихъ бракѣ стали говорить, какъ о чемъ-то давнымъ давно рѣшенномъ. Тогда маркизъ сталъ приносить подарки. Герцогиня обращалась съ Анетой, какъ съ родной дочерью. Съ общаго согласія, все это подогрѣлось на легкомъ огонькѣ дружбы въ спокойные дневные часы; маркизъ же, имѣя еще кромѣ того множество другихъ занятій, отношеній, обязанностей и службъ, рѣдко приходилъ по вечерамъ.

Вечеромъ наступала очередь Оливье. Онъ регулярно обѣдалъ разъ въ недѣлю у своихъ друзей и по прежнему являлся къ нимъ невзначай, на чашку чая, между десятью часами и двѣнадцатью.

Чуть только онъ показывался, какъ графиня сейчасъ же начинала слѣдить за нимъ, охваченная желаньемъ узнать, что дѣлается у него въ сердцѣ. Каждый взглядъ его, каждый жестъ она перетолковывала на свой ладъ и терзалась, размышляя: „Невозможно, чтобы онъ не любилъ ее, видя насъ вмѣстѣ".

Художникъ тоже приносилъ подарки. Не проходило недѣли, чтобы онъ не являлся съ двумя сверточками въ рукахъ; одинъ преподносилъ матери, другой—дочери. И графиня, раскрывая ящички, въ которыхъ часто оказывались драгоцѣнныя вещи, чувствовала, какъ сердце ея сжималось. Ей хорошо было знакомо это желаніе дарить, но какъ женщина, она никогда не могла удовлетворить его,—это желаніе принести что-нибудь, доставить удовольствіе, купить для кого-нибудь, найти въ магазинѣ какую-нибудь безделушку, которая могла-бы понравиться.

Художникъ пережилъ уже когда-то этотъ кризисъ. Она часто видала у него эту улыбку, эти жесты, когда онъ входилъ къ нимъ, неся въ рукахъ небольшой сверточекъ. Потомъ все это стихло и вотъ возобновляется опять. Для кого? Она ни мало не сомнѣвалась. Не для нея!

Онъ казался усталымъ, какъ будто похудѣлъ. Изъ этого она заключила, что онъ страдаетъ. Она сравнивала его движенія, жесты, пріемы съ поведеніемъ маркиза, который тоже начиналъ увлекаться граціей Анеты. Совсѣмъ не то. Фарандаль влюбленъ, Оливье Бертенъ любилъ! Такъ по крайней мѣрѣ ей казалось въ минуты страданій. Въ минуты же успокоенія она надѣялась еще, что, можетъ быть, ошибается.

О, какъ часто, оставаясь съ нимъ наединѣ, она готова была спросить его, умолять, просить разсказать ей все, признаться во всемъ, ничего не утаивая. Она предпочитала знать все навѣрно и оплакивать истину, чѣмъ страдать въ неувѣренности, не имѣя возможности прочитать, что дѣлается въ этомъ замкнутомъ сердцѣ, гдѣ, она чувствовала, растетъ другая любовь. Этимъ сердцемъ она дорожила больше, чѣмъ жизнью. Двѣнадцать лѣтъ она ухаживала за нимъ, согрѣвала, оживляла своею любовью; она увѣрилась въ немъ, думала, что пріобрѣла его окончательно, побѣдила, подчинила, что оно будетъ ей страстно предано до конца дней ихъ. И вотъ, вдругъ, въ силу какого-то необъяснимаго, ужаснаго, чудовищнаго рока это сердце ускользаетъ отъ нея. Да, оно вдругъ замкнулось, сохранивъ въ себѣ тайну. Она не знала больше такого слова, которое помогало бы ей проникнуть въ него и свить тамъ гнѣздышко для своей любви, какъ въ какомъ-нибудь вѣрномъ убѣжищѣ, открытомъ только для нея одной. Къ чему и любить послѣ того, къ чему отдаваться беззавѣтно, если вдругъ тотъ, которому отдался всецѣло, всѣмъ существомъ своимъ, которому отдалъ всю жизнь, все, все, что есть у тебя на свѣтѣ, ускользаетъ отъ тебя, потому что ему понравилось другое лицо, и въ какихъ-нибудь нѣсколько дней дѣлается для тебя почти чужимъ!

Чужимъ! Онъ, Оливье? Разговоры его, слова, голосъ, тонъ были все тѣ же. И все-таки между ними было что-то такое, что-то необъяснимое, неуловимое, непобѣдимое, почти ничего, бездѣлица, та самая бездѣлица, которая гонитъ парусъ, когда подымается вѣтеръ, и заставляетъ его уходить вдаль.

Оливье, дѣйствительно, уходитъ, уходитъ отъ нея съ каждымъ днемъ все дальше, съ каждымъ взглядомъ, который онъ бросалъ на Анету. Самъ онъ не старался разбираться у себя въ сердцѣ. Онъ отлично чувствовалъ это броженіе любви, это непобѣдимое влеченіе, но не хотѣлъ понимать, отдаваясь на волю событій и непредвидѣнныхъ случайностей жизни.

Онъ ни о чемъ болѣе не заботился, какъ только объ обѣдахъ и вечерахъ въ обществѣ этихъ двухъ женщинъ, удалившихся отъ всякаго свѣтскаго движенія по случаю траура. Встрѣчая у нихъ только самыхъ незначительныхъ лицъ, чаще всего Корбелей и Мюзадьё, Оливье думалъ, что онъ почти одинъ съ ними, и, не видя больше герцогини и маркиза, которымъ предназначались утро и середина дня, хотѣлъ забыть о нихъ, думая, что свадьба отложена на неопредѣленное время.

Къ тому же Анета никогда не говорила при немъ о Фарандалѣ. Что это? Инстинктивная скромность или, быть можетъ, наитіе, одно изъ тѣхъ сокровенныхъ наитій, которое заставляетъ женское сердце предчувствовать неизвѣстное?

Недѣли шли за недѣлями, не внося никакого измѣненія въ эту жизнь, и такъ настала осень, а съ нею вмѣстѣ и открытіе палатъ раньше, чѣмъ слѣдовало, по случаю опаснаго положенія политическихъ дѣлъ.

Въ день открытія парламента графъ Гилльруа послѣ завтрака у нихъ въ домѣ долженъ былъ отвезти на засѣданіе го-

спожу Мортменъ, маркиза и Анету. Только графиня, одинокая въ своемъ все возрастающемъ горѣ, объявила, что останется дома.

Встали изъ-за стола. Пили теперь кофе въ большой гостиной. Всѣмъ было весело. Графъ счастливый, что начались парламентскія занятія, его единственное удовольствіе, говорилъ почти остроумно о настоящемъ положеніи дѣлъ и о затрудненіяхъ республики; маркизъ, положительно влюбленный, былъ въ ударѣ и отвѣчалъ ему, поглядывая на Анету, а герцогиня была почти одинаково довольна, какъ увлеченіемъ племянника, такъ и плачевнымъ положеніемъ правительства.

Воздухъ гостиной разгоряченъ первой сгущенной теплотой истопленныхъ калориферовъ, теплотой матерій, ковровъ, стѣнъ, среди которыхъ поспѣшно испаряются ароматы задыхающихся цвѣтовъ. Въ этой закрытой со всѣхъ сторонъ комнатѣ распространяется также и запахъ кофе; тутъ что-то интимное, семейное; чувствуется какая-то удовлетворенность.

Вдругъ дверь отворилась и показался Оливье Бертенъ.

Онъ остановился на порогѣ, до такой степени пораженный, что колебался даже, войти ему или нѣтъ; онъ былъ пораженъ, какъ обманутый мужъ передъ преступленіемъ жены. Смутный гнѣвъ и сильное волненіе душили его, и онъ почувствовалъ, что сердце его истерзано любовью. Все, что отъ него скрывали и что онъ самъ отъ себя скрывалъ, все это предстало теперь передъ нимъ при видѣ маркиза, устроившагося въ домѣ въ качествѣ жениха.

Въ порывѣ отчаянія онъ понялъ все, что ему не хотѣлось знать, все что не рѣшались говорить ему.

Онъ не задавалъ себѣ вопроса: зачѣмъ отъ него скрыли всѣ эти приготовленія къ свадьбѣ; онъ угадалъ все самъ,

и взглядъ его, теперь вдругъ суровый, встрѣтился съ взглядомъ покраснѣвшей графини. Они другъ друга поняли.

Онъ сѣлъ. Всѣ молчали нѣсколько минутъ. Его неожиданное присутствіе парализовало полетъ мыслей. Потомъ съ нимъ заговорила герцогиня, и онъ отвѣчалъ ей отрывисто, вдругъ измѣнившимся голосомъ, въ которомъ звучала какая-то странная нота.

Онъ обвелъ глазами этихъ людей, которые снова принялись за разговоры и говорилъ самъ себѣ: „Меня провели. Они заплатятъ мнѣ за это“. Онъ злился въ особенности на графиню и на Анету; онъ понялъ вдругъ ея невинное притворство.

Графъ посмотрѣлъ на стѣнные часы и вскричалъ:

— О! о! пора отправляться.

Потомъ обращаясь къ художнику:

— Мы идемъ на открытіе парламентской сессіи. Моя жена одна остается дома. Не хотите ли присоединиться къ намъ? Доставите мнѣ большое удовольствіе.

Оливье сухо отвѣтилъ:

— Нѣтъ, благодарю. Ваша палата меня не соблазняетъ.

Тогда подошла къ нему Анета и съ обычнымъ веселымъ видомъ произнесла:

— О, пойдемте, дорогой нашъ художникъ; я увѣрена, что вы доставите намъ больше удовольствія, чѣмъ депутаты.

— Нѣтъ, право. Вамъ и безъ меня будетъ весело.

Чувствуя, что онъ не доволенъ и огорченъ, она изъ любезности стала настаивать.

— Пожалуйста, пойдемте, художникъ. Увѣряю, что я безъ васъ не могу обойтись.

У него сорвалось нѣсколько словъ такъ быстро, что онъ не могъ ни остановить ихъ во время, ни измѣнить ударенія.

— Ба! Вы отлично обходитесь безъ меня, какъ и другіе.

— Ну, вотъ!—вскричала она, немного удивленная такимъ тономъ.—Теперь ужъ онъ опять начинаетъ мнѣ говорить вы.

По губамъ его пробѣжала одна изъ тѣхъ судорожныхъ улыбокъ, которыя указываютъ на душевную муку, и слегка поклонившись, онъ сказалъ:

— Рано или поздно, надо же къ этому привыкать.

— Почему это?

— Потому что вы выйдете замужъ, и вашъ мужъ, кто бы онъ ни былъ, имѣетъ право находить неумѣстнымъ такое обращеніе съ моей стороны.

Графиня поспѣшила замѣтить:

— Тогда будетъ время объ этомъ подумать. Но надѣюсь, что Анета не выйдетъ замужъ за такого человѣка, который будетъ настолько щепетиленъ, что станетъ придавать значеніе фамильярности стараго друга.

— Ну, ну, въ походъ!—кричалъ графъ.—Мы опоздаемъ.

И всѣ, кому слѣдовало присоединиться къ нему, встали и вышли изъ гостиной послѣ обычныхъ рукопожатій и поцѣлуевъ, которыми обмѣнивались при всякой встрѣчѣ и всякомъ прощаніи герцогиня, графиня и ея дочь.

Оба—онъ и она—остались передъ портьерой затворившейся двери.

— Садитесь, мой другъ,—мягко сказала она.

— Нѣтъ, благодарю; я тоже ухожу,—почти запальчиво сказалъ онъ.

— О! почему же?

— Потому что я, кажется, здѣсь не во время. Извините, что я пришелъ, не предупредивъ васъ.

— Оливье, что съ вами?

— Ничего. Я только сожалѣю, что помѣшалъ устроенному partie de plaisir.

Она схватила его руку.

— Что вы хотите сказать? Имъ пора было уходить; они хотѣли быть на открытіи сессіи. Я рѣшила остаться дома. Напротивъ, васъ точно кто вдохновилъ придти сегодня, когда я одна.

Онъ усмѣхнулся.

— Вдохновилъ, да. Я вдохновленъ!

Она взяла его за кисти рукъ и смотря ему глубоко въ глаза, очень тихо проговорила:

— Признайтесь, что вы ее любите.

Бертенъ высвободилъ руки; онъ не въ состояніи былъ дольше сдерживать свое нетерпѣніе.

— Но вы съ ума сошли съ этой фантазіей!

Она схватила его за плечи и впиваясь пальцами въ рукава, молила:

— Оливье! Признайтесь! Признайтесь! Для меня лучше знать; я увѣрена въ томъ, что для меня это лучше! Лучше!.. О! вы не понимаете, что со мною дѣлается!

Онъ пожалъ плечами.

— Что же вы хотите? Развѣ моя вина, что вы потеряли голову.

Она не выпускала его, стараясь увлечь въ другую гостиную, въ ту, которая была сзади, гдѣ ихъ никто не услышитъ, тащила его за жакетъ, вцѣпилась въ него, задыхаясь. Она довела его до круглаго диванчика, принудила опуститься на него и сама сѣла рядомъ съ нимъ.

— Оливье, мой другъ, мой единственный другъ. Прошу васъ, скажите, вы ее любите? Я знаю это; чувствую это по всѣмъ вашимъ поступкамъ; сомнѣваться больше въ этомъ я не могу. Я съ ума схожу, но хочу это знать отъ васъ!

Такъ какъ онъ все еще отпирался, то она стала на колѣна у ногъ его. Голосъ ея хрипѣлъ.

— О, другъ мой, другъ мой, мой единственный другъ! Правда ли, что вы ее любите?

И стараясь ее поднять, онъ вскричалъ:

— Да, нѣтъ же, нѣтъ! Клянусь, что нѣтъ!

Она поднесла руку къ его губамъ и закрыла ему ротъ.

— О, не лгите!—проговорила она.—Я черезчуръ страдаю!

Потомъ, припавъ головой къ колѣнамъ этого человѣка, она зарыдала.

Ему виденъ былъ теперь одинъ только затылокъ ея, цѣлая куча бѣлокурыхъ волосъ, съ сильною примѣсью сѣдины, и его пронизала необыкновенная жалость, необыкновенная боль.

И придерживая пальцами эту тяжелую шевелюру, онъ быстро приподнялъ ея голову, привлекъ къ себѣ обезумѣвшіе глаза, изъ которыхъ ручьемъ текли слезы, и эти глаза, залитые слезами, онъ сталъ быстро, быстро цѣловать, повторяя:

— Ани! Ани! Милая, милая Ани!

И, стараясь улыбнуться, она заговорила тѣмъ нерѣшительнымъ голосомъ, которымъ говорятъ дѣти, задыхаясь отъ огорченія.

— О! другъ мой, скажите мнѣ только, что вы еще немного любите меня.

Онъ сталъ опять ее цѣловать.

— Люблю, люблю васъ, милая Ани.

Она встала, сѣла опять возлѣ него, взяла его за руки и, посмотрѣвъ на него, нѣжно сказала:

— Мы вотъ давно уже любимъ другъ друга. Не слѣдовало бы такъ кончать.

— Зачѣмъ же кончать?—спросилъ онъ, прижимая ее къ себѣ.

— Потому что я стара, а Анета сильно похожа на меня...

на меня, какой я была въ ту пору, когда вы со мною познакомились.

Теперь ему въ свою очередь пришлось зажимать рукой эти горестныя губы, говоря:

— Опять! Не говорите, пожалуйста, больше объ этомъ. Клянусь, что вы ошибаетесь!

Она повторила:

— Лишь бы только вы любили меня немножко!

— Да я люблю васъ,—опять сказалъ онъ.

Они долго сидѣли молча, держа другъ друга за руки, сильно взволнованные, печальные.

Наконецъ, графиня прервала молчаніе.

— О! Не веселыя минуты остались на мою долю въ жизни!—проговорила она.

— Я постараюсь ихъ усладить.

Въ гостиную спускалась тѣнь отъ сумрачнаго, осенняго неба, которое за два часа до вечера заволакивается облаками, и окутывала ихъ мало-по-малу сѣрымъ туманомъ.

Пробили часы.

— Мы уже давно здѣсь сидимъ,—сказала графиня.—Вамъ надо уходить, а то могутъ придти, а мы не спокойны!

Онъ всталъ, сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ и, какъ въ былыя времена, поцѣловалъ въ полураскрытыя губы; потомъ, обнявъ другъ друга за плечи, они прошли, какъ супруги, черезъ обѣ гостиныя.

— Прощайте, другъ мой.

— Прощайте, дорогая.

И за нимъ опустилась портьера.

Онъ сошелъ внизъ по лѣстницѣ, повернулъ къ церкви Магдалины и пошелъ впередъ, самъ не зная, что дѣлаетъ, ошалѣвъ, какъ отъ удара, чувствуя слабость въ ногахъ, жаръ и трепетаніе въ сердцѣ, которое билось въ его груди,

какъ какой-нибудь раскаленный клокъ мяса. Часа два или три, а, можетъ быть, и четыре онъ шелъ впередъ въ какомъ-то нравственномъ оцѣпенѣніи или физическомъ изнеможеніи, находя въ себѣ силы ровно настолько, чтобы передвигать кое-какъ ноги. Затѣмъ онъ возвратился домой для размышленій.

Итакъ, значитъ, онъ любитъ эту молоденькую дѣвушку. Теперь ему понятно все, что онъ испыталъ возлѣ нея съ тѣхъ поръ, какъ, гуляя съ ней по парку Монсо, услыхалъ въ ней призывъ какого-то смутно знакомаго голоса, когда-то возбуждавшаго его сердце. Теперь понятенъ и это медленный, неотразимый возвратъ любви, не совсѣмъ еще угасшей, не совсѣмъ остывшей,—любви, въ которой онъ упорно отказывался сознаться.

Что ему дѣлать? Но что же можетъ онъ сдѣлать? Когда она выйдетъ замужъ, онъ станетъ избѣгать частыхъ съ ней встрѣчъ, вотъ и все. А до тѣхъ поръ по прежнему будетъ ходить къ нимъ въ домъ, чтобы не возбудить подозрѣній и скрыть отъ всѣхъ свою тайну.

Онъ пообѣдалъ дома, чего никогда съ нимъ не случалось Потомъ приказалъ затопить печь въ мастерской, такъ какъ ночь обѣщала быть холодной. Онъ приказалъ даже зажечь люстру, какъ бы боясь темныхъ угловъ, и заперся. Какое странное, глубоко волнующее ощущеніе сжимало его тѣло, ощущеніе физическое и необыкновенно печальное! Онъ испытывалъ его въ горлѣ, въ груди, въ ослабленныхъ мускулахъ, не меньше, чѣмъ въ упавшемъ сердцѣ. Стѣны давили его; въ нихъ прошла вся жизнь его, жизнь художника и жизнь человѣка. Каждый этюдъ, висѣвшій на стѣнѣ, напоминалъ ему объ успѣхѣ; всякая вещь пробуждала воспоминаніе. Но успѣхъ и воспоминаніе—дѣло прошлое! А жизнь? Она показалась ему такой короткой, пустой и въ то же время

наполненной. Онъ писалъ картины, опять писалъ картины, любилъ женщину. Ему припоминались вечера экзальтаціи, послѣ свиданій, въ этой самой мастерской. Онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по цѣлымъ часамъ, съ лихорадочнымъ трепетомъ во всемъ существѣ своемъ. Радость счастливой любви, радость успѣха въ свѣтѣ, единственное въ своемъ родѣ упоеніе славой дали ему возможность насладиться, дали незабвенныя минуты внутренняго торжества.

Онъ любилъ женщину, и эта женщина любила его. Отъ нея онъ получилъ то крещеніе, которое открываетъ человѣку таинственный міръ эмоцій и нѣжнаго чувства. Она почти силой открыла его сердце, и теперь онъ не въ состояніи былъ закрыть его. Въ пробитую брешь входила, помимо его воли, другая любовь!—другая или скорѣй прежняя, разогрѣтая другимъ лицомъ,—прежняя, усиленная потребностью все большей любви на старости лѣтъ. Итакъ, онъ любитъ эту дѣвочку! Нечего больше бороться, нечего противиться, отрицать! Онъ любитъ ее съ отчаяніемъ, сознавая, что она не почувствуетъ къ нему даже ни малѣйшей жалости, никогда не узнаетъ о его жестокихъ мученіяхъ и выйдетъ замужъ за другого. При этой мысли, которая безпрестанно являлась у него и которую невозможно было прогнать, на него нападало животное желаніе завыть, какъ воютъ собаки на привязи, ибо онъ чувствовалъ себя такимъ же безсильнымъ, порабощеннымъ и прикованнымъ, какъ онѣ. Онъ думалъ и все больше и больше приходилъ въ нервное раздраженіе, шагая по обширной комнатѣ, освѣщенной, точно для какого-нибудь празднества. Не имѣя больше силъ, наконецъ, терпѣть боль отъ разбереженной раны, онъ хотѣлъ было попытаться успокоить ее воспоминаніемъ о прежней любви, хотѣлъ потопить ее призывомъ первой, великой своей страсти. Онъ досталъ изъ стѣннаго шкапа

хранившуюся тамъ копію съ портрета графини, которую сдѣлалъ когда-то для себя, поставилъ ее на мольбертъ, сѣлъ передъ ней и сталъ смотрѣть. Онъ старался оживить образъ графини, представить ее такой, какой онъ полюбилъ ее когда-то. Но на холстѣ всплывалъ постоянно образъ Анеты. Мать исчезала, испарялась, уступая мѣсто другому образу, удивительно на нее похожему. То былъ образъ дѣвочки съ болѣе свѣтлыми волосами, съ болѣе ребяческой улыбкой, болѣе насмѣшливымъ видомъ, и онъ чувствовалъ, что принадлежитъ этому юному существу тѣломъ и душой, какъ никогда не принадлежалъ той, другой,—какъ принадлежитъ лодка несущимъ ее волнамъ!

Онъ всталъ тогда съ мѣста и, чтобы прогнать отъ себя это видѣніе, перевернулъ портретъ. Потомъ, чувствуя наплывъ грусти, онъ пошелъ въ свою комнату, чтобы вынуть ящикъ изъ стола, гдѣ покоились письма его подруги, и принести его въ мастерскую. Они лежали тамъ, какъ въ постели, одно на другомъ, образуя толстый слой тонкихъ бумажекъ. Онъ сунулъ въ нихъ руки, въ эту прозу, говорившую о нихъ, въ эту ванну ихъ долгой связи. Онъ смотрѣлъ на этотъ узенькій досчатый гробъ, хранившій въ себѣ массу сваленныхъ въ кучу конвертовъ, гдѣ постоянно встрѣчалась его имя, только одно его имя. Въ нихъ, думалось ему, въ этой пожелтѣвшей массѣ бумагъ, съ пятнами красныхъ печатей, разсказывалось о любви, о нѣжной привязанности двухъ существъ другъ къ другу, разсказывалась исторія двухъ сердецъ, и, нагнувшись, онъ вдыхалъ въ себя старую струю, печальный запахъ запертыхъ писемъ.

Ему хотѣлось перечитать ихъ и, запустивъ руку въ самую глубину ящика, онъ вынулъ пукъ самыхъ старинныхъ писемъ. Онъ развертывалъ ихъ, и пахнувшія на него воспоминанія, точныя и опредѣленныя, взволновали его душу. Много было

тутъ знакомыхъ воспоминаній; когда-то онъ носилъ ихъ въ себѣ по цѣлымъ недѣлямъ, и вотъ снова встрѣчаетъ ихъ тутъ, въ этихъ мелко написанныхъ словахъ, въ нѣжныхъ фразахъ, въ забытыхъ, старинныхъ увлеченіяхъ. Вдругъ ему попался подъ руку тонкій вышитый платокъ. Что это такое? Онъ припоминалъ нѣсколько минутъ, потомъ вспомнилъ. Какъ-то разъ она разрыдалась у него, потому что немножко ревновала его, и онъ укралъ у нея, спряталъ этотъ смоченный слезами платокъ.

Ахъ! Какъ грустно все это, какъ грусто! Бѣдная женщина!

Изъ глубины ящика, изъ глубины его прошлаго, какъ паръ, поднимались всѣ эти воспоминанія: то былъ лишь неосязаемый паръ изсякнувшей дѣйствительности. Но онъ страдалъ отъ этого и плакалъ надъ письмами, какъ плачутъ надъ умершими, потому что ихъ нѣтъ больше въ живыхъ.

И это перетряхиванье старой любви вызывало у него броженіе новой страсти, страсти юной, вызывало приливъ неотразимой нѣжности, которая воскрешала въ его памяти лучезарный образъ Анеты. Онъ любилъ мать въ страстномъ порывѣ добровольнаго рабства; онъ начиналъ теперь любить эту дѣвочку, какъ рабъ, какъ старый рабъ, на котораго опять надѣваютъ цѣпи, и ихъ теперь ему не разорвать.

Онъ чувствовалъ это въ глубинѣ существа своего, чувствовалъ и приходилъ отъ этого въ ужасъ.

Онъ старался понять, какимъ образомъ и почему она такъ завладѣла имъ? Онъ зналъ ее такъ мало! Она только что начинала становиться женщиной; ея сердце и душа покоились еще сномъ юности.

Для него же приближается почти конецъ жизни! Какимъ же образомъ этотъ ребенокъ завладѣлъ имъ, завладѣлъ при помощи какихъ-то улыбокъ, какихъ-то прядей волосъ. Ахъ!

Эти улыбки, эти волосы бѣлокурой дѣвочки! Они возбуждали въ немъ желаніе упасть на колѣни и стукнуться лбомъ объ полъ.

Кто знаетъ, кому извѣстно, почему лицо какой-нибудь женщины вдругъ беретъ надъ нами силу яда? Кажется, точно выпилъ ее глотками, точно стала она нашей мыслью, плотью. И пьянѣешь, и сходишь съ ума, и живешь этимъ образомъ, который поглотилъ въ себя, и хочется умереть. Какія страданія причиняетъ иногда эта дикая, непостижимая власть какого-нибудь личика надъ сердцемъ мужчины!

Оливье Бертенъ опять принялся ходить по комнатѣ; ночь шла своимъ чередомъ; печка погасла. Сквозь оконныя стекла шелъ съ улицы холодъ. Тогда онъ легъ въ постель и все думалъ и страдалъ до самаго разсвѣта. Онъ рано всталъ, самъ не зная зачѣмъ, не зная, что будетъ дѣлать, съ взволнованными нервами, въ нерѣшительности, какъ вертящійся флюгеръ.

Подыскивая какое-нибудь развлеченіе для души, какое-нибудь занятіе для тѣла, онъ вспомнилъ, что сегодня какъ разъ тотъ день, когда нѣкоторые члены клуба собираются, разъ въ недѣлю, въ мавританскихъ баняхъ, гдѣ послѣ массажа бываетъ у нихъ завтракъ. Онъ быстро одѣлся и вышелъ, въ надеждѣ, что паровая ванна и душъ дадутъ ему успокоеніе.

Какъ только онъ очутился на улицѣ, его охватилъ рѣзкій холодъ, тотъ потрясающій приступъ перваго заморозка, который въ одну ночь уничтожаетъ послѣдніе остатки лѣта.

Вдоль всей линіи бульваровъ, съ сухимъ, отрывистымъ шумомъ, густымъ дождемъ падали крупные, желтые листья. Ихъ падало столько, что и глазомъ не окинешь, изъ конца въ конецъ широкихъ улицъ, между фасадами домовъ, точно какое острое, ледяное лезвіе отдѣляло отъ вѣтвей ихъ

стебельки. Мостовыя и тротуары были уже завалены ими и на нѣсколько часовъ пріобрѣтали сходство съ лѣсными аллеями при наступленіи зимы. Вся эта мертвая листва трещала подъ ногами и по временамъ легкой волной поднималась кверху, подъ ударами вѣтра.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ переходныхъ дней, когда кончается одно время года и начинается другое; у такихъ дней свой особенный оттѣнокъ, своя особенная грусть — печаль агоніи или оттѣнокъ возрождающейся жизни.

Когда Оливье переступилъ порогъ Турецкихъ Бань, мысль о теплотѣ, во власть которой онъ отдастъ свое тѣло послѣ перехода по ледяному холоду улицъ, заставила вздрогнуть его печальное сердце отъ удовлетворенія. Онъ поспѣшно раздѣлся, обвязался вокругъ таліи чѣмъ-то легкимъ, что подалъ ему прислужникъ, и скрылся за отворенной передъ нимъ, обитой, мягкой дверью.

Проходя черезъ мавританскую галлерею, освѣщенную двумя восточными фонарями, онъ дышалъ съ такимъ усиліемъ, какъ будто ему не хватало воздуха, вдыхая въ себя горячую, тяжкую струю, которая шла точно отъ какого далекаго очага тепла. Потомъ курчавый негръ съ лоснящимся торсомъ, съ мускулистымъ тѣломъ, прикрытымъ только поясомъ, бросился на другой конецъ поднимать портьеру, и Бертенъ прошелъ въ большую круглую, высокую баню, безмолвную, почти мистическую, какъ храмъ. Свѣтъ падалъ сверху, черезъ куполъ и черезъ трилистники изъ цвѣтныхъ стеколъ, въ огромную, круглую залу, вымощенную плитами, съ раскрашенными на арабскій манеръ по фаянсу стѣнами.

Мужчины всѣхъ возрастовъ, почти голые, медленно, важно расхаживами по залѣ, не говоря ни слова; другіе сидѣли, скрестивъ руки, на скамейкахъ изъ мрамора; третьи тихо разговаривали между собой.

Уже при входѣ въ залу задыхались отъ жары. Въ ней, въ этомъ удушливомъ, декоративномъ циркѣ, гдѣ грѣлось человѣческое тѣло, гдѣ сновали черные массёры-арабы съ мѣдянистаго цвѣта ногами, было что-то античное и таинственное.

Первая фигура, попавшаяся Бертену на глаза, былъ графъ Ланда. Онъ расхаживалъ, какъ какой-нибудь римскій борецъ, расхаживалъ, гордясь огромной грудью и крупными, заложенными назадъ руками. Обычный посѣтитель бань, онъ воображалъ себя на сценѣ, какъ актеръ, привыкшій къ апплодисментамъ, и въ качествѣ опытнаго эксперта, разсуждалъ о мускулатурѣ всѣхъ выдающихся силачей Парижа.

— Здравствуйте, Бертенъ,—сказалъ онъ.

Они пожали другъ другу руку. Потомъ Ланда сказалъ:

— Недурно попотѣть въ такую погоду, э?

— Великолѣпно.

— Вы видѣли Рокдіана? Онъ здѣсь. Я взялъ его прямо съ постели. О! Взгляните, ради Бога, на эту фигуру!

Мимо нихъ проходилъ маленькій, кривоногій человѣчекъ, съ тонкими, какъ плеть, руками и съ поджарымъ животомъ. Онъ вызвалъ презрительную улыбку на губахъ этихъ двухъ людей, славившихся съ издавна своей силой.

Къ нимъ подходилъ Рокдіанъ, завидѣвъ художника.

Они усѣлись на длинный мраморный столъ и принялись болтать, какъ въ какой-нибудь гостиной. Взадъ и впередъ сновали прислужники, предлагая питье. Раздавались хлопанья массёровъ по голому тѣлу и внезапный взрывъ душей. Вода непрерывно журчала, стекая со всѣхъ сторонъ большого амфитеатра, и наполняла его легкимъ шумомъ, какъ шумъ отъ дождя.

Каждую минуту съ тремя пріятелями раскланивался или подходилъ пожать имъ руку кто-нибудь изъ новыхъ посѣ-

тителей. Толстый герцогъ Ариссонскій, маленькій князь Эпилати, баронъ Флакъ и другіе.

— А! Фарандаль!—вдругъ сказалъ Рокдіанъ.

Положивъ руки на бедра, маркизъ шелъ съ той непринужденностью, какая бываетъ у людей очень хорошо сложенныхъ, которымъ нечего стѣсняться.

— Молодецъ! Настоящій гладіаторъ! — пробормоталъ Ланда.

— Правда ли, что онъ женится на дочери вашихъ друзей,—подхватилъ Рокдіанъ, обращаясь къ Бертену.

— Кажется, правда,—сказалъ художникъ.

Но этотъ вопросъ, въ присутствіи этого человѣка, въ такую минуту, въ такомъ мѣстѣ, вызвалъ въ его сердцѣ страшный взрывъ отчаянія и негодованія. Всѣ ужасы дѣйствительности съ такой рѣзкой ясностью предстали передъ нимъ въ одну секунду, что въ немъ нѣсколько минутъ боролось дикое желаніе броситься на маркиза.

Потомъ онъ всталъ.

— Я утомленъ, — сказалъ онъ.—Сейчасъ приступлю къ массажу.

Мимо проходилъ арабъ.

— Ахметъ, ты свободенъ?

— Свободенъ, г. Бертенъ.

И Бертенъ поспѣшно ушелъ, чтобы избѣжать рукопожатія Фарандаля, который медленно шелъ, огибая гамамъ.

Едва-ли и четверть часа пробылъ онъ въ большой залѣ, гдѣ отдыхаютъ, гдѣ цѣлый поясъ коморокъ съ кроватями, гдѣ царила такая тишина вокругъ цвѣтника изъ африканскихъ растеній и вокругъ струи фонтана, разсыпавшейся посрединѣ. У него было такое ощущеніе, точно его преслѣдуютъ точно ему угрожаютъ; онъ чувствовалъ, что маркизъ подойдетъ къ нему, что ему придется протянуть ему руку и

обращаться съ нимъ, какъ съ пріятелемъ, имѣя въ то же время желаніе убить его.

И онъ въ скоромъ времени очутился опять на бульварѣ, усыпанномъ мертвыми листьями; теперь они не падали уже; порывы вѣтра унесли послѣдніе. Ихъ красный съ желтымъ коверъ трепеталъ, шевелился, волной переносился съ тротуара на тротуаръ, подъ рѣзкими ударами усиливающагося вѣтра.

Вдругъ что-то въ родѣ рева прокатилось по крышамъ, животный крикъ несущагося урагана, и въ то же время разъяренный порывъ вѣтра ввалился на бульваръ, несясь какъ будто съ площади Магдалины. Листья, всѣ опавшіе листья, какъ бы дожидались его, поднялись при его приближеніи. Они бѣжали впереди, собравшись въ кучу, кружась и поднимаясь спиралью до самыхъ верхушекъ домовъ. Вѣтеръ гналъ ихъ, какъ стадо, обезумѣвшее, летѣвшее стадо, и оно неслось, спасалось отъ него къ окраинамъ Парижа, ища свободы и простора въ окрестностяхъ. И когда большое облако листьевъ и пыли исчезло за высотами квартала Мальзербъ, улицы и тротуары стали удивительно чистыми, точно ихъ кто подмелъ.

„Что со мной будетъ?“ размышлялъ Бертренъ. „Что я стану далать? Куда пойду?“ И онъ повернулъ домой, безсильный что нибудь выдумать.

Кіоскъ съ газетами привлекъ его взглядъ. Онъ купилъ семь или восемь номеровъ газетъ, надѣясь, въ нихъ найти что нибудь почитать часа на два.

— Я завтракаю дома,—сказалъ онъ, входя, и прошелъ въ мастерскую.

Но сѣвъ на мѣсто, онъ почувствовалъ, что не можетъ здѣсь оставаться. Во всемъ тѣлѣ онъ испытывалъ какое-то волненіе бѣшенаго животнаго.

Прочитанныя вскользь газеты ни на минуту не разсѣяли его души. Почерпнутые факты останавливались у него въ главахъ, не проникая въ мысль. Въ одной статьѣ, которую онъ даже не старался понять, слово *Гилльруа* заставило его вздрогнуть. Дѣло шло о засѣданіи палаты, въ которомъ графъ произнесъ нѣсколько словъ.

Это напоминаніе возбудило его вниманіе. Ему попалось потомъ имя знаменитого тенора Монрозэ, который долженъ былъ въ концѣ декабря дать представленіе въ Большой Оперѣ. „Предстоитъ великолѣпное музыкальное торжество", говорилось въ газетѣ, „потому что теноръ Монрозэ, покинувшій Парижъ шесть лѣтъ тому назадъ, имѣлъ безпримѣрный до сихъ поръ успѣхъ во всей Европѣ и въ Америкѣ; его сопровождаетъ кромѣ того знаменитая шведская пѣвица Гельсонъ, которую тоже неслыхали въ Парижѣ пять лѣтъ!"

Вдругъ Оливье пришло въ голову доставить Анетѣ удовольствіе этимъ спектаклемъ; мысль эта, казалось, родилась изъ самой глубины его сердца. Потомъ онъ вспомнилъ, что трауръ графини послужитъ препятствіемъ этому проэкту, и онъ сталъ отыскивать разныя комбинаціи, чтобы все-таки привести проэктъ въ исполненіе. Представлялась единственная комбинація. Надо взять ложу на сценѣ, которую почти не видно, а если графиня и такъ не захочетъ, то повезти Анету съ отцомъ и съ герцогиней. Въ такомъ случаѣ ложу надо преподнести графинѣ. Но тогда надо пригласить и маркиза!

Онъ калебался и долго размышлялъ.

Разумѣется, свадьба рѣшена, даже назначена, безъ всякаго сомнѣнія. Художникъ угадывалъ тутъ поспѣшность свей пріятельницы; онъ понималъ, что въ самый кратчайшій срокъ она постарается отдать дочь за Фарандаля. Что же

онъ могъ сдѣлать? Онъ не можетъ ни воспрепятствовать, не измѣнить, ни отсрочить этой ужасной вещи! Если ужъ надо подчиниться этому, то не лучше ли попытаться усмирить свою душу, затаить страданіе, казаться довольнымъ, не довать себѣ волю, какъ сейчасъ, не позволять себѣ увлекаться.

Да, онъ пригласитъ маркиза и тѣмъ самымъ успокоитъ подозрѣнія графини, а себѣ откроетъ дружескій доступъ къ молодой четѣ.

Какъ только что онъ позавтракалъ, сейчасъ же отправился въ Оперу, оставить за собой одну изъ ложъ за занавѣсомъ. Ему обѣщали ее. Тогда онъ бросился къ Гилльруа.

Графиня почти сейчасъ же вышла и, вся взволнованная еще вчерашней нѣжной сценой, проговорила:

— Какъ это мило, что вы пришли сегодня!

— Я вамъ принесъ кое-что,—пробормоталъ онъ.

— Что такое?

— Ложу на сценѣ въ Оперѣ на единственное представленіе Гельсонъ и Монрозэ.

— О! другъ мой, какое горе! А трауръ?

— Вашему трауру скоро четыре мѣсяца.

— Увѣряю васъ, что не могу.

— А Анета? Подумайте, такого случая не представится, можетъ быть, никогда.

— Съ кѣмъ же она поѣдетъ?

— Съ отцомъ и съ герцогиней, которую я приглашу. Я намѣренъ также предложить мѣсто и маркизу.

Она посмотрѣла ему въ самую глубину глазъ, и въ то же время ей безумно захотѣлось поцѣловать его.

— Маркизу?—переспросила она, не вѣря своимъ ушамъ.

— Ну, да, маркизу.

Графиня тотчасъ же согласилась на эти условія.

— Вы назначили уже время свадьбы? — спросилъ онъ равнодушнымъ тономъ.

— Боже мой! Почти. Мы имѣемъ основанія торопить свадьбу, тѣмъ болѣе, что этотъ бракъ былъ рѣшенъ еще до смерти мамы. Вы это помните?

— Помню отлично. Ну, когда же?

— Да въ началѣ января. Вы извините меня, что я не сказала вамъ объ этомъ раньше.

Вошла Анета. Онъ почувствовалъ, какъ сердце прыгнуло у него въ груди съ гибкостью и силой пружины, и вся нѣжность, которая толкала его къ ней, вдругъ прониклась горечью и вызвала въ немъ какое-то непонятное чувство страстной непріязни, въ которую обращается любовь, когда ее терзаетъ ревность.

— Я вамъ принесъ кое-что,—сказалъ Оливье.

Она отвѣтила:

— Мы, значитъ, рѣшительно на *вы*.

Онъ принялъ отеческій тонъ.

— Послушайте, дитя мое. Для меня не тайна предстоящее событіе. Увѣряю васъ, это будетъ необходимо черезъ нѣсколько времени. Лучше сейчасъ же, чѣмъ поздно.

Она съ неудовольствіемъ пожала плечами. Графиня молчала, смотря куда то вдаль и напряженно размышляя.

— Что вы принесли мнѣ?—спросила Анета.

Онъ разсказалъ о спектаклѣ и о томъ, кого онъ разсчитываетъ пригласить.

Анета пришла въ восторгъ и, бросившись, какъ дѣвчонка, ему на шею, поцѣловала его въ обѣ щеки.

Онъ почувствовалъ, что готовъ упасть въ обморокъ отъ этихъ двухъ легкихъ прикосновеній свѣжихъ губъ, и понялъ, что ему не излѣчиться никогда.

Графиня, сама не своя, сказала дочери:

— Ты знаешь, что отецъ ждетъ тебя.

— Знаю, мама, иду.

Она убѣжала, посылая опять воздушные поцѣлуи.

Какъ только она вышла, Оливье спросилъ:

— Они поѣдутъ путешествовать?

— Да, уѣдутъ на три мѣсяца.

— Тѣмъ лучше!—пробормоталъ онъ помимо воли.

— Мы заживемъ попрежнему,—сказала графиня.

— Я полагаю,—проговорилъ онъ.

— А пока не забывайте меня.

— Нѣтъ, другъ мой.

Его вчерашнее увлеченіе при видѣ ея слезъ и мысль, которая ему теперь пришла въ голову, пригласить маркиза на это представленіе въ Оперѣ, подали графинѣ маленькую надежду.

Не на долго. И недѣли не прошло, какъ она уже опять съ мучительнымъ, ревнивымъ вниманіемъ принялась слѣдить за всѣми перипитіями муки на этомъ лицѣ. Отъ нея ничто не могло ускользнуть; она сама прошла черезъ всѣ эти страданія, которыя угадывала въ немъ, а постоянное присутствіе Анеты напоминало ей во всякое время дня, что ея старанія безсильны.

Все подавляло ее: и годы, и трауръ. Ея дѣятельное, искусное, остроумное кокетство, доставлявшее ей всю жизнь побѣды для Оливье, теперь парализовано однообразнымъ чернымъ цвѣтомъ, который подчеркивалъ ея блѣдность, перемѣну въ чертахъ лица, придавая въ то же время ослѣпительный блескъ юношеской прелести ея дочери. То время, хотя и близкое, было теперь уже далеко, когда она, по возвращеніи Анеты въ Парижъ, съ гордостью старалась носить одинаковые съ ней туалеты, такъ какъ это было тогда для нея выгодно. Теперь на нее нападало необуздан-

ное желаніе сорвать съ себя это покойницкое платье, которое дѣлало ее некрасивой и доставляло мученіе.

Еслибъ она знала, что къ услугамъ ея всѣ пути къ изяществу, еслибъ она могла выбирать и носить матеріи нѣжныхъ оттѣнковъ, гармонирующихъ съ цвѣтомъ ея лица, которыя дали бы ея угасающей прелести искусно подставленную силу, столь же чарующую, какъ и инертная грація ея дочери, она, безъ сомнѣнія, сумѣла бы перещеголять ее очаровательностью.

Ей такъ хорошо была извѣстна зажигательная сила вечернихъ туалетовъ и чувственная сила мягкихъ утреннихъ костюмовъ, а также сила дезабилье, которое позволяютъ себѣ носить женщины за завтракомъ въ кругу близкихъ знакомыхъ и которое удерживаетъ въ нихъ на цѣлыхъ полдня какой-то оттѣнокъ пробужденія, даетъ матеріальное и горячее ощущеніе только что покинутой постели и пропитанной духами комнаты.

Но что могла она предпринять въ такомъ замогильномъ платьѣ, въ такомъ каторжномъ костюмѣ, который она будетъ носить цѣлый годъ! Цѣлый годъ! Цѣлый годъ она будетъ заключена въ это черное платье, цѣлый годъ проведетъ въ бездѣйствіи, побѣжденная! Цѣлый годъ она будетъ чувствовать изо дня въ день, съ часу на часъ, съ минуты на минуту, что старѣетъ подъ этимъ креповымъ покровомъ. Что будетъ съ нею черезъ годъ, если ея бѣдное, больное тѣло такъ измѣняется постоянно подъ вліяніемъ душевныхъ тревогъ?

Мысли эти теперь не покидали ея, портили ей всякое наслажденіе, обращали въ горе всякую радость, не оставляли въ покоѣ ни одного удовольствія, веселья, ничего, чтобы могло ей быть пріятно. Необузданная потребность стряхнуть съ себя давившій ее гнетъ постоянно приводила ее

въ трепетъ. Безъ этой неотвязной, душившей ее мысли она была бы такъ еще счастлива, была бы такъ жива, такъ здорова!

Она чувствовала въ себѣ живую, свѣжую душу, вѣчно юное сердце, пылкость существа, только что начинающаго жить, неутолимую жажду счастья, больше прежняго повелительную и пожирающую потребность любви.

И вотъ теперь все хорошее, все пріятное, очаровательное, поэтическое,—все, что украшаетъ жизнь, придаетъ ей цѣну, уходитъ отъ нея, потому что она состарѣлась! Кончено! Но между тѣмъ она находила еще въ себѣ умиленіе молодой дѣвушки и страстные порывы молодой женщины Состарѣлось въ ней одно только тѣло, эта несчастная кожа, эта одежда костей, мало-по-малу выцвѣтшая, изгрызенная, какъ какая-нибудь покрышка на мебели. Мысль объ этомъ упадкѣ неотлучно была привязана къ ней и обратилась почти въ физическое страданіе Упорная идея породила у нея въ кожѣ какое-то странное ощущеніе,—ощущеніе наступающей старости, постоянное, внятное, какъ ощущеніе холода или тепла. Ей въ самомъ дѣлѣ казалось, что она чувствуетъ въ себѣ какой-то, такъ сказать, смутный зудъ, медленный выступъ морщинъ на лбу; чувствовала, какъ осунулись кожные покровы на щекахъ и на шеѣ, какъ прибавлялись безчисленныя мелкія черточки, отъ которыхъ сжималась износившаяся кожа. Подобно тому, какъ постоянный зудъ заставляетъ чесаться существо, пожираемое какимъ-нибудь недугомъ, такъ и тутъ, представленіе и ужасъ передъ этой отвратительной, незамѣтной и быстрой работой времени, вложили въ ея душу непреодолимую потребность слѣдить за этой работой въ зеркалахъ. Эта потребность звала ее къ себѣ, влекла, заставляла смотрѣться пристальными глазами въ зеркало, смотрѣться опять, убѣждаться, осязать руками, какъ бы для того, чтобы луч-

ше убѣдиться въ неизгладимомъ, разрушительномъ дѣйствіи времени. Сначала мысль эта появлялась у нея періодически, всякій разъ, какъ только у себя или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ ей попадалась на глаза гладкая поверхность страшнаго зеркальнаго стекла. Она останавливалась на тротуарахъ, какъ бы прикованная передъ всякимъ кусочкомъ зеркальной поверхности, передъ всякимъ зеркаломъ, которыми лавочники украшаютъ фасады своихъ лавокъ. Это обратилось у нея въ болѣзнь, въ преслѣдованіе. Она носила въ карманѣ хорошенькую коробочку изъ слоновой кости для пудры, величиной съ орѣхъ; въ крышкѣ съ внутренней стороны было вдѣлано чуть замѣтное зеркальце, и часто на ходу она снимала эту крышку и, держа въ рукахъ, поднимала къ глазамъ.

Когда она садилась у себя въ гостиной за чтеніе или за письма, мысль ея, на минуту отвлеченная новымъ занятіемъ, скоро опять возвращалась къ излюбленному предмету. Она боролась, пробовала развлечься, думать о другомъ, продолжать свое занятіе. Напрасно; жгучее желаніе преслѣдовало ее, и скоро рука, выпуская книгу или перо, начинала неудержимо тянуться къ маленькому зеркалу съ ручкой изъ стараго серебра, которое валялось у нея на столѣ. Въ овальной, чеканной рамкѣ лицо ея отражалось все цѣликомъ, точно какое-нибудь старинное изображеніе, точно портретъ изъ прошлаго столѣтія, точно пастель, когда-то свѣжая и теперь потускнѣвшая на солнцѣ. Насмотрѣвшись на себя, она медленно клала обратно маленькую вещицу на столъ и старалась снова приняться за дѣло; но не успѣвала она прочитать и двухъ страницъ, написать и двадцати строкъ, какъ въ ней снова рождалась потребность,—непобѣдимая, мучительная потребность взглянуть на себя, и она снова протягивала руку за зеркаломъ.

Она обращалась теперь съ нимъ, какъ съ какой-нибудь раздражающей, привычной бездѣлушкой, отъ которой никакъ нельзя оторваться, брала его поминутно, даже при гостяхъ, и, вертя въ рукахъ, волновалась до слезъ, чувствовала къ нему ненависть, какъ къ какому-нибудь живому существу.

Однажды, придя въ отчаяніе отъ этой борьбы съ кускомъ зеркала, она швырнула его въ стѣну и разбила въ дребезги.

Но мужъ отдалъ зеркало въ починку и черезъ нѣсколько времени она получила его обратно: оно было яснѣй прежняго. Графиня принуждена была взять его, поблагодарить: она рѣшилась оставить его у себя.

Каждый вечеръ и каждое утро, запершись у себя въ комнатѣ, она помимо воли снова принималась за тщательный, терпѣливый осмотръ отвратительнаго, спокойнаго разрушенія.

Улегшись въ постель, она не могла заснуть, зажигала свѣчу и лежала съ открытыми глазами, думая о томъ, что горе и безсонница неуклонно способствуютъ ужасному дѣйствію бѣгущаго времени. Она прислушивалась въ ночной тиши къ монотонному, правильному тиканью маятника въ стѣнныхъ часахъ; „идетъ, идетъ, идетъ“, какъ бы говорилъ онъ, и сердце ея сжималось такъ мучительно, что, заткнувъ себѣ ротъ простыней, она еле удерживала стоны отчаянія.

Въ прежнее время, какъ и всѣ, она замѣчала идущіе годы, замѣчала, какія измѣненія они приносятъ. Какъ и всѣ, она говорила, разсуждала сама съ собой всякую зиму, всякую весну и всякое лѣто: „Я за послѣдній годъ сильно измѣнилась“. Но все еще красивая, только нѣсколько иной красоты, она не безпокоилась объ этомъ. Теперь же, вмѣсто того, чтобы мирно замѣчать медленный ходъ временъ, она вдругъ

открыла и уяснила себѣ грозный бѣгъ мгновеній. Ее внезапно осѣнило откровеніе; ей стало ясно это медленное теченіе минутъ, неуловимое и одуряющее, если только объ этомъ подумать, безконечная, торопливая вереница секундъ, которыя гложутъ человѣческое тѣло и человѣческую жизнь.

Послѣ такой несчастной ночи она приходила въ болѣе спокойное состояніе и, убаюканная теплотой постели, погружалась въ долгую дремоту, въ то время, какъ горничная открывала занавѣски и разводила въ каминѣ огонь. Графиня утихала, была утомлена, не то погружалась въ сонъ, не то нѣтъ; мысли ея цѣпенѣли, и изъ этого оцѣпенѣнія рождалась въ ней инстинктивная, посылаемая провидѣніемъ надежда, которая освѣщаетъ и даетъ жизнь сердцу и улыбкѣ человѣка.

Каждое утро теперь, только что вставъ съ постели, она испытывала властное, могучее желаніе молиться Богу, получить отъ Него хоть какое-нибудь облегченіе и утѣшеніе.

Она опускалась тогда на колѣни передъ большимъ дубовымъ распятіемъ,—подарокъ Оливье, отысканная имъ рѣдкость,—и, сжавъ губы, молясь въ глубинѣ души, тѣмъ внутреннимъ голосомъ, которымъ разговариваютъ сами съ собой, возносила къ божественному страдальцу горестную мольбу. Обезумѣвъ и желая, во что бы то ни стало, чтобы ее услышали и помогли, наивная въ своей скорби, какъ и всѣ молящіеся вѣрующіе, она не сомнѣвалась въ томъ, что Онъ ее слышитъ, внимаетъ ея просьбѣ и, можетъ быть, даже тронутъ ея горемъ. Она не просила у Него того, чего Онъ никогда ни для кого не дѣлалъ,—продлить ея очаровательность до смерти, сохранить свѣжесть, грацію; она просила у Него только немножко спокойствія и отсрочки. Конечно, ей придется состарѣться, все равно, какъ придется умирать. Но зачѣмъ же такъ скоро? Нѣкоторыя женщины такъ долго

сохраняютъ красоту. Нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы она была изъ числа такихъ женщинъ? Какъ былъ бы Онъ добръ, Онъ, страдавшій такъ сильно Самъ, еслибъ помогъ ей удержать еще года два или три тотъ остатокъ очарованія, которое необходимо для того, чтобы нравиться!

Она не говорила этого прямо, она изливала это во вздохахъ, въ смутной мольбѣ, которую душа ея возносила къ Нему.

Потомъ, вставъ съ колѣнъ, она садилась передъ туалетнымъ столикомъ и съ напряженіемъ въ мысляхъ, такимъ же пламеннымъ, какъ и на молитвѣ, бралась за пудру, за разныя притиранья, карандаши, пуховки и щеточки, которые возвращали ей обычную, хрупкую, лѣпную красоту.

VI.

На бульварахъ повсюду раздавались два имени: Эммы Гельсонъ и Монрозэ. Чѣмъ ближе къ Оперѣ, тѣмъ чаще они повторялись. На громадныхъ афишахъ, расклеенныхъ на колоннахъ, они же бросались въ глаза прохожимъ, и въ самомъ воздухѣ этого вечера было что-то волнующее, точно передъ какимъ-нибудь событіемъ.

Тяжеловѣсное зданіе, называемое національной музыкальной академіей, притаившись подъ покровомъ чернаго неба, показывало столпившейся предъ нимъ публикѣ свой парадный, бѣловатый фасадъ и мраморную колоннаду галлереи, освѣщенной, точно декорація, невидимыми электрическими фонарями.

На площади республиканскіе конно-гвардейцы наблюдали за порядкомъ, и со всѣхъ концовъ Парижа съѣзжались безчисленныя кареты, сквозь опущенныя стекла которыхъ виднѣлись волны свѣтлыхъ матерій и блѣдныя головки.

Коляски и ландо тянулись вереницей подъ назначенными для нихъ арками и, останавливаясь на минуту, выпускали женщинъ въ вечернихъ шубахъ, отдѣланныхъ мѣхомъ, перьями или неоцѣненными кружевами,—свѣтскихъ женщинъ и еще другихъ, покупаемыхъ за дорогія деньги и божественно-нарядныхъ.

По знаменитой лѣстницѣ двигалось волшебное шествіе—непрерывная цѣпь дамъ, разряженныхъ какъ королевы; на груди ихъ и въ ушахъ сверкали молніи брилліантовъ, а длинные шлейфы волочились по ступенямъ.

Зала стала наполняться рано, такъ какъ никому не хотѣлось потерять ни одной ноты знаменитыхъ артистовъ; по всему обширному амфитеатру, при яркомъ блескѣ электрической люстры, шла суета усаживанія и слышался громкій гулъ голосовъ.

Изъ ложи на сценѣ, въ которой сидѣли уже герцогиня, Анета, графъ, маркизъ, Бертенъ и Мюзадьё, видны были только кулисы, гдѣ разговаривали, бѣгали, кричали: машинисты въ блузахъ, господа во фракахъ, актеры въ костюмахъ. Но изъ-за громаднаго опущеннаго занавѣса доносился густой гулъ толпы, чувствовалось присутствіе массы движущихся, возбужденныхъ людей, волненіе которыхъ какъ будто проникало сквозь холстъ и раздавалось до самыхъ декорацій.

Давали „Фауста“.

Мюзадьё разсказывалъ анекдоты о первомъ представленіи этой оперы въ „Лирическомъ Театрѣ“, о тогдашнемъ полупровалѣ, за которымъ послѣдовалъ блистательный успѣхъ, о пѣвцахъ перваго представленія, о ихъ манерѣ пѣть тотъ или другой отрывокъ. Анета, наполовину обернувшись къ нему, слушала съ тѣмъ жаднымъ, юнымъ любопытствомъ, съ какимъ относилась ко всему на свѣтѣ, и по временамъ

бросала на своего жениха, который черезъ нѣсколько дней станетъ ея мужемъ, полный нѣжности взглядъ. Теперь она его любила, какъ любятъ наивныя сердца, т.-е. любила въ немъ всѣ свои надежды на будущее. Упоеніе первыми радостями жизни и пламенная потребность счастья заставляли ее трепетать отъ ожиданья и веселости.

А Оливье, видѣвшій все, знавшій все, прошедшій всѣ ступени тайной, безсильной, ревнивой любви до самаго очага человѣческаго страданія, гдѣ сердце какъ бы жарится, точно мясо на угольяхъ, — Оливье стоялъ въ глубинѣ ложи и впивался въ нихъ обоихъ взглядомъ принимающаго смертную казнь.

Раздалось три удара, и легкое, отрывистое постукиванье капельмейстера смычкомъ о пюпитръ сразу прекратило всякое движеніе, кашель и говоръ; потомъ, послѣ короткаго и глубокаго молчанія, взвились первые такты интродукціи и наполнили залу невидимой, неотразимой тайной музыки, которая проникаетъ сквозь тѣло, потрясаетъ нервы и душу поэтической, осязаемой лихорадкой, примѣшивая къ воздуху, къ чистому воздуху, которымъ дышешь, волну звуковъ, которые слушаешь.

Оливье сѣлъ въ глубину ложи, болѣзненно растроганный, какъ будто эти звуки коснулись раны его сердца.

Но занавѣсъ поднялся; Оливье снова всталъ и среди декорацій, изображавшихъ кабинетъ алхимика, увидалъ погруженнаго въ размышленіе доктора Фауста.

Онъ ужъ разъ двадцать слышалъ эту оперу, которую зналъ почти наизусть, и вниманіе его, тотчасъ отрѣшившись отъ пьесы, обратилось на зрительную залу. Изъ-за рамки сцены, скрывавшей ихъ ложу, ему виденъ былъ лишь уголокъ залы; этотъ уголъ, поднимаясь отъ партера до райка, позволялъ ему видѣть часть публики, среди ко-

торой онъ узналъ много лицъ. Въ креслахъ, мужчины въ бѣлыхъ галстукахъ, сидѣвшіе рядами, казались музеемъ знакомыхъ лицъ, музеемъ свѣтскихъ кавалеровъ, артистовъ, журналистовъ, — всѣ категоріи тѣхъ людей, которые непремѣнно бываютъ тамъ, куда идутъ всѣ. Въ ложахъ и балконахъ онъ перебиралъ, указывалъ мысленно женщинъ, которыхъ замѣчалъ. Графиня Локристъ, въ литерной ложѣ, была въ самомъ дѣлѣ восхитительна, а немного подалѣе новобрачная, маркиза д'Эбеленъ, уже обращала на себя бинокли. „Не дурной дебютъ!“ сказалъ себѣ Бертенъ.

Всѣ съ большимъ вниманіемъ и съ очевидной симпатіей слушали тенора Монрозэ, который жаловался на жизнь.

Оливье думалъ: „Какая славная шутка! Вотъ Фаустъ, таинственный и великій Фаустъ поетъ о страшномъ отвращеніи ко всему и о ничтожествѣ всего; а эта толпа слѣдитъ съ безпокойствомъ, не измѣнился ли голосъ у Монрозэ.“ Потомъ онъ сталъ слушать, по примѣру прочихъ, и въ банальныхъ словахъ либретто, въ музыкѣ, пробуждающей въ душѣ способность глубокаго проникновенія, онъ получилъ родъ откровенія о томъ, какъ представлялъ себѣ Гете душу Фауста.

Онъ когда то читалъ эту поэму, которую считалъ превосходной, но не особенно былъ ею тронутъ; теперь же онъ вдругъ почувствовалъ ея неизмѣримую глубину, такъ какъ ему показалось, что въ этотъ вечеръ онъ самъ становится Фаустомъ.

Немножко наклонившись надъ барьеромъ ложи, Анета вся превратилась въ слухъ; а въ публикѣ начиналъ носиться ропотъ одобренія, такъ какъ оказалось, что голосъ Монрозэ лучше поставленъ и сильнѣе прежняго!

Бертенъ закрылъ глаза. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ на все, что онъ видѣлъ, слышалъ, встрѣчалъ въ жизни, онъ смо-

трѣлъ какъ на какое-то дополненіе къ своей любви. Онъ приносилъ весь міръ и себя самого на съѣденіе одной господствующей мысли. Все, что онъ видѣлъ прекраснаго, рѣдкаго, все, что онъ воображалъ себѣ прелестнаго, онъ тотчасъ отдавалъ въ умѣ своей маленькой пріятельницѣ и не имѣлъ ни одной мысли, которой не относилъ бы къ своей любви.

Теперь онъ прислушивался въ глубинѣ самого себя къ отголоскамъ жалобъ Фауста и въ немъ возникло желаніе смерти, желаніе покончить со всѣми горестями, со всѣмъ страданіемъ безнадежной любви. Онъ глядѣлъ на тонкій профиль Анеты и видѣлъ, что маркизъ Фарандаль, сидѣвшій сзади нея, также на нее смотритъ. Онъ чувствовалъ себя старымъ, чувствовалъ, что для него все конечно, погибло. Ахъ, ничего болѣе не ждать, ни на что не надѣяться, не имѣть даже права желать, чувствовать себя исключеннымъ, отставленнымъ отъ жизни, точно чиновникъ, за старостью лѣтъ вышедшій изъ службы,—какое это несносное мученье!

Раздались аплодисменты. Монрозэ уже торжествовалъ. А Мефистофель—Лабарьеръ выросъ изъ подъ земли.

Оливье, никогда не слыхавшій его въ этой роли, вновь сталъ слушать со вниманіемъ. Воспоминаніе объ Обенѣ, столь драматичномъ съ своимъ басомъ, потомъ о Форѣ съ его плѣнительнымъ баритономъ, развлекло его на нѣсколько минутъ. Но вдругъ одна фраза, пропѣтая Монрозэ съ неотразимою силою, взволновала его до глубины души. Фаустъ говорилъ Сатанѣ:

Я желаю того, что равно всѣмъ сокровищамъ —
Я юности хочу.

И теноръ явился въ шелковой курткѣ, со шпагою у бедра, въ шапочкѣ съ перьями, изящный, молодой и красивый манерною красотой пѣвца.

Поднялся ропотъ одобренія. Онъ былъ очень хорошъ и нравился женщинамъ. Оливье же, напротивъ, содрогнулся отъ разочарованія, такъ какъ это превращеніе уничтожило потрясающій образъ драматической поэмы Гете. Теперь у него передъ глазами была феерія, иллюстрированная рядомъ хорошенькихъ арій, и талантливые актеры; онъ слушалъ только ихъ голоса. Этотъ человѣкъ въ курткѣ, этотъ красивый малый съ руладами, щеголявшій своими бедрами и нотами, не нравился ему. Это не настоящій, неотразимый и мрачный рыцарь Фаустъ, который долженъ плѣнить Маргариту.

Бертенъ опять сѣлъ и слышанная имъ фраза снова пришла ему на память:

Я желаю того, что равно всѣмъ сокровищамъ —
Я юности хочу.

Онъ бормоталъ ее сквозь зубы, съ болью пѣлъ ее въ глубинѣ души, и, не сводя глазъ съ бѣлокураго затылка Анеты, который вырисовался въ четыреугольной рамѣ ложи, чувствовалъ въ себѣ всю горечь этого неосуществимаго желанія.

Монроза окончилъ первый актъ съ такимъ совершенствомъ, что раздался взрывъ энтузіазма. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ громъ апплодисментовъ, стукъ ногами и крики „браво" потрясали залу, точно гроза. Во всѣхъ ложахъ женщины апплодировали въ перчаткахъ, а мужчины, стоя позади, кричали и хлопали въ ладоши.

Занавѣсъ опустился и поднялся два раза сряду, а волненіе не утихало. Потомъ когда занавѣсъ упалъ въ третій разъ, отдѣливъ публику отъ сцены и внутреннихъ ложъ, герцогиня и Анета апплодировали еще нѣсколько минутъ и въ благодарность получили отъ тенора отдѣльный, скромный и легкій поклонъ.

— О! онъ насъ замѣтилъ,—сказала Анета.

— Какой замѣчательный артистъ! — вскричала герцогиня.

И Бертенъ, наклонившись немного впередъ, съ какимъ-то смутнымъ чувствомъ раздраженія и пренебреженія смотрѣлъ, какъ прославленный актеръ, нѣсколько жеманясь, выгнувъ какъ-то ноги и положивъ на бедра руки, уходилъ между стойками кулисъ, сохроняя позу театральнаго героя.

Заговорили о немъ. Успѣхи его производили такой же фуроръ, какъ и его талантъ. Онъ побывалъ во всѣхъ столицахъ, приводилъ въ восторгъ женщинъ, которыя, заранѣе зная, что онъ неотразимъ, испытывали біеніе сердца, какъ только онъ выходилъ на сцену. Но говорили, что онъ мало обращалъ вниманія на эти сентиментальные восторги и ограничивался только музыкальными тріумфами. Мюзадьё разсказывалъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, вслѣдствіе присутствія Анеты, исторію этого красиваго пѣвца, и совсѣмъ увлеченная герцогиня понимала и одобряла всякія безумства изъ-за него; она находила его изящнымъ, плѣнительнымъ, утонченнымъ и выдающимся музыкантомъ. Въ заключеніе она сказала, смѣясь:

— Да и какъ устоять передъ такимъ голосомъ!

Оливье разсердился и съ горечью сталъ возражать. Онъ, право, отказывался понимать, какъ можетъ нравиться фигляръ, который вѣчно разыгрываетъ разные людскіе типы, вѣчно не то, что онъ на самомъ дѣлѣ, какъ можетъ нравиться это обманчивое олицетвореніе героевъ мечты, этотъ ночной, раскрашенный манекенъ, играющій всякія роли по стольку то за вечеръ.

— Вы завидуете имъ,—сказала герцогиня.—Всѣ вы, свѣтскіе люди и художники, не любите актеровъ за то, что они пользуются большимъ успѣхомъ, чѣмъ вы.

И, обернувшись къ Анетѣ, прибавила:

— Постой, крошка, вотъ ты только вступаешь въ жизнь и смотришь здраво; какъ ты находишь тенора?

Анета отвѣтила убѣжденнымъ тономъ:

— По моему онъ очень хорошъ.

Раздались три удара къ второму акту, и занавѣсъ поднялся надъ сельской ярмаркой.

Выходъ Гельсонъ былъ великолѣпенъ. Ея голосъ, повидимому, тоже сталъ сильнѣе и владѣла она имъ увѣреннѣе, чѣмъ прежде. Она дѣйствительно стала великой, превосходной, художественной пѣвицей, и міровая слава ея равнялась славѣ Бисмарка и Лессепса.

Когда Фаустъ бросился къ ней и своимъ чарующимъ голосомъ произнесъ полную прелести фразу:

Позволите ли мнѣ, прекрасная дѣвица,
Вамъ руку предложить, до дому довести?

И когда бѣлокурая, такая красивая и такая трогательная Маргарита ему отвѣтила:

Я, сударь, не знатна и не прекрасна;
До дому я дойду безъ рыцарской руки,

вся зала содрогнулась отъ безграничнаго восторга.

Когда упалъ занавѣсъ, начались страшныя оваціи, и Анета апплодировала такъ долго, что Бертену захотѣлось схватить ее за руки и остановить. Его сердце терзалось новою мукою. Онъ промолчалъ весь антрактъ, потому что со злобою преслѣдовалъ мысленно ненавистнаго пѣвца, который такъ волновалъ эту дѣвочку, преслѣдовалъ его за кулисами и далѣе, въ его ложѣ, гдѣ онъ видѣлъ, какъ тотъ подбѣливалъ себѣ лицо.

Потомъ занавѣсъ поднялся надъ садомъ.

Въ залѣ тотчасъ же разлилась какая то горячка любви,

потому что никогда еще эта музыка, вся какъ бы сотканная изъ поцѣлуевъ, не находила себѣ подобныхъ исполнителей. Это уже не знаменитые актеръ и актриса, Монрозэ и Гельсонъ, это два существа изъ міра идеальнаго, и даже не два существа, а два голоса: вѣчный голосъ мужчины, который любитъ и вѣчный голосъ женщины, которая поддается; и вмѣстѣ они выражали всю поэзію человѣческой любви.

Когда Фаустъ пропѣлъ:

„Дай... о! дай мнѣ наглядѣться на тебя", то въ звукахъ, которые вылетѣли изъ устъ его, было столько обожанія, восторга и мольбы, что въ самомъ дѣлѣ желаніе любить овладѣло на минуту всѣми сердцами.

Оливье вспомнилъ, что онъ самъ напѣвалъ эту фразу въ Ронсьерскомъ паркѣ, подъ окнами дома. До сихъ поръ она казалась ему нѣсколько банальной, а теперь просилась на языкъ, какъ послѣдній вопль страсти, послѣдняя мольба, послѣдняя надежда и послѣдняя милость, на которую онъ могъ еще разсчитывать въ жизни.

Затѣмъ онъ не слушалъ и не слыхалъ ничего. Его терзалъ припадокъ жгучей ревности, потому что онъ видѣлъ, какъ Анета поднесла платокъ къ глазамъ.

Она плакала! Значитъ, пробуждалось, оживало, трепетало ея сердце, ея маленькое женское сердце, еще ничего не знавшее. Здѣсь, рядомъ съ нимъ, но безъ всякой мысли о немъ, она открыла, какъ любовь можетъ перевернуть все существо человѣка, и этимъ откровеніемъ, посвященіемъ въ эту тайну, обязана жалкому поющему фигляру. Ахъ, онъ болѣе не злобствуетъ на маркиза Фарандаля, на этого дурака, который ничего не видитъ, не знаетъ, не понимаетъ. Но какъ онъ ненавидѣлъ этого человѣка въ трико, который зажигалъ эту юную душу!

Ему хотѣлось кинуться на нее, какъ кидаются на человѣка, на котораго бѣшено мчится лошадь, схватить ее за руки, увести, утащить, сказать ей: „Уйдемъ, уйдемъ отсюда, умоляю васъ!

Какъ она слушала, какъ трепетала! А онъ какъ страдалъ! Онъ и раньше испытывалъ страданіе, но не съ такою силой! Онъ вспомнилъ опять о немъ, такъ какъ всѣ муки ревности возраждаются, какъ открывшіяся раны. Во Ронсьерахъ, возвращаясь съ кладбища, онъ въ первый разъ почувствовалъ, что она ускользаетъ отъ него, что онъ не имѣетъ власти надъ этою дѣвочкою, независимою, какъ молодое животное. Но тамъ, когда она бросала его, чтобы рвать цвѣты, ему хотѣлось грубо остановить ея порывы, удержать около себя ея тѣло; сегодня же неудержимо ускользнула отъ него ея душа. Ахъ, это грызущее раздраженіе было ему знакомо: онъ испытывалъ его часто при всякихъ мелкихъ огорченій, въ которыхъ обыкновенно не сознаешься, но которыя безпрестанно оставляютъ точно синяки на сердцахъ влюбленныхъ. Онъ вспомнилъ, какъ цѣлыми днями сыпались на него понемногу всѣ непріятныя впечатлѣнія мелочной ревности. Каждый разъ, какъ она замѣчала какую либо вещь, любовалась ею, что-нибудь любила, желала, онъ ревновалъ: незамѣтно и безпрерывно ревновалъ Анету ко всему, что поглощало ея время, привлекало взгляды, вниманіе, вызывало ея веселость, удивленіе, любовь, потому что все это отнимало ее у него. Его ревность возбуждало и все то, что̀ она безъ него дѣлала, все, чего̀ онъ не зналъ, ея выѣзды, ея чтеніе, все, что, казалось, было ей по душѣ: офицеръ-герой, раненый въ Африкѣ и занявшій собою въ теченіе недѣли весь Парижъ; авторъ романа, привлекшаго много похвалъ; какой то неизвѣстный молодой поэтъ, котораго она никогда не видала, но чьи стихи читалъ Мюзадьё, словомъ—всѣ мужчины, ко-

торыхъ при ней хвалили, хотя бы самымъ банальнымъ образомъ, потому что, любя женщину, нельзя допустить безъ тревоги, чтобы она даже думала о комъ-нибудь хоть съ нѣкоторымъ интересомъ. Въ сердцѣ живетъ настоятельная потребность быть для нея единственнымъ въ мірѣ. Хочется, чтобы она не видала, не знала, не цѣнила никого другого. Лишь только замѣчаешь, что она обертывается, разглядывая или узнавая кого-нибудь, какъ стараешься перехватить ея взоръ, и если не удается измѣнить его направленіе или обратить исключительно на себя, то страдаешь до глубины души.

Такъ страдалъ Оливье при видѣ этого пѣвца, который какъ бы разливалъ и собиралъ любовь въ этой оперной залѣ; онъ сердился на всѣхъ за торжество этого тенора, сердился на женщинъ въ ложахъ, видя ихъ восторгъ, сердился на мужчинъ, на этихъ простофиль, устраивающихъ какой то апоѳеозъ такому фату.

Художникъ! Они называли его художникомъ, великимъ художникомъ! И этотъ несчастный истолкователь чужой мысли имѣетъ успѣхъ, какого никогда не удостоивался творецъ! Да, такова понятливость и справедливость этихъ свѣтскихъ людей, этихъ притязательныхъ и невѣжественныхъ любителей, для которыхъ работаютъ до конца своей жизни мастера человѣческаго искусства. Онъ глядѣлъ, какъ они хлопали, кричали, увлекались; и старинная непріязнь, вѣчно таившаяся въ глубинѣ его гордаго и самолюбиваго сердца выскочки, возрастала, превращалась въ бѣшеную злобу къ этимъ дуракамъ, всемогущимъ только по праву рожденія и богатства.

До конца представленія онъ просидѣлъ молча, поглощенный своими мыслями; потомъ, когда стихла буря послѣднихъ восторговъ, онъ предложилъ руку герцогинѣ; маркизъ

велъ Анету. Они опять сошли по большой лѣстницѣ среди потока мужчинъ и женщинъ, среди великолѣпнаго и медленнаго водопада обнаженныхъ плечъ, роскошныхъ платьевъ и черныхъ фраковъ. Потомъ герцогиня, молодая дѣвушка, ея отецъ и маркизъ сѣли вмѣстѣ въ ландо, а Оливье Бертенъ остался одинъ съ Мюзадьё на оперной площади.

Вдругъ въ его сердцѣ явилось что-то вродѣ любви къ этому человѣку или, вѣрнѣе, то естественное влеченіе, которое испытываешь къ соотечественнику, встрѣчая его въ чужой далекой странѣ, потому что теперь онъ чувствовалъ себя затеряннымъ въ этой чуждой, равнодушной толпѣ, тогда какъ съ Мюзадьё онъ могъ еще поговорить о ней.

Онъ взялъ его подъ руку.

— Вы, вѣдь, еще не домой,—сказалъ онъ.—Погода хороша, пройдемтесь.

— Съ удовольствіемъ.

Они пошли по направленію къ площади Магдалины среди ночной толпы, среди той краткой и сильной полуночной суеты, которая охватываетъ бульвары по выходѣ изъ театровъ.

У Мюзадьё въ головѣ было тысячу предметовъ на всякія современныя темы для разговоровъ, которыя Бертенъ называлъ его „ежедневнымъ меню“, и онъ распространился о двухъ или трехъ предметахъ, наиболѣе для него интересныхъ. Художникъ, не перебивалъ его, но и не слушалъ, идя съ нимъ подъ руку, въ полной увѣренности, что сейчасъ заставитъ его заговорить о ней, и шелъ, ничего не видя вокругъ, весь погрузившись въ свою любовь. Онъ шелъ, обезсиленный припадкомъ ревности, разбившимъ его, точно паденіе, подавленный тою истиною, что ему больше нечего дѣлать на свѣтѣ.

Такъ ему предстоитъ страдать все болѣе и болѣе, ничего не ожидая; переживать пустые дни, одинъ за другимъ, глядя

издали на ея жизнь, счастье, любовь къ ней другого и, конечно, ея любовь. Любовникъ! У нея можетъ быть любовникъ, какъ и у ея матери. Онъ почувствовалъ въ себѣ столько различныхъ и сложныхъ источниковъ страданія, такой напоръ бѣдствій, столько неизбѣжныхъ терзаній, чувствовалъ себя до такой степени погибшимъ, впавшимъ уже теперь въ такую невообразимую агонію, что и предположить не могъ, чтобы кто-нибудь страдалъ такъ, какъ онъ. И ему вдругъ пришло въ голову, какими дѣтьми были поэты, придумавшіе безполезный трудъ Сизифа, физическую жажду Тантала, истерзанное сердце Прометея! О, еслибъ они предвидѣли, еслибъ измѣрили глубину безумной любви старика къ молодой дѣвушкѣ, какъ выразили бы они ужасныя и тайныя стремленія существа, котораго уже нельзя полюбить, муки безплодныхъ желаній и, страшнѣй ястребинаго клюва, — терзанія, причиняемыя бѣлокурою головкой старому сердцу?

Мюзадьё все говорилъ; Бертенъ прервалъ его, пробормотавъ почти невольно, подъ вліяніемъ неотступной мысли:

— Сегодня Анета была очень мила.

— Да, восхитительна...

Чтобы не дать Мюзадьё вернуться къ прерванной нити его мыслей, художникъ прибавилъ:

— Она красивѣе, чѣмъ была ея мать.

Тотъ разсѣянно соглашался, повторяя нѣсколько разъ сряду: „Да, да, да“, но умъ его еще не установился на этой новой мысли.

Оливье усиливался остановить на ней его вниманіе и, схитривъ, прибѣгнулъ для этого къ любимой темѣ Мюзадьё:

— Когда она выйдетъ, замужъ у нея будетъ одинъ изъ первыхъ салоновъ Парижа.

Только это и надо было; инспекторъ изящныхъ искусствъ, будучи свѣтскимъ человѣкомъ съ убѣжденіемъ, умѣло взялся опредѣлять то положеніе, какое займетъ во французскомъ обществѣ маркиза Фарандаль.

Бертенъ слушалъ его и заранѣе уже видѣлъ Анету въ большой гостиной,залитой свѣтомъ, окруженную мужчинами и женщинами. И это видѣніе также возбудило его ревность.

Теперь они шли по бульвару Мальзербъ. Проходя мимо дома Гилльруа, художникъ поднялъ глаза. Въ окнахъ сквозь щели гардинъ, пробивался какъ будто яркій свѣтъ. У Бертена возникло подозрѣніе, что, быть можетъ, герцогиня съ племянникомъ приглашены выпить чашку чаю. И онъ скорчился отъ бѣшенства, невыразимо страдая.

Онъ все еще не выпускалъ руки Мюзадьё и иногда противорѣчіемъ побуждалъ его къ выраженію мнѣнія о будущей молодой маркизѣ. Этотъ банальный голосъ, говорившій о ней, вызывалъ ея образъ, который какъ бы порхалъ во мракѣ ночи вокругъ нихъ.

Когда они пришли на проспектъ Вилье и подошли къ дому художника, Бертенъ спросилъ:

— Вы зайдете?

— Нѣтъ, спасибо. Уже поздно. Я пойду спать.

— Что вы! Посидите полчасика, мы еще поболтаемъ.

— Нѣтъ! Въ самомъ дѣлѣ слишкомъ поздно!

Мысль остаться одному послѣ только что испытанныхъ потрясеній наполнила ужасомъ душу Оливье. Теперь съ нимъ хоть кто-нибудь; онъ его не отпуститъ.

— Да зайдите же; вы выберете у меня этюдъ, который я давно хочу подарить вамъ.

Тотъ, зная, что художники не всегда расположены дарить и что обѣщанія скоро забываются, соблазнился случаемъ.

Въ качествѣ инспектора Академіи Изящныхъ Искусствъ онъ имѣлъ удачно подобранную картинную галлерею.

— Ну, пойдемте,—сказалъ онъ.

Они вошли.

Разбуженный лакей принесъ имъ грогу, и нѣкоторое время разговоръ тянулся о живописи. Бертенъ показывалъ Мюзадьё этюды, прося его взять, что ему нравится, а Мюзадьё колебался: его сбивалъ съ толку свѣтъ газа, измѣнявшій тоны. Наконецъ, онъ выбралъ группу дѣвочекъ, прыгающихъ черезъ веревку на тротуарѣ, и почти тотчасъ собрался уходить, унося свой подарокъ.

— Я пришлю его вамъ,—говорилъ художникъ.

— Нѣтъ, мнѣ еще сегодня вечеромъ хочется полюбоваться имъ передъ отходомъ ко сну.

Ничѣмъ не удалось удержать его, и Оливье Бертенъ очутился таки одинъ въ своемъ жилищѣ, этой тюрьмѣ его воспоминаній и его болѣзненной тревоги.

Когда, на другое утро, вошелъ слуга съ чаемъ и газетами, онъ засталъ своего барина сидящимъ въ постели и такимъ блѣднымъ, что испугался.

— Вамъ, баринъ, нездоровится?—сказалъ онъ.

— Ничего; немного голова болитъ.

— Не угодно ли, я схожу за чѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ. Какова погода?

— Дождь идетъ.

— Хорошо. Больше ничего.

Оставивъ, по обыкновенію, на столикѣ чайный приборъ и газеты, человѣкъ вышелъ.

Оливье взялъ „Фигаро“ и развернулъ его. Передовая статья была озаглавлена: „Современная живопись“. Это былъ дифирамбъ четыремъ или пяти молодымъ художникамъ, дѣйствительно талантливымъ колористамъ, но впадав-

шимъ въ крайности ради эфекта и претендовавшихъ на роль революціонеровъ и геніальныхъ новаторовъ.

Какъ всѣ старшіе, Бертенъ сердился на этихъ новыхъ пришельцевъ, раздражался ихъ остракизмомъ, оспаривалъ ихъ теоріи. Поэтому онъ сталъ читать эту статью съ тѣмъ приступомъ гнѣва, который быстро овладѣваетъ измученнымъ сердцемъ; потомъ, взглянувъ пониже, онъ замѣтилъ свое имя; и вотъ нѣсколько словъ въ концѣ фразы поразили его, точно ударъ кулакомъ прямо въ грудь: „старомодное искусство Оливье Бертена"...

Онъ всегда былъ неравнодушенъ къ критикѣ и къ похваламъ, но въ глубинѣ души, несмотря на законную гордость, онъ болѣе страдалъ отъ направленныхъ противъ него замѣчаній, чѣмъ наслаждался похвалою, благодаря тому сомнѣнію въ себѣ самомъ, которое поддерживали въ немъ его всегдашнія колебанія. Однако, въ былыя времена, во времена его славы, фиміамъ былъ такъ густъ, что заставлялъ забывать о булавочныхъ уколахъ. Теперь же, подъ безпрерывнымъ напоромъ новыхъ художниковъ и новыхъ поклонниковъ, выраженія восторга становились рѣже, а сужденія рѣзче. Онъ чувствовалъ, что его причислили къ категоріи тѣхъ старыхъ талантливыхъ живописцевъ, которыхъ молодежь однако не считаетъ своими учителями, и, при своей понятливости и проницательности, страдалъ отъ малѣйшихъ намековъ не менѣе, чѣмъ отъ прямыхъ нападокъ

Но ни разу его художнической гордости не была еще нанесена такая кровавая рана. Еле дыша, онъ сталъ перечитывать статью, чтобы вникнуть въ нее хорошенько. Въ ней съ оскорбительною развязностью оставляли за штатомъ самого его онъ и нѣкоторыхъ его собратьевъ онъ всталъ, бормоча слова, не сходившія у него съ губъ: „Старомодное искусство Оливье Бертена..."

Никогда еще такая грусть, такое уныніе, такое сознаніе, что всему пришелъ конецъ, конецъ его существу и физическому, и мыслящему, не повергали души его въ такое безъисходное отчаяніе. До двухъ часовъ онъ просидѣлъ въ креслѣ, передъ каминомъ, протянувъ ноги къ огню и не имѣя силы ни шевельнуться, ни приняться за что-либо. Затѣмъ, въ немъ возникла потребность утѣшенія,—потребность пожать преданныя руки, видѣть вѣрные глаза, слышать ласковыя, сочувственныя, облегчающія, дружескія слова. И онъ отправился, какъ всегда, къ графинѣ.

Когда онъ вошелъ, Анета стояла въ гостиной одна, къ нему спиною и поспѣшно надписывала какой-то адресъ на письмѣ. На столѣ, рядомъ, развернутъ былъ номеръ „Фигаро". Бертенъ увидѣлъ одновременно и дѣвушку, и газету и остановился, растерявшись, не смѣя двинуться впередъ. О! если она прочла! Она обернулась и озабоченно, торопливо, отвлекаясь своими женскими хлопотами, сказала:

— А, здравствуйте, художникъ. Извините, что я покину васъ. Наверху меня ждетъ портниха. Поймите, портниха, передъ свадьбою, важнѣе всѣго. Я вамъ дамъ на нѣкоторое время маму, которая препирается и разсуждаетъ съ моей артисткой. Если она мнѣ понадобится, я опять отниму ее у васъ на нѣсколько минутъ.

И она исчезла почти бѣгомъ, чтобы видѣли, какъ она торопится.

Этотъ быстрый уходъ, безъ всякаго ласковаго слова, безъ нѣжнаго взгляда ему, который такъ... такъ... любитъ ее, перевернулъ въ немъ всю душу. Его взоръ опять остановился на „Фигаро", и онъ подумалъ: „Она прочла! Надо мною смѣются, меня отрицаютъ. Она уже не вѣритъ въ меня, я для нея уже ничто".

Онъ сдѣлалъ два шага къ газетѣ, какъ подходятъ къ

человѣку, которому собираются дать пощечину. Потомъ подумалъ: „А можетъ быть она все-таки не читала. Она сегодня въ такихъ хлопотахъ. Но при ней заговорятъ объ этомъ вечеромъ, за обѣдомъ, непремѣнно и возбудятъ въ ней желаніе прочесть!"

Сомопроизвольнымъ, почти рефлективнымъ движеніемъ онъ взялъ нумеръ, сложилъ его, свернулъ и съ быстротою вора сунулъ въ карманъ.

Вошла графиня. Какъ только она увидѣла блѣдное и искаженное лицо Оливье, такъ догадалась, что онъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ страданія.

Она ринулась къ нему всею своею бѣдною, также истерзанною душей, всѣмъ своимъ бѣднымъ, разбитымъ тѣломъ. Положивъ ему на плечи руки и глядя ему прямо въ глаза, она сказала:

— О! какой вы несчастный!

На этотъ разъ онъ уже не сталъ отрицать и, чувствуя, что у него сжимается горло, пробормоталъ:

— Да... да... да!..

Она поняла, что онъ сейчасъ заплачетъ, и увлекла его въ самый темный уголъ гостинной, къ двумъ кресламъ, замаскированнымъ небольшими ширмами изъ старинной шелковой матеріи. Они усѣлись за этою тонкою вышитою стѣной, въ сѣрыхъ сумеркахъ дождливаго дня.

Она повторила, жалѣя его, удрученная скорбью:

— Бѣдный Оливье, какъ вы страдаете!

Онъ положилъ свою сѣдою головою на плечо своей подруги.

— Болѣе, чѣмъ вы думаете,—сказалъ онъ.

Она съ чрезвычайною грустью проговорила:

— О, я это знала. Я все поняла. Я видѣла, какъ все это возникло и развилось.

Онъ возразилъ, какъ бы въ отвѣтъ на обвиненіе:

— Это не моя вина, Ани.

— Я знаю... Я ни въ чемъ не упрекаю васъ...

И тихонько, обернувшись немного, она прижалась губами къ одному изъ глазъ Оливье, гдѣ почувствовала горькую слезу.

Она содрогнулась, какъ бы выпивъ каплю отчаянія, и повторила нѣсколько разъ:

— Ахъ, бѣдный другъ... бѣдный другъ... бѣдный другъ!..

Потомъ, помолчавъ минуту, прибавила:

— Въ этомъ виноваты наши сердца, которыя не постарѣли. Я чувствую въ моемъ еще столько жизни!

Онъ попытался заговорить, но не могъ; рыданья душили его. Она прислушивалась къ всхлипываньямъ въ груди его, прислоненной къ ней. Тогда, вновь охваченная эгоистическою тревогой любви, которая такъ давно ее грызла, она сказала тѣмъ раздирающимъ голосомъ, которымъ подтверждают какое-нибудь ужасное несчастіе:

— Боже! Какъ вы ее любите!

Онъ еще разъ сознался:

— О, да! Я люблю ее!

Она подумала нѣсколько минутъ и сказала:

— Вы никогда не любили такъ меня?

Онъ не сталъ отрицать, потому что переживалъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда говоришь всю правду, и пробормоталъ:

— Нѣтъ, я тогда былъ слишкомъ молодъ!

Она удивилась.

— Слишкомъ молодъ? Какъ это?

— Слишкомъ хорошо жилось тогда. Только въ наши лѣта можно любить отчаянно.

Она спросила:

— То, что вы испытываете въ ея присутствіи, похоже ли на то, что вы испытывали при мнѣ?

— И да, и нѣтъ... и однако это почти одно и то же. Я любилъ васъ, какъ только можно любить женщину. Ее я люблю какъ васъ, потому что она — это вы; но эта любовь стала чѣмъ-то неотразимымъ, разрушительнымъ, чѣмъ-то такимъ, что сильнѣе смерти. Я обреченъ на нее, какъ горящій домъ обреченъ огню!

Она почувствовала, что жалость ея изсякла подъ дуновеніемъ ревности и заговорила утѣшающимъ тономъ:

— Мой бѣдный другъ! Черезъ нѣсколько дней она выйдетъ замужъ и уѣдетъ. Не видя ея болѣе, вы, конечно, излѣчитесь.

Онъ покачалъ головою.

— О! Я погибъ совсѣмъ, совсѣмъ!

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Вы три мѣсяца не увидитесь съ нею. Этого довольно. Довольно же вамъ было трехъ мѣсяцевъ, чтобы полюбить ее больше меня, зная меня двѣнадцать лѣтъ.

Тогда, въ безпредѣльномъ отчаяніи, онъ сталъ молить ее:

— Ани, не покидайте меня!

— Что-жъ я могу сдѣлать, мой другъ?

— Не оставляйте меня одного.

— Я буду навѣщать васъ, сколько хотите.

— Нѣтъ; удерживайте меня здѣсь какъ можно больше.

— Вы будете съ нею.

— И съ вами.

— Вамъ не надо теперь видѣться съ нею до свадьбы.

— О, Ани!

— Да, или, по крайней мѣрѣ, видѣться какъ можно меньше.

— Могу я быть здѣсь сегодня вечеромъ?

— Въ такомъ состояніи, нѣтъ! Вамъ надо разсѣяться,

поѣхать въ клубъ, въ театръ, куда нибудь, только не сидѣть здѣсь.

— Пожалуйста!

— Нѣтъ, Оливье, этого нельзя. И потомъ за обѣдомъ будутъ люди, присутствіе которыхъ взволнуетъ васъ еще болѣе.

— Герцогиня? и... онъ?...

— Да.

— Но я вчера провелъ съ ними весь вечеръ.

— Разсказывайте! То-то вамъ сегодня такъ и хорошо.

— Обѣщаю вамъ, что буду спокоенъ.

— Нѣтъ, это невозможно.

— Такъ я ухожу.

— Кто же васъ торопитъ?

— Мнѣ хочется ходить.

— Это хорошо. Ходите больше, до самой ночи, до полнаго изнеможенія, а потомъ лягте спать.

Онъ всталъ.

— Прощайте, Ани.

— Прощайте, милый другъ. Я навѣщу васъ завтра утромъ. Хотите, я сдѣлаю большую неосторожность, какъ бывало въ старину; притворно позавтракаю здѣсь, въ полдень, и приду къ вамъ завтракать въ часъ съ четвертью?

— Да, хочу. Вы—добрая!

— Я васъ люблю.

— Я тоже люблю васъ!

— О! не говорите объ этомъ.

— Прощайте, Ани.

— Прощайте, милый другъ. До завтра.

— Прощайте.

Онъ цѣловалъ ей руки, разъ за разомъ, потомъ поцѣловалъ ее въ виски и въ уголокъ рта. Теперь глаза его были сухи, лицо выражало рѣшимость. Передъ тѣмъ какъ

выйти, онъ схватилъ ее, заключилъ всю въ свои объятія и, прижавъ губы ко лбу ея, какъ будто выпилъ, вдохнулъ въ себя всю любовь, которую она питала къ нему. И вышелъ очень скоро, не оглядываясь.

Оставшись одна, графиня упала на стулъ и зарыдала. Такъ просидѣла бы она до ночи, если бы за нею вдругъ не пришла Анета. Графиня, чтобы успѣть вытереть слезы, сказала ей:

— Мнѣ надо написать записочку, дитя мое. Иди къ себѣ, я приду сію секунду.

До вечера ей пришлось заниматься важными вопросами о приданомъ.

Герцогиня съ племянникомъ, какъ члены семейства, обѣдали у Гилльруа.

Только что сѣли за столъ и еще бесѣдовали о вчерашнемъ представленіи, какъ вошелъ дворецкій съ тремя громадными букетами.

Г-жа Мортменъ удивилась.

— Боже! Что это такое?

Анета воскликнула:

— Какая прелесть! Кто бы это могъ прислать?

Ея мать отвѣтила:

— Конечно, Оливье Бертенъ.

Съ самаго его ухода она думала о немъ. Онъ показался ей такимъ мрачнымъ, такимъ трагичнымъ, она такъ ясно видѣла безвыходность его несчастія, такъ ужасно отражалось на ней его горе, она такъ его любила, такъ нѣжно, преданно, что сердце ея терзалось зловѣщими предчувствіями.

Въ трехъ букетахъ оказались дѣйствительно три карточки художника. На каждый изъ нихъ онъ надписилъ карандашемъ имена: герцогини, графини и Анеты.

Г-жа Мортемень спросила:

— Не боленъ ли вашъ пріятель Бертенъ. По моему видъ у него очень плохъ.

И г-жа Гилльруа сказала:

— Да, онъ меня немножко безпокоитъ, хотя и не жалуется.

Ея мужъ прибавилъ:

— О, съ нимъ то же, что и съ нами: онъ старѣетъ, а въ послѣднее время такъ и очень. Я вообще думаю, что холостяки опускаются сразу. Разрушеніе наступаетъ у нихъ внезапнѣе, чѣмъ у другихъ. Дѣйствительно, онъ очень измѣнился.

Графиня вздохнула:

— О, да!

Фарандаль вдругъ пересталъ шептаться съ Анетой и сказалъ:

— Сегодня утромъ появилась очень непріятная для него статья въ „Фигаро".

Всякіе нападки, всякое замѣчаніе, всякій неодобрительный намекъ о талантѣ ея друга выводили графиню изъ себя.

— О!—сказала она,—такимъ людямъ, какъ Бертенъ, не стоитъ обращать вниманія на подобныя грубыя выходки.

Гильруа удивлялся:

— Какъ? Непріятная для Оливье статья; а я не читалъ. На которой страницѣ?

Маркизъ отвѣтилъ:

— На первой, передовая статья подъ заглавіемъ: „Современная живопись".

Депутатъ теперь не удивлялся.

— Ну, то-то; я не читалъ ее, потому что дѣло шло о живописи.

Всѣ улыбнулись, зная, что Гилльруа мало чѣмъ интересуется, кромѣ политики и земледѣлія.

Потомъ бесѣда пошла о другихъ предметахъ, пока не перешли въ гостиную пить кофе. Графиня не слушала и почти не отвѣчала, преслѣдуемая мыслью о томъ, что теперь дѣлаетъ Оливье. Гдѣ онъ? Гдѣ обѣдалъ? Гдѣ бродитъ онъ въ эти минуту съ неизлѣчимой сердечной раной? Ее теперь жгло сожалѣніе, что она его отпустила, что не оставила у себя, и она предугадывала, что онъ бродитъ теперь по улицамъ, грустный, безпріютный, одинокій, бѣжитъ подъ гнетомъ горя

До отъѣзда герцогини съ племянникомъ она почти не говорила, мучась смутнымъ, суевѣрнымъ страхомъ, потомъ легла въ постель и, лежа съ открытыми глазами во мракѣ ночи, все думала о немъ.

Прошло очень много времени, когда ей показалось, будто звонятъ къ нимъ въ квартиру. Она вздрогнула, сѣла на постели и стала прислушиваться. Во второй разъ послышался уже рѣзкій звонокъ.

Она соскочила съ кровати и со всею силою нажала электрическую пуговку, чтобы разбудить горничную. Потомъ, со свѣчею въ рукѣ, выбѣжала въ сѣни.

Сквозь дверь она спросила:

— Кто тамъ?

Незнакомый голосъ отвѣтилъ.

— Письмо.

— Отъ кого?

— Отъ доктора.

— Какого доктора.

— Не знаю. Что-то случилось.

Не колеблясь болѣе, она отворила и очутилось лицемъ къ лицу съ извощикомъ въ клеенчатой шляпѣ. Онъ дер-

жалъ въ рукѣ бумагу, которую подалъ ей. Она прочла: Очень нужное. Г-ну графу Гилльруа...

Почеркъ незнакомый.

— Войдите, любезный,—сказала она;—присядьте и подождите меня.

У комнаты мужа сердце ея забилось такъ сильно, что она не могла его позвать. Она стукнула въ дверь металлическимъ подсвѣчникомъ. Графъ спалъ и не слыхалъ.

Тогда, раздражаясь, теряя терпѣніе, она стала стучать въ дверь ногою и услышала сонный голосъ, который спрашивалъ:

— Кто тамъ? Который часъ?

Она отвѣтила:

— Это я. У меня къ вамъ нужное письмо; извощикъ привезъ. Что-то случилось.

Онъ проборматалъ изъ-за полога:

— Подождите, я встаю. Иду.

Черезъ минуту онъ появился въ халатѣ. Въ то же время прибѣжали двое слугъ, проснувшихся отъ звонковъ. Они испугались и растерялись, увидѣвъ въ столовой на стулѣ чужого.

Графъ взялъ письмо и вертѣлъ его въ рукахъ, бормоча:

— Что такое? Не понимаю.

Она съ лихорадочымъ нетерпѣньемъ сказала:

— Да читайте же!

Онъ разорвалъ конвервъ, развернулъ бумагу, вскрикнулъ отъ изумленія, потомъ растерянно взглянулъ на жену.

— Боже мой, что такое?—спросила она.

Онъ пролепеталъ, едва будучи въ силахъ говорить отъ волненія:

— О! большое несчастіе!.. большое несчастіе!.. Бертенъ попалъ подъ экипажъ.

Она вскрикнула:

— Умеръ!

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ.—Смотрите сами.

Она вырвала у него изъ рукъ письмо, которое онъ протянулъ ей, и прочитала:

„Милостивый Государь! Случилось большое несчастье. Нашего друга, знаменитаго художника, Оливье Бертена сшибъ съ ногъ омнибусъ, и колесо переѣхало черезъ него. Я не могу еще высказать своего мнѣнія относительно возможныхъ послѣдствій этого случая: онъ, можетъ быть, и не серьезенъ, но можетъ также привести непосредственно къ роковой развязкѣ. Г. Бертенъ убѣдительно проситъ васъ и умоляетъ графиню пріѣхать къ нему сейчасъ же. Надѣюсь, милостивый государь, что графиня и вы не откажетесь исполнить желаніе нашего общаго друга, который, можетъ быть, не доживетъ и до утра“.

Д-ръ Ривиль.

Графиня смотрѣла на мужа широкими, неподвижными глазами, полными ужаса. Потомъ вдругъ встрепенулась, какъ отъ электрическаго удара, и почувствовала въ себѣ мужество, которое иногда нападаетъ на женщинъ и дѣлаетъ ихъ въ самыя ужасныя минуты храбрѣйшими изъ существъ.

— Скорѣй, одѣваться!—сказала она, обращаясь къ горничной.

— Что изволите надѣть, сударыня?—спросила та.

— Все равно. Что хотите.

— Жакъ, — сказала она затѣмъ. — будь готовъ черезъ пять минутъ.

Проходя къ себѣ въ комнату, взволнованная до глубины души, она замѣтила извощика, который все дожидался еще, и сказала:

— Вашъ экипажъ тутъ?

— Здѣсь, сударыня.

— Хорошо. Мы его возьмемъ.

И потомъ бросилась къ себѣ въ комнату.

Какъ сумасшедшая, хватала она одѣваться, что попало подъ руку, набрасывала на себя, застегивала, завязывала, потомъ подняла и закрутила кое-какъ передъ зеркаломъ волосы, на этотъ разъ безъ всякой мысли смотря на свое блѣдное лицо и растерянные глаза.

Уже въ накидкѣ, она бросилась въ комнату мужа; онъ былъ еще не готовъ.

— Идемъ, идемъ,—тащила она его,—подумай только, что онъ можетъ умереть.

Графъ, испуганный, шелъ за ней, спотыкаясь, ощупывая ногами въ темнотѣ лѣстницу, стараясь разглядѣть ступеньки, чтобы не упасть.

Путь былъ короткій и безмолвный. Графиня такъ сильно тряслась всѣмъ тѣломъ, что зубы ея стучали; сквозь дверцы ей видно было, какъ бѣжали газовые рожки, затянутые дождемъ. Тротуары блестѣли; на бульварахъ было пустынно; ночь зловѣщая. Пріѣхавъ къ художнику, они нашли его дверь отворенной; въ комнатѣ консьержа горѣлъ огонь и никого не было.

Наверху лѣстницы ихъ встрѣтилъ докторъ Ривиль, маленькій, круглый человѣчекъ съ просѣдью, очень выхоленный и очень вѣжливый. Онъ отвѣсилъ низкій поклонъ графинѣ, затѣмъ подалъ руку графу.

— Ну, что, докторъ?—спросила она у него, задыхаясь, точно подъемъ по лѣстницѣ совсѣмъ обезсилилъ ее.

— Да что, сударыня, надѣюсь, что дѣло не такъ серьезно, какъ мнѣ показалось съ перваго взгляда.

— Не умретъ?—вскричала она.

— Нѣтъ. По крайней мѣрѣ, я такъ думаю.

— Вы ручаетесь?

— Нѣтъ. Я говорю только, что, надѣюсь, мы имѣемъ передъ собой простую контузію живота безъ внутреннихъ повреждѣній.

— Что вы называете поврежденіями?

— Разрывы.

— Почему же вы знаете, что ихъ нѣтъ?

— Я полагаю.

— А если они есть?

-- О! тогда дѣло серьезно!

— Можетъ умереть отъ этого?

— Можетъ.

— Очень скоро?

— Очень. Въ нѣсколько минутъ и даже въ нѣсколько секундъ. Но успокойтесь, сударыня; я увѣренъ, что онъ поправится черезъ двѣ недѣли.

Чтобы все знать, чтобы все понять, графиня слушала съ глубокимъ вниманіемъ.

— Какой же разрывъ можетъ быть у него?

— Разрывъ печени, напримѣръ.

— Это очень опасно?

— Да... Но еслибъ теперь произошло какое-нибудь осложненіе, это удивило бы меня. Пойдемте къ нему. Ему будетъ это полезно, потому что онъ ждетъ васъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

Когда она вошла въ комнату, ей прежде всего бросилось въ глаза мертвенно-блѣдное лицо на бѣлой подушкѣ. На него падалъ свѣтъ отъ нѣсколькихъ свѣчей и огня въ каминѣ, обрисовывая профиль и усиливая тѣни. На этомъ помертвѣвшемъ лицѣ графиня увидѣла два глаза, которые смотрѣли на нее.

Все ея мужество, вся энергія, вся рѣшимость сразу рух-

нули, до такой степени это осунувшееся, обезображенное лицо напоминало покойника. Онъ ли это? Она только что его видѣла. И вдругъ это онъ! Такое привидѣніе! „О! Боже мой!“ шептала она, не раскрывая рта, и, трепеща отъ ужаса, стала приближаться къ нему.

Чтобы успокоить ее, онъ пробовалъ улыбнуться, и эта попытка, эта гримаса была ужасна!

Подойдя совсѣмъ близко къ постели, графиня тихонько положила обѣ руки на вытянутую вдоль тѣла руку Оливье и проговорила:

— О! Бѣдный другъ мой!

— Ничего,—тихо произнесъ онъ, не шелохнувъ головой.

Она разсматривала теперь его, теряя голову отъ найденной въ немъ перемѣны. Бертенъ былъ до такой степени блѣденъ, что, казалось, въ немъ не осталось больше ни капли крови. Впалыя щеки его точно втянуты вглубь лица, а глаза ввалились, точно ихъ кто тащилъ къ себѣ изнутри веревкой.

Онъ отлично видѣлъ ужасъ своей пріятельницы и простоналъ:

— Вотъ въ какомъ я прекрасномъ состояніи.

И смотря на него все время пристально, графиня сказала:

— Какъ это случилось?

Ему стоило большихъ усилій разговаривать; по временамъ все лицо его нервно подергивалось.

— Не смотрѣлъ... думалъ о другомъ... совсѣмъ о другомъ... о! да... и омнибусъ сшибъ меня съ ногъ и проѣхалъ мнѣ по животу.

Слушая его, графиня видѣла передъ собой эту сцену и въ ужасѣ спросила:

— И кровь текла?

— Нѣтъ. Меня зашибли только... придавили немного.

— Гдѣ это произошло?—спросила она.

— Не знаю хорошенько, — тихо отвѣтилъ онъ. — Гдѣ-то далеко.

Докторъ подкатилъ графинѣ кресло; она опустилась въ него. Графъ стоялъ въ ногахъ, повторяя сквозь губы:

— О! Бѣдный другъ мой... бѣдный другъ мой... какое ужасное несчастіе!

Для него это было дѣйствительно большое огорченіе, такъ какъ онъ очень любилъ Оливье.

— Да гдѣ же это случилось?—снова спросила графиня.

— Я самъ хорошенько не знаю,—сказалъ докторъ,—или вѣрнѣе, ничего не пойму. Близъ Гобеленъ, почти за Парижемъ. По крайней мѣрѣ, извощикъ, который его привезъ, сказалъ, что взялъ его изъ аптеки того квартала, куда его принесли въ девять часовъ вечера!

— Правда, что это случилось около Гобеленъ? спросила она, наклоняясь къ Оливье.

Бертенъ закрылъ глаза, какъ бы для того, чтобы припомнить, потомъ проговорилъ:

— Не знаю.

— Да вы куда шли-то?

— Теперь не помню. Шелъ такъ, прямо!

Изъ груди графини вырвался стонъ, котораго она не могла удержать, и задохнувшись и переставъ на нѣсколько секундъ дышать, она вынула потомъ изъ кармана платокъ и, закрывъ имъ глаза, страшно расплакалась.

Она знаетъ, угадываетъ! Что-то невыносимое, тягостное легло ей на сердце: упрекъ въ томъ, что она не оставила у себя Оливье, выгнала его, вышвырнула на улицу, гдѣ онъ, ошалѣвъ отъ горя, попалъ подъ экипажъ.

— Не плачьте. Вы надрываете мнѣ душу,—сказалъ онъ тѣмъ беззвучнымъ голосомъ, какимъ говорилъ теперь.

Употребивъ надъ собой отчаянное усилiе воли, она перестала рыдать, опустила платокъ и широко раскрытыми глазами уставилась на него, не дрогнувъ ни одной жилкой въ лицѣ, по которому медленно продолжали течь слезы.

Они смотрѣли другъ на друга, оба неподвижные, соединивъ свои руки на покрывавшей его простынѣ. Они смотрѣли другъ на друга, позабывъ, что тутъ есть еще другiе люди, и взгляды ихъ проливали въ сердца ихъ необыкновенные волненiе.

То былъ обмѣнъ воспоминанiй, ужасный, быстрый, безмолвный, призывъ нѣжности, которая тоже раздавлена, призывъ всего, что они перечувствовали вмѣстѣ, всего, что было въ жизни соединено ими, слито вмѣстѣ въ томъ увлеченiи, которое толкнуло ихъ въ объятiя другъ къ другу.

Они смотрѣли другъ на друга, и потребность говорить, выслушать тысячу разныхъ интимныхъ вещей, столь грустныхъ, которыя имъ оставалось еще сказать другъ другу, неудержимо просилась наружу. Она почувствовала, что необходимо, во что бы то ни стало, удалить этихъ двухъ людей, стоявшихъ у нея за спиной, необходимо найти какое-нибудь средство, придумать какую-нибудь хитрость, проникнутыя вдохновенiемъ,—необходимо все это сдѣлать ей, женщинѣ, способной легко придумывать всякiя средства. Она стала придумывать, по прежнему не сводя глазъ съ Оливье.

Мужъ ея вполголоса разговаривалъ съ докторомъ. Разговоръ шелъ о томъ, какой уходъ необходимъ больному.

— Вы привезли сидѣлку? — спросила графиня, обернувшись къ доктору.

— Нѣтъ. Я пришлю интерна*); это лучше; онъ будетъ наблюдать за положенiемъ больного.

---

*) Студентъ, прикомандированный и живущiй въ больницѣ.

— Пришлите интерна и сидѣлку. Лишній уходъ не помѣшаетъ. Не можете ли вы прислать ихъ сегодня же ночью, потому что я не думаю, чтобы вы пробыли здѣсь до утра?

— Я дѣйствительно отправляюсь домой. Я здѣсь уже цѣлыхъ четыре часа.

— Но по пріѣздѣ домой, вы пришлете намъ сидѣлку и интерна?

— Ночью это довольно трудно. Во всякомъ случаѣ попытаюсь.

— Необходимо это сдѣлать.

— Они, можетъ быть, и пообѣщаютъ; но пріѣдутъ ли?

— Мужъ поѣдетъ съ вами и привезетъ ихъ, во что бы то ни стало.

— Но вы не можете же здѣсь остаться одна.

— Я!..—выкрикнула она какимъ-то вызывающимъ тономъ, тономъ негодующаго протеста противъ всякаго сопротивленія ея волѣ. Потомъ съ авторитетностью въ голосѣ, съ той авторитетностью, на которую не возражаютъ, опредѣлила все, что необходимо сдѣлать при настоящемъ положеніи дѣла. Необходимо, раньше, чѣмъ черезъ часъ, достать интерна и сидѣлку, для предупрежденій всякихъ случайностей. Чтобы это сдѣлать, надо взять ихъ прямо съ постели и привезти. Это можетъ сдѣлать только мужъ ея. Въ это время она побудетъ съ больнымъ, она: это ея долгъ и ея право. Она исполняетъ тутъ просто роль хорошей знакомой, роль женщины. При томъ же она этого хочетъ, и никто ее не разубѣдитъ въ томъ.

Графиня разсуждала здраво. Приходилось соглашаться, и рѣшено было послѣдовать ея совѣту.

Она встала съ мѣста, вся охваченная мыслью объ ихъ уходѣ, сгорая нетерпѣніемъ удалить ихъ поскорѣй и остаться одной. Теперь, чтобы не поступить какъ-нибудь опромет-

чиво въ ихъ отсутствіе, она выслушивала докторскія наставленія, стараясь вникнуть въ нихъ, запомнить, ничего не забыть. Рядомъ съ ней стоялъ лакей художника; онъ тоже слушалъ, а за нимъ жена его, кухарка, помогавшая дѣлать первую перевязку, кивала головой, показывая, что и она тоже поняла.

Повторивъ, какъ заученный урокъ, полученныя инструкціи, графиня стала торопить доктора и мужа.

— Возвращайся только скорѣй, — говорила она мужу,— какъ можно скорѣй.

— Вы поѣдете со мной въ моей коляскѣ,—говорилъ докторъ графу;—она скорѣй доставитъ васъ обратно. Вы будете здѣсь черезъ часъ.

Передъ уходомъ докторъ опять долго изслѣдовалъ больного, чтобы убѣдиться, удовлетворительно его состояніе или нѣтъ.

Гилльруа все еще колебался.

— Вы не находите, что мы поступаемъ неосторожно? — говорилъ онъ.

— Нѣтъ, ничего. Опасности нѣтъ. Ему необходимы только спокойствіе и покой. Госпожа Гилльруа постарается не давать ему говорить и сама будетъ разговаривать съ нимъ какъ можно меньше.

Графиня, пораженная, возразила:

— Такъ, значитъ, съ нимъ не слѣдуетъ разговаривать?

— О! конечно, нѣтъ! Возьмите кресло и сядьте около него. Онъ будетъ чувствовать, что не одинъ, и ему будетъ хорошо. Но только никакого утомленія: ни разговорами, ни даже мышленіемъ Я пріѣду часовъ въ девять утра. Прощайте, сударыня. Мое почтеніе.

И отвѣсивъ низкій поклонъ, докторъ ушелъ въ сопровожденіи графа, который говорилъ:

— Не безпокойся, дорогая. Я вернусь раньше, чѣмъ черезъ часъ, и тогда тебѣ можно будетъ поѣхать домой.

Когда они ушли, она стала прислушиваться къ стуку затворившейся за ними нижней двери, потомъ къ стуку отъѣзжавшей коляски.

Лакей и кухарка стояли тутъ еще, ожидая приказаній. Графиня отослала ихъ.

— Идите,—сказала она имъ;—я позвоню, когда мнѣ что-нибудь понадобится.

Они ушли, и она осталась одна съ нимъ.

Она подошла теперь совсѣмъ близко къ постели и, положивъ руки по обѣ стороны подушки, по обѣ стороны этого дорогого лица, нагнулась, разсмотрѣть его. Потомъ, наклонившись совсѣмъ къ лицу и какъ бы вдувая въ него слова, спросала:

— Вы сами бросились подъ омнибусъ?

— Нѣтъ, онъ на меня бросился,—отвѣтилъ Бертенъ, стараясь все улыбнуться.

— Не правда, вы бросились.

— Нѣтъ, увѣряю васъ, что онъ.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ молчанія, тѣхъ минутъ, когда души переплетаются между собой во взглядѣ, она проговорила:

— О! дорогой мой, дорогой Оливье! Подумать только, что я отпустила васъ, не оставила у себя!

Онъ убѣжденно отвѣтилъ:

— Все равно, это случилось бы со мной, рано или поздно.

Они опять посмотрѣли другъ на другу, стараясь проникнуть въ самыя сокровенныя мысли.

— Я не думаю, чтобы я всталъ,—продолжалъ онъ;—я черезчуръ страдаю.

— Очень страдаете?—проговорила она.

— О! да.

Наклонившись еще ниже, она медленно коснулась поцѣлуемъ его лба, потомъ глазъ, потомъ щекъ, касалась легко и нѣжно, какъ бы врачуя его. Она едва притрогивалась къ нему кончикомъ губъ, беззвучно чмокая, какъ это дѣлаютъ дѣти. И это тянулось очень долго. Она лила на него капля по каплѣ, дождь мягкихъ, нѣжныхъ ласокъ, который какъ будто успокаивали его, освѣжали, потому что исказившееся лицо его вздрагивало теперь не такъ сильно, какъ прежде.

Потомъ онъ сказалъ:

— Ани?

Она перестала цѣловать его и слушала.

— Что, другъ мой?

— Вы должны дать мнѣ обѣщаніе.

— Обѣщаю все, что хотите.

— Если я не умру до утра, дайте мнѣ клятву, что приведете ко мнѣ Анету, разъ, одинъ только разъ! Мнѣ такъ не хотѣлось бы умереть, не повидавъ ея... Подумайте... завтра... въ эти часы... я, можетъ быть,.. даже навѣрно, закрою глаза навсегда... и никогда васъ больше не увижу... не увижу ни васъ... ни ея...

Она остановила его. Сердце ея надрывалось.

— О! замолчите... замолчите... хорошо, обѣщаю вамъ завтра привезти ее.

— Даете клятву?

— Даю, мой другъ... Но молчите, не разговаривайте больше. Вы заставляете меня ужасно страдать... замолчите.

Все лицо его быстро передернулось; потомъ, когда судорога кончилась, онъ сказалъ:

— Если намъ остается всего нѣсколько мгновеній быть вмѣстѣ, то не будемъ терять ихъ; воспользуемся ими и простимся. Я такъ любилъ васъ...

Она вздохнула и сказала:

— А я... такъ все еще люблю васъ!

— Вы одна только и дали мнѣ счастье,—прибавилъ онъ.— Послѣдніе дни только были тяжелы... Но это не ваша вина... Ахъ! бѣдная моя Ани!... какъ жизнь бываетъ иногда печальна... и какъ трудно умирать!.

— Замолчите, Оливье. Умоляю васъ...

Не слушая ея, онъ продолжалъ:

— Какимъ счастливымъ человѣкомъ былъ бы я, если бы у васъ не было этой дочери!..

— Замолчите... Боже мой!.. Замолчите...

— Ахъ! Тотъ, кто выдумалъ эту жизнь и создалъ людей, очень слѣпъ или очень золъ...

— Оливье, умоляю васъ... если вы хоть когда нибудь меня любили, замолчите... не говорите такъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее, на ея склонившееся, такъ сильно помертвѣвшее, лицо, которое тоже напоминало умирающаго, и замолчалъ.

Она сѣла тогда въ кресло, совсѣмъ близко къ постели и взяла его руку, лежавшую на простынѣ.

— Теперь запрещаю вамъ разговаривать,—сказала она.— Не шевелитесь теперь и думайте обо мнѣ, какъ я думаю о васъ.

Они опять стали смотрѣть другъ на друга, неподвижные, соединивъ свои руки и горячо сливаясь въ этомъ прикосновеніи другъ съ другомъ. Она тихонько пожимала разъ за разомъ эту лихорадочную руку, которую держала въ своей, а онъ, въ отвѣтъ на это, сгибалъ слегка пальцы. Каждое такое пожатіе говорило имъ что-нибудь, вызывало частичку исчезнувшаго прошлаго, поднимало въ памяти застоявшіяся тамъ воспоминанія любви. Каждое такое пожатіе—тайный вопросъ; каждое пожатіе—таинственный от-

вѣтъ, печальные вопросы и печальные отвѣты, эти „помнится ли вамъ?“ старинной любви.

Ихъ умъ, въ это свиданіе, быть можетъ, послѣднее, пробѣгалъ, минуя годы, всю исторію ихъ страсти; въ комнатѣ слышалось только потрескиванье огня.

И вдругъ, какъ бы очнувшись отъ сна, онъ встрепенулся отъ ужаса и проговорилъ:

— Ваши письма!

— Что, мои письма?—спросила она.

— Я могъ умереть, не уничтоживъ ихъ.

— Э! Что мнѣ!—вскричала она.—Вотъ еще забота! Пусть находятъ, пусть читаютъ! Очень мнѣ нужно!

— Да я то не хочу,—отвѣчалъ онъ.—Встаньте, Ани. Выдвиньте нижній ящикъ у меня въ столѣ, большой, они всѣ тамъ, всѣ. Ихъ надо взять и бросить въ огонь.

Она не двигалась съ мѣста. Ее всю передернуло, точно онъ совѣтовалъ ей сдѣлать какую-то подлость.

— Ани, умоляю васъ,—снова началъ онъ. Если вы не сдѣлаете этого, вы меня будете мучить, раздражать, сводить съ ума. Подумайте, что они могутъ попасть въ руки перваго попавшагося, въ руки нотаріуса, прислуги... или даже вашего мужа... Не хочу я...

Она встала, все еще колеблясь и твердя:

— Нѣтъ, это слишкомъ тяжело, слишкомъ жестоко. Мнѣ кажется, что вы заставляете меня жечь наши сердца.

Онъ умолялъ ее съ искаженнымъ отъ муки лицомъ.

Видя, что онъ такъ сильно страдаетъ, она покорилась и пошла къ столу. Выдвинувъ ящикъ, она увидала, что онъ до верху набитъ письмами; она узнала на конвертѣ адресъ изъ двухъ строчекъ, которыя ей такъ часто приходилось писать. Ей знакомы были эти двѣ строчки—мужское имя, фамилія и названіе улицы,—знакомо такъ же хо-

рощо, какъ свое собственное имя, какъ какія-нибудь нѣсколько словъ, которыя служили въ жизни выраженіемъ всей надежды, всего счастія. Она смотрѣла на нихъ, на эти маленькія четыреугольнички, заключавшія въ себѣ все, что у нея нашлось сказать о любви своей, все, что она могла вырвать у себя и выразить съ помощью чернилъ и бумаги.

Онъ пытался повернуться на подушкѣ, чтобы посмотрѣть на нее, и опять сказалъ:

— Сожгите ихъ поскорѣй.

Тогда она взяла изъ нихъ двѣ горсти и нѣсколько мгновеній не выпускала ихъ изъ рукъ. Ей показалось, что у нея въ рукахъ что-то тяжелое, горестное, живое и умершее, столько въ нихъ было въ эту минуту всего, столько поконченнаго, столько сладостнаго, прочувствованнаго, взлелѣяннаго мечтой. Въ нихъ заключалась душа ея души, сердце ея сердца, сущность всего любящаго существа ея. И ей вспомнилось, въ какомъ бреду она набрасывала нѣкоторыя изъ нихъ на скорую руку, въ какомъ восторженномъ состояніи, въ какомъ опьяненіи жизнью, опьяненіи тѣмъ, что она любитъ кого-то и говоритъ о своей любви.

— Сожгите, сожгите ихъ, Ани,—повторилъ Оливье.

Однимъ взмахомъ обѣихъ рукъ она бросила въ каминъ пачки бумажекъ, и онѣ разлетѣлись по горѣвшимъ дровамъ. Потомъ выхватила еще и бросила опять, потомъ еще, дѣлая это все быстро, быстро, то нагибаясь, то поднимаясь, чтобы поскорѣй покончить съ этимъ ужаснымъ дѣломъ.

Когда каминъ наполнился весь письмами, и ящикъ опорожнился, она остановилась и смотрѣла, какъ пламя, почти погасшее, пробиралось по бокамъ этой груды конвертовъ съ письмами. Пламя нападало на нихъ съ краевъ, объѣдало уголки, бѣжало по бумагѣ, гасло, вспыхивало вновь, раз-

горалось. Вскорѣ вся бѣлая пирамида была охвачена яркимъ огнемъ, освѣтившимъ всю комнату, и отблескъ отъ этого огня падалъ на стоявшую женщину и на лежавшаго на постели человѣка: то пылала любовь ихъ; то ихъ любовь превращалась въ пепелъ.

Графиня обернулась и въ яркомъ блескѣ пламени увадала своего друга; онъ растерянно свѣсился на край постели.

— Все тутъ?—спросилъ онъ.

— Все.

Но прежде, чѣмъ вернуться къ нему, она бросила на это истребленіе послѣдній взглядъ, и увидала, какъ по грудѣ наполовину уже сгорѣвшихъ бумагъ, которыя извивались и чернѣли, вдругъ пробѣжало что-то красное. Можно было подумать, что капли крови. Онѣ, казалось, выступали изъ самой глубины писемъ, изъ глубины каждаго письма, какъ изъ какой-нибудь раны, и тихонько скользили къ пламени, оставляя позади себя пурпуровый слѣдъ.

Душа графини поражена была сверхъестественнымъ ужасомъ, и она отступила назадъ, точно передъ ней совершалась сцена убійства. Потомъ она поняла, поняла вдругъ; то, что она видѣла, былъ просто расплавленный сургучъ.

Тогда она подошла къ раненому и, приподнявъ тихонько его голову, осторожно положила ее опять на середину подушки. Но оттого, что онъ ворочался, боли усилились. Теперь онъ задыхался; лицо перекосилось отъ ужасныхъ страданій; онъ повидимому не сознавалъ даже, что она тутъ.

Она ждала, когда онъ успокоится немного, подниметъ на нее упорно закрытые глаза, скажетъ ей еще что-нибудь.

— Вы очень страдаете?—спросила она наконецъ.

Онъ не отвѣтилъ.

Она наклонилась къ нему и положила ему палецъ на лобъ,

чтобы заставить его взглянуть. Онъ въ самомъ дѣлѣ открылъ глаза, растерянные, обезумѣвшіе глаза.

— Страдаете? — въ ужасѣ повторила она. — Оливье! Отвѣчайте! Хотите, я позову... сдѣлайте усиліе, скажите что-нибудь...

Ей послышалось, что онъ проговорилъ:

— Приведите ее... вы дали мнѣ клятву...

Потомъ онъ заволновался подъ одѣяломъ, сталъ биться всѣмъ тѣломъ; лицо исказилось и подергивалось.

— Оливье, — твердила она, — Боже мой! Оливье, что съ вами? Хотите, я кликну...

На этотъ разъ онъ услыхалъ, потому что отвѣтилъ:

— Нѣтъ... ничего.

Онъ въ самомъ дѣлѣ, казалось, утихъ, страдалъ меньше, впалъ вдругъ въ какое-то сонное отупѣніе. Въ надеждѣ, что онъ заснетъ, она сѣла у кровати, взяла его за руку и стала ждать. Онъ теперь не шевелился; подбородокъ его пригнулся къ груди; изъ полураскрытаго рта съ трудомъ выходило короткое дыханіе, по пути какъ бы застрявая въ горлѣ. Одни только пальцы шевелились по временамъ, помимо его воли, слегка сгибаясь; графиня чувствовала это пожатіе до корня волосъ и трепетала отъ него такъ, что хоть кричать. Теперь ужъ это не сознательныя пожатія, повѣствующія, взамѣнъ усталыхъ губъ, о всякихъ сердечныхъ горестяхъ. Теперь это ужъ неукротимыя судороги, повѣствующія только о мукахъ тѣлесныхъ.

Теперь на нее напалъ страхъ, ужасный страхъ; ее охватило безумное желаніе убѣжать, позвонить, позвать; но она не смѣла пошевелиться изъ боязни его потревожить.

Черезъ стѣны, съ улицы доносился отдаленный стукъ экипажей; она прислушивалась, не замолкнетъ ли стукъ ко-

лесъ у двери, не вернется ли мужъ освободить ее, вырвать изъ этого ужаснаго tête-à-tête.

Такъ какъ она старалась высвободить свою руку изъ его руки, то онъ сжалъ ее въ своей, испустивъ при этомъ глубокій вздохъ. Тогда, чтобы не тревожить его, она рѣшилась ждать.

Огонь замиралъ въ каминѣ, подъ чернымъ пепломъ писемъ. Обѣ свѣчки погасли. Что-то треснуло.

Въ домѣ все безмолвно, все, казалось, умерло, за исключеніемъ длинныхъ фламандскихъ часовъ на лѣстницѣ, которые правильно отзванивали часы, половины и четверти, разыгрывали среди ночной тишины маршъ временъ, модулируя его на разные тембры. Сидѣвшая неподвижно графиня чувствовала, какъ разростается въ душѣ ея невыносимый ужасъ. Ее осаждали кошмары; ужасающія мысли омрачали ея умъ, и ей стало казаться, что пальцы Оливье холодѣютъ у нея въ рукахъ. Правда ли? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Но откуда же у нея однако это ощущеніе какого-то невыразимаго, ледяного прикосновенія? Не помня себя отъ ужаса, она встала, посмотрѣть ему въ лицо. Оно было спокойно, безстрастно, безжизненно, равнодушно ко всякому горю и мирно почило теперь вѣчнымъ забвеніемъ.

ВЕЧЕРЪ.

Клеберъ сталъ на якорь. Передъ нами открывался чудный заливъ *Бужи*, и я съ восторгомъ смотрѣлъ на него. Высокія горы покрыты кабилскими лѣсами. Желтый песокъ, словно золотистая пыль, окаймляетъ вдали море, а солнце огненными потоками заливаетъ бѣлые домики небольшого городка.

Струя горячаго, африканскаго воздуха принесла моему радостному сердцу запахъ пустыни,—запахъ большого таинственнаго материка, куда сѣверной человѣкъ почти совсѣмъ не проникаетъ.

Три мѣсяца уже я брожу по берегамъ этого глубокаго, невѣдомаго края, по берегамъ фантастической страны верблюда, страуса, газели, гиппопотома, гориллы, слона и негра. Я видѣлъ араба, мелькавшаго вдали, какъ парусъ, когда тотъ, несется, раздуваясь по вѣтру, и пропадаетъ изъ виду. Я ночевалъ въ темныхъ палаткахъ,—въ подвижныхъ жилищахъ этихъ бѣлыхъ птицъ пустыни. Я, опьянѣлъ отъ свѣта, фантастичности и простора.

И вотъ, послѣдняя экскурсія. Надо ѣхать домой, опять въ Парижъ, этотъ городъ праздной болтовни, мелочныхъ заботъ и безчисленныхъ рукопожатій, надо сказать прости

всему, что увидѣлъ новаго, что успѣлъ уже, къ сожалѣнію, полюбить.

Цѣлая стая лодокъ окружала пакеботъ. Я прыгнулъ въ одну изъ нихъ. Негритенокъ зашевелилъ веслами, и вскорѣ мы очутились на набережной, у старыхъ арабскихъ воротъ. Эти сѣрыя развалины у входа въ кабилскій городъ имѣли видъ античнаго герба.

Поставивъ чемоданъ возлѣ себя, я остановился на пристани и съ восторгомъ смотрѣлъ на большой корабль на рейдѣ, на необыкновенный берегъ, на амфитеатръ горъ, омываемыхъ голубыми водами.

Что можетъ сравниться по красотѣ съ такой панорамой? Развѣ Аяччіо только да Порто на островѣ Корсика? Неаполь и тотъ уступаетъ.

Вдругъ чья-то рука тяжело опустилась на мое плечо.

— Я оглянулся. Передо мной стоялъ высокаго роста мужчина съ длинной бородой, въ соломенной шляпѣ, въ бѣломъ костюмѣ изъ фланели и пристально смотрѣлъ на меня голубыми глазами.

— Мы, кажется, товарищи по школѣ?—сказалъ онъ.

— Можетъ быть. Какъ ваша фамилія?

— Тремуленъ.

— Чортъ возьми! Да мы съ тобой сидѣли рядомъ!

— Ахъ, дружище! Я съ перваго же разу узналъ тебя.

И длинная борода мазнула меня по щекамъ.

Онъ видимо былъ такъ доволенъ, что встрѣтилъ меня такъ радъ, такъ счастливъ, что я, въ порывѣ эгоизма дружбы, крѣпко пожалъ обѣ руки стараго товарища и въ свою очередь почувствовалъ удовольствіе отъ этой встрѣчи.

Тремуленъ цѣлыхъ четыре года былъ самымъ близкимъ, самымъ лучшимъ моимъ товарищемъ, однимъ изъ тѣхъ товарищей по ученью, которыхъ мы сейчасъ же и забываемъ,

какъ только выходимъ изъ школы. Тогда это былъ длинный, тоненькій гимназистикъ съ огромною, круглою головой. Точно отъ тяжести, голова склонялась то вправо, то влѣво и окончательно подавляла собой туловище съ узенькою грудью и длинными ногами.

Одаренный рѣдкими способностями и необыкновенной гибкостью ума, Тремуленъ точно чутьемъ угадывалъ все, что относилось къ литературнымъ занятіямъ. Что же касается полученія наградъ, то и на это онъ былъ величайшій мастеръ.

Въ гимназіи всѣ были увѣрены, что изъ него выйдетъ какая нибудь знаменитость, навѣрно поэтъ. Онъ писалъ стихи и насквозь былъ пропитанъ отчаянно сентиментальными идеями. Отецъ его, аптекарь въ кварталѣ Пантеона, слылъ за человѣка небогатаго.

По окончаніи экзаменовъ я потерялъ его изъ виду.

— Что-жъ ты тутъ дѣлаешь?—спросилъ я его.

— Я здѣшній поселенецъ, — съ улыбкой отвѣчалъ онъ.

— Сѣешь, значитъ.

— И собираю.

— Что же?

— У меня виноградники. Я дѣлаю вино.

— И хорошо идутъ дѣла?

— Очень хорошо.

— Тѣмъ лучше, дружище.

— Ты хотѣлъ остановиться въ гостиницѣ?

— Конечно.

— Остановишься у меня.

— Но...

— Рѣшено.

— Ко мнѣ, Али, — сказалъ онъ негритенку, ловившему всякое наше движеніе.

— Foui, moussi*),—отвѣтилъ тотъ на ломаномъ французскомъ языкѣ.

Негритенокъ взвалилъ чемоданъ на плечи и помчался впередъ, черными подошвами отбивая тактъ по пыли.

Тремуленъ подхватилъ меня подъ руку и потащилъ съ собой. Сначала онъ разспросилъ меня о путешествіи, о моихъ впечатлѣніяхъ и, видя мой энтузіазмъ, полюбилъ меня, кажется, еще больше.

Онъ жилъ въ старинномъ мавританскомъ домѣ съ внутреннимъ дворикомъ, безъ оконъ на улицу. Верхняя терраса возвышалась надъ всѣми сосѣдними террасами и господствовала надъ заливомъ, лѣсами, горами, и надъ моремъ.

— Какъ это мнѣ нравиться! - воскликнулъ я.—Весь востокъ передъ тобой въ такомъ жилищѣ. Ты счастливъ, что живешь здѣсь! Что за ночи ты, должно быть, проводишь здѣсь на террасѣ! Ты здѣсь спишь?

— Да, лѣтомъ здѣсь. Мы придемъ сюда вечеромъ. Ты любишь рыбную ловлю?

— Какую рыбную ловлю?

— Съ костромъ.

— О, да, я ее обожаю.

— Ну, такъ вотъ отправимся послѣ обѣда. А потомъ будемъ дома пить шербетъ на крышѣ.

Послѣ купанья онъ повелъ меня осматривать прелестный городокъ кабиловъ. Бѣлые домики каскадомъ сбѣгали внизъ, къ морю. Съ наступленіемъ вечера мы возвратились домой, и послѣ великолѣпнаго обѣда вышли на набережную.

Въ темнотѣ виднѣлись только огни на улицахъ, да звѣзды мерцали на небѣ,—большія, яркія звѣзды африканскаго неба.

---

*) Хорошо, господинъ.

У пристани, поодаль, дожидалась лодка. Какъ только мы вошли въ нее, гребецъ — лица его я не могъ различить — ударилъ веслами, а мой пріятель сталъ приготовлять костеръ.

— Ты знаешь, я самъ дѣйствую острогой,—сказалъ онъ мнѣ.—Сильнѣе меня никого нѣтъ.

— Поздравляю.

Обогнувъ что-то вродѣ мола, мы очутились въ крошечной бухтѣ. Высокія скалы бросали тѣнь въ воду. Казалось, точно въ морѣ настроены башни. Вдругъ я замѣтилъ, что море свѣтится. Медленные удары веселъ каждый разъ зажигали въ водѣ какой-то странный пловучій огонь, который далеко потомъ тянулся за нами и постепенно угасалъ. Я нагнулся и смотрѣлъ на эти струи блѣднаго свѣта, разбивавшіяся на мелкія части подъ ударомъ веселъ, на этотъ необъяснимый свѣтъ моря, на этотъ огонь, загорающійся отъ движенія и умирающій вмѣстѣ съ послѣднимъ всплескомъ волны. Мы втроемъ скользили по этому свѣту, уносясь въ чернѣющую даль.

Куда мы плывемъ? Мнѣ совсѣмъ не видать было сосѣдей. Я видѣлъ только свѣтящійся слѣдъ позади насъ, да искры воды, взлетающія кверху при каждомъ ударѣ весла. Жарко было, очень жарко! Тьма, словно нагрѣтая печь, обдавала тепломъ. Сердце мое сжималось отъ таинственнаго безмолвнаго путешествія въ обществѣ этихъ двухъ людей.

Вдали лаяли собаки. Здѣсь всегда лаютъ собаки по ночамъ, вездѣ, отъ моря вплоть до самой пустыни, населенной кочующими племенами. Арабская собака тощая, рыжая, съ остроконечной мордой и свѣтящимися глазами. Въ отвѣтъ на лай раздавались голоса лисицъ, шакаловъ, гіенъ, а невдалекѣ, должно быть, какой-нибудь одинокій левъ рычалъ гдѣ-то въ ущельи Атласа.

Вдругъ лодочникъ пересталъ грести. Гдѣ мы? Возлѣ меня что-то царапнуло. Вспыхнула спичка. Показалась рука,— одна только рука, — и поднесла это легкое пламя къ желѣзной рѣшоткѣ, висѣвшей на носу лодки. На рѣшоткѣ лежали дрова. Она имѣла видъ пловучаго костра.

Я смотрѣлъ удивленными глазами, точно видѣлъ все это въ первый разъ, точно это зрѣлище заключало въ себѣ что-то такое, отчего можно было придти въ волненіе. Я съ тревогой слѣдилъ за крошечнымъ пламенемъ; оно коснулось сбоку небольшой кучки сухого вереска, и этотъ верескъ затрещалъ.

И вотъ, среди заснувшей ночи, жгучей и тяжелой, вспыхнуло огромное блѣдное пламя, вспыхнуло и освѣтило лодку и сидѣвшихъ со мной двухъ людей: исхудалаго старика матроса съ блѣднымъ, морщинистымъ лицомъ, съ повязанной платкомъ головой и Тремулена съ бѣлокурой, ярко сіявшей бородой. А надъ всѣми нами, тяжело нависъ балдахинъ изъ мрака и тѣни:

— Трогай! - скомандавалъ Тремуленъ.

Лодочникъ сталъ грести. Мы тронулисъ съ мѣста, подъ сводами движущейся тѣни, не отстававшей отъ насъ, окруженные какъ бы метеоромъ. Тремуленъ непрерывно бросалъ дрова на рѣшотку. Костеръ пылалъ ослѣпительнымъ, краснымъ заревомъ.

Я опять нагнулся и увидалъ морское дно. Мы двигались впередъ, и подъ нами, на глубинѣ нѣсколькихъ футовъ, медленно развертывался удивительный міръ, — міръ воды, которая, подобно воздуху небесному, даетъ жизнь растеніямъ и животнымъ.

Яркій свѣтъ костра проникалъ вглубь до самыхъ подводныхъ скалъ. Мы скользили надъ поразительнымъ лѣсомъ травъ: красныхъ, розовыхъ, зеленыхъ, желтыхъ. Сквозь

раздѣлявшее насъ зеркало воды, необыкновенно прозрачное и почти невидимое, травы принимали какой-то сказочный оттѣнокъ, уносившій въ область грезъ, навѣянныхъ глубиной океана. Волна до такой степени была свѣтла и чиста что ея присутствіе скорѣй угадывалось, чѣмъ замѣчалось. Между нами и удивительной растительностью лежало что-то смутное, какой-то намекъ на дѣйствительность. Все подводное принимало таинственный видъ, какъ пейзажи сновидѣнія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ травы выступали на поверхность и, какъ волосы, чуть замѣтно колыхались, когда лодка медленно проходила мимо нихъ.

Въ травѣ на минуту показывались тоненькія серебристыя рыбки и, быстро плывя, скрывались изъ вида. Другія спали еще, слабо повиснувъ среди водяного кустарника, блестящія, неуловимыя. Крабъ бросился въ сторону, прячась куда-то въ ямку. Чуть замѣтная, голубоватая, прозрачная медуза, цвѣта блѣдной лазури,—настоящій цвѣтъ моря,—подъ вліяніемъ легкой зыби отъ лодки всѣмъ своимъ жидкимъ тѣломъ потянулась за нами. Потомъ морское дно вдругъ пропало, падая внизъ, туда, далеко, далеко; потемнѣвшее зеркало воды подернулось туманомъ. Въ глубинѣ виднѣлись только неясныя очертанія огромныхъ утесовъ, да темныя водоросли, слабо освѣщенныя пылавшимъ костромъ.

Тремуленъ стоялъ на носу. Въ рукахъ у него была длинная острога съ острыми зубьями. Наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ, онъ пытливо осматривалъ утесы, травы и мѣняющееся дно моря. Глаза его пылали, какъ у звѣря, почуявшаго добычу.

Вдругъ быстрымъ, легкимъ движеніемъ Тремуленъ погрузилъ трехзубую голову своего орудія въ воду и пустилъ

его, какъ пускаютъ стрѣлу, съ такою быстротой, что она налету поймала плывшую мимо насъ рыбу.

Я видѣлъ только жестъ Тремулена и больше ничего; но слышно было, что онъ что-то радостно ворчалъ. Онъ поднялъ острогу, и при свѣтѣ костра видно было, какъ на желѣзныхъ зубьяхъ извивалось тѣло какого-то животнаго. Морской угорь. Тремуленъ осмотрѣлъ добычу, показалъ ее мнѣ, поворачивая надъ огнемъ, и бросилъ на дно лодки. Проткнутая насквозь въ пяти мѣстахъ морская змѣя скользнула и поползла, задѣвъ меня за ноги. Она искала какой-нибудь щели для выхода и, найдя въ лодкѣ лужицу стоячей воды, забилась туда и свернулась, почти уже мертвая.

Тремуленъ съ удивительной ловкостью, съ необыкновенной увѣренностью и съ быстротой молніи, почти каждую минуту вытаскивалъ удивительныхъ обитателей соленой воды.

Надъ огнемъ, съ предсмертными конвульсіями, мелькали поочереди серебристые морскіе волки, темныя мурены съ кровавыми пятнами, усаженныя колючками скорпены, удивительныя каракатицы, изрыгающія чернила, отъ которыхъ море на нѣсколько минутъ дѣлалось чернымъ вокругъ лодки.

Между тѣмъ среди ночного мрака безпрестанно раздавались надъ нами крики птицъ. Я поднималъ голову и старался разсмотрѣть, откуда эти рѣзкіе свисты, то близкіе, то далекіе, то отрывистые, то протяжные. Ихъ было безчисленное множество, этихъ птицъ; надъ нами парило точно цѣлое облако крыльевъ. Ихъ привлекало, безъ сомнѣнія, пламя костра.

Иногда звуки, какъ-бы обманывая ухо, выходили изъ воды.

— Кто это свиститъ?—спрашивалъ я.

— Да это угли падаютъ.

И дѣйствительно, изъ костра падалъ въ воду цѣлый дождь

мелкихъ горящихъ сучьевъ. Они падали то раскаленные до красна, то пылающіе огнемъ и съ какой-то странной, тихой, пронизывающей душу жалобой угасали совсѣмъ. То какое-то щебетанье, то короткій призывъ эмигранта. Капли смолы раздувались, какъ шарики или какъ шершни, и погружаясь въ воду, вдругъ замирали. Точно въ самомъ дѣлѣ голоса живыхъ существъ, точно въ тѣни, совсѣмъ близко отъ насъ, блуждалъ невыразимый, слабый ропотъ жизни.

— Ахъ... негодяй!—вдругъ вскрикнулъ Тремуленъ.

Онъ пустилъ острогу и, когда ее поднялъ, я увидалъ какой-то огромный клокъ краснаго мяса, прилипшій къ дереву и обхватившій зубья. Клокъ трепеталъ, шевелился, то наматывая, то разматывая вокругъ ручки остроги длинные мягкіе, сильные ремни, покрытые присосками. Это былъ спрутъ, осьминогъ.

Тремуленъ поднесъ ко мнѣ добычу. Я увидѣлъ два огромныхъ, выпуклыхъ глаза,—два тусклыхъ, страшныхъ глаза, сидѣвшихъ въ какомъ-то мѣшкѣ и окруженныхъ точно опухолью. Чудовище смотрѣло на меня. Воображая себя свободнымъ, животное медленно выпрямило одну ногу, и я увидѣлъ, какъ бѣлые присоски потянулись ко мнѣ. Кончикъ ноги былъ тонкій, какъ нитка. Только что успѣла прицѣпиться къ скамейкѣ одна разрушительная нога, какъ тотчасъ же поднялась и развернулась вслѣдъ за ней и другая. Въ этомъ мускулистомъ, мягкомъ тѣлѣ, въ этой живой кровососной банкѣ, красной и дряблой, чувствовалась непреодолимая сила. Тремуленъ раскрылъ ножъ и однимъ быстрымъ ударомъ всадилъ его чудовищу между глазъ.

Послышался вздохъ, шумъ вырывающагося воздуха, и спрутъ пересталъ двигаться.

Это была не смерть еще. Жизнь крѣпко держится въ

такомъ нервномъ тѣлѣ; но сила уже пропала, клапанъ лопнулъ; нельзя больше пить кровь, нельзя высасывать внутренности у крабовъ.

Тремуленъ оттаскивалъ теперь отъ досокъ обезсилѣвшіе присоски, какъ бы заигрывая съ умирающимъ животнымъ, и вдругъ, точно въ припадкѣ внезапнаго гнѣва, вскричалъ:

— Постой, я тебѣ подогрѣю ножки!

Онъ опять подхватилъ его зубьями и поднялъ кверху, поднося острые концы ногъ его къ самому пламеня. Онъ даже теръ ими о раскаленную до красна рѣшотку костра.

Ноги краснѣли, съеживались отъ огня и, треща, изгибались. Я почувствовалъ боль до самыхъ концовъ пальцевъ отъ страданія этого ужаснаго животнаго.

— Охъ, не дѣлай этого!—закричалъ я.

— Вотъ еще! Это полезно ему,—спокойно отвѣтилъ Тремуленъ.

И послѣ этого онъ швырнулъ обезображеннаго спрута на дно лодки. Спрутъ поползъ у меня подъ ногами и добравшись до ямки съ стоячей водой, забился туда умирать среди мертвой рыбы.

Долго еще продолжалась ловля, до тѣхъ поръ, пока не вышли всѣ дрова.

Когда же дрова всѣ вышли и нечѣмъ стало поддерживать огонь, Тремуленъ сбросилъ въ воду оставшійся костеръ, и ночь, лежавшая надъ ослѣпительнымъ пламенемъ, вдругъ быстро спустилась и снова покрыла насъ мракомъ.

Старикъ опять принялся грести, медленно и правильно ударяя веслами. Гдѣ пристань? гдѣ земля? гдѣ входъ въ заливъ и открытое море? Неизвѣстно. Спрутъ шевелился еще у моихъ ногъ, и я страдалъ до боли въ ногтяхъ, точно мнѣ ихъ тоже поджигали. Вдругъ показались огни. Мы входили въ гавань.

— Ты хочешь спать?—спросилъ меня пріятель.

— Нѣтъ, нисколько.

— Въ такомъ случаѣ мы еще поболтаемъ у насъ на крышѣ.

Когда мы взошли на террасу, я увидалъ серпъ луны. Она поднималась изъ-за горъ. Медленно проносились струи горячаго вѣтра, насыщеннаго легкими, почти неуловимыми запахами. Вѣтеръ точно впиталъ всѣ запахи садовъ и городовъ со всѣхъ странъ, опаленныхъ солнцемъ.

Кругомъ бѣлые домики съ четырехъ-угольными крышами спускались къ морю. На крышахъ рисовались человѣческія фигуры, въ сидячихъ и лежачихъ позахъ. Кто спалъ, кто мечталъ при звѣздахъ. Тутъ цѣлыя семьи, закутанныя въ длинныя, шерстяныя одежды, послѣ дневного зноя наслаждались спокойствіемъ ночи.

Мнѣ показалось вдругъ, что духъ востока осѣнилъ меня,—поэтическій, легендарный духъ востока, духъ простыхъ народовъ съ цвѣтистою мыслью. Сердце мое преисполнилось Библіей и Тысяча и Одной Ночью. Я слышалъ пророковъ, возвѣщавшихъ чудеса. Передо мной, по дворцовымъ террасамъ, проходили принцессы въ шелковыхъ шароварахъ. На серебряныхъ жаровняхъ курились нѣжные ароматы, и дымъ ихъ принималъ образы духовъ.

— Ты счастливъ, что живешь здѣсь,—сказалъ я Тремумулену.

— Случай привелъ меня сюда,—отвѣтилъ онъ.

— Случай?

— Да, случай и несчастье.

— Ты былъ несчастливъ?

— Очень.

Онъ стоялъ передо мной, закутанный въ бурнусъ. Мурашки пробѣжали у меня по тѣлу, когда я услыхалъ его голосъ: столько горя слышалось въ немъ.

— Я могу разсказать тебѣ о своемъ горѣ,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія. — Мнѣ будетъ, можетъ быть, легче, если я разскажу.

— Разскажи.

— Хочешь?

— Хочу.

— Ну, такъ вотъ. Ты помнишь, какимъ я былъ въ гимназіи? Что то вродѣ поэта, получившаго воспитаніе въ аптекѣ. Я мечталъ о писательствѣ и даже, по окончаніи экзаменовъ, пробовалъ писать, но успѣха не имѣлъ. Я выпустилъ въ свѣтъ томикъ стихотвореній, потомъ романъ. Ни то, ни другое не пошло. Написалъ потомъ театральную пьесу—ее не поставили.

Наконецъ влюбился. Я не стану разсказывать тебѣ объ этой страсти. Рядомъ съ нашей аптекой жилъ портной. У него была дочь. Я полюбилъ ее. Она была интеллигентная, съ дипломомъ высшаго образованія. У нея былъ живой, подвижной умъ, подъ стать, между прочимъ, къ ея наружности. Ей было двадцать два года, но на видъ можно было дать не больше пятнадцати. Это была крошечная женщина съ тонкими чертами, съ тонкими линіями, съ нѣжными тонами, какъ тонкая акварель. Носъ, ротъ, голубые глаза, бѣлокурые волосы, улыбка, талія, руки,—все, казалось, было создано не для жизни, не для воздуха, а для витрины. Но все таки она была необыкновенно жива, гибка и дѣятельна. Сильно я влюбился въ нее. Помню двѣ, три прогулки у фонтана Медичи въ Люксембургскомъ саду. Онѣ останутся, вѣроятно, лучшими часами моей жизни. Тебѣ знакомо, разумѣется, это особенное состояніе безумной нѣжности, когда въ головѣ ничего нѣтъ, кромѣ обожанія? Совсѣмъ превращаешься въ какого-то одержимаго женщиной? Кромѣ нея, ничего не существуетъ.

Вскорѣ мы стали женихомъ и невѣстой. Я сообщилъ ей свои планы относительно будущаго. Она не одобрила ихъ. Не считая меня ни поэтомъ, ни романистомъ, ни драматургомъ, она думала, что торговля, разъ она идетъ хорошо, можетъ доставить полнѣйшее счастье.

Отказавшись отъ сочинительства книгъ, я рѣшилъ заняться по крайней мѣрѣ продажею ихъ и купилъ въ Марселѣ *Всемірную Библіотеку*, послѣ смерти ея владѣльца.

Три года я прожилъ хорошо. Мы сдѣлали изъ своего магазина нѣчто вродѣ литературнаго салона, куда приходили поболтать всѣ образованныя силы города. Къ намъ шли, какъ въ клубъ, перекинуться мыслями о книгахъ, поэтахъ и въ особенности о политикѣ. Жена моя занималась продажей. Она пользовалась большой извѣстностью въ городѣ. Тамъ внизу болтали, а я занимался у себя въ кабинетѣ, въ бель-этажѣ. Мой кабинетъ сообщался съ магазиномъ витой лѣстницей. До меня доходили голоса, смѣхъ, споры. Я иногда переставалъ писать и слушалъ. Я тайно сочинялъ романъ, который такъ и не кончилъ.

Самыми постоянными посѣтителями были: рантье Монтина, высокій, красивый, молодой человѣкъ видной красоты, съ черными волосами, съ ласкающими глазами; судья Барбэ, два коммерсанта: Фосиль и Лабаррегъ и маркизъ де-Флешъ, глава рояли̇стической партіи, самое важное лицо въ провинціи, шестидесяти шести-лѣтній старикъ.

Дѣла шли хорошо. Я былъ счастливъ, очень счастливъ.

И вотъ, какъ то разъ, часовъ около трехъ, проходя по дѣламъ по улицѣ Сентъ-Ферреоль, я вдругъ замѣтилъ, что изъ одного дома выходитъ дама, очень похожая по фигурѣ на мою жену. Еслибъ я не оставилъ ее часъ тому назадъ въ лавкѣ и еслибъ она не жаловалась на легкое нездоровье, я бы сказалъ, что это она. Она шла впереди меня

быстро, не оборачиваясь. Удивленный, я почти невольно, съ тревогой въ сердцѣ пошелъ за ней.

„Это не она!“ говорилъ я себѣ. „Нѣтъ. Это невозможно, Вѣдь у нея мигрень. И потомъ что ей дѣлать въ этомъ домѣ?“.

Но мнѣ хотѣлось совсѣмъ успокоиться на этотъ счетъ, и я спѣшилъ ее догнать. Почувствовала-ли она меня, угадала-ли, или просто узнала мои шаги, не знаю; только она вдругъ обернулась. Дѣйствительно, она! Увидавъ меня, она сильно покраснѣла и остановилась.

— А, это ты?—сказала она съ улыбкой.

Сердце мое сжалось.

— Да. Такъ ты вышла? А твой мигрень?

— Мнѣ стало лучше. Я вышла по дѣлу.

— Зачѣмъ?

— На улицу Кассинелли, къ Лакоссаду, за карандашами.

Она смотрѣла мнѣ прямо въ глаза. Краска пропала съ лица; она была скорѣй немного блѣдна. Ясные, чистые глаза ея—охъ! эти женскіе глаза!—были, полны, казалось, правды; но я смутно, съ болью въ сердцѣ, почувствовалъ, что они полны лжи. Я стоялъ передъ ней и былъ пораженъ, смущенъ больше нея. Я не зналъ, что дѣлать. Я не рѣшался подозрѣвать, но былъ увѣренъ, что она лжетъ. Зачѣмъ? Не знаю.

Я только сказалъ:

— Если тебѣ лучше, ты хорошо сдѣлала, что вышла.

— Да, гораздо лучше.

— Домой идешь?

— Конечно.

Мы разстались. Я пошелъ одинъ. Что случилось! Передъ ней я чутьемъ угадалъ ея лживость. Теперь же не въ силахъ былъ вѣрить этому. Возвратясь домой къ обѣду, я

уже обвинялъ себя въ томъ, что заподозрилъ хоть на секунду ея искренность.

Испытывалъ ли ты ревность? Испытывалъ или нѣтъ? Ну, да не въ этомъ дѣло. Капля ревности упала въ мое сердце. Эти капли огненныя. Я ничего не формулировалъ, ничего не думалъ. Я зналъ только, что она солгала. Подумай только: каждый вечеръ послѣ ухода публики и прикащиковъ, мы оставались наединѣ. Если погода была хороша, мы шли гулять на пристань; въ дурную погоду оставались дома, болтать у меня въ кабинетѣ. И каждый вечеръ я безъ утайки, безъ удержу раскрывалъ передъ ней свое сердце. Вѣдь я ее любилъ. Она составляла часть моей жизни, самую большую часть; въ ней заключалась вся моя радость. Эти маленкія руки держали въ плѣну мою бѣдную душу, мою довѣрчивую, вѣрную душу.

Въ первые дни, когда подозрѣніе еще не выяснилось, не достигло полноты,—въ эти дни сомнѣнія и отчаянія я окончательно палъ духомъ и одервенѣлъ, какъ передъ болѣзнью. Меня безпрестанно знобило, мнѣ было дѣйствительно холодно. Я пересталъ ѣсть, пересталъ спать.

Зачѣмъ она солгала! Что у ней за дѣла въ этомъ домѣ? Я ходилъ туда, старался что-нибудь разузнать. Ничего не узналъ. Жилецъ перваго этажа, обойщикъ, сообщилъ мнѣ о сосѣдяхъ; но это не навело меня на слѣдъ. Во второмъ этажѣ жила акушерка, въ третьемъ портниха и еще особа, которая занималась уходомъ за руками. На чердакѣ жили два извощика съ семействами.

Зачѣмъ она солгала? Ей ничего не стоило бы сказать мнѣ, что она ходила къ портнихѣ или совѣтовалась относительно своихъ рукъ. О, какъ мнѣ хотѣлось разспросить и этихъ жильцовъ! Я не сдѣлалъ этого изъ боязни, чтобы ее не предупредили и она не узнала бы о моихъ подозрѣніяхъ

Значитъ, она была въ этомъ домѣ и скрыла это отъ меня. Тутъ какая-то тайна. Какая же? Иногда мнѣ представлялись уважительныя причины, какое-нибудь тайное доброе дѣло, какія-нибудь справки, и я обвинялъ себя въ подозрительности. Развѣ не въ правѣ каждый изъ насъ имѣть свои маленькія невинныя тайны, какъ бы вторую внутреннюю жизнь, о которой не обязанъ никому давать отчета? Если мужчинѣ дали въ подруги жизни молодую дѣвушку, можетъ ли онъ только на основаніи этого требовать, чтобы она ничего не думала, ничего не дѣлала, не предупредивъ его объ этомъ или не разсказавъ потомъ? Неужели слово „бракъ" означаетъ конецъ всякой независимости, всякой свободы? Развѣ не могло быть, что она ходила къ портнихѣ, не сказавъ мнѣ объ этомъ, или помогала семейству котораго нибудь извощика? Развѣ не могло быть такъ, что она дѣйствительно была въ этомъ домѣ, и хотя поступокъ ея не заключалъ въ себѣ ничего преступнаго или предосудительнаго, но могъ вызвать съ моей стороны какія-нибудь замѣчанія? Она знала всѣ самыя сокровенныя особенности моего характера и, быть можетъ, боялась, если не упрека, то какого-нибудь возраженія. У нея были очень красивыя руки. Я сталъ, наконецъ, предполагать, что она потихоньку ходила къ той особѣ въ подозрительномъ домѣ, совѣтоваться насчетъ своихъ рукъ, и не сказала объ этомъ, чтобы не показаться мотовкой. Она любила порядокъ, отличалась бережливостъю и осторожностью, какъ женщина экономная, опытная въ практическихъ дѣлахъ. Она думала, разумѣется, что потеряетъ въ моихъ глазахъ, если признается въ этой маленькой тратѣ денегъ на кокетство. У женщины отъ природы столько хитрости, столько тонкостей!

Всѣ эти разсужденія нисколько не успокоивали меня. Я ревновалъ. Подозрѣніе одолѣвало меня, разрывало на ча-

сти, пожирало. Я не зналъ, еще что подозрѣвать, но подозрѣвалъ. Я носилъ въ себѣ страданіе, ужасную пытку, мысль, скрытую еще подъ покровомъ неизвѣстности,—да, скрытую подъ покровомъ неизвѣстности;— этотъ покровъ я не смѣлъ приподнять, потому что тамъ, подъ нимъ, меня ожидало страшное сомнѣніе... Любовникъ!.. Не любовникъ ли у нея?.. Подумай, подумай! Это невѣроятно, невозможно.. однако же!..

Фигура Монтина безпрестанно мелькала у меня передъ глазами. Мнѣ представлялся этотъ рослый красавчикъ съ лоснящимися волосами, представлялось, какъ онъ улыбается ей прямо въ лицо, и я говорилъ самъ себѣ: „Онъ!".

Я представлялъ себѣ исторію ихъ связи. Они разговаривали между собой о какой-нибудь книгѣ, разбирали какое-нибудь любовное приключеніе, нашли что-нибудь подходящее къ себѣ, и вотъ аналогія превратилась въ дѣйствительность.

И я слѣдилъ за ними, испытывая такія страшныя муки, какія только можетъ испытывать человѣкъ. Я купилъ себѣ обувь съ резиновыми подошвами для того, чтобы ходить безъ шума. Теперь я только и дѣлалъ, что спускался и поднимался по витой лѣстницѣ, надѣясь ихъ застать врасплохъ. Въ этомъ проходила моя жизнь. Нерѣдко, чтобы подсмотрѣть, что они дѣлали, я сползалъ по ступенькамъ на рукахъ головой внизъ. Потомъ съ безконечными усиліями и трудностями ползъ обратно задомъ, убѣдившись, что между ними третье лицо—прикащикъ.

Съ тѣхъ поръ я не жилъ, а страдалъ. Я ни о чемъ больше не могъ думать, не могъ работать, заниматься дѣлами. Бывало, какъ только выйду на улицу, сдѣлаю шаговъ сотню и говорю самъ себѣ: „Онъ тамъ!" И сейчасъ же иду назадъ.

Его тамъ не было. Я опять уходилъ. Но стоило мнѣ отойти немного, какъ тотчасъ же являлась мысль: „Теперь онъ пришелъ“, и я опять возвращался домой.

И въ этомъ проходилъ весь день.

По ночамъ еще ужаснѣе. Я чувствовалъ, что она рядомъ со мной, на одной со мной постели. Она тутъ, спитъ или притворяется, что спитъ! Спитъ или нѣтъ? Разумѣется, нѣтъ. Опять ложь? Я лежалъ неподвижно на спинѣ, мучился, задыхался отъ теплоты ея тѣла. О, какое желаніе, какое могучее, подлое желаніе встать, взять свѣчу и молотокъ и однимъ ударомъ расколоть ей голову, посмотрѣть, что дѣлается тамъ внутри! Я отлично знаю, что увидалъ бы только кашу изъ мозга и крови и больше ничего. А узнать, не узналъ бы! Невозможно узнать! А глаза! Когда она смотрѣла на меня, во мнѣ поднимались приступы бѣшенства. Смотришь на нее, и она на тебя смотритъ! Глаза ясные, чистые и фальшивые, да, да, фальшивые! Что тамъ? какія мысли скрываются за этими глазами, какъ угадать? Мнѣ хотѣлось воткнуть туда иголку, проткнуть это зеркало лжи.

Ахъ, какъ мнѣ понятна инквизиція! Я бы вывернулъ ей руки желѣзными манжетами. Говори... признавайся... Не хочешь?.. Постой!.. Я бы стиснулъ ей потихоньку горло... Говори, признавайся!.. Не хочешь!.. И я сжималъ бы все крѣпче, крѣпче, до тѣхъ поръ, пока она не закричала бы, не задохнулась бы, не умерла бы у меня на глазахъ... Или поджегъ бы ей пальцы на огнѣ... О, съ какимъ бы удовольствіемъ я это сдѣлалъ!.. Говори.. говори же!.. Не хочешь?.. Я бы держалъ ихъ надъ углями; поджегъ бы ихъ кончики... и она сказала бы... разумѣется... сказала бы!..

Выпрямившись во весь ростъ и сжавъ кулаки, Тремуленъ кричалъ на всю улицу. Вокругъ насъ, на сосѣднихъ кры-

шахъ, вставали, какъ тѣни, фигуры и, пробужденныя отъ сна, съ тревогой прислушивались.

И передо мной, взволнованнымъ и прикованнымъ могучимъ интересомъ, вставалъ, окруженный ночнымъ мракомъ, образъ этого маленькаго существа, этой хитрой, живой блондинки. Я видѣлъ, какъ она продавала книги, болтала съ мужчинами, смущая ихъ своимъ дѣтскимъ видомъ. Въ этой тонкой головкѣ куколки проходили передо мной скрытныя, пустыя мысли, радужныя бредни, мечты модистки, раздушенной мускусомъ и вздыхающей о героѣ всякаго отчаяннаго романа. Я также, какъ и Тремуленъ, подозрѣвалъ, презиралъ и ненавидѣлъ ее. Я бы тоже поджегъ ее пальцы, чтобы вырвать у нея признаніе.

— Не знаю, зачѣмъ я тебѣ все это разсказываю,—снова началъ онъ спокойнымъ тономъ.—Я ни кому этого не разсказывалъ. Да, но я никого и не видалъ въ эти два года. Я ни съ кѣмъ не разговаривалъ, ни съ кѣмъ! Все это клокотало у меня въ сердцѣ, какъ перебродившая грязь. И вотъ теперь я ее выкладываю наружу. Тѣмъ хуже для тебя.

Такъ вотъ. Но я ошибся; было хуже, чѣмъ я предполагалъ, хуже все. Слушай. Я пустилъ въ ходъ обыкновенное средство: дѣлалъ видъ, что ухожу изъ дома надолго. Каждый разъ, когда я уходилъ и не завтракалъ дома, жены тоже не было дома. Не стану разсказывать тебѣ, какъ я подкупилъ гарсона въ ресторанѣ, чтобы застать ее въ расплохъ.

Дверь ихъ кабинета была для меня открыта, и я въ условленный часъ явился туда съ твердымъ намѣреніемъ ихъ убить. Еще наканунѣ передъ моими глазами проходила вся эта сцена, какъ будто она уже совершилась. Вхожу;—маленькій столикъ, уставленный стаканами, бутылками, тарелками,

отдѣляетъ ее отъ Монтина. Мой приходъ такъ поразилъ ихъ, что они окаменѣли. Не говоря ни слова, я ударяю его по головѣ тростью съ свинцовымъ набалдашникомъ, которую нарочно захватилъ съ собой. Убитый на повалъ, вотъ онъ покачнулся и опустился лицомъ на скатерть. Тогда я повертываюсь къ ней и даю ей время—нѣсколько минутъ — понять и прежде, чѣмъ умереть въ свою очередь, простереть ко мнѣ руки, обезумѣвъ отъ ужаса. О! я приготовился, я былъ силенъ, рѣшителенъ, доволенъ, доволенъ до опьянѣнія. Потерянный взглядъ, который она бросаетъ на меня, видя занесенную надъ собой трость, протянутыя ко мнѣ руки, горловой крикъ, помертвѣвшее вдругъ и передернутое лицо—все это удовлетворяло заранѣе моей мести. Ее я не убилъ однимъ ударомъ! Ты меня, разумѣется, назовешь жестокимъ? Ты не знаешь, какія это страданія. Подумать, что любимая жена или любовница отдается другому, такъ же, какъ она отдается тебѣ, принимаетъ его поцѣлуи, такъ же, какъ принимаетъ твои! Ужасно, страшно! Кто разъ испыталъ эту муку, тотъ способенъ на все. Удивляюсь, какъ это рѣдко еще убиваютъ. Вѣдь всѣ, кому измѣняютъ,— всѣ имѣютъ желаніе убить, всѣ лелѣютъ въ себѣ эту смерть. Преслѣдуемые галлюцинаціями удовлетворенной мести, всѣ рѣшительно продѣлываютъ, наединѣ у себя въ комнатѣ или на уединенной дорогѣ, извѣстный жестъ, мысленно убивая или хватая за горло.

Прихожу въ ресторанъ. Спрашиваю: „Тутъ"? „Тутъ", отвѣчаетъ подкупленный гарсонъ. Ведетъ меня по лѣстницѣ и, указывая на дверь, говоритъ: „Вотъ здѣсь". Я сжалъ трость, точно пальцы мои вдругъ сдѣлались желѣзными. Вхожу.

Я попалъ какъ разъ во-время. Они цѣловались. Только это былъ не Монтина. Это былъ генералъ де-Флешъ, шестидесяти шести-лѣтній старикъ!

Я такъ увѣренъ былъ, что встрѣчу другого, что совершенно ошалѣлъ отъ удивленія.

Потомъ... потомъ... не знаю, что произошло во мнѣ... нѣтъ... не знаю. Будь это другой, я бы корчился отъ ярости!.. Но тутъ, передъ этимъ пузатымъ старикомъ съ отвислыми щеками, меня душило отвращеніе. Она, крошка, которой на видъ можно было дать пятнадцать лѣтъ, отдалась такому старому, почти разслабленному человѣку,—потому только, что онъ маркизъ, генералъ, другъ и представитель низверженныхъ королей. Нѣтъ, не знаю, что я почувствовалъ тогда, какія мысли пробѣжали у меня въ головѣ, но рука не поднялась бы на этого старика! Какой стыдъ! Нѣтъ, у меня не было теперь желанія убить жену; мнѣ хотѣлось убить всѣхъ женщинъ, которыя способны на такую штуку! Я больше не ревновалъ; я растерялся, точно увидалъ самое ужасное изъ ужаснаго!

Пусть говорятъ о мужчинахъ, что хотятъ, но они не способны на такую низость! Если и бываетъ что-нибудь подобное, то на такого мужчину показываютъ пальцами. Мужа или любовника старухи презираютъ хуже вора. Мы опрятнѣй, любезный, въ этомъ отношеніи. Но онѣ-то, онѣ, дѣвушки съ грязнымъ сердцемъ! Онѣ готовы отдаться всякому: и старику, и молодому! И какіе же поводы? Самые разнообразные, часто совсѣмъ ничтожные. Это ихъ профессія, призваніе и назначеніе. Вѣчныя проститутки, онѣ безсознательно, невозмутимо, безъ всякаго отвращенія отдаютъ свое тѣло, какъ какой-нибудь любовный товаръ,—все ровно, продаютъ ли его или такъ отдаютъ какому-нибудь старику, околачивающему тротуары съ золотомъ въ карманѣ, или отдаютъ его изъ-за славы какому-нибудь похотливому монарху, старой, отталкивающей знаменитости!..

Онъ кричалъ, какъ древній пророкъ, подъ звѣзднымъ не-

бомъ, съ яростью въ голосѣ, съ бѣшенствомъ отчаянія, сгорая отъ стыда за всѣхъ кичливыхъ любовницъ дряхлыхъ монарховъ; за всѣхъ дѣвушекъ, съ достоинствомъ выходящихъ замужъ за стариковъ, за всѣхъ молодыхъ женщинъ, съ улыбкой, безъ зазрѣнія совѣсти принимающихъ поцѣлуи стариковъ.

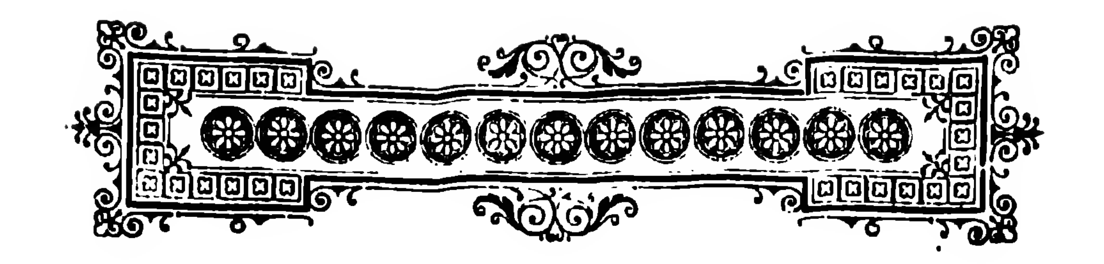
Онъ вызвалъ ихъ всѣхъ передо мной,—всѣхъ, отъ сотворенія міра. Онѣ встали и окружили насъ среди восточной ночи. Эти дѣвушки, эти прекрасныя дѣвушки съ низкой душой покорялись старческимъ желаніямъ, какъ животныя, которымъ безразличенъ возрастъ самца. Вставали служанки патріарховъ, воспѣтыхъ библіей, Агарь, Руѳь, дочери Лота, смуглая Абигаиль, Суннамская дѣвственница, оживлявшая ласками Давида почти на смертномъ одрѣ, и всѣ другія, молодыя, пухлыя, бѣлыя патриціанки и плебейки, безсловесныя самки своего повелителя, послушное тѣло рабыни, ослѣпленныя или просто купленныя за деньги!

— Что же ты сдѣлалъ?—спросилъ я.

— Уѣхалъ,—просто отвѣтилъ онъ.—И вотъ живу здѣсь.

Мы оба замолчали и надолго погрузились въ размышленія.

Этотъ вечеръ оставилъ во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Все, что я видѣлъ, что перечувствовалъ, все, что слышалъ, что угадалъ, эта ловля, и, можетъ быть, самый спрутъ, этотъ раздирающій душу разсказъ среди бѣлыхъ призраковъ на сосѣднихъ крышахъ, — все, казалось, соединилось вмѣстѣ для того, чтобы произвести небывалое впечатлѣніе. Нѣкоторыя встрѣчи, необъяснимыя комбинаціи, хотя въ нихъ и нѣтъ повидимому ничего особеннаго, положительно заключаютъ въ себѣ какую то таинственную квинтъ-эссенцію жизненной правды, чего лишены событія обыденной жизни.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

У пригорка, неподалеку отъ одного городишка, куда пріѣзжали купаться, стояли рядомъ двѣ избушки. Шибко приходилось трудиться крестьянамъ на безплодной землѣ, чтобы прокормить своихъ ребятишекъ. Въ каждомъ домѣ ихъ было четверо. И вся эта мелкота съ утра до вечера копошилась у дверей той и другой избушки. Двумъ старшимъ было по шести лѣтъ; младшимъ—пошелъ второй годокъ. Въ обѣихъ семьяхъ браки и рожденія слѣдовали почти одновременно.

Въ общей кучѣ ребятъ сами матери съ трудомъ различали своихъ, а отцы, такъ тѣ положительно путали. Въ головѣ у нихъ постоянно вертѣлись и путались восемь именъ, и нерѣдко, когда приходилось позвать кого-нибудь изъ нихъ, они перебирали по нѣскольку именъ и только въ третій или четвертый разъ попадали на настоящее.

Въ первой отъ станціи желѣзной дороги избушкѣ жили Тюваши; у нихъ было три дѣвочки и мальчикъ. Сосѣднюю лачужку занимали Валлены; у тѣхъ, наоборотъ, была одна дѣвочка и три мальчика.

Все это съ трудомъ прокармливалось похлебкой, картошкой да свѣжимъ воздухомъ. Въ семь часовъ утра, въ двѣнадцать, потомъ въ шесть часовъ вечера матери собирали

своихъ малышей ѣсть крошево, какъ гусятникъ собираетъ для кормежки своихъ гусей. Дѣтвора по старшинству усаживалась рядомъ за деревянный столъ, который успѣлъ уже отполироваться за время своей пятидесяти-лѣтней службы. Самый младшій карапузъ еле доставалъ губами до края стола. Передъ ними ставили глубокую тарелку, наполненную до краевъ хлѣбомъ, размоченнымъ въ водѣ, гдѣ варилась картошка, нѣсколько листиковъ капусты да три луковицы,—и вся эта ватага ѣла, пока не наѣдалась до-сыта. Маленькаго мать кормила собственноручно. По воскресеньямъ въ супѣ варился небольшой кусокъ говядины, и тогда для всей семьи наступалъ великій пиръ.

— Не прочь-бы хоть каждый день такъ,—говаривалъ въ тѣ дни отецъ, не торопясь вылѣзать изъ-за стола.

Вдругъ, въ августѣ, разъ послѣ обѣда, легкій экипажъ остановился передъ двумя лачужками.

— О, посмотри Анри, какая куча дѣтей, — сказала правившая экипажемъ молодая женщина, сидѣвшему рядомъ съ ней господину.—Посмотри, какъ они копаются въ пыли! Ну, не прелесть ли это!

Господинъ ничего не отвѣчалъ. Онъ привыкъ къ этимъ восторгамъ. Для него они звучали упрекомъ и причиняли боль.

— Непремѣнно расцѣлую!—сказала молодая женщина.— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось взять одного, вонъ того, самаго маленькаго!

И выскочивъ изъ экипажа, она подбѣжала къ дѣтямъ, схватила на руки одного изъ самыхъ маленькихъ,—маленькаго Тюваша,—и покрыла страстными поцѣлуями его грязныя щеки, его волосы, испачканные землей, и рученки, которыми тотъ отбивался отъ надоѣдливыхъ ласокъ.

Затѣмъ она сѣла въ экипажъ и уѣхала. Черезъ недѣлю

пріѣхала опять, усѣлась съ ними сама на землю, взяла маленькаго карапуза на руки, пичкала его пирожками, давала конфектъ остальнымъ дѣтямъ, дурачилась и играла съ ними, какъ дѣвчонка. Мужъ терпѣливо дожидался, сидя въ легкомъ экипажикѣ.

Она опять пріѣхала, познакомилась съ родителями и стала ѣздить каждый день, привозя съ собой полные карманы сластей и денегъ.

Ее звали г-жей Дюбьеръ.

Разъ она пріѣхала утромъ и вышла изъ экипажа вмѣстѣ съ мужемъ. Дѣти ужъ знали ее хорошо.

Она не остановилась съ ними, а прошла прямо въ домъ.

Родители заняты были колкой дровъ и собирались готовить похлебку. Они съ удивленіемъ подняли головы; подали стулья и ждали, что будетъ дальше.

— Добрые люди,—начала молодая женщина дрожащимъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ,—я къ вамъ. Мнѣ... мнѣ хотѣлось бы взять къ себѣ вашего... вашего малютку.

Удивленные крестьяне не знали, что отвѣчать.

— У насъ нѣтъ дѣтей,—снова начала она, переведя духъ,— мы съ мужемъ одни... мы стали бы ухаживать за нимъ... Согласны вы?

Хозяйка начала понимать.

— Это вы хотите взять у насъ Шарло? Ну, нѣтъ, извините.

— Жена не ясно выразилась,—вступился г-нъ Дюбьеръ.— Мы хотимъ усыновить его; онъ можетъ приходить къ вамъ въ гости. Если изъ него выйдетъ что-нибудь порядочное, какъ и слѣдуетъ ожидать, то онъ будетъ нашимъ наслѣдникомъ. Если у насъ будутъ, положимъ, дѣти, онъ получитъ равную съ ними часть. Если же онъ не оправдаетъ нашихъ ожиданій, мы выдадимъ ему при совершеннолѣтіи сумму въ

двадцать тысячъ франковъ, которая сейчасъ же и будетъ внесена на его имя нотаріусу. Мы и васъ не забыли; вы будете получать пожизненно по сто франковъ въ мѣсяцъ, поняли?

Хозяйка встала съ мѣста. Она пришла въ ярость.

— Такъ вы хотите, чтобы мы продали вамъ нашего Шарло?—сказала она.—Ну, нѣтъ, съ такими вещами не обращаются къ порядочной матери, нѣтъ. Это было бы низко.

Хозяинъ не говорилъ ни слова. Серьезный, сосредоточенный, онъ знаками одобрялъ жену.

Растерянная г-жа Дюбьеръ ударилась въ слезы.

— Они не хотятъ, они не хотятъ, Анри,—лепетала она, повернувшись къ своему мужу;—и въ голосѣ ея послышались рыданія,—въ этомъ голосѣ ребенка, всѣ желанія котораго всегда исполняются безпрекословно.

Они попытались въ послѣдній разъ.

— Подумайте, друзья мои, о будущности вашего ребенка, о его счастіи, о...

— Ладно,—не помня себя заговорила хозяйка,—мы слышали и все поняли... Маршъ отсюда!... И чтобы духу вашего не было! Слыханое ли это дѣло? У матери отнять родное дитя!

Уже на порогѣ, г-жа Дюбьеръ вспомнила, что самыхъ маленькихъ дѣтей двое.

— Ну, а другой-то мальчикъ не вашъ? — сквозь слезы спросила она съ упорствомъ избалованной, своевольной женщины, которая не привыкла ждать.

— Нѣтъ, не нашъ,—отвѣчалъ хозяинъ;—сосѣдскій. Обратитесь къ нимъ, если хотите.

И онъ вошелъ къ себѣ въ домъ, откуда раздавался негодующій голосъ жены.

Валлены сидѣли за столомъ и ѣли хлѣбъ съ масломъ.

Взявъ на кончикъ ножа масла изъ стоявшей передъ ними тарелки, они экономно размазывали его по ломтю и, откусивъ отъ ломтя, медленно жевали.

Г-нъ Дюбьеръ вкрадчиво, съ большими предосторожностями и хитрыми ораторскими пріемами началъ излагать свои предложенія.

Мужъ и жена отрицательно покачивали головой, но, услыхавъ, что имъ будетъ выдавать по ста франковъ въ мѣсяцъ, задумались и пытливо взглянули другъ другу въ глаза.

Долго они молчали, испытывая мучительныя колебанія.

— Ну, что ты скажешь на это, отецъ?—спросила наконецъ жена.

— Скажу, что дѣло не плохое,—наставительнымъ тономъ произнесъ мужъ.

Трепетавшая отъ страха г-жа Дюбьеръ заговорила тогда о ихъ маленькомъ сынѣ, о его счастьи, о томъ, сколько денегъ онъ будетъ имъ давать потомъ.

— Эти тысяча двѣсти франковъ будутъ подписаны у нотаріуса?—спросила хозяйка.

— Разумѣется; завтра же,—отвѣчала г-жа Дюбьеръ.

Хозяйка задумалась.

— Сто франковъ въ мѣсяцъ; не великъ кушъ за нашего мальчишку; черезъ нѣсколько лѣтъ изъ него выйдетъ работникъ. Меньше ста двадцати нельзя.

Г-жа Дюбьеръ тотчасъ же согласилась. Она отъ нетерпѣнія не могла даже спокойно стоять на мѣстѣ. Ребенка она желала взять сейчасъ же, поэтому подарила имъ сверхъ всего еще сто франковъ. Мужъ писалъ въ это время условіе. Въ свидѣтели пригласили деревенскаго старосту и кого-то изъ сосѣдей. Тѣ съ удовольствіемъ исполнили эту обязанность.

И молодая женщина, сіяя отъ восторга, увезла съ собой

мальчишку, который оралъ во все горло. Такъ увозятъ обыкновенно изъ магазина безделушку, о которой давно мечтали.

Тюваши, стоя у себя на порогѣ, безмолвно и сурово провожали уѣзжавшихъ глазами. Быть можетъ, имъ стало жалко, что они отказались.

Съ тѣхъ поръ о Жанѣ Валленѣ не было ни слуху, ни духу. Родители каждый мѣсяцъ получали у нотаріуса по 120 фр. Съ сосѣдями они поссорились. Тетка Тювашъ не давала имъ проходу и срамила на чемъ свѣтъ стоитъ. Она ходила изъ дома въ домъ и говорила вездѣ, что надо быть, чортъ знаетъ, какимъ человѣкомъ, чтобы рѣшиться продать своего собственнаго ребенка, что это ужасная мерзость и просто на-просто развратъ.

Иногда она хвастливо брала своего Шарло на руки и громко разговаривала съ нимъ, точно онъ могъ что-нибудь понимать.

— Вотъ я тебя не продала, мой мальчикъ, нѣтъ, не продала! Я не продаю своихъ дѣтей. Хотя мы и не богачи, но дѣтей своихъ не продаемъ.

И такъ шло изъ года въ годъ. Каждый день выкрикивались во все горло разные грубые намеки съ тѣмъ, чтобы ихъ слышали въ сосѣдней избѣ. Тетка Тювашъ воображала теперь, что лучше ея нѣтъ женщины во всей окрестности, на томъ основаніи, что она не продала своего Шарло.

— Знаемъ, что это очень лестно,—говорили о ней;—она поступила, какъ настоящая мать.

Ее приводили въ примѣръ.

Шарло теперь было уже восемнадцать лѣтъ.

Подъ вліяніемъ постояныхъ пересудовъ, онъ выросъ съ полнымъ сознаніемъ, что онъ и самъ лучше товарищей, на томъ основаніи, что его не продали.

Благодаря пенсіи, Валлены жили припѣваючи. Тюваши бѣдствовали по прежнему; это-то и было причиной ихъ неукротимой ярости.

Старшаго сына ихъ взяли въ солдаты. Второй умеръ. Остался одинъ Шарло. Ему вдвоемъ съ отцомъ съ трудомъ приходилось прокармливать мать и двухъ младшихъ сестеръ.

Какъ то разъ—Шарло было тогда уже двадцать одинъ годъ—блестящій экипажъ остановился передъ избушками. Изъ него выскочилъ молодой человѣкъ съ золотой цѣпочкой и подалъ руку пожилой дамѣ съ сѣдыми волосами.

— Вонъ тамъ, во второмъ домикѣ, дитя мое,—сказала дама.

Молодой человѣкъ вошелъ въ лачужку, какъ свой человѣкъ.

Старуха стирала фартуки. Дряхлый, больной старикъ дремалъ у печки. Старикъ и старуха подняли головы.

— Здравствуйте, батюшка! здравствуйте, матушка!

Растерянные старики выпрямились. Отъ волненія старуха уронила даже кусокъ мыла въ воду.

— Это ты, мое дитятко?—пролепетала она.—Это ты?

Онъ обнялъ ее и еще разъ сказалъ, цѣлуя:

— Здравствуйте, матушка!

Старикъ дрожалъ.

— Такъ ты вернулся, Жанъ?—проговорилъ старикъ спокойнымъ голосомъ, какъ будто прошелъ всего какой-нибудь мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ они разстались. Старикъ всегда говорилъ спокойнымъ голосомъ.

Увидавъ сынка, старики захотѣли тотчасъ же показать его всѣмъ. Его повели къ старостѣ, къ помощнику старосты, къ священнику, къ учителю.

Шарло стоялъ у себя на порогѣ и видѣлъ, когда тотъ проходилъ мимо.

Вечеромъ, когда сѣли за ужинъ, онъ сказалъ старикамъ:

— Надо же было имѣть такую глупость, отказаться, для того, чтобы Валлены отдали своего.

— Не продавать же намъ было свое дитя,—съ укоромъ отвѣтила старуха.

Старикъ ничего не сказалъ.

— Развѣ это не несчастье, знать, что тебя загубили?

— Что-жъ, ужъ не думаешь ли ты насъ упрекать за то, что мы тебя не отдали?—съ сердцемъ проговорилъ наконецъ отецъ.

— Разумѣется, упрекаю, — грубо возразилъ парень. — Глупо. Несчастны тѣ дѣти, у которыхъ такіе родители. За это стоило бы васъ бросить.

Бѣдная женщина заплакала, нагнувшись надъ тарелкой. Она горестно вздыхала, глотая супъ, который наполовину проливала изъ ложки.

— Вотъ тутъ и бейся и рости дѣтей!

— Лучше бы мнѣ совсѣмъ не родиться на свѣтъ, чѣмъ оставаться такимъ,—грубо продолжалъ парень.—Какъ увидѣлъ я его, кровь такъ и закипѣла во мнѣ. „Вотъ кѣмъ былъ бы я теперь!“ сказалъ я себѣ.

Онъ всталъ.

— Нѣтъ, видно лучше мнѣ убраться отсюда. Съ утра до вечера буду васъ попрекать... Жизнь не въ жизнь вамъ будетъ... Простить вамъ я этого не могу во вѣки!

Старики въ ужасѣ молчали, обливаясь слезами.

— Нѣтъ, не снести мнѣ такихъ думъ, - продолжалъ парень.—Лучше поищу счастья въ другомъ мѣстѣ.

Онъ отворилъ дверь. Въ избу ворвался шумъ голосовъ. Валлены пировали по случаю возвращенія сына.

Тогда Шарло топнулъ ногой и, обернувшись къ старикамъ, прокричалъ:

— У, мужичье!

И скрылся въ ночной темнотѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Переводы М. А. Лазаревой:

А. Вальдесъ. Мароа и Марія. Романъ. Перев. съ испанскаго. („С.-Петерб. Вѣд.“ 1884 г.).

П. Аларконъ. Треуголка. Разсказъ. Перев. съ испанскаго. („С.-Петерб. Вѣд.“ 1885 г.).

Ч. Диккенсъ. Барнаби Роджъ. Романъ въ 2-хъ томахъ. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ч. Диккенсъ. Мартинъ Чозльвитъ. Романъ въ 2-хъ томахъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ч. Диккенсъ. Маленькій Пипъ (Изъ „Большихъ Ожиданій“) .Съ картин. 1893 г. Ц. 40 к.

Гёте. Миньона (Изъ „Вильгельма Мейстера“). Ц. 10 к.

Ричардсонъ. О выборѣ книгъ. 1886 г. Ц. 50 к.

Т. Бокль. О вліяніи женщинъ на успѣхи знанія. 2 изд. 1894 г. Ц. 25 к.

Мопассанъ. Призраки (Le Horla) („Россія“ 1887 г.).

Е. Дюрингъ. Женская доля. Ц. 25 к. (Печатается).

Р. Киплингъ. Его Величество. Разсказъ. („Русск. Вѣд.“ 1892 г.).

Р. Киплингъ. Ворота Ста Печалей. Разсказъ. („Рус. Богатство“. 1893 г.).

Верга. Отпѣтый. Разсказъ. („Сотрудникъ“ 1891 г.).

Грантъ Алленъ. Досуги натуралиста. Очерки. („Сотрудникъ“ 1890—1891 гг.).

Гукеръ. Ботаника. Изд. „Народной Библіотеки“. Ц. 30 к. (Печатается).

Маленькимъ дѣтямъ. Первая серія: 5 книжекъ.—Маленькій Добрунчикъ.—Рѣзвыя ножки.—Крошка Катя.—Принцесса Скокъ-Скокъ-Скокъ.—Впередъ! Маршъ-Маршъ!—Передѣлка съ англ. Съ хромолитографіями 1894 г. Ц. 10 к. за книжечку.

Маленькимъ дѣтямъ. Вторая серія: 6 книжекъ съ хромолитографіями. Передѣлка съ англ. Ц. 15 к. за книжку.

Цѣна **1** р. безъ пересылки,
съ пер. **1** р. **25** к.

Складъ изданія: въ типографіи Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°**,
въ Москвѣ, Пимсновская улица, собст. домъ.